

Олег. Путь к себе 3

Сабина Янина

18+

Сабина Янина
Олег. Путь к себе книга третья
Серия «Первый шаг
за горизонт», книга 4

*<https://litres.ru/73727342>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Оставшиеся главы планирую публиковать по воскресеньям. Продолжение истории о молодом атеисте учёном-астрофизике, который за совершённый проступок был сослан в монастырь, где вместе со своим наставником - настоятелем монастыря отцом Окимием сделал открытие, перевернувшее его представление о происхождении Вселенной и человека.

И теперь, когда человечество находится на грани эволюционного перехода, Олег, ставший при постриге в монашество Олафом и получивший благословение умирающего наставника, должен определить и показать людям путь необходимых преобразований.

Присваиваю книге рейтинг 18+ не из-за того, что там нецензурная брань или излишне откровенные сцены. Книга — раздумье о важном для человека, может быть, спорном. По крайней мере, читать её лучше людям взрослым.

В конце книги, в кульминации, возможно, присутствует описание жестокой сцены.

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2. Разговор, который меняет всё	30
Глава 3. Оставь собаку, всяк сюда входящий или пройти мимо, чтоб остаться	62
Глава 4. Герань и запах ванильного печенья	95
Глава 5. Испытание Фивием	117
Глава 6. Планы и задачи	136
Глава 7. Браслет духовности	161
Глава 8. Вызов Фивия	179
Глава 9. Дым над куполом	199
Глава 10. Предательство	228
Глава 11. Четвёртое июля	249
Глава 12. Принятие	276
Глава 13. Я объявляю войну	292
Глава 14. День решений	327
Глава 15. Молитва слова и молитва дела	355
Глава 16. Живите в радости	381
Глава 17. Возвращение угрозы	404
Глава 18. Проклятие Фивия	432
Глава 19. Исчезновение	451
Глава 20. Ультиматум	476
Глава 21. Искупление	497
Глава 22. Покушение	518

Сабина Янина

Олег. Путь к себе

книга третья

Глава 1. Пробуждение

Я обнял жену и прижался лицом к её маленькой упругой груди. Почувствовал чуть сладковатый аромат родного тела и задохнулся от наслаждения.

— Фёка...

Она тихо засмеялась и отстранилась. Её золотисто-рыжие волосы искрились, словно на солнце, их кончики щекотали шею.

Я привстал, потянулся к ней, а она вдруг стала отдаляться. Её локоны вспыхнули, и вот уже не любимая, а огненный шар сиял мне прямо в глаза.

— Фёка!

— Я жду тебя... — донеслось издалека.

Сердце сжалось. Я рванулся следом, но что-то не отпустило, крепко вцепившись за ворот рубахи.

— Фёка!

— Будя, будя! — услышал сквозь сон голос и почувствовал, как кто-то дёргает меня за воротник.

Я приоткрыл глаза. Надо мной наклонился дед Анисим со свечой в руке, её яркое пламя слепило.

Я зажмурился, застонал и перевернулся набок.

— Чего тебе? — спросил, ещё надеясь снова окунуться в сон.

— Как чего? Утро уже. Вставать давно пора.

Фёка всё ещё стояла перед глазами, и у меня не было ни сил, ни желания прогнать её родной образ. Я уткнулся в подушку.

— Слышишь, что ли?

«Вот пристал. Теперь не отстанет», — подумал я, вздохнул и сел.

— Ещё скажи, что отец Окимий всегда в пять вставал.

— А то! Позднее пяти и не поднимался. Редкостной души был человек.

Дед Анисим — худой старик в широкой рубаше, которая спускалась поверх штанов почти до колен, делая его тщедушную фигуру ещё меньше, с укором смотрел на меня. Его пегая бородёнка недовольно топорщилась растрёпанным венником.

— Сами же просили разбудить пораньше. К поезду проспите, а я виноватый буду. Вставайте уже.

Я помотал головой, отгоняя остатки наваждения сна.

— Да. Спасибо, дед Анисим. Ступай. Я сейчас приду.

Видя, что я окончательно проснулся, он подошёл к напольному канделябру и от своей свечи зажёг на нём свечи.

— Дед Анисим, а зачем в комнатах канделябры? В обсерватории же электричество есть.

Дед даже выпрямился от негодования.

— Это как же? Зачем зря свет жечь, когда свеча рядом? Отец Окимий этого никогда не одобрял. Электричество для приборов там. А в жилой комнате как без свечи? Свеча — она же живая. Пламя всё зло отгонит и душу успокоит. Как без свечи-то?

Дед, похоже, совсем расстроился.

— Ладно, это я так спросил. Свеча так свеча. Мне без разницы, — и, помолчав, добавил: — даже приятнее. Тепло от неё на душе.

— То-то, — просиял дед и зажёл остальные свечи.

В комнате посветлело, зато тьма за оконцем сгустилась. Ни огонька.

— Одевайтесь. Я на кухне буду. Позавтракаете — да в дорогу, — сказал он и вышел.

Я глянул на браслет и подскочил. Через полтора часа прибывает поезд. Не опоздать бы!

После завтрака я вышел из обсерватории и остановился, с удовольствием вдыхая холодный воздух. Январь в этом году выдался хороший: морозы несильные и снега достаточно, чтобы укрыть всё живое. Вот и сегодня. Ещё темно, но звёзд не видно. Небо затянуло пеленой, и из неё, медленно кружась, падали крупные снежинки. Они засыпали всё: и горы, тесно обступившие обсерваторию; и спящие дома поселен-

цев; и палисадники их дворов со снежными горбами кустов; и дорогу, убегающую вниз к станции.

Среди этой белизны только одинокий силуэт монастырской лошадки, запряжённой в сани, темнел у дороги. Тихо. Всё спит. Мороз пробрался под куртку, я поплотнее запахнулся, поднял повыше воротник и пошёл к саням.

«Сегодня похолоднее будет, — подумал, слушая, как в тишине хрустит под ногами снег. — Где же Егорий? С вечера же договорились. Поезд через час, а его нет! Не хватало ещё опоздать, а человек будет на станции мёрзнуть. Где его носит? Всё у него не слава Богу. Ладно, один поеду», — решил я и прибавил шаг.

Но, подойдя к саням, услышал мерное сопение.

Егорий — молодой, двадцатидвухлетний бугай, за рост, силушку, преданность и добрый нрав назначенный по наказу нашего монастырского духовника — отца Ануфрия — моим охранителем после нападения на меня, безмятежно спал в обнимку с вместительным мешком, чем-то доверху набитым.

Егорий поднял голову, потёр глаза. На его правой щеке отпечатался след от мешка.

— Ой! Брат Олаф, уже? — спросил он, зевая. — А я соснул маленько.

— Вижу, что уснул. Опять всю ночь колядовал?

— Ага! — радостно заулыбался он и хлопнул по мешку. — Вон сколько с Люсенькой насобирали.

— Ну, молодцы. Вы что ж, вдвоём ходили?

— Да не, зачем вдвоём? — ответил он, вылезая из саней.

Сунул мешок в угол, достал тулуп, на котором спал, и встряхнул его. — С нашего Васька с Алёнкой ещё, а как в нижнее пришли, так там ребят понабежало — тьма.

— И каждый по такому мешку наколядовал? — удивился я, забираясь в сани, на нагретое Егорием место.

— Зачем каждый? Кому что. Только у нашей-то Люсеньки голосок, дай Бог каждому! Ей чаще других угощения и доставались.

Егорий набросил на меня тулуп и отошёл к лошади, поправить упряжь.

— Так это Люсеньки мешок? Она его тебе отдала по доброте душевной? — спросил я, устраиваясь удобнее под тулупом.

— Зачем отдала? Она мне оставила, чтоб я всё поделил. Уж я Люсеньку не обижу, — голос его ласково дрогнул. — А что девушке такие тяжести таскать? Да и потом, я тоже подсоблял. Мы вдвоём так складно пели, любо-дорого. Вы не смотрите, будто я увалень какой. Голос у меня зычный, ого-го какой! Хотите послушать? — он откашлялся и набрал полную грудь воздуха.

Я испугался, что он ором всех перебудит, и поспешно сказал:

— Нет, Егорий. Я и так верю. Спят ещё все. Перепугаешь всю округу. Поедем уже, а то к прибытию опоздаем.

Парень недовольно кивнул, запрыгнул на облучок.

— Так уж и перепугаю. Не слышали, а судите, — проворчал себе под нос и вдруг от души зевнул.

Мне стало жаль его.

— Может, ты спать пойдёшь? Всю ночь не спал. Я один прекрасно доберусь. Здесь ехать-то всего ничего.

— Вот ещё! У каждого своя работа, негоже отлынивать, — сердито ответил он и прошептал себе под нос: — Вечно вы от меня избавиться хотите, — и тряхнул вожжами: — Но, милая!

Кобылка потопталась на месте, и сани, дрогнув, покатались по наезженной дороге с горы, к железнодорожной станции.

Ехать было хорошо. Сани легко скользили по накатанному насту. Уткнувшись в тулуп, я подрёмывал, слушая, как Егорий разговаривал сам с собою, возясь в мешке.

— Вот это да! Это Люсеньке, больно она любит сдобные калачи. И яблоки. Ай да яблоки, — он с шумом вдохнул воздух, — антоновка, — обернулся ко мне, — хотите яблочка? — и протянул мне несколько крупных бледно-зелёных, словно наполненных белым соком, плодов. — Вона как пахнет.

Я взял одно.

— Спасибо, — гладко-упругое оно приятно холодило руку. — Надо же, как хорошо сохранилось.

— Антоновка, — парень пожал плечами.

Я надкусил. Сок не наполнил рот, как это бывает, когда

только сорвёшь спелое яблоко, но всё равно оно было таким приятно душистым, что я с удовольствием съел его.

Егорий пересмотрел все трофеи и, удовлетворённый, потуже завязал мешок.

— Хорошо наколядовали. Люсенька обрадуется.

— Ты чего его с собой-то взял? Оставил бы в обсерватории.

— Ага, щас, чтоб кто утянул, — он недовольно глянул на меня.

Я рассмеялся.

Мы ехали молча. Тихо. Я пригрелся под тулупом. Лёгкий скрип полозьев и покачивание саней убаюкивали. В голове мыслей не было. Я смотрел на крупные снежинки, которые падали, медленно кружась, пока не задремал.

— Эх, скорее бы купили вездеходы, — вдруг со вздохом сказал Егорий и разбудил меня, — сейчас бы в десять минут обернулись, и спать, — он потянулся.

— Что ты, Егорий, а как же лошади? Твоя профессия? Ты ж у нас ветеринар.

— А что лошади? Они не только чтоб работать, но и для красоты жизни. Вот выдастся минутка, другая прогулять лошадку — и себе польза, и лошадке хорошо. Природа! Это понимать надо.

Я, соглашаясь, кивнул, поудобнее устроился и сказал:

— Ладно, расскажи лучше, как у тебя практика у нашего ветеринара.

— Какая там практика, — махнул он рукой.

— Как какая? Я разговаривал с братом Титом. Он обещал дать тебе работу. Для практики. Ты был у него? — я повернулся к парню.

— Ну да, был, — понуро ответил тот, — только нету никакой практики.

— Неужели он ничего тебе не доверяет? У тебя же специальное образование, — удивился я.

— Почему ничего? Вона, — он кивнул на спящие ещё дома, мимо которых мы проезжали, — целое верхнее поселение.

— И что? Чем ты недоволен?

— Да как это чем! — Егорий глянул на меня возмущённо. — Стада-то все монастырские. За нижним числятся! — он махнул в сторону монастыря и обиженно замолчал.

— А в верхнем-то поселении что? Живности нет?

— Почему нет. Есть, — он с досадой сдвинул шапку на затылок. — Только в верхнем скот-то весь в личных хозяйствах.

— Ну и? — недоумённо спросил я.

Егорий недовольно глянул на меня и с досадой встряхнул вожжами:

— Но пошла!

Лошадка припустилась рысью.

— Егорий, объясни толком.

— Чего объяснять-то? Сами посудите! В нижнее мне до-

ступа нет, а если что с животинкой тут случится, так все бегут в нижнее, к брату Титу. У него опыт и всё такое. Кому охота рисковать своим-то? Меня и не знают совсем, что я за ветеринар такой. А как тогда и узнают, спрашивается? — он обиженно покрутил головой.

— Да-а-а. Ситуация. А я слышал, в прошлом месяце ты помогал на отёле?

— Было дело, — оживился он. — У Марфы первотёлка долго не могла отелиться. Брата Тита позвали, а он что-то опоздал. Занят был, что ли? Так я тёлочке и помог, — Егорий заулыбался. — Хозяйка осталась довольна. Почитай с того раза нет-нет кто и позовёт меня посоветоваться.

— Вот видишь! Всё наладится, дай время. Проявишь себя, и тебя признают, — я плотнее завернулся в тулуп.

— Так-то оно так, — неохотно согласился он, — тока когда это будет?

Какое-то время мы ехали молча. Только слышалось сопение и тяжёлые вздохи Егория. Я глянул на него. Он посматривал на небо и сокрушённо качал головой. Я чувствовал, что парень о чём-то хочет спросить, но не решается.

Не выдержав его вздохов, я спросил:

— Ты что, Егорий? Спросить, что ли, хочешь?

— Да не, я так, — смутился тот.

— А что вздыхаешь?

— Да тут... Тока не сердитесь! Я знаю, вы в такое не верите. Только в нижнем, на колядках, говорили: знамение было!

— Что ещё за знамение?

Егорий обернулся ко мне и, заговорщически понизив голос, словно выдавая страшную тайну, сказал:

— Говорят, комета летит к Земле на бешеной скорости. За грехи наши конец света скоро!

— Ерунда какая. Не верь. Не первый раз около Земли пролетают кометы. И не в последний. Ничего страшного в этом нет.

— Так-то оно так. Только боязно. Говорят, то особая комета.

— Кто говорит-то?

Егорий замялся, но ответил:

— Да встретили мы брата Фисту. Наверное, очень шумели, он осерчал на нас и сказал.

— Ну так чему верить-то? Сам говоришь, что рассердился. Просто хотел вас приструнить.

— Может, и так, — парень почесал затылок, — только я сам слышал в новостях про комету-то, — и, помолчав, добавил: — И потом брат Фиста — доверенное лицо брата Фивия, а брат Фивий — очень уважаемый человек. Не может быть, чтобы соврал.

— Соврать не соврал, а слышал звон, а не понял, о чём. Ошибся. Была бы реальная угроза, объявили бы официально. А никаких объявлений не было.

— Не было, — кивнул Егорий.

— Ну, брат, и не бери в голову.

Егорий кивнул и задумался.

Какое-то время ехали молча. Потом снова беспокойно заёрзал. Я глянул на него, но ничего не спросил. Захочет, сам скажет.

— А друг-то ваш Георгий, он тоже учёный, как вы, астрофизик? — наконец, спросил он.

— Да, мы раньше вместе работали. Очень хороший учёный.

— Вот у него и спросим. В Элизии-то уж всяко знают про комету.

Я кивнул:

— Спросим.

Поезд приходил точно по расписанию. Мы как раз успели за пять минут до прибытия. Прохаживаясь по потрескивающему деревянному настилу, припорошённом снегом, я ещё издали увидел стальную стрелу состава, разрезающую снежное поле. А через пару минут поезд остановился у платформы.

Два прозрачных лифта бесшумно спустились из соседних вагонов: со второго и с третьего этажей поезда.

Из ближнего к нам вышел высокий худой мужчина. Я пригляделся и по залихватски закрученным чёрным усам узнал Георгия.

Он поднял руку. Я ответил и быстро пошёл к нему навстречу. Как давно мы не виделись! Сколько всего произошло. Сердце радостно забилося. Мы обнялись. Я отодвинул

его, разглядывая. Он нисколько не изменился. Этот черноглазый брюнет, худой и высокий, как жердь, с замечательным попугайским носом, нависающим крючком над верхней губой постоянно улыбающегося большого рта, был некрасив, но столь обаятелен, что сразу располагал к себе.

— Здравствуй, Георгий! Как я рад, что ты приехал!

— Здравствуй, дорогой, — он похлопал меня по плечу.

— Разве я мог не приехать, когда другу нужна помощь!

— Спасибо! — ответил я и вздрогнул от вопля Егория.

— Батюшка! Отец Ануфрий! С выздоровлением! Что же вы не сообщили, что приезжаете?! Мы бы вас всем миром встретили! — кричал Егорий.

Я обернулся.

Парень опрометью кинулся к соседнему вагону, где стоял маленький человечек, закутанный в тёплый серый платок.

— Отец Ануфрий! — воскликнул я. — Прости, Георгий, я сейчас! — сказал я и бросился к старцу.

Егорий опередил меня.

Отец Ануфрий, смеясь, отбивался от его объятий.

— Будет, будет, Егорий. Что ты!

— Благословите, батюшка!

Отец Ануфрий с молитвой перекрестил его.

— Здравствуйте, отец Ануфрий! — подходя, я радостно глянул в по-детски лучистые, смеющиеся синие глаза старца и припал к его руке.

Получил благословение и обернулся к Георгию.

Он смотрел на нас и улыбался в пушистые усы, быстро покрывающиеся инеем.

Я махнул ему.

Георгий подошёл к нам.

— Вот, отец Ануфрий, позвольте представить вам моего давнего друга и соратника Георгия. Я от монастыря заключил с ним договор. Будем работать вместе. Георгий, познакомься — отец Ануфрий, наш монастырский духовник.

Отец Ануфрий внимательно и строго посмотрел на Георгия. Тот неловко переступил с ноги на ногу, не зная, как себя вести в такой ситуации.

— Здравствуйте, дорогой! — наконец сказал он и смутился.

Егорий прыснул в кулак. Георгий покраснел, а отец Ануфрий улыбнулся.

— Здравствуйте, Георгий. Рад, что брат Олаф теперь будет не один. Он давно мечтал о соратнике. Добро пожаловать.

И обернулся к нам с Егорием:

— Ну, пора и в путь.

Мы пошли к саням. Отец Ануфрий впереди, Егорий рядом с ним, пытаясь поддерживать. А мы с Георгием следом.

— Егорий, угомонись наконец, — сказал отец Ануфрий, — что ты как юла под ногами крутишься.

— Так как же! Скользко-то как. Того и гляди упасть можно.

Он быстро спустился с обледеневших ступеней привокзального перрона и протянул руки к старцу, будто хотел подхватить его, как ребёнка.

— Егорий, — строго поглядел на него отец Ануфрий.

— Хоть обопритесь, — чуть не со слезами на глазах сказал тот.

Отец Ануфрий покачал головой, но взял протянутую руку Егория и осторожно спустился.

Так они и пошли: неуклюжий, как медведь, парень, казавшийся огромным рядом с маленькой, укутанной фигуркой старца.

— Садитесь, садитесь, — хлопотал Егорий, бегая вокруг саней и помогая отцу Ануфрию забраться.

— Егорий! — окликнул я его, когда он, устроив отца Ануфрия, направился на облучок.

— Познакомься, Георгий. Это Егорий — отличный парень, мой охранитель, — сказал я, когда Егорий подошёл к нам.

Они пожали друг другу руки.

— Ты что-то хотел спросить у Георгия-то? — напомнил я, улыбаясь.

— Да не, — косясь на отца Ануфрия, ответил тот, покраснев. — Это я так.

— Ладно. Поехали.

Мы хотели укрыть старца тулупом, но тот категорически отказался. И только когда все трое, тесно прижавшись друг

к другу, укрылись меховой шубой, успокоился и разрешил трогаться.

Егорий повёз нас в монастырь: сначала надо было доставить нашего духовника.

— Мы не ждали вас сегодня, отец Ануфрий. Что же вы не сказали никому? — спросил я.

— Что людей беспокоить? Утро раннее. Пока приеду. Может, думаю, оказия будет в монастырь или поселения, а ежели что, тогда и сообщу со станции. Вот как раз и вы Георгия встречаете. Вместе и поедем.

— А как ваше здоровье? Зрение удалось восстановить?

— Благослови Господь докторов наших, — кивнул старец, — один глаз хорошо видит, а другой, сказали, через полгода приезжать. Возраст. Сразу на двух операцию нельзя делать. Да там посмотрим. Может, и так, Бог даст, славно видеть буду.

— Что вы, что вы, отец Ануфрий! — воскликнул Егорий, поворачиваясь к нему. — Обязательно надо будет ехать! Это ж глаза! Куда без них?

Отец Ануфрий, улыбаясь, кивал.

— А как у нас дела в монастыре? — спросил он и посмотрел на меня.

Я смутился. Сердце тревожно шевельнулось в груди. Я не писал отцу Ануфрию про бунт поселенцев против нового устава общины, и теперь мне было неловко смотреть ему в глаза. Но надо рассказать. Хотя Фивий наверняка давно уже

обо всём доложил, и с радостью. И всё же...

— Вам, должно быть, уже сообщил брат Фивий, — начал я и посмотрел на старца, ища подтверждения, но он только строго глядел на меня.

Я вздохнул и выпалил:

— Не получилось у меня ничего, отец Ануфрий. Я вынужден был приостановить действие нового устава. Надо скорректировать некоторые положения. Учесть пожелания поселенцев. Вот Георгия пригласил. Очень ему благодарен, что согласился. Будем вместе работать.

Отец Ануфрий покачал головой. Я не понял, одобряет он или нет, и поспешил объяснить.

— Георгий мой друг и не просто друг. Он незаменимый напарник во всех делах, ещё со времён нашей работы в обсерватории Наукограда. Такого другого творческого ума и умелых рук, способных воплотить любую мечту-идею, я не знаю больше ни у кого.

— Брось, дорогой, — засмутился Георгий.

Я дружески хлопнул его по плечу.

— Я очень рад, что Георгий приехал. Нам всегда было интересно работать вместе. Мы понимаем друг друга с полуслова, — верно, Георгий?

— Всё верно, дорогой, — кивнул тот.

— Да и то, над чем мы работали с отцом Окимием, и моя теперешняя работа во многом пересекаются с нашей с Георгием работой в обсерватории Наукограда, до моей... — я за-

мялся и потёр лоб, подыскивая слова, — до моего приезда сюда. Так сказать, изучали одну проблему, но с другой стороны. Может, потому отец Окимий и организовал мой приезд именно сюда, в свой монастырь[i]. Только нашу работу в Наукограде прикрыли. Так что сейчас сможем её продолжить и закончить.

— Дай Бог, дай Бог, — кивнул отец Ануфрий и повернулся к Георгию, — не боязно вам в такую даль ехать? Семьи-то пока нет?

— Нет, не боязно, — улыбнулся Георгий. — Вообще думаю, что любое дело в жизни нужно заканчивать. А у нас с Олегом осталось очень важное незаконченное дело. И да, — он смущённо потеревил ус, — женат я, — и, помолчав, добавил: — Отец Ануфрий, — и вопросительно глянул на меня.

Я одобряюще кивнул.

Отец Ануфрий улыбнулся:

— Это правильно. А детки есть?

— Двое. Мальчишки, — голос его потеплел. — Близнецы.

— Очень хорошо! Что же семью не взяли с собой?

— Маленькие ещё. Пусть немного подрастут. Летом. Может, ближе к осени переберутся ко мне. Сейчас холодно. И переезд неблизкий.

Отец Ануфрий понимающе кивнул.

Как ни хотел отец Ануфрий вернуться незаметно, это ему не удалось.

За поворотом, у перекрёстка с дорогой, ведущей из ниж-

него поселения в монастырь, мы чуть не столкнулись с санями.

— Тпру! Тпру! Куды! Куды прёшь! Нечистая сила! Ослеп, что ли?

Егорий торопливо останавливал.

Лошади приседали, ржали, задирая головы. Заскрипели полозья. Переполошённые люди ругались.

Наконец, сани остановились.

Встретившийся нам возчик сердито привстал на козлах и, приглядевшись, вдруг бросил поводья и поспешил к нам, причитая:

— Батюшки святы! Отец Ануфрий вернувшись! А я-то сослепу!

За ним и остальные поселенцы высыпали из саней.

— Здравствуйте, отец Ануфрий!

— С возвращением!

— Здравствуйте, брат Олаф!

— А мы в мастерские! На работу!

— Как ваше здоровье, отец Ануфрий?

Люди обступили нас, радостно приветствовали старца, уважительно здоровались со мной, просили благословения, а отходя, с любопытством поглядывали на Георгия. Видно было, что очень хотели узнать, кто это с нами, но стеснялись спросить. Кто-то сообщил по браслету в монастырь, и вот уже на всю округу раздался торжественный колокольный звон, прогоняя остатки ночи.

Отец Ануфрий недовольно покрутил головой.

— Встречают! Встречают! Поехали!

Все спешно расселись по саням. Я заметил, что возчик со встретившихся нам саней, отходя, ткнул Егория кулаком в бок и прошипел:

— Аккуратнее езжай, орясина! Не дрова везёшь, — и, сердито зыркнув на него, захрустел валенками по снегу, пошёл к своей телеге.

Егорий, потирая бок, забрался на козлы. Нас пропустили вперёд, и мы тронулись.

— Это тебя, что ли, так встречают? С колокольным звоном? — удивлённо прошептал мне на ухо Георгий, когда всё успокоилось и сани, мерно покачиваясь, друг за другом поехали дальше.

— Да нет, вряд ли. Отца Ануфрия. Его здесь все знают с малолетства и очень любят. Он всем как отец родной. Он же духовник, люди на исповедь обычно к нему. Как говорится, и в радости, и в горестях. Скольким он помог словом и делом, и не сосчитать. Вот его и почитают почти как святого.

— Да? — Георгий уважительно покосился на щуплую фигурку монаха.

А тот от смущения ещё больше ссутулился и спрятался в пуховой платок, которым был покрыт и опоясан вокруг зимней рясы.

Мы тряслись в санях. Дорога хоть и накатанная, но у монастыря пошла в гору, и лошади шли с видимым усилием.

Наконец показалась белая монастырская стена, и минут через десять полозья заскрипели по мосту, перекинутому над рвом, окружающим её. И мы проехали под уже затихшей звонницей.

— Отец Ануфрий, может, к гостевому домику? Передохнёте с дороги, покушаете? — спросил я.

Егорий чуть притормозил и обернулся.

Старец освободил от платка лицо и, улыбаясь, кивнул:

— Вот и ладно. Останови, брат Егорий, у гостевого домика. Вы с Георгием передохните, погрейтесь. Монахи вас покормят. Вам ещё обратно ехать, а мы с братом Олафом к храму. Негоже заставлять людей ждать. Хорошо, брат Егорий?

— Сделаю! — отозвался парень и сразу за колокольной свернул на объездную монастырскую дорогу — внутреннюю, идущую вдоль стены. — Только чего ж мне отдыхать-то. Пусть вон Георгий отдыхает, а я при брате Олафе должен быть. Вы ж сами наказывали, отец Ануфрий.

Старец, улыбаясь, наклонил голову.

Георгий повернулся ко мне и зашептал:

— Что я один буду сидеть в вашем гостевом домике? Лучше я с вами. Или не монахам не положено?

— Почему не положено? — тихо ответил я. — В монастыре не только монахи, но и поселенцы приходят в храм помолиться. А ты чего не хочешь отдохнуть с дороги? Чаю выпьешь, позавтракаешь.

Георгий замотал головой.

— Ну, как хочешь.

Егорий уже останавливал сани у одноэтажного домика. Несмотря на ранний час, в его окошках горел приветливый огонёк. Из трубы прямо вверх поднимался столб дыма, и вкусно пахло свежеиспечённым хлебом.

Я прошептал Георгию на ухо:

— Чувствуешь, как вкусно пахнет? Может, передумаешь с нами идти?

Он отрицательно покачал головой.

Мы вылезли из саней. Егорий вытащил попону, на которой мы лежали, встряхнул её и накрыл ею разгорячённую лошадь, заменив прежнюю.

— Пусть передохнёт чуток.

— Отец Ануфрий, Георгий хотел бы с нами пойти. Вы не возражаете?

Старец повернулся к Георгию, глянул на него смеющимися глазами:

— Дорога к храму никому не заказана.

Георгий смутился. А я улыбнулся, вспоминая себя прежнего. Конечно, не к храму он шёл, просто ему любопытно было. Думаю, никогда раньше Георгий не был ни в монастыре, ни в храме.

По дороге к Соборной площади в предрассветном сумраке нам то и дело попадались монахи и поселенцы, спешившие туда же. Заметив нас, они подходили за благословением, и постепенно вокруг нас образовалась толпа.

Егорий, передав наш транспорт монастырскому конюху, сейчас почувствовал свою важность и, выпятив грудь, шёл впереди, покрикивая:

— Дорогу! Дай дорогу! Не напирай!

Я чуть отстал, пропуская отца Ануфрия вперёд, понимая, что вся любовь и радостное почтение людей были направлены на него. И вдруг остро почувствовал себя пришлым, ненужным здесь никому человеком. Но это чувство быстро растворилось в том море человеческой любви и доброты, которая словно волнами исходила от маленькой фигурки старца. Почти физически ощущалось, как эти волны касались людей, толпившихся вокруг, и рождали в них ответные круги радости, которые растекались по всей площади. И как разбегались эти круги, так тянулись, как магнитом, люди к эпицентру этого человеческого чуда — отцу Ануфрию. На душе стало тепло и радостно.

Старец остановился и, кротко улыбаясь, благословлял подходивших людей.

А они спешили к нему со всех сторон. Но это было не безумие толпы, а всеобщая нежность и бережность, которая заставляла не толкать друг друга локтями, а поддерживать.

Набрав полную грудь благодати благословения, они тихо отходили, давая место другим, но отходили недалеко, подсознательно храня в себе духовную связь с этим живительным источником.

Постепенно толпа встречающих отца Ануфрия разрослась

до ступеней лестницы, ведущей к храму.

Я посмотрел наверх. На верхней ступени стояли должностные монахи. За ними и в обе стороны вдоль храма — монахи. Чёрное покрывало их монашеских одежд расползлось, охватывая святое место, словно отгораживало его собою от других, чуждых им существ.

Но вот волна радости площади докатилась и до этого покрывала. Оно вздрогнуло, всколыхнулось и заструилось вниз по ступеням. Из него стали явственно проступать светлые улыбающиеся лица.

Только строгие фигуры членов монастырского совета, казалось, окаменели, словно ничто человеческое на них не влияло.

Но нет. Произошло движение и среди них.

Вот и Фивий. С достоинством опираясь на посох, он степенно спустился с лестницы и торжественно пошёл к старцу. Толпа расступалась перед ним и застывала по обеим сторонам, словно круги радости, коснувшись его, замерзали в богобоязненном почтении. Стихли приветственные крики и даже шёпот. В тишине слышен был только хруст снега под ногами Фивия и его верного помощника и вездесущей тени — Фисты, который следовал за ним, почтительно приотстав на полшага.

— Это кто же будет? — удивлённо шепнул Георгий. — Такой молодой и такой важный?

— Это заместитель мой — Фивий.

— М-да, — прищёлкнул языком Георгий. — С виду наш ровесник, а такой... не знаю, какое и слово подобрать.

— Настоящий настоятель, не то что я? — улыбнулся я.

Георгий кивнул и улыбнулся в ответ.

— Ты прям как дед Анисим.

— А дед Анисим кто?

— Ну... можно сказать, мой наставник по монастырским делам. Я же здесь недавно. Все порядки и обычаи ещё не знаю. А деда Анисима мне от отца Окимия — бывшего настоятеля — вроде как по наследству передали, как советника.

Георгий кивнул.

Фивий подошёл, остро и быстро глянул на меня и чуть склонил голову в приветствии. Полоснул взглядом Георгия, словно бритвой по лицу. Я глянул на друга, тот побледнел и поджал губы. Я незаметно взял его за руку и почувствовал благодарное, ответное рукопожатие.

— Храни Господь, отец Ануфрий! — сказал Фивий. — С возвращением!

— Здравствуй, брат Фивий. Здоров ли?

— Слава Богу, — наклонил голову тот, — благословите.

Отец Ануфрий с молитвою перекрестил его.

— Устали с дороги? Пойдёмте, я вас провожу. Я велел, чтоб всё в трапезной подготовили.

— Благодарствую, брат Фивий, но я сначала к себе. Отдохну с дороги, а в трапезную попозже с братьями.

Фивий отступил, давая место последовавшим за ним членам совета, и подошёл к нам с Георгием.

— Здравствуй, брат Олаф! Как здоровье?

— Спасибо. Твоими молитвами.

— А это кто с тобой? Познакомишь?

— Конечно. Георгий. Мой коллега по Наукограду. Он будет работать в обсерватории по договору.

— Очень интересно, — процедил сквозь зубы Фивий.

— Георгий, познакомься — мой заместитель — Фивий.

Георгий ничего не ответил, только кивнул.

— Ладно. Меня ждут неотложные монастырские дела, — Фивий приосанился и гордо посмотрел на нас. — Как-нибудь загляну к вам. Интересно будет увидеть, над чем вы там работаете. Как минута свободная выдастся, — он тяжело вздохнул и отошёл к отцу Ануфрию.

— Ну, старец дома, в надёжных руках, — усмехнулся я, — пора и нам.

— Отец Ануфрий, мы поедем? — шепнул я старцу, тихонько подойдя.

Тот посмотрел на меня, улыбнулся и кивнул. Он уже был у себя дома. С людьми, которых любил всю свою жизнь и которые любили его.

[i] О том, как Олаф попал в монастырь, читайте в «Олег. Путь к себе» книга первая.

Глава 2. Разговор, который меняет всё

К обсерватории мы добрались, когда рассвело. Сани, преодолев крутой подъём, въехали на плато, широким уступом выступающим от горы.

— Тпру! Милая, — Егорий потянул вожжи на себя.

Лошадь фыркнула, из её ноздрей вырвался тёплый пар. Она переступила с ноги на ногу и встала.

Егорий повернулся к нам:

— Приехали!

Я глянул на Георгия. Тот с головой укрылся тулупом. Видно, пригрелся и заснул. Я растолкал его.

— Приехали. Заснул?

Из шубы показалась его голова.

— Извини, дорогой. Утомился. Дорога долгая, да ещё столько впечатлений.

Он потёр глаза руками, спрыгнул на снег и потянулся.

— Это ты меня извини, — ответил я, выбираясь следом из саней. — Не привёз тебя сразу в обсерваторию, отдохнуть. Никак не думал, что встречу отца Ануфрия. Но, оставить его на станции ждать подводу из монастыря, сам понимаешь.

— Что ты, дорогой! Я понимаю, — ответил Георгий и обернулся.

В этот момент пелена расступилась, и выглянуло солнце. В центре плато под лучами сверкнул огромный кристалл купола обсерватории. Я покосился на Георгия. Он изумлённо замер, даже рот приоткрыл. Я улыбнулся. Вспомнил, как сам был поражён, в первый раз увидев это величественное сооружение. Да и кто бы мог ожидать подобное в такой глуши?

— Слушай! Она больше, чем у нас в Наукограде!

— Ага, — кивнул я.

Он, как заворожённый, пошёл к молочно-матовой стене, в которой, словно в огромном кубе льда, ничего не отражалось.

— Брат, Олаф! — окликнул меня Егорий.

Я повернулся к нему.

— Я ща, до конюшни и обратно.

— Давай, — махнул я. — Только не задерживайся. Мы ждём тебя к завтраку.

— Я быстро! — ответил Егорий и тронул вожжи. — Но, милая! Домой!

Сани рванули с места. Не прошло и минуты, как они скрылись за поворотом. Я удивился. К станции едва плелась. А сейчас, то ли сани стали легче, то ли оттого, что лошадка почувала близко тёплый кров и душистое сено. Вон как припустилась. Только полозья закрипели.

Я повернулся к Георгию. Он шёл к обсерватории, но сбился и пошёл в противоположную от входа сторону.

— Георгий! — позвал я его. — Иди сюда!

Он догнал меня. При нашем приближении стеклянные двери бесшумно открылись, пропуская внутрь.

Здесь было тепло и очень светло. За конторкой, как и несколько лет назад, когда я в первый раз пришёл в обсерваторию, сидел дед Анисим и читал газету.

Я увидел лицо оторопевшего Георгия и засмеялся про себя. Как мы похожи. Дети цивилизации. Что-что, а увидеть старичка с газетой в руках и с допотопными очками на носу в храме науки, каким для нас была обсерватория, совсем не ожидаем.

Мы подошли.

— Познакомьтесь. Георгий — мой друг и коллега. Дед Анисим — мой помощник, можно сказать, наставник, — усмехнулся я в усы. — Прошу любить и жаловать.

— Здравствуйте, — чуть запинаясь, сказал Георгий.

Я удивлённо покосился на него: похоже, дед ему не приглянулся, если обошлось без «дорогой».

Дед строго посмотрел на него поверх очков, степенно сложил газету и сказал:

— Добро пожаловать. Что ж так припозднились? Какой час вас жду.

— Да мы отца Ануфрия встретили на станции, а потом провожали в монастырь, — ответил я.

— Вернулся, родимый?! — подскочил на месте дед. Всю его строгость как рукой сняло. — Как он? Жив-здоров? Глаза-то вылечил?

— Только один. Потом надо будет ещё ехать. Пока врачи велели отдохнуть после операции. Возраст. Сам понимаешь.

— Ну, да, ну да. Добро! Один и то хорошо, а то, он сердешный, совсем глазами-то слаб стал. Идите, — подхватился дед, суетясь, — умойтесь с дороги, да в кухню приходите. Всё уже давно готово. Небось, простыло. Пойду, гляну. Подогрею, ежели что, — и он поспешил на кухню.

— Пойдём, Георгий. Покажу твою комнату, — сказал я и повёл друга в свои бывшие покои.

После смерти отца Окимия и назначения меня его преемником, я должен был поселиться в покоях настоятеля, как бы мне и ни хотелось оставить их нетронутыми: не мог я забыть тот день...

Как сейчас, помню ярко освещённую маленькую комнатку: вечер ещё не наступил, но горели лампы под иконами и все свечи в канделябрах. Духота. Густой, тяжёлый воздух от смолистого запаха ладана, смешанного со сладковатым ароматом тающего воска свечей. Тоска. И нарастающая тревога — предчувствие нависшего горя, которое ещё мгновение, и обрушится всем на головы, неотвратимым ударом.

Отец Окимий полулежал на подушках, укутанный серым одеялом. Бледное лицо его осунулось, черты заострились, а закрытые глаза запали в тёмные провалы.

Я подошёл к постели и тихо погладил его руку, узловатую, покрытую венозными пятнами. Она тяжело и безнадежно лежала поверх одеяла. Я до сих пор помню теплоту этой

руки... А он вдруг пожал мою ладонь и открыл глаза. С трепещущим сердцем я окунулся в бездонную их пустоту, и тут знакомая мудрая усмешка[i]мелькнула в его взгляде. От неожиданности я вздрогнул. Даже тогда он поддерживал и ободрял меня.

Воспоминания промелькнули в голове. Я тяжело вздохнул.

Георгий глянул на меня и спросил:

— Что случилось, дорогой?

— Нет, ничего. Просто вспомнил. Сейчас покажу твою комнату. Я там жил, пока не стал настоятелем. Теперь занимаю покои отца Окимия.

Я замолчал. Но не сумел справиться со своей болью и тихо сказал:

— Знаешь, они для меня святыня. Если бы я мог... Но делать нечего. Настоятель должен жить в покоях настоятеля, — я тряхнул головой. — К тому же, в обсерватории, кроме его комнат, моей, Люсеньки да комнаты деда Анисима, где теперь поселился и Егорий, больше нет жилых помещений.

Я волновался: понравится ли Георгию его новое жильё? Всего одна комната на первом этаже, которая служила и кабинетом, и гостиной, и спальней. Правда, рядом с ней располагалась небольшая, но по монастырским меркам роскошная кухонька—столовая с микроволновкой и электрочайником, где венцом роскоши была мойка с водопроводной водой, и крохотное в четыре квадратных метра помещение туа-

лета, с отгороженным в углу душем. Для жизни монаха это царские хоромы, но для обычного человека из Элизиума, — невообразимая нищета.

— Пришли. Проходи, — сказал я, открывая дверь и пропуская его вперёд. — Очень скромно, конечно, — смутился я.

Георгий удивлённо рассматривал скудную обстановку комнатки.

— Извини, я ничего для тебя не заказывал. Посмотри сам, что тебе необходимо из обстановки или кухонной утвари и закажи на свой вкус. Мы всё оплатим.

Он подошёл к окну. Большому. Во всю стену.

— Хорошо! Комната будто просторнее и светлее. А вид какой! Горы. Замечательно! — и обернулся ко мне.

Я кивнул:

— Да. Такого в Элизиуме не увидишь. Только прохладно.

— Это ерунда. Не люблю духоту. Голова хуже соображает.

— Хочешь, мы закажем для тебя работа-помощника? Знаешь, — я потёр нос, — это была моя самая заветная мечта, когда я только попал в монастырь.

Георгий подошёл ко мне, улыбнулся и дружески хлопнул по плечу:

— Не волнуйся, дорогой. Всё отлично.

Я облегчённо вздохнул.

— А к приезду твоих построим вам дом рядом с обсерваторией. А пока так, — я развёл руками.

Георгий рассмеялся:

— Ничего, дорогой, я по-спартански. Чего мужчине в монастыре надо? Если только хорошо покушать.

— Об этом не беспокойся! — оживился я. — У нас хозяйкой Люсенька. Готовит отменно. Тебе надо отдохнуть с дороги, освоиться, и дед Анисим нас ждёт в столовой. Оставляю тебя. Через полчаса зайду?

Георгий потерянно осматривался.

— Ты с собой совсем ничего не взял или твой багаж скоро доставят? — спросил я.

Друг смущённо потёр шею.

— Понимаешь, привык отдыхать налегке. Ты знаешь, куда не приедешь, на месте уже есть всё необходимое. Я не подумал, что в монастыре...

— Ясно. Пойдём ко мне! В этой комнате я давно уже не живу, а там немного обжился. Думаю, для тебя найдётся всё необходимое. Поселишься пока у меня. Отдельной спальни, правда, нет, но есть отличный кожаный диван в кабинете. А здесь всё обустроишь по своему вкусу. Да и работать будет легче. Не надо бегать с первого этажа на третий. Как?

— Хорошо, дорогой! Пошли, гляну, как настоятели монастырей живут, — засмеялся Георгий.

— Пойдём, — обрадовался я. — Приведём себя в порядок и завтракать. Люсенька обязательно наготовила всего. Сама сейчас, наверное, ещё спит. Всю ночь с ребятами колядовала, а то отбою бы от неё не было, закармила бы насмерть.

Я засмеялся и пошёл из комнаты. Георгий за мной.

— Что значит «колядовала»? Ворожба такая?

— Да нет! Какая ворожба в поселениях при монастыре?

— ответил я, запирая дверь на ключ. — Древняя христианская традиция: молодёжь ходит по домам, песни поёт про Рождество, поздравляют с праздником, а им за это — угощение: сладости там, калачи. Веселятся.

— Ясно.

После завтрака я повёл Георгия в лабораторию. Мы вышли из кухни и пошли по длинному коридору. Почти в самом его конце, по левой стороне, находились покои настоятеля, а за ними — библиотека. Из неё и был вход в лабораторию.

Наши шаги гулко звучали в тишине. Отец Окимий не любил ковров и ковровых дорожек, а потому велел устлать пол керамогранитом. Его бежевый оттенок придавал ощущение тепла и гостеприимства длинному узкому коридору с голыми стенами, хотя удачно выкрашенные в жемчужный цвет стены и потолок делали пространство выше и шире, наполняли воздухом.

Подойдя к библиотеке, я пропустил Георгия вперёд.

Войдя, он замер.

— Ого! — его брови удивлённо поднялись.

— Да! — ответил я и гордо обвёл комнату взглядом.

Она была огромной. По трём её стенам от пола до потолка высились книжные стеллажи. Георгий пошёл вдоль них, разглядывая. Остановился. Провёл пальцем по корешку старинной книги и обернулся ко мне с улыбкой:

— Да здесь не только богословские!

Я кивнул:

— Библиотека отца Окимия уникальна. Думаю, не нашлось бы ни одного библиофила, даже у нас в Наукограде, который не позавидовал бы и не захотел иметь любой из этих редких экземпляров научных трудов.

Георгий так увлёкся разглядыванием книг, что, похоже, забыл, зачем мы сюда пришли. Я потянул его за руку и сказал:

— Пошли! Я должен ввести тебя в курс наших дел. Книги никуда не денутся. Ты можешь приходить сюда, когда захочешь. Они в полном твоём распоряжении. Да и теплее тут, — я кивнул на большой камин, вделанный в четвёртую стену библиотеки, где сейчас весело потрескивали поленья за огнеупорным стеклом защитного экрана. По обеим сторонам камина уютно расположились два глубоких кресла.

— Спасибо, дорогой!

— Пожалуйста. Пойдём!

Я повлёк Георгия к деревянной винтовой лестнице в углу за камином. Она вела на технический этаж: там находились лаборатория, а выше, под самым куполом — обсерватория. По этой лестнице, хоть и старой, с поскрипывающими сту-

пенями, но ещё крепкой, мы поднялись, держась за гладкие, с кое-где облупившейся коричневой краской, поручни.

— Заходи, — сказал я и распахнул дверь в лабораторию.

Георгий переступил порог и с любопытством огляделся. Небольшая комната, плотно заставленная аппаратурой и оттого казавшаяся ещё меньше, произвела на него впечатление. Он одобрительно хмыкнул, разглядывая оборудование, которое постоянно что-то незримое измеряло, вычисляло, кодировало, расшифровывало. Эта тайная жизнь приборов мелькала на экранах, где, беспрестанно сменяя друг друга, появлялись и исчезали цифры, диаграммы; прыгали стрелки виброметров; разноцветными огнями перемигивались лампы, подключённые к фотореле...

Я подошёл к большому столу, занявшему почти всю середину комнаты, и сгрёб в сторону листы с расчётами и записями.

— Кофе будешь?

— Давай.

— Тебе чёрный без сахара?

Георгий кивнул.

Я отошёл к кофемашине, которая стояла в углу впритык к большому лабораторному шкафу, и набрал алгоритм на две чашки эспresso. Зажурчала вода, и по комнате распространился кофейный запах.

Я принёс кофе и сел напротив Георгия.

Он взял чашечку, с наслаждением вдохнул аромат и сде-

лал глоток.

— М-м-м! Слушай! Замечательный кофе. Даже в Наукограде такой не выпьешь.

Я кивнул:

— Люблю кофе. Ты не представляешь, как я был рад, когда наши вкусы с отцом Окимием в этом совпали. Если бы не это, мне бы никогда его не уговорить на кофемашину, и не простую, а одну из первых в последовавших затем сериях усовершенствования. Только она варит настоящий, живой кофе, а не суррогат, бьющий по рецепторам вкуса и обоняния.

— Отец Окимий — настоятель, который организовал твою ссылку в этот монастырь[ii]? — Георгий поднял на меня глаза.

— Да, — кивнул я. — Он узнал о нашей с тобой работе и пригласил меня. Помнишь, как босс в мой последний рабочий день сказал, что на меня пришёл запрос из обсерватории Уральского монастыря?

— Как же! Такое не забудешь, — Георгий поставил чашку и облокотился о стол, наклоняясь ко мне. — А ты тогда здорово психанул.

— Ещё бы! Променять обсерваторию Наукограда на какой-то монастырь. И это в момент нашего триумфа. Если бы я только знал...

Я задумчиво провёл рукой по столу и тихо сказал:

— Знаешь, я иногда думаю, что судьба есть. Вон как всё

обернулось. Потом я узнал, что отец Окимий увидел моё выступление на научной конференции, и понял, что мы работаем над той же проблемой, что и он. Только у него иной взгляд на проблему. И теперь во многом ради него. Ради нашего с ним дела я и стал настоятелем. Он завещал мне. Я должен. Мы должны, — я смешался. — В общем, давай по порядку. Выпьем кофе, и я всё расскажу.

Георгий кивнул. Мы молча пили, наслаждаясь напитком. Друг выжидающе посматривал на меня, но не торопил. Я же тянул, сомневался, правильно ли он поймёт меня?

Наконец решился, поставил чашку на стол и сказал:

— Понимаешь... Всё очень серьёзно, — и глянул Георгию прямо в глаза, — и должно остаться между нами.

— Что за тайны мадридского двора в наше-то время, дорогой? — засмеялся Георгий, но, видя, что мне не до смеха, посерьёзnel. Глотнул кофе и спросил: — Что случилось, дорогой?

— Понимаешь, Георгий. Дело в том, что мы с отцом Окимием, разработали, так сказать, в спекулятивном плане, М-теорию — основу для создания единой теории всех фундаментальных сил природы. И она имеет Божественную основу.

Георгий поперхнулся и закашлялся. Я постучал его по спине.

— Ты серьёзно, дорогой? — отдышавшись, спросил он.

— Абсолютно. Можешь быть уверен, то, о чём я говорю,

имеет исследовательское подтверждение. Материалы с результатами я тебе дам. Сейчас суть. Всё очень просто, можно сказать, лежало на поверхности. Надо только взглянуть под другим углом. Смотри, какая прослеживается взаимосвязь ещё с древности. Возьмём принципы Гермеса Трисмегиста: ритма, аналогии и вибрации. Разве не о том же они говорят, что позднее доказано наукой? Вспомни:

"Всё течёт, втекает и вытекает, всё имеет свои приливы, всё поднимается и падает — маятникообразное колебание проявляется во всём. Мера колебания налево есть мера колебания направо. Ритмы компенсируются";

"Как вверху, так и внизу; как внизу, так и вверху";

"Ничто не покоится — всё движется, всё вибрирует" — разве не получается, что уже тогда Гермес открыл принципы вибрации и ритма Вселенной?! — я прихлопнул ладонью по столу и посмотрел на Георгия.

Он откинулся на спинку стула и недоверчиво смотрел на меня.

Я ждал его реакции, а он молчал. Наконец, спросил:

— Ты что, увлёкся герметизмом? Вот уж не ожидал, что разговор пойдёт об эзотерическом учении, это в монастыре-то.

— Причём тут эзотерическое учение! — воскликнул я раздражённо. — Я — учёный. И отец Окимий был учёным. Я встал и принялся ходить по лаборатории.

— Успокойся, дорогой. Не злись. Монастырская жизнь

совсем на тебя не повлияла, — он улыбнулся. — Всё такой же эмоциональный. Заводишься, как мальчишка. Совсем не изменился.

Он подошёл, обнял меня и прошептал на ухо:

— И я этому очень рад. А то я, если честно, опасался, уж не стал ли ты на самом деле фанатиком—монахом.

Я отстранился от него.

— Георгий, выслушай, пожалуйста.

— Конечно, дорогой, мы всё обсудим. Не переживай. Пойдём, сядем.

Мы сели за стол.

Георгий вопросительно кивнул. Я провёл ладонью по волосам, собираясь с мыслями, и сказал.

— Ты только не перебивай. Вдумайся в то, что я скажу.

Георгий приложил руки к груди и кивнул.

— Смотри. В двадцатом — в начале двадцать первого века эти мысли Гермеса Трисмегиста получили научное подтверждение. Теперь мы знаем, что все материальные объекты: частицы, атомы, клетки — на квантовом уровне состоят из нейтральной энергии. И эта энергия постоянно движется, вибрирует.

Взять, к примеру, теорию нулевого колебательного движения атомов. Это тебе не эзотерика, а квантовый феномен. И он утверждает, что даже при абсолютном нуле молекулы не замирают, продолжают совершать едва заметные вибрации. Учёные доказали, что не существует вакуума, как это пони-

малось в классической физике: пустого пространства, где отсутствуют частицы и поле. Вакуум — не пустота! А наинизшее энергетическое состояние, в котором хотя нет реальных частиц, но существует энергетическое поле! И это неопровержимое доказательство того, что вакуум не является пустым пространством.

Я наклонился к Георгию.

— Вибрация! Вот основа всего. Именно вибрация — частота колебаний энергополя — формирует длину энергетических волн и их амплитуду. Фактически и свет, и тепловое излучение, и электричество, и гравитация, и всё — есть проявленное состояние энергии через вибрации. Всё состоит из элементарных безмассовых колеблющихся частиц, отличающихся друг от друга вложенным в них энергетическим импульсом. Именно этот импульс определяет степень и характер влияния одних частиц на другие.

Все виды взаимодействий и проявлений частиц зависят только от амплитуды и частоты колебаний/вибрации энергии. Не существует в реальности ни твёрдых тел, ни пространства, ни времени — всё это лишь проявления энергии, которые мы можем увидеть органами чувств только на уровне нашей размерности. Конечно, это существенно ограничивает возможности нашего чувственного познания мира, но не отменяет его существования.

Я замолчал, ожидая реакцию Георгия.

Тот задумчиво крутил ус.

— И что в итоге? — спросил я.

— И что в итоге? — пожал Георгий плечами. — Пока ты не сказал ничего нового.

Я улыбнулся:

— Тебе не угодить то называешь мои слова эзотерикой, то известным научным фактом.

Я взял со стола чашку и спросил:

— Тебе налить?

Георгий отрицательно покачал головой.

— А я выпью.

Поднялся и пошёл к кофемашине.

— Смотри, что получается, — продолжил я, слушая, как жужжит агрегат. — Получается, что космос — это мириады элементарных безмассовых частиц, существующих в глобальном энергетическом поле. Именно это поле в те или иные моменты даёт этим частицам определённые импульсы и этим проявляет всё. Мы с отцом Окимием изучали это энергетическое поля, его импульсы. И увидели что, по сути, — я взял чашку с кофе и глянул в глаза Георгию, тот с интересом смотрел на меня, — оно является глобальным информационным полем Вселенной!

Георгий откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и недоверчиво посмотрел на меня.

Я подошёл к столу.

— Да, Георгий, именно информация — то пятое измерение, которое делает наш мир пятимерным.

Я не мог оставаться на месте, поставил чашку на стол и принялся возбуждённо ходить по комнате:

— Именно информация формирует фундаментальные отношения, проявляющиеся колебаниями частиц, частотами, электронами, фотонами, резонансами, осцилляциями, мгновенными излучениями. Именно информация проявляется электромагнитными, гравитационными и торсионными полями, создающими взаимосвязи и взаимодействия между безмассовыми и массовыми виртуальными и гипотетическими частицами.

Я остановился и повернулся к Георгию.

— Понимаешь, — и взмахнул руками, словно хотел обхватить всю эту невероятную Вселенную. — Глобальное поле Вселенной содержит информацию обо всём! Абсолютно обо всём, что было, есть и будет — полную вариантность возможной материализации! Представляешь?

Георгий посмотрел на меня и, чуть поморщившись, сказал:

— Успокойся. Сядь лучше.

Я вздохнул и сел напротив него. Взял чашку и отпил кофе. Георгий уставился на меня.

— И ты можешь сказать, откуда всё это взялось? Как возникло это информационное поле? — спросил он.

Я кивнул и ответил:

— Здесь мы с отцом Окимием придерживаемся традиционной точки зрения: к созданию глобального информацион-

ного поля Вселенной привёл Большой взрыв. Но! — я поднял указательный палец. — Не хаотичный, а разумно-направленный! В результате Нечто, Праоснова всего, распалась на элементарные частицы — «тело» Вселенной; и информации, как я условно назвал эти носители информации, — её «Разум». Правда, отцу Окимию не понравилось название «информационы». Он называл их искры Духа. Настоятель был убеждён, что именно некая Божественная Праоснова «разделилась» на мириады частиц, составлявших Её «плоть», и на множество искр Духа, в которых заключён Божественный Разум/Сознание.

— А ты в это веришь?

Я задумался и пожал плечами.

— Не знаю, можно ли назвать эту Праоснову Божественной... Тут всё зависит от того, что человек вкладывает в такое понятие. Если Божеством называть некое космическое Разумное начало, которое дало начало всему и установило единые законы эволюции Вселенной, то да, верю. Не могу не верить, фактически наблюдая это в исследованиях.

Я потёр лоб.

— Но мы не о том. Не это главное, как назвать то, что мы изучаем.

— Ну, не скажи, как корабль назовёшь, — проговорил задумчиво Георгий.

— Георгий! Главное, что информации, искры Духа или искры Разума, рассыпанные по Вселенной, как их ни назови,

по сути, они — ключи к расшифровке информации о Праоснове, которая взрывом распространилась по Вселенной и в непроявленном виде сконцентрировалась в тёмной энергии и тёмной материи. Где и хранится в мириадах элементарных частиц — "кирпичиков" мироздания прошлого, настоящего и будущего.

— Потрясающе, чёрт побери! И если к этому есть доказательная база.

— Не ругайся, — поморщился я. — Всё-таки мы в монастыре. Я совсем уже отвык.

— Извини, отец Олаф, — улыбнулся тот и покаянно склонил голову, прижав руку к груди.

Я с досадой дёрнул его за рукав:

— Перестань дурачиться, я серьёзно.

— Что ты! Я абсолютно серьёзен.

— Ладно, давай о деле.

— Давай, — согласно кивнул Георгий. — О деле. Всё же это слишком гениально, чтобы быть правдой, — с сомнением произнёс он.

Мы помолчали. Я пил кофе. Георгий задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Ну, хорошо, — наконец, сказал он. — Тогда скажи, как проявляется эта информация?

— Бозоны Хиггса!

Друг удивлённо поднял брови.

— Бозоны Хиггса?

Я кивнул.

— Именно! Бозоны Хиггса — это те элементарные частицы, которые и есть своеобразные передатчики, а именно энергетические поля этих частиц. Проще говоря, информационные/искры Разума передают бозонам определённые импульсы, которые создают энергетическое поле бозона. Элементарные частицы, попадая в поле бозона и проходя через него, принимают этот импульс. Первый импульс к проявлению — свою массу! Процесс проявления информации запущен! Ведь без массы частицы не могли бы образовать ни атомы, ни всю видимую материю! И тогда появляется возможность притяжения или отталкивания, определяется долговременность жизни или мгновенный распад этих частиц. Иначе говоря, начинается процесс материального проявления информации, заложенной в глобальном поле Вселенной.

И это не спонтанный процесс! Я уверен, что условия проявления материи заложены в череде событий программы кодов, заложенных в информационных.

— Как же это происходит? — спросил Георгий.

— Думаю, импульс к раскодированию фрагмента глобальной информации — это особый вид энергетической вибрации. Она возникает во Вселенной при определённых условиях а, возникнув, активирует в информационе энергию кода соответствующего проявления — тот самый импульс, который и передаётся бозонам. И уже бозоны начинают воздействовать на элементарные частицы, запуская процесс прояв-

ления. Это самый загадочный момент: активация в информационных энергиях кода проявления для передачи её бозонам.

Георгий встал и подошёл к окну. Смотря на заснеженные горы, он задумчиво спросил:

— И что же там таится в этой информации?

Я подошёл к нему и встал рядом. За окном сияло солнце, лучи его купались в снеговых шапках Уральских гор. Было так светло, что почти слепило глаза. Мне вдруг подумалось, что это и не снег вовсе, а вековые седины, убелившие головы исполинов. Они миллионы лет смотрят на нас и хранят свои тайны. Тайны... Как ничтожно мало мы ещё знаем. Даже о нашей Земле. Узнаем ли когда-нибудь? Я вздохнул и повернулся к Георгию и сказал:

— Не знаю. Мы можем только угадывать, какие энергии таятся в непроявленных глубинах тёмной материи и тёмной энергии. Всё, что мы знаем — доступная нашему исследованию, а значит, пониманию уже проявленная часть информации. Низкие, свертяжёлые вибрации информации мы свободно прослеживаем в космосе — вся проявленная Вселенная состоит из них. Она огромными глыбами пронесётся в её глубинах. Пыль, газы, звёзды, планеты — всё это материальное проявление информации. И знаешь, что самое интересное?

Георгий глянул на меня, но ничего не сказал.

— Самое интересное, и, может быть, самое важное, то,

что по мере проявления информации наступает время, когда уже не только информации через бозоны влияют на элементарные частицы, задавая вектор проявления материи, как это было в начале образования Вселенной. Теперь уже проявленные поля элементарных частиц, воздействуя своими энергиями, изменяют не только друг друга, но и информации, которые начинают изменяться! Получается, что информации активируют коды проявления локальных полей для своей дальнейшей трансформации. Понимаешь?

— Ты хочешь сказать... — Георгий, недоговорив, устался на меня.

— Именно! Локальное поле Земли! — я хлопнул ладонями по столу, и не в силах оставаться на месте, снова принялся возбуждённо ходить по лаборатории.

— Газ, пыль, камень, живая клетка, растение, животное и, наконец, человек, как наиболее чуткий к энергоинформационным взаимодействиям организм. Существо, являющееся в настоящий момент наиболее разумным проявленным носителем информации/искры Разума, что верующие называют душой, а учёные — ДНК человека. Да что там носителем! — я махнул рукой. — Человек — и сам есть трансформирующийся информацион/искра Разума. Так сказать, по образу и подобию. Разве не человек энергией своего разума начинает уже сам сознательно влиять на среду своего обитания, создавать условия для существования, а, взаимодействуя с другими сознаниями, — активировать ещё не проявленную

информацию, как во внешнем мире, так и в себе, развивая свои таланты, способности?

— Олег, сядь. И так голова кругом.

— Называй меня, пожалуйста, Олафом. Пока мы в монастыре, — попросил я, садясь напротив него.

Он кивнул:

— Хорошо, извини, дорогой!

— Спасибо, — я взял чашку и допил несколько глотков остывшего кофе.

Несколько минут стояла тишина. Я не знал, как сказать, что тревожило меня больше всего. Важно, очень важно, чтобы Георгий понял. Поддержал. Без этого невозможно.

Я положил ладонь на его руку и сказал:

— Но программа не только созидает. Она и разрушает, — я замолчал, глядя ему прямо в глаза.

Он пристально смотрел на меня.

— Конечно, это тоже созидание через разрушение, но... это и гибель. Наша гибель. Гибель человечества, а может быть, даже планеты!

Георгий побледнел. Он ничего не спросил, лишь плотно сжал губы.

— Понимаешь, мы с отцом Окимием поняли, что в глобальном поле заложены не только сроки и условия проявления информации, но и способность уничтожать проявления локальных полей, не способных выполнить заложенную в них программу в установленный срок.

Георгий молчал. Я взял чашку. Кофе не было. Ладно. Не до него.

— Конечно, уничтожить локальное поле жизни и существ, в нём обитающих, нельзя. Как нельзя уничтожить глобальное информационное поле Вселенной и элементы, на которые распалось Праоснова. Однако для каждого локального поля определены моменты, при наступлении которых, происходит его перезапуск. Оно должно либо трансформироваться, либо... Сбившееся с информационного пути, если можно так выразиться, локальное поле, свёртывается в нуль-точку, чтобы при вновь возникших необходимых условиях, начать всё заново.

Георгий взял из моих рук чашку, которую я машинально крутил, поставил на стол и спросил:

— И что же это за информационный путь? И каков он у Земли?

Я пожал плечами.

— Ну, про информационный путь, это я так, образно. Вообще, это эволюция. Глобальным информационным полем Вселенной заложена эволюция.

— Откуда и куда? — поинтересовался Георгий, прищулив глаза.

— Этого никто не знает. Думаю, ещё очень долго не узнает. Сегодня мы можем говорить только об эволюции нашего локального поля — планеты Земля. Что там, у минимальной отметки диапазона эволюционной шкалы проявления нашей

планеты, учёные более-менее понимают. Не так уж далеко человек отошёл от нуля-точки. А вот что лежит в области её высоких вибраций, даже вообразить невозможно. Человеческая мысль не способна сгенерировать образ, вибрацию, которая не соответствует диапазону её полевого существования. Сегодня мы можем только постараться как можно ближе подойти к верхней планке понимания.

— А дальше что? Тупик?

Я хлопнул ладонью по столу и, улыбаясь, воскликнул:

— Мы тоже так думали! Пока не открыли, может быть, основной закон развития Вселенной. И он доказывает, что нет никакого тупика! Есть беспредельность, безграничное устремление — развитие. Помнишь фразу из «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста: «что наверху, то и внизу»? Конечно, мы не можем сегодня достоверно говорить об эволюции Вселенной. Но можем говорить об эволюции нашей планеты, распространяя её закон и на Вселенную. И закон этот говорит, что наша планета, как и Вселенная, проходит вибрационную эволюцию.

— Вибрационная эволюция? — удивился Георгий. — Это что ж такое?

— Это означает, что все материальные объекты локального поля Земли проходят эволюцию постепенного, но постоянного повышения своих энергетических вибраций. Возьмём элементарную цепочку развития материи на нашей планете: ... камень, клетка, растение, животное, человек. Толь-

ко у человека частотный ритм мозга может достигать 250 Гц и выше. Но мы только в начале вибрационной эволюции. Каковы наши возможности сегодня, и вообразить сложно, а если учесть, что, к примеру, одна из клеток человеческого организма — молочной железы — вибрирует в диапазоне от 10 до 30 кГц, а другая — в пределах от 150 до 180 кГц, и это вибрации в системе человеческого организма, которыми мы пока не умеем управлять! Ты представляешь, какие перспективы открываются перед человеком, если он научится сознательно управлять подобной энергией?!

Георгий напряжённо смотрел на меня. Я молчал.

— Что?

Я взял чашку.

— Тебе налить?

Он отрицательно покачал головой. Я подошёл к кофемашине и налил себе кофе.

— Однако срок наш истекает? — спросил он.

Я кивнул и повернулся к нему.

— Сколько уже погибло цивилизаций на Земле? Только из хорошо известных сегодня — шесть древних высокоразвитых: Майя, Инд, Анасази, Кахокия, Остров Пасхи, Гренландские викинги. Не говоря уже о Спарте и Атлантиде. Если первую признают, то вторую относят к философскому вымыслу Платона. Но так ли это? Почему в определённый срок каждая цивилизация исчезает?

Мы с отцом Окимием изучали это. И поняли, что плато

перед новым скачком развития сокращается. Если в начале жизни на Земле для перехода материи на более высокий энерго-вибрационный уровень требовались миллионы лет, затем их сменили тысячелетия, то потом это время сжалось в триста — четыреста лет.

Мы обнаружили, что если человечество не могло выйти за верхние пределы диапазона сегмента своего развития за время, отпущенное ему информационным полем, то его энергия начинала приобретать вид воронки, которая кружила на одном месте. Постепенно не высвобожденная полевая энергия информационов, стремящаяся к высшим частотам, под действием преобладающего поля информационов более низкой вибрации развития, сглаживалась и начинала вибрировать в унисон с ними. При этом неуклонно возрастала общая мощность энергии объединённых полей. Накапливающаяся энергия, не способная преобразоваться в новую форму, начинала концентрировать низкую энерговибрационную мощь невероятной силы. Это происходило до тех пор, пока она или притягивала неуправляемые мощные стихийные природные явления, которые и поглощали поле цивилизации; или поле цивилизации саморазрушалось, не найдя иного пути реализации.

Итог один: локальное поле энергии цивилизации рассеивалось и поглощалось вибрацией материи Земли. Развитая цивилизация, не способная сделать переход в развитии, отбрасывалась в нуль-точку, начинала новый круг своего эво-

люционного пути. Вот и сейчас.

Георгий вскинул голову и тревожно спросил:

— Нашей цивилизации грозит гибель?

Я подошёл к нему.

— Да. Всё очень серьёзно.

Я сел, потёр лицо ладонями и сказал:

— И даже серьёзнее, чем раньше. Если ранее были уничтожены цивилизации отдельных территорий, то сегодня человечество объединило всю планету. Каков будет масштаб разрушений, даже страшно представить.

Георгий молчал. Его пальцы нервно постукивали по столу. Наконец, он сказал:

— Если бы об этом мне сказал кто-то другой, я бы ни секунды не поверил. Но я знаю тебя..., — и, помолчав, спросил, — сколько у нас времени?

— Не знаю. Покажу тебе расчёты. Одно могу утверждать: если человечество в ближайшее время не перейдёт на новый этап эволюционного развития, которому соответствует более высокий вибрационно-энергетический уровень, мы обречены.

Георгий присвистнул.

— У тебя уже есть мысли о том, как поднять этот уровень?

— Я надеялся, что в монастыре, как в наиболее духовном, а значит, энергетически высокочастотном месте, мне удастся наладить жизнь, которая увеличит и распространит энергию дальше. И постепенно приведёт к увеличению общей ча-

стоты вибрации энергополя цивилизации Земли. Мы с отцом Окимием познакомили с нашей работой предстоятеля христианской церкви Климентия, он — департамент религиозного согласия. Был собран Всемирный конфессиональный собор. Думаю, и Совет Земли в курсе. Мне разрешили провести такой эксперимент в нашем монастыре. Я утвердил новый устав обители. Однако...

— Понятно, — понимающе кивнул Георгий. — Ничего не получилось.

— Да. Не получилось. Понимаешь, человеческий фактор.

— Как мы любим ссылаться на человеческий фактор, — он раздражённо отодвинул от себя чашку. — Кстати, — заметил он, — ты забыл про свой кофе.

— Но это действительно так, — я встал и принёс уже холодную чашку. — Любой устав, организация или сообщество — это, по сути, иерархия. Подчинение одних другим. И притом не самым высокодуховным. Высокодуховный человек — человек скромный, тихий, незаметный, в отличие от того, кто самоутверждается за счёт кого-то, прикрываясь правильными словами. Вот эти всегда на виду, впереди. Но сегодня одними словами не убедишь. Воодушевить, добровольно повести за собой тех, кто видит его недостатки и не видит духовности, такой человек не сможет. Тут можно только силой авторитета, иерархии...

Сегодня такая духовная иерархия существует. В религии. И в нашем монастыре. Но истинно ли она духовна? И в ней

не такая уж большая часть истинно духовных людей. И здесь действуют карьерные, человеческие амбиции. Взять хотя бы наш монастырь, — я с досадой хлопнул ладонью по столу. Один карьерист Фивий чего стоит!

Но ладно, даже если бы это было и не так. Иерархия, какую представляет сегодня церковь или любая иная религия, не может привести к всеобщему увеличению частоты энергополя человечества. Верующих на Земле намного меньше. Я ошибался в возможности значительного влияния меньшего высокочастотного поля на низкочастотное, но значительно большее. Потому что у энергополей есть способность сглаживать свои вибрации, подстраиваясь! И чем обширнее поле низких вибраций, тем существеннее будет снижено поле высокой вибрации при их слиянии.

Нам, Георгий, нужен какой-то объективный контроль, который бы смог определить энергетику человека, выявить высокодуховных людей, показать их всем как пример для подражания, поставить их во главе иерархии. И не только! Главное — показать самому человеку его истинную сущность, убедить, что всё в его руках! Необходимо, чтобы человек сам захотел идти по пути развития, сам определял свой духовный рост, управлял им. Нужен компас на этом пути!

— Духовный компас человека? — задумчиво сказал Георгий.

— Что-то вроде того. Сейчас закон охраняет нас от преступного покушения на материальное: на нашу жизнь, здо-

ровье, собственность. Но разве покушение на духовность человека: на честь и достоинство, реализацию талантов и способностей, на душу и сердце — не есть преступление? Даже ещё большее преступление. Потому что оно сбрасывает человека и человечество с его эволюционного пути в бездну гибели.

Нам нужно, наконец, понять, что эра индивидуального эгоизма, ведущего к конфронтации всех со всеми, безвозвратно прошла. Возможно, соревновательность, как борьба за выживание, и была необходима в начале эволюции. Но сегодня, если мы не хотим исчезнуть, то наш путь — это путь индивидуального творческого созидания, объединённого в сотрудничестве!

Сегодня эволюция человечества напрямую зависит от эволюции каждого. И не получится никому оставаться в стороне. Это смерти подобно. Просто необходимо создать все условия для повышения высоких вибраций человеческого сознания. А это возможно только при духовном творческом самосовершенствовании. Дать человеку возможность видеть и направлять свою вибрационно-духовную эволюцию — так я вижу нашу задачу.

Георгий встал и подошёл к окну.

— Интересно. Есть над чем подумать.

Повернулся ко мне и усмехнулся:

— А Фивий тебе позволит?

Я молча отвернулся.

[i] О смерти настоятеля отца Окимия читайте в книге первой «Олег. Путь к себе».

[ii] О том, как Олег попал в монастырь и стал Олафом, читайте в книге первой «Олег. Путь к себе».

Глава 3. Оставь собаку, всяк сюда входящий или пройти мимо, чтоб остаться

Георгий откинулся на спинку стула, потянулся так, что у него, наверное, хрустнули кости, и сказал:

— Всё. Хватит на сегодня. Голова уже не соображает.

Он хлопнул ладонями по столу и встал. Подошёл к окну.

— Темно. Ни огонька.

Я взглянул на браслет. Без пятнадцати одиннадцать.

— Все спят давно, — ответил я. — И ты иди, отдыхай.

— Тебе тоже, дорогой, отдых не помешает.

— Мне тут надо кое-что доделать.

— Завтра доделаешь. Посмотри на себя. Красный, взъерошенный, взгляд какой-то безумный. Давай заканчивай.

— Рано ещё. Всё равно не усну.

— Это да, — он потёр затылок, — но всё же надо отвлечься. Пошли в библиотеку! Я там присмотрел одну замечательную книгу, давно хотел её почитать. И ты отвлечёшься.

Я пожал плечами.

— Пошли, пошли, — потянул меня Георгий.

— Ну, пошли, — я отодвинул расчёты и встал.

Мы спустились в библиотеку.

Здесь царил полумрак, и было очень тепло от разожжённых

ного камина. Прохлада лаборатории за работой не ощущалась, даже лучше соображалось, но тепло живого огня почувствовалось сразу. Оно приятно окутало, словно мягким, пушистым пледом, расслабило тело, отогнало мысли.

Мы расположились в глубоких креслах по обеим сторонам камина.

«Что бы почитать?» — мелькнуло в голове. Но уставший мозг сразу отбросил эту мысль и погрузился в умиротворяющую пустоту.

Я глянул на друга. Его голова утонула в подголовнике кресла, он полулежал и блаженно улыбался. Я хотел спросить его о книге, но ленивая нега накатила и на меня. Я закрыл глаза. Тишина. Только едва слышно потрескивают поленья за огнеупорным стеклом. Хорошо... Я не заметил, как уснул, и вдруг, резко вздрогнув, очнулся.

В кресле напротив ровно дышал Георгий, спал.

По углам комнаты сгустились тени, и только у очага мерцал круг света — дальше всё тонуло в темноте, лишь изредка отблески пламени выхватывали силуэты старинных книг. Мне вдруг почудился призывный шёпот древних страниц. Нестерпимо потянуло вслушаться, прикоснуться, узнать их тайну, которую они, призывно шелестя, обещали поведать. Не может быть, чтобы вековая мудрость, спрятанная в этих старинных фолиантах, не хранила в себе разгадку, над которой мы бились.

Я встал и пошёл к стеллажам. В темноте трудно было что-

то разобрать, надо включить свет. Обернулся на Георгия, он чему-то улыбался во сне. Как мне и не хотелось его будить, но пришлось включить верхний свет. Может, не проснётся? И, конечно, я его разбудил. Он выпрямился в кресле и потёр глаза.

— Георгий, иди спать.

Тот глянул на меня и опять прилёг в кресле, зажмурился.

— Зачем разбудил? Мне такой сон приснился. Мы с Альбинкой... А тут ты. Тебе-то что, ты у нас бирюк. Эх.

— Ну, извини.

Он сидел тихо, не шевелясь. Наверное, пытался заснуть. Наконец, глубоко вздохнул.

— Нет. Весь сон перебил, — сказал и поднялся. — Ладно. Пойду, пожалуй, спать. Может, приснится.

На его браслете прозвучал вызов. Он глянул, и кровь бросилась ему в лицо. Он радостно глянул на меня:

— Альбинка! — развернул экран и воскликнул: — Родная, как я рад, что ты позвонила. Представляешь, я сейчас задремал, и ты мне приснилась. И ты звонишь. У нас с тобой, похоже, астральная связь. Кто сомневался? Совсем не сомневался, дорогая! У меня нормально. Мы в библиотеке с Олегом. Ошатели от расчётов. Передохнуть решили. Здесь, знаешь, шикарная библиотека. Приедешь, сама посмотришь. Я и заснул. Да нет, — засмеялся он. — Сама-то как? А мальчишки?

— Привет жене! — сказал я.

Он кивнул.

— Альбин, Олег тебе привет передаёт, — сказал и повернул экран ко мне.

На меня глянули весёлые глаза. Она улыбнулась, на её круглых щеках появились знакомые ямочки.

— Здравствуй, Альбина, — сказал я, — ты совсем не изменилась!

— Привет! — рассмеялась она и тряхнула русыми кудряшками. — Скажешь тоже, не изменилась! Я же теперь дважды мама.

— Поздравляю! От души рад за вас. Ты уж не обижайся на меня, что я его вытащил. Знаешь, мы тебя с мальчиками очень ждём! Приезжайте скорее. Тут хорошо. Тишина, покой. А красота какая! Воздух горный.

— Приедем, приедем, куда мы денемся, — улыбнулась она. — Сам-то как?

Она замолчала, серьёзно меня рассматривая.

— Нормально.

— Ты изменился. Похудел. Бороду вон отпустил. И взгляд какой-то не такой...

— Тебе показалось, я такой же, — улыбнулся я.

— Только не заставляй мужа бороду отпускать, а то я тебе этого никогда не прощу, — улыбнулась она в ответ.

— Это уж как он захочет.

— Я ему захочу! Где он там, ну-ка дай мне его. Гляну получше, не ошетинился ли там без меня, — засмеялась Аль-

бина.

— До встречи, Альбин. Жаль, что ребята твои спят, посмотреть бы на них.

— До встречи, Олег! Ещё насмотришься, надоедят тебе наши непоседы.

Георгий, разговаривая с женой, пошёл к двери. У порога обернулся и махнул мне:

— Спокойной ночи, дорогой. Не задерживайся допоздна, отдыхать надо.

— Спокойной ночи.

Я шёл вдоль полок и не видел книг. В голове крутились слова Георгия: «Тебе-то что, ты у нас бирюк». Пальцы легко касались корешков книг: бинтовых, парчовых, атласных, шёлковых и просто холстяных; бумажных и кожаных... — любые, но я не видел их, не чувствовал. Я ощущал только бархатно-нежную кожу моей Фёки, её кружащий голову аромат...

Я остановился, стряхивая наваждение, провёл ладонями по лицу, бороде. Подошёл к маленькому столику рядом с камином и налил в стакан воду из стеклянного графина. Рука чуть дрожала, когда я подносил стакан к губам. Я выпил и заставил боль привычно спрятаться где-то в глубине меня. Так глубоко, что я облегчённо вздохнул и снова направился к полкам. Впереди большая работа, и я должен её сделать.

Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо.

— Дорогой, просыпайся. Ты что, всю ночь здесь просидел? — услышал я и открыл глаза.

Рядом стоял Георгий и удивлённо смотрел на меня. Я передёрнул плечами. Камин потух, и было прохладно.

— Уже утро? Уф. Зачитался и заснул, — я потянулся, разминая затёкшие суставы. Хотя кресло, подстраиваясь под тело человека, было мягким и удобным, но проспав ночь в полусогнутом положении, я чувствовал себя некомфортно.

— Ну, ты даёшь. Чем хоть так зачитался?

Он поднял с пола книгу, которая лежала у моих ног. Видимо, выпала из рук, когда я заснул, и прочитал:

— Владимир Иванович Вернадский «Ноосфера».

— Да! — вспомнил я, хлопнув себя по лбу. — Замечательная книга! Не мог отрываться. Представляешь, этот учёный ещё в двадцатом веке работал над нашей проблемой.

— Серьёзно?

— Именно. Ты посмотри, — я встал. — А мне надо привести себя в порядок. Я сейчас.

— Интересно, и что же он наработал? — хмыкнул тот. — Посмотрим, посмотрим, — и уселся в кресло.

— Я там сделал закладки, — ответил я и пошёл к себе.

Когда я вернулся в библиотеку, то застал друга поглощённым чтением. Я сел в кресло напротив. Георгий взглянул на меня и продолжал читать.

— Что скажешь?

— Пока не увидел, дорогой, где твой учёный писал об информационном поле Вселенной и энерговибрационной эволюции, как ты их называешь.

— Ты просто не успел вникнуть. Конечно, он трактует другими словами, но суть, идея та же. Давай я тебе найду.

Я встал, взял книгу из его рук и пролистнул страницы, отыскивая свои закладки.

— Вот, смотри, — снова сел в кресло напротив и прочитал: «В развитии ума мы видим проявление не грубо анатомического, выявляющегося в геологической длительности изменением черепа, а более тонкого изменения мозга, связанного с социальной жизнью в исторической её длительности».

Я посмотрел на Георгия. Тот, выпятив губы трубочкой и приподняв брови, покачал головой.

— Или вот: «Вид *Homo sapiens* – вовсе не вершина эволюции, и человек будущего будет резко отличаться от современного»; «структуры мозга будут изменены по существу».

Я захлопнул книгу:

— Каково, а?

Он с интересом смотрел на меня и молчал.

— Понимаешь? Что скажешь?

— Ну-у-у...

Я с досадой махнул рукой.

— Вернадский понял основу эволюции на Земле: энергия человека, и именно энергия мысли, вырабатываемая мозгом,

изменяется вместе с его физической эволюцией. И наступит момент, когда уже сама энергия мысли начнёт физически изменять и самого человека, и всё вокруг! Это и есть то, о чём мы говорили с отцом Окимием. О чём мы думали и с тобой, когда определяли нашу задачу. Смотри, — я принялся ли-
стать книгу, отыскивая цитату.

— Вот! Он пишет, что недобрые мысли людей адекватны геологическим стихиям, и на определённом этапе развития человек вынужден будет взять на себя ответственность за дальнейшую эволюцию планеты, иначе у него не будет будущего, ибо нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей, как закона Природы. Перед человечеством откроется огромное будущее, если оно поймёт это, и не будет употреблять свой разум и труд на самоистребление. А? Разве не о том же говорим и мы?

Георгий задумчиво покрутил ус и сказал:

— А что, дорогой? Вполне возможно.

— Видишь! — обрадовался я. — А для этого нужно уметь контролировать себя. Задача человека, его колоссальная работа — каждый день одерживать над собой победу, управлять энергией мысли! Понимаешь? И этот день настал!

— Ты хочешь сказать, что духовный компас... — нахмурился Георгий, подбирая слова.

— Именно прибор самоконтроля! — я резко встал и прошёлся по комнате. Повернулся к нему и сказал: — Я убеждён, что ни один человек не может быть объективным в оцен-

ке себя или другого человека. А значит, ни одно сообщество или иерархия людей не в состоянии ни установить объективный ориентир развития общества и человека, ни осуществить объективное руководство за прохождением по этому пути как каждого человека, так и человечества! Ведь и общество, и иерархия состоят из людей, каждый из которых далёк от подобной объективности.

— А как же история, дорогой? По-твоему, мы не в состоянии объективно оценивать развитие общества?

— Погоди. Это разные вещи. Возможно, мы можем более или менее объективно оценить развитие общества, оглядываясь назад, в историю. Но. Нет, ты только представь, что кому-то: человеку, пусть даже герою в понятии общества, или группе людей в обществе, или иерархии, пусть даже религиозной, — всё равно кому — дать право устанавливать ориентиры будущего развития человека и человечества, и, главное, право оценивать соответствие поведения и жизни людей этим ориентирам.

Он хмыкнул:

— В принципе, если обратиться к истории, то такое происходило сплошь и рядом, особенно в религиозных странах. Да и не только в религиозных.

— Вот, вот! И к чему это приводило? Ни к чему хорошему! Это приносило только вред! Потому что в результате мы получали только подавление одних людей другими. Так было и так будет всегда. И в лучшем случае это будет подавление

под прикрытием высоких и правильных слов. А в худшем — прямое насилие, когда одни люди ради их собственного комфорта, их субъективного понимания, как и что должно происходить, каково должно быть общество и каким должен быть человек, будут заставлять делать других людей то, что им нужно.

Георгий задумчиво покрутил ус:

— Может быть, ты и прав.

Я подошёл к окну. Солнце ещё не показалось из-за гор, но макушка одной из них уже окрасилась в розоватый цвет. Рассветало. И тихо сказал:

— Хотя непонятно, что лучше: насилие под маской лицемерия или открытое насилие? Как говорится: хрен не слаще редьки.

— Ну, хорошо, дорогой, я это могу понять. Но почему мы не можем установить объективные ориентиры? Разве сегодня, когда установлены общечеловеческие ценности, они не являются объективными ориентирами? Почему бы сегодня их как-то не стандартизировать и принять за основу развития общества?

Я обернулся:

— Ты серьёзно? И как ты себе это представляешь на практике? Ну, подумай сам. Во-первых, морально-нравственные ценности не объективны, то есть не могут быть законом для любого исторического периода развития общества. Отношение к ним меняется — каждая историческая эпоха утвер-

ждает такую иерархию ценностей, которая сегодня для неё социально допустима. Ты допускаешь, чтобы объективный ориентир эволюции человека и человечества постоянно менялся?

Во-вторых, даже при установленных обществом ценностях, это будет лишь декларация. Разве не будет для каждого человека реально ценным в жизни только своё, личное? И это своё будет зависеть от условий жизни, от личного опыта, от его желаний и стремлений. В конце концов, от того, что могут ему внушить. Для кого-то высшей ценностью является свобода от всех и всего, для кого-то — карьерный успех, а для кого-то — его покой и любимая собака. Тысячи всевозможных личных ценностей. Устанавливать единые ценности для всех — это просто обрисовать идеал, к которому стремится общество.

Георгий недоверчиво смотрел на меня:

— Ну, это ты преувеличиваешь. Есть же, какие-то общечеловеческие ценности. Ориентиры будущего, к которым стремятся.

Я усмехнулся:

— Конечно, есть. Сколько угодно. Ну, взять, к примеру, страстное желание религиозного человека попасть в рай после смерти. Рай становится наградой за тяжёлую жизнь и лишения на земле, за отказ от грехов и соблазнов. А вспомни древнюю притчу: «По длинной, дикой, утомительной дороге шёл человек с собакой. Шёл он долго, устал, собака то-

же устала. Вдруг перед ним — оазис! Прекрасные ворота, за оградой — музыка, цветы, журчание ручья, словом, отдых.

— Что это такое? — спросил путешественник у привратника.

— Это рай, ты уже умер, и теперь можешь войти и отдохнуть по-настоящему.

— А есть там вода?

— Сколько угодно: чистые фонтаны, прохладные бассейны...

— А поесть дадут?

— Всё, что захочешь.

— Но со мной собака.

— Сожалею, сэр, с собаками нельзя. Её придётся оставить здесь.

И путешественник пошёл мимо.. Через некоторое время дорога привела его к воротам. У ворот тоже сидел привратник.

— Я хочу пить, — попросил путешественник.

— Заходи, во дворе есть колодец.

— А моя собака?

— Возле колодца увидишь поилку.

— А поесть?

— Могу угостить тебя ужином.

— А собаке?

— Найдётся косточка.

— А что это за место?

— Это рай.

— Как так? Привратник у дворца неподалёку сказал мне, что рай — там.

— Врёт он всё. Там ад.

— Как же вы, в раю, это терпите?

— Это нам очень полезно. До рая доходят только те, кто не бросает своих друзей».

Я, улыбаясь, смотрел на друга.

— Ну, и? — спросил тот.

— И что, по-твоему, здесь объективный ориентир: попасть в рай или быть человеком и не бросать своих друзей, и тогда сможешь пройти по своему эволюционному пути?

Георгий засмеялся:

— Я удивляюсь тебе, — сказал он. — Ты — настоятель монастыря, а отрицаешь главные нравственные христианские ценности.

— Я не отрицаю. Но объективно ли мы их сегодня понимаем? В первую очередь, я учёный. Я не могу оперировать неясными, неточными понятиями, которые основаны исключительно на субъективизме, — я принялся шагать по библиотеке. — Ну, хорошо. Предположим, человечество выработало ориентир, взяв за основу общечеловеческие ценности. Провозгласило их. Поставило цель развития человека. И дальше-то что?

Тот пожал плечами.

— Вот видишь. Дальше ничего! Как можно проконтроли-

ровать движение общества и человека именно в сторону идеала, описанного этими ценностями? А? Ну, к примеру, взять одну из ценностей — социальную солидарность. Как человек сам себе может сказать: «Да, я справедлив, милосерден, достоин, имею личную свободу и доверяю людям»? Чем он реально оценит? Что ему фактически укажет на то, что он, к примеру, справедлив и милосерден? Может, он сделает какое-то доброе, милосердное дело, удовлетворённо поставит себе плюстик и успокоиться? Или составит для себя план: в неделю по милосердному делу? Или он истинно, а значит, неосознанно милосерден, потому что он таков по жизни, и это стало его личной ценностью, и вся его жизнь — социальное сотрудничество? И так во всём. И потом, сколько веков уже подобным ценностям? И каков результат?

Я подошёл к столику, налил себе воды и выпил.

— Нет! — повернулся я к Георгию. — Я убеждён: человечество сможет выжить, только если откажется от туманных, так называемых, ценностей. Нам нужен чёткий закон — эволюционный закон. И он должен быть осознан каждым. Каждый человек должен понимать: он — бессмертен, и его путь — постоянное эволюционное развитие. Сойдя с этого пути, он будет вновь и вновь начинать его заново, пока не пройдёт и его сущность не сольётся с высшими сферами Вселенной.

Я быстро подошёл и заглянул ему в глаза.

— И не просто осознать. Мы должны дать человеку такой прибор, который будет реальным компасом на его пути.

Мы с тобой уже знаем корреляцию энергии мысли человека с его развитием: чем выше вибрация энергии мысли, тем ближе человек к высшим, высокочастотным сферам Вселенной. А вызвать увеличение вибрации такой энергии может только созидательное творчество человека, духовные дела и помыслы. Истинные. Нам остаётся только конкретизировать — установить взаимосвязь изменения энергии человека с его эмоциями, мыслями. И тогда человек сам увидит, по какому пути он идёт — эволюционному или инволюционному — и сможет корректировать этот путь, контролируя свои мысли и эмоции. Именно тогда начнётся, как писал Вернадский, колоссальная работа человека: каждый день одерживать над собой победу, управлять энергией мысли!

Георгий внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Убедительно. Странно, что такие выводы не пришли в голову Вернадскому и его последователям. А может, кто уже работал над таким прибором?

Я пожал плечами.

— Если только не в научной сфере. Иначе информация была бы. А я ничего не нашёл. Всё ограничилось утверждением Вернадского о необходимости такого контроля. Потом его сменили учёные-технологи, если можно их так назвать. Дальнейшие научные исследования сосредоточились исключительно на влиянии технологий на человека и среду его жизни.

Я подошёл и сел напротив Георгия.

— Были, конечно, одиночки, которые пытались изучать энергетику человека: частоту колебаний его мозга и её взаимосвязь с эмоциями. Но дальше психологических выкладок не пошло. Человечество сделало полный виток технологической эволюции: от доиндустриальной эры, с её разработками простейших инструментов из камня, дерева и металла, до эры искусственного интеллекта.

Круг замкнулся, мы вернулись к возможностям человека — к интеллекту, но, не веря в него, не видя возможностей личной эволюции, мы продолжаем развивать технику, делая интеллект — исключительную привилегию, данную природой человеку, искусственным. Всё. А дальше что? Дальше человек станет придатком машины? Превратится в биоробота, которого этот же искусственный интеллект, совершенствуясь, уничтожит за ненадобностью, как рудиментарный орган?

Георгий неодобрительно поджал губы и покачал головой:

— Ну, ты так уж не сгущай. Развитие технологий — естественный ход эволюции. Без него человечество не выжило бы. А если выжило, то до сих пор сидело бы в пещерах в набедренных повязках. Да и сегодня искусственный интеллект — отличный помощник во всех сферах.

Я хлопнул по подлокотникам кресла:

— Да нет же! Я не про то. Ты меня не понял. Я не против инновационного прогресса. Оно необходимо. Единственное «но»: оно действительно необходимо только в том случае, ес-

ли человек осознаёт свою эволюционную цель! А что происходит? Технологическая эволюция происходит, а эволюция человека? Меняется ли сам человек, развиваются ли личность, его интеллект, а значит, энергия его мысли? Абсолютно нет! Более того. Учёные утверждают, что чем дальше — тем ниже уровень интеллекта как отдельных людей, так человечества в целом. Мы не только передаём машинам вычислительные функции, что часто бывает оправданным, но уже теряем способность аналитически сравнивать и делать глубокие выводы. И не только. Теряем саму способность к эволюции!

Я не мог усидеть на месте, встал и принялся расхаживать по библиотеке.

— Ты только посмотри, что происходило. Таланты и способности, если они не направлены на усовершенствование машин или технологий, пускались на самотёк, считались личным делом, досугом, отдыхом, типа вязания или чтения книг. К ним же приравнивалось занятие каким-либо видом искусства. Отсюда и культурный упадок. Творческое саморазвитие личности заменили совершением машин, оставив право на искусство за классиками прошлого и восхищаясь возможностями роботов в настоящем, а будущее представляем чуть ли не симбиозом человека и машины!

Целью человеческого существования стал технологический комфорт. Но это же нонсенс! Только осознание каждым своего эволюционного пути в единой беспредельности

Вселенной, только сознательное движение по этому пути, используя и развивая все имеющиеся личные возможности и, конечно же, и технологические, будет работать на естественную эволюцию человека и человечества, всей нашей планеты.

Я положил голову на подголовник кресла, закрыл глаза и сказал:

— Мы сошли с предназначенного нам пути и начинаем вариться в собственном котле. Но информация человека, заложенный в каждом из нас, не обманешь. Душа требует чего-то большего... Но что? Мы не можем понять. Не можем выглянуть из котла. И ищем проблемы друг в друге, чтобы иметь возможность «развиваться» дальше. Начинается наращивание военного потенциала, конфронтации...

— Ну, всё это давно прошло.

Я насмешливо посмотрел на него.

— Ну да, ну да. Сегодня нет власти денег, и значит, обогащения за счёт других. Нет и войн. Жизнь изменилась. Но изменился ли человек? Разве мало и сегодня у нас преступников? Только теперь идёт борьба не за богатства, а за самоутверждение. Нам мало быть сытым, жить комфортно. Скучно просто вариться в своём котле. Мы должны испытывать чувства! Тешить главное из них — чувство превосходства. Разве не на нём сегодня основано самоутверждение? Влиять на другого человека, подчинить его, заставить делать то, что мы хотим, или показать его ущербность и наше превос-

ходство хоть в чём-то, при этом гордо ощущая собственную важность, единственность и неповторимость — всё это часто становится самоцелью жизни, определением её успеха и собственной самореализации.

Георгий недоверчиво хмыкнул, но промолчал.

— Нет, я понимаю. Что ещё остаётся, если мы чувствуем свою уникальную бессмертную сущность, но не видим, в чём она, наша неповторимость? Не понимаем, свой бесконечный творческий потенциал, такой огромный, что, объединившись, мы смогли бы рождать Вселенные! Но как же мы далеки от осознания этого. И сможем ли когда-нибудь понять? Или опять всё сведётся к поиску личного, сиюминутного самоутверждения за счёт ближнего? Как это было всегда, — сказал я и подумал: «И может быть, так будет всегда?».

Я замолчал. В тишине было слышно, как в стекло билась откуда-то взявшаяся сонная муха. «Как я буюсь...», — тоска вдруг сдавила сердце. Мне почудилось, будто на мои плечи положили непомерный груз, и я не смогу, просто физически не справлюсь. Может быть, всё зря? Я тяжело вздохнул и сказал:

— Знаешь, я иногда думаю, а может, Фивий прав. Может, человек изначально грешен и никогда не сможет стать другим?

Георгий встал, подошёл ко мне, положил руки на плечи, чуть отодвинул от себя и очень серьёзно посмотрел в глаза.

Мгновенье мне казалось, что он спросит, зачем тогда я пригласил его. Но нет. Взгляд его смягчился, он улыбнулся и обнял меня.

— Ты просто устал. Тебе нужно отдохнуть.

— Наверное, ты прав.

Я повернулся к камину.

— Прохладно. Надо протопить камин, — сказал я. — А знаешь, Фивий ещё покажет себя, — я резко повернулся к Георгию. — Он не просто мой недоброжелатель. Я чувствую, да что там! Я уверен — он враг. Он сделает всё возможное, чтобы уничтожить наше с отцом Окимием дело, а меня выгнать из монастыря.

— Ты драматизируешь, дорогой. Он обычный карьерист. Такие хорошо держат нос по ветру. Если начальство тебе дало добро, заинтересовано в деле, которое делаешь, считай, Фивий — твой лучший помощник.

— Да нет... Понимаешь, именно Фивий устроил провал нового устава общины. Подстроил мой отъезд как раз в тот момент, когда всё решалось, и я должен был находиться здесь.

— Как так?

Я посмотрел на него.

«Рассказать? — заколебался я. — Нет. Не могу. Может быть, потом, когда отболит. Не сейчас[i]».

— Это долгая история, прости. Я тебе расскажу как-нибудь.

Георгий кивнул и отошёл к окну. А я уставился в чёрный зев камина.

Мы молчали, думая каждый о своём.

Я вздрогнул, когда он окликнул меня:

— Что с тобой, дорогой? Ты так побледнел! — спросил он.

Я молча смотрел на него.

— Олаф! Ты тут? — тревожно спросил он.

Я кивнул.

— Думаешь, ничего не получится?

Я отрицательно покачал головой и подошёл к нему.

— Знаешь, Георгий, — тихо проговорил я, голос у меня почему-то осип, и я откашлялся.

Он ждал.

— Я уверен в правоте нашей с отцом Окимием теории. Но что касается практики... Идея захватывающая, но... Прибор, который будет измерять индивидуальную энергию человека. Это покруче биометрии личности. Почти полная открытость — увидеть энергетику человека тоже, что увидеть его истинное лицо. Полностью открыться перед другими людьми. А люди-то разные. И такие как Фивий встречаются.

Я положил дрогнувшую руку на плечо Георгия:

— Ты понимаешь? Не откроем ли мы ящик Пандоры?

Он ничего не ответил и отвернулся, посмотрел на горы.

Я принялся возбуждённо шагать взад и вперёд. Наконец,

остановился, решительно ударил кулаком в ладонь и сказал:

— Нет! Не откроем. Главное, чтобы все были в равных условиях. Все! Без исключений. Возможно, это должно стать стандартным ритуалом при рождении человека: делать видимой его энергетику. Ведь тогда будут видны не только благие намерения, но и ложь, подлость. Только всеобщая открытость будет во благо, — и едва слышно добавил, — в любом случае, у нас просто нет выбора.

Георгий молча стоял у окна. Я мерил шагами комнату. Подошёл к нему, тряхнул головой и улыбнулся:

— Как говорится, делай, что должно, и будь что будет. Хуже, чем сейчас, уже не будет. Я уверен, что мы сможем дать миру шанс!

Он кивнул в ответ:

— Давно бы так, дорогой.

В дверь тихонько поскреблись, мы переглянулись. Кто бы это?

— Да! — сказал я. — Войдите.

Дверь приоткрылась, и просунулась русая голова Люсенъки.

— Доброе утречко! Я очень извиняюсь, но дед Анисим просит вас к завтраку. Уже всё готово!

— Спасибо, Люсенъка, — улыбнулся я. — Сейчас придём. Девушка кивнула и тихонько прикрыла дверь.

— И правда, я ужасно проголодался. Пошли завтракать.

— Пошли! Хорошо, что у тебя есть Люсенъка, а то бы ты

замучил меня своими разглагольствованиями и терзаниями, — засмеялся Георгий.

— Ну, извини. Каюсь, есть у меня такая плохая черта. Вечно я во всём сомневаюсь, — ответил я, смущённо потирая нос.

— И ты тешишь себя надеждой, что она одна? — и подтолкнул меня в бок.

Я ответил ему тем же, и, смеясь, мы отправились в столовую. Но тревога в моей душе не исчезла.

Я открыл дверь и, словно попал в другой мир. Весенние лучи заливали кухню-столовую. Они, тёплой лаской, пробежали по нашим лицам, заглянули в глаза, заставили в ответ, прищурясь, улыбнуться. Солнечные зайчики отражались во всём, в чём можно и нельзя, разбрызгивая весёлым фейерверком сигналы природы о приходе весны. Они окончательно прогнали тревогу. На душе стало легко и радостно.

«Да, — удивился я, — даже не заметил, что уже начало марта. Почти два месяца прошло, как мы работаем вместе. Как время-то бежит!».

Мы поздоровались.

Дед Анисим с Егорием поднялись из-за стола и поклонились в ответ. Люсенька стояла у плиты. Она обернулась на нас, молча поклонилась и вновь повернулась к плите, где на сковороде у неё что-то шипело, поджариваясь.

— Садитесь, садитесь. Завтрак готов, — сказал дед.

Мы все расселись.

В центре, на белой скатерти, на плоской тарелке стоял небольшой чугунок, накрытый полотенцем для сохранения тепла. Мне стало неловко, что заставил нас ждать. Люсенька метнулась к столу, сняла с чугунка полотенце, и на нас пахнуло ароматом упаренной, рассыпчатой пшённой каши.

— Спасибо, Люсенька, — сказал я.

— Кушайте на здоровычко! — улыбнулась она и спрятала руки под фартук.

— Ай да каша! — похвалил Георгий. — С яблоками и с мёдом!

Люсенька смущённо зарделась.

Я с удовольствием посмотрел на девушку. Как она изменилась за последнее время. «Ладно тебе, — одёрнул сам себя. — Это только кажется. Весна, что ли, влияет. Всё как обычно».

Но нет. Люсенька заметно похорошела в последнее время. Расцвела. Сегодня она была в новом, а может, только сейчас замеченном мной, лёгком платье, по белому полю которого разбежались весёлые синеглазые васильки, и в строгом, серdito-сером фартуке, туго обхватившем её фигуру, словно пытаюсь удержать в рамках скучного приличия буйство васильков.

Она отошла к плите. Придерживая белой тряпицей ручку сковороды и чуть высунув от усердия кончик языка, она осторожно переворачивала сырники.

— А вот и сырнички, — повернулась она к нам. — Удались на славу. Я сейчас вам со сметанкой. Пальчики оближете! — и метнулась к холодильнику.

«Хороша, самое время влюбляться», — мелькнула мысль.

И правда, она напропалую кокетничала с Егорием. Чуть склонила голову, искоса смотрела на него и загадочно улыбалась, накладывая ему в тарелку сырники. Тот даже рот открыл от радостного удивления. Глядел на Люсеньку добрыми, круглыми коровьими глазами. А она, такая проказница! Отходя от него, взмахнула русой косой, перебрасывая её с груди на спину, и как бы случайно, задела пушистым кончиком Егория по щеке. Тому даже кровь бросилась в лицо.

Дед Анисим, заметив, крикнул и сердито глянул на Люсеньку. Она покосилась на него и залилась краской.

Георгий посмотрел на меня и подмигнул. Я улыбнулся в ответ.

«Вот и хорошо. Отличная пара, — пришло мне в голову. — Надо будет поговорить с ними. Егория отвлечёт от пагубных страстей, да и девушке, по всему видно, замуж пора. Заневестилась. А он парень добрый, заботливый. Доктор Айболит. Ему бы только опекать кого. Как я раньше не заметил? Ведь ему Люсенька-то давно нравится. Вон ещё на калядках, с какой нежностью о ней говорил. За этой работой совсем невнимательным стал. К тому же Егорий ещё не монах, послушник. И насколько я его знаю, и не будет им. В монастырь-то пришёл не по своей воле. По мамкиному насто-

нию. Грех замаливать. Только не такой уж страшный грех, чтоб в монастырь на всю жизнь уходить, когда душа не лежит. Так, подростковое дурачество. Вон как его Люсенька достаёт. Хорошая будет пара, Люсенька тоже добрая душа. Хорошая хозяйка и мать из неё получится. Потому и проводит всё свободное время с малышкой. Женщины на работе, а её просят приглядеть, она и рада. Поженить их надо будет».

Я смотрел на Люсеньку и Егория. И то ли от ощущения чужого счастья, то ли от наступающей весны, сердце моё вдруг забилося радостно и тревожно, невольное томление сжало душу. И совсем иной женский образ снова мелькнул в сознании: милое, запрокинутое лицо с едва заметными веснушками, рассыпанными по белоснежной коже; зовущие, ласковые зелёные глаза; рассыпанные по спине и груди золотисто-рыжие волосы; нежное, податливое тело любимой женщины — Фёка...

Я вздрогнул, почувствовав пинок в ногу под столом, и поднял голову.

— Что с тобой? — одними губами спросил Георгий и кивком показал на мою руку, так крепко сжавшую чашку, что побелели косточки пальцев.

Я перевёл дыхание и поставил чашку на стол.

— Ничего. Так. Задумался, — ответил я и попытался улыбнуться.

Он ничего не сказал, только нахмурился.

«Ему хорошо. Каждый день разговаривает со своими. А я

даже это не могу себе позволить», — чуть ли не с завистью пронеслось в голове.

И я тут же опомнился, разозлился на себя: «Слизняк. Раскис. Запретил же себе даже думать! Дело нужно делать, раз уж взялся». Я отбросил неприятные мысли и огляделся, заметил, что Егорий как-то странно пристально смотрит на меня.

Я вопросительно поднял брови, и тот было стушевался, но, подумав, сказал:

— Брат Олаф, я давно хотел спросить.

— Что спросить?

— Тока вы не серчайте, я у Георгия хотел узнать. Помните тогда, когда ездили его встречать? Вы тогда разрешили... Можно?

Дед крякнул и буркнул под нос:

— Опять про бабы сплетни, что ль?

Люсенька удивлённо уставилась на него. Я было опешил: какие сплетни? Но тут же вспомнил наш с ним разговор в телеге, когда ехали встречать Георгия, и мне стало смешно. Сдерживая улыбку, я сказал:

— Ну, спроси, конечно, если хочешь.

Георгий с интересом переводил взгляд с меня на Егория.

Егорий откашлялся, покосился на удивлённую Люсеньку, во все глаза смотрящую на него, и важно сказал:

— А скажи, брат Георгий, что говорят учёные про комету, которая летит к нам из космоса? Правда ли, что она нам

послана за грехи наши? И как упадёт на землю, так и враз уничтожит её, а мы все попадём прямо в ад.

Люсенька ахнула и перекрестилась.

Дед Анисим крикнул, но ничего не сказал, только укоризненно посмотрел на меня и пробормотал едва слышно:

— Вот орясина, трепет языком как баба всякие несуразности.

Георгий от неожиданности поперхнулся и, отдышавшись, улыбнулся:

— Нет, Егорий, неправда.

— Как же неправда? — подскочил тот. — Все знают, летит комета. Даже в новостях о ней говорили.

— Я не спорю, Егорий. Летит комета. Неправда, что она послана нам за грехи и что упадёт на нашу планету.

— Это почему же неправда-то? Я сам слышал.

Георгий отложил ложку и сложил перед собой на столе руки.

— Что слышал? Что комета упадёт и отправит нас всех в ад?

— Ну-у-у, — замялся Егорий. — Слышал, что летит. А про остальное старшие монахи говорят.

— Старшие монахи, — передразнил я его, — скажи уж прямо — Фиста.

— А что, если и Фиста...

— Не переживай, дорогой. Об этой комете хорошо известно. Её открыли ещё в восемнадцатом веке. Конечно, она са-

мая ближайшая из комет к Земле, да и в принципе могла бы... Но мы её не в первый раз наблюдаем, и никогда не было, чтобы она изменила свою траекторию и приблизилась к Земле. Так что опасности нет.

Он посмотрел на недоверчивое лицо Егория и добавил:

— Не беспокойся. Учёные пристально следят за всем, что происходит в космосе, и если будет хоть малейшая опасность, то обязательно сообщат. Подобное вряд ли удастся скрыть.

— Оно так... Только боязно как-то... Слухи всякие...

— Егорий! — разозлился дед. — Тебе что, заняться нечем? Так я тебе быстро найду.

— Почему нечем? Это я так, к слову.

Я поднялся из-за стола и сказал:

— Ладно. Спасибо, накормили. Всё очень вкусно. Георгий, я в лабораторию. Позавтракаешь, поднимайся.

Тот кивнул.

Я стоял у окна лаборатории и смотрел на горы. Ещё снег белыми шапками лежал на их макушках, но уже угадывались тёмные пятна. Будто кто-то огромный ступал по ним и грозно поглядывал с высоты на людей внизу. «Какими маленькими и беззащитными, должно быть, мы кажемся с высоты. А из космоса?» — мелькнула странная мысль. На душе было беспокойно. И как только Георгий вошёл в лабораторию, я не выдержал:

— Слушай, Георгий, а Егорий-то, может, прав.

Тот удивлённо уставился на меня.

— Сам посуди. Комета-то со времени нашего обнаружения имела орбитальный период — около 5,58 года. Знакомая, можно сказать, комета, а в июле 1779 года, после сближения с Юпитером, вдруг изменила свою орбиту и пропала. Сколько столетий числилась под префиксом «D» — «исчезнувшая»? И на тебе! Объявилась. С чего бы это?

Георгий подошёл к энергостенду, провёл по нему ладонью и повернулся ко мне:

— Не бери в голову, дорогой, я уверен, что всё под контролем. В противном случае, мы уже всё бы знали. Ребята работают над этим. Пока угрозы нет. Подумаем лучше над нашими проблемами.

— Ладно. Давай займёмся нашими делами. Хотя, возможно, это и есть то, о чём я говорил?

— Ты хочешь сказать, что срок эволюционного ожидания подходит к концу?

Я ничего не ответил, но Георгий понял меня без слов.

До полудня мы работали. Идея о приборе, регистрирующем энергию человека, захватила нас, хотя он и отбивался от меня, доказывая, что подобное вряд ли осуществимо.

— Дорогой, как ты представляешь себе отслеживать энергетические вибрации человека? Каждого, — только представь, — каждого из живущих на Земле! — он откинулся на спинку стула и недовольно смотрел на меня.

— И заметь, — ответил я, — не только каждого человека, но и природы. Она, пусть и в меньшей степени, но оказывает влияние на энергетику Земли. А главное, такой прибор нам необходим, чтобы держать руку на пульсе планеты: выявлять отклонения в её энергополе, которые могут привести к серьёзным глобальным последствиям.

— Конечно, дорогой! Прибор сможет всё, — язвительно ответил Георгий, а в его глазах я увидел пляшущих чертенят. — Человеку останется только кнопочку нажать, и, пожалуйста, вперёд в эволюцию.

Я улыбнулся. Отлично его знаю: чем труднее задача, тем ворчливее он делается, убеждая всех, что такое невозможно. Но тем сильнее идея захватывает его, и уже теперь не опустит, пока он не добьётся своего и не решит её.

Я встал.

— Я за кофе. Тебе сделать?

— Угу, — ответил он и уставился в окно.

Зажужжал древний аппарат, аромат наполнил комнату.

— Знаешь, дорогой, у меня одна мыслишка...

Вызов, прозвучавший в моём браслете, прервал его.

Я бросил взгляд на браслет и удивился:

— Брат Кирилл.

— Кто такой брат Кирилл?

— Директор монастырской школы. Что-то, видимо, случилось. Извини, — сказал я и включил связь. — Здравствуй, брат Кирилл.

— Добрый день, брат Олаф. Прости, что побеспокоил, но нам надо поговорить. Накопилось много вопросов по весеннему выпуску. Сегодня мы собираем школьный совет, ты смог бы присутствовать?

— Да, конечно! Если я нужен, то обязательно буду. Когда вы собираетесь?

— Через три часа.

— Хорошо.

— Спасибо. До свидания. Ждём.

— До встречи.

Он отключился.

Я подошёл к столу и собрал бумаги. На душе было тревожно. За работой я совсем забросил все текущие дела. Подошёл Георгий с чашкой кофе.

— Выпей, дорогой, успокойся. Что ты заметался? Что-то серьёзное случилось?

Я отрицательно махнул головой и взял чашку.

— Спасибо.

С наслаждением вдохнул аромат эспresso, но кофе пить расхотелось.

— Совсем забыл, что я настоятель монастыря, — с горечью ответил я. — Видимо, работа в лаборатории остаётся на тебе. Мне пора вплотную заняться делами обители. Весна. Скоро посевная. Нам нужна новая техника, и ещё план развития хозяйства. Совсем упустил, — я раздражённо поставил чашку на стол. — А ещё Сидор, куратор наших поселе-

ний, не звонит с отчётом. Я же поручил ему! Придётся заняться самому. А теперь ещё меня ждут на школьном совете. Понимаешь, в этом году мы поменяли правила выпуска. Ребятам теперь разрешили проходить дальнейшее обучение не только на богословских факультетах, но и на светских. А это не просто. Программы разные. Надо успеть их подготовить.

Георгий улыбнулся.

— Нашёл из-за чего переживать. Тем более мы с идеей определились. Дело за техникой выполнения задуманного. А ты же знаешь, дорогой, что по этой части лучше меня никого нет.

— Твоя правда, — улыбнулся я.

— Ну, так и занимайся на здоровье своими монастырскими делами.

После обеда Егорий повёз меня в школу.

[i] О том, что произошло , читайте в «Олег. Путь к себе» книга вторая.

Глава 4. Герань и запах ванильного печенья

— Тпру-у-у! — Егорий остановил лошадь и обернулся ко мне: — Приехали! Вона, школа наша, — показал кнутом на длинное одноэтажное бревенчатое сооружение.

Я поразился: оно скорее было похоже на большой сарай, чем на учебное заведение. От сарая здание отличали окна, прорубленные в ряд, да торчащие трубы. Слева к нему прижалась маленькая одноэтажная пристройка с круглой крышей, похожая на гриб боровик, с другой стороны — домик-флигель.

Я огляделся. Мы подъехали к школе, когда солнце уже присело отдохнуть на макушку горы, перед тем как уйти на покой. Его косые лучи чётко освещали клумбы перед школой, скамейки вокруг них и, дальше от школы, пустые остовы летних теплиц. Всё ещё было укрыто снегом, только расчищенные дорожки петляли между клумбами, разбегаясь к школе и флигелям. А за школой высились деревья. Снега на ветвях уже не было, и предзакатный свет запутался в них, ярко и резко, словно мягким простым карандашом расчертив в небе тёмные жирные стволы деревьев, с наброшенным на них чёрным кружевом, чуть растушёванным расстоянием, переплетённых крон. «Наверное, фруктовый сад», — подумал.

мал я.

Дверь школы распахнулась, и к нам поспешили три фигуры в тёмных одеждах.

В первом — высоком и худощавом монахе — я узнал Кирилла, директора школы. С ним я был знаком по нашим монастырским соборам. Рядом с ним шёл монах. «Какой великан!», — мелькнула мысль. Монах этот был на голову выше Кирилла и с видимым усилием сдерживал себя, чтобы отстать на полшага, соблюдая субординацию. Движения его были резкими, но не грубыми. От него веяло какой-то мягкой дородностью. За великаном, едва поспевая, семенил маленький и щуплый, уже немолодой мужичок, ему, должно быть, было уже хорошо за пятьдесят. Я постарался спрятать в усах улыбку, наблюдая за троицей. Спрыгнул с саней и пошёл навстречу.

Они подошли, перекрестились.

— Благослови, брат Олаф!

Сердце моё неприятно ворохнулось, как обычно в таких ситуациях: не считал я себя достойным и вправе благословлять кого-то. Я же не отец Ануфрий, в конце концов! Но делать нечего. Должность обязывала. Надо быть спокойнее, принимать как неизбежное, убеждал я себя. Но сердце не соглашалось.

Я благословил их и обнял каждого. Кирилл с монахом-великаном зарделись, а мужичок, переминаясь с ноги на ногу и нервно теребя в руках шапку, поспешил спрятаться за ве-

ликаном. Видимо, подобное приветствие здесь редкость.

Неловкость прервал Кирилл, он повернулся к великану и сказал:

— Брат Олаф, наш заведующий учебной частью — брат Ефросиний. Очень толковый преподаватель. Моя правая рука.

— Рад знакомству, — ответил я.

— Ты не смотри, что он большой и неловкий. Ефросиний — наш вдохновитель. А как он загорелся вашей идеей Единого Университета! Я уверен, что с его помощью у нас всё быстро наладится.

— Да, ладно, брат Кирилл. Ты же сам, а я-то что. Нам бы вот обсудить надо, — взмахнул рукой Ефросиний, чуть не задев меня по носу.

Я отпрянул, засмеялся и сказал:

— Хорошо. Для того и приехал. Сейчас всё и обсудим.

Великан смутился и отступил.

— Конечно, обсудим, — уверил Кирилл, привычно уклоняясь от эмоционального великана и поворачиваясь к мужичку: — Вот только хочу вас познакомить, брат Олаф, с нашим завхозом. Брат Игнатий.

Игнатий поклонился.

— Брат Игнатий у нас за всех: он не только завхоз, но и электрик, и столяр, и слесарь, и истопник, и дворник. Да что там, — Кирилл обнял Игнатия за плечи, — всего и не перечислишь. Без него школа как без рук: в любое время, что бы

ни случилось, он тут как тут. Всё на нём. Толковый человек, а какой организатор!

— Организатор?

Игнатий смущённо потоптался:

— Да будя вам. Чего такого-то? Я пойду, пожалуй, Егорию пособию, если дозволите.

Кирилл посмотрел на меня.

— Конечно, иди, — сказал я и добавил, видя, как у того покраснели уши, — ты бы, брат Игнатий, шапку надел. Замерзнешь.

Игнатий нахлобучил шапку и пошёл к саням.

Кирилл, видимо, прочитал в моём взгляде недоверие к этому неказистому с виду мужичку, наклонился ко мне и тихо произнёс, так чтобы Игнатий не услышал:

— И не поймёшь, чем берёт: то ли силой тела, хотя, глядя на него, и не скажешь; то ли силой духа и желанием помочь. А насчёт организатора, не сомневайтесь, истинно так. Хозяйство у нас немаленькое: школа да ещё большая территория вокруг неё. У нас и плодовый сад, и теплицы, и даже загон с курами. Конечно, завхозу одному не управиться, но брат Игнатий сумел так организовать ребят, что те охотно ему помогают. Добился, чтобы не просто везде царил идеальный порядок, но и каждый нашёл работу себе по душе.

— Когда же дети всё успевают и учиться, и по хозяйству помогать?

— Ещё до меня так было заведено. Дети не только учат-

ся. Они же весь день до позднего вечера находятся в школе. Даже в каникулы. Взрослые-то с утра до вечера в поле или в мастерских. Мы, конечно, никого из ребят не заставляем приходить, и некоторые помогают дома, но в основном они здесь.

— А когда же они отдыхают? У вас, я вижу, даже игровой или спортивной площадки нет. Хорошо ли это?

Брат Кирилл помолчал.

— Я тоже сначала так думал, — наконец, сказал он. — А потом я просто поверил отцу Окимиию, что так будет лучше. Теперь и сам убедился. А игры, что игры? Разве ухаживать за садом или выращивать овощи в теплице не та же игра? Не тот же спорт или соревнование? Только помноженное на осознание, что ты создал что-то своими руками, и сделал не для себя, а для всех. Это же замечательно! Да? — он с надеждой посмотрел на меня.

Я невольно кивнул. Однако... Нет, я не мог сказать, что это плохо. Но немного было жаль, что у детей не было беззаботного детства. Хотя хорошо ли это — беззаботное детство?

— Ну, хорошо, — сказал я. — Пойдёмте?

Кирилл подхватился.

— Конечно, конечно! Хотите школу осмотреть или пойдём сразу в учительскую? Учительская у нас во флигеле. Там и жилые комнаты учителей, которые работают по договору с монастырём, там же мы обсуждаем наши учебные дела.

— Сначала в школу, — кивнул я и обернулся на Егория. Около него уже стоял завхоз, оглаживая круп лошади.

— Егорий, ты где будешь?

— Я с братом Игнатием! Лошадку обихожу, — крикнул тот в ответ.

Игнатий глянул на меня и сказал:

— Мы с Егорием у меня пока побудем. Если надобность какая, вызывайте. Я тут, рядом. Вон в том домике с круглой крышей, — показал он.

— Хорошо! — махнул я в ответ.

Мы пошли к школе.

— А сам-то ты где живёшь, брат Кирилл? Неужто из монастыря каждый день приходишь? — по дороге спросил я.

— Нет, я тут же во флигеле живу. Так ещё при отце Окимии было заведено. В монастыре у нас только брат Михаил, он преподаёт основы богословия, да вот и брат Ефросиний ночуют. А учителя-поселенцы живут рядом в поселении.

— Не тяжело ли из монастыря каждый день ходить? Не ближний путь, — спросил Ефросиния.

Тот потупился и молчал.

— Может быть, было бы удобнее и им жить при школе, но брат Фивий не даёт на то разрешение, — ответил за него Кирилл.

— Что ж ко мне не обратились?

— Спасибо, брат Олаф, только, вроде, и ни к чему. Мне не в тягость, да и привык я к келье своей, — ответил Ефро-

синий.

Я кивнул.

— Брат Кирилл, а дети сейчас в классах? Мы не помешаем?

— Только выпускной класс. Для остальных на сегодня занятия закончились. Такой день! Преподаватели собрались в учительской, — Кирилл махнул в сторону флигеля.

Я остановился и повернулся к нему.

— Может, не стоит заставлять их ждать? Школу осмотрим в другое время?

— Нет, что вы! Мы очень рады, что вы посмотрите школу. Тем более... — Кирилл замялся.

Я вопросительно смотрел на него.

— Вы простите, мы недоговаривались. Но, может быть. Для старшеклассников такой день! Скоро выпускной, а тут приезд настоятеля. Напутственное слово — это память на всю жизнь.

Он вопросительно глянул на меня и спросил:

— Вы не против?

Меня бросило в жар. Вот так-так! Оратор из меня ещё тот. И что я могу сказать выпускникам? Вообще, не умею с детьми разговаривать. Ну, спасибо, Кирилл, угрожил.

— Не против, конечно. Если ребята меня ждут, — пробормотал я.

— Вот и хорошо! — обрадовался он. — Мы так и знали. Пойдёмте, пойдёмте. Они очень ждут. А учителям есть чем

сейчас заняться, не беспокойтесь.

«Чтоб тебя», — в сердцах подумал я, и мы направились в школу.

Со двора мы попали в прихожую-раздевалку. Большую часть её, справа, занимали длинные деревянные стойки с прибитыми на них крючками-вешалками, которые сейчас были пустыми. Только в дальнем углу я заметил детскую одежду, видимо, старшеклассников. Слева вдоль стен стояли простые деревянные лавки. Здесь же была и печка, а недалеко от неё — дверь, ведущая вглубь здания. С другой стороны печи стоял небольшой колченогий столик, на нём — зажжённая настольная лампа под оранжевым абажуром. «Хорошо, что хоть в школе есть электричество. Молодец Кирилл», — мелькнуло в голове. Рядом с лампой лежала толстая открытая книга и медный школьный колокольчик. За столиком сидел пожилой, чисто выбритый мужчина. При виде нас он неловко поднялся, и я понял, что у него вместо левой ноги протез.

— Здравствуйте, — поздоровался я.

Мужчина поклонился.

— Позвольте вам представить: наш сторож-истопник, блюститель порядка и ответственный за организацию учебного процесса, — сказал Кирилл.

— Василь Игнатьич, — сказал тот и, едва заметно прихрамывая, подошёл ко мне и наклонил голову: — Благословите, батюшка.

Я с интересом посмотрел на него: первый раз в обители мне представлялись по имени-отчеству, да к тому же чисто выбритый! Но вида не подал, перекрестил его и положил руку на его голову:

— Божие благословение на вас.

Из прихожей мы вышли в коридор. Я очень удивился: внешне — сарай, внутри помещение было тёплым и светлым, и главное — очень уютным. Казалось, что может быть уютного в длинном коридоре? Но то ли от тёплого цвета светлой солнечно-жёлтой краски, в которую были выкрашены стены, пол и потолок; или от цветущей герани на широких подоконниках за лёгкими белоснежными тюлевыми занавесками; а может, от обилия света, который шёл от больших окон и отражался в стеклянных дверях классов напротив, наполняя коридор воздухом; или от вкусного запаха какао, напомнившего мне детство — всё вместе делало это место по-домашнему уютным.

Я посмотрел на Кирилла.

— Хорошо здесь у вас.

Он улыбнулся в ответ, но тут же взгляд его стал серьёзным. Я проследил за ним и увидел фигурку в конце коридора. Мальчик сидел на полу под подоконником, обхватив колени руками и положив на них голову.

Мы подошли.

— Петров, ты почему здесь сидишь? — так громко и строго спросил Кирилл, что я от неожиданности вздрогнул.

Мальчик подскочил, ударился русой головой о подоконник, но не обратил на это внимания, испуганно глянул на нас и понуро потупился в пол.

Кирилл смущённо кашлянул, но также строго спросил:
— Что же ты молчишь, Петров? Почему тебя выгнали из класса?

Я смотрел на Кирилла и понимал, что этот человек, который сейчас старается быть строгим, на самом деле был очень добрым, явно любящим ребятню. Он сам был ещё молодым, ему едва исполнилось тридцать. Я заметил, как он смотрел на школьника круглыми, строгими глазами, пряча в аккуратно подстриженной бороде и пшеничных усах улыбку. Похоже, мягкую интеллигентность Кирилла заметил не только я. Вспомнил, как после смерти отца Окимия Фивий требовал, чтобы я назначил другого директора:

— Брат Кирилл — достойный человек, но слишком молод, чтобы благотворно влиять на души и разум детей, как того требует наша религия, — убеждал он меня. — Сам ещё недавно был подростком. И добр, к тому же, чрезмерно. Такой скорее воспитает вольнодумных отступников, чем ревностных хранителей устоев Церкви! — утверждал он.

Если бы не бывший настоятель отец Окимий, который любил брата Кирилла как сына, то не возглавлять бы тому монастырскую школу.

Сердцем я соглашался с Фивием, и именно потому был категорически против отлучения брата Кирилла от школы.

Нет, я не поддерживал воспитание отступников. Да и не верил в подобное. Но воспитание не религиозных фанатиков, а духовных и думающих людей только приветствовал. Без любви нельзя взрастить таких людей, а в том, что Кирилл любит детей, я не сомневался.

Фивию приходилось с этим мириться. Писать донос в департамент он не решался, знал, что там авторитет отца Окимия, назначившего брата Кирилла директором, был незыблем. Фивию только и оставалось, что донимать меня до тех пор, пока я не огласил новый Устав обители, тогда он наконец понял всю тщетность своих усилий и отстал от меня.

Мои мысли и неловкую сцену прервал звук открываемой двери. Из класса вышла рыжеволосая, невысокая, хрупкая девушка. Она взглянула на нас, смутилась, и её белая кожа залилась краской. Но уже через секунду она вскинула голову, а её курносый носик задиристо поглядывал на всех.

— Разрешите представить, брат Олаф, Бэла — преподаватель математики в старших классах, — с Кирилл повернулся к Бэле: — Настоятель хотел бы осмотреть класс.

— Здравствуйте. Очень приятно. Пожалуйста, проходите, — и отошла в сторону, пропуская нас.

— Здравствуйте, Бэла, — ответил я. — Вы разрешите присутствовать и нарушителю? — улыбнулся я.

— Да, конечно. Петя, ты можешь сесть на своё место.

Парнишка прошмыгнул в класс, мы зашли следом.

В просторном и светлом классе на окнах висели такие же

тюлевые занавески, что и в коридоре, и также за ними прятались горшки с цветами. Пахло мелом и ванильным печеньем. За партами сидело человек пятнадцать мальчиков и девочек лет пятнадцати-шестнадцати. При нашем появлении они встали. Единой формы не было, и ребята были одеты кто во что горазд, но одежда их была почти одного цвета: тёмные кофты, брюки и юбки.

Кирилл громко и торжественно сказал:

— Ребята! У нас сегодня знаменательный день! Нас посетил настоятель монастыря, отец Олаф — духовный руководитель нашей общины и школы. Он пришёл, чтобы благословить и напутствовать вас. Это большая честь, которая выпадает не каждому выпускному классу.

Кирилл поклонился мне и отошёл в сторону. Я оказался впереди нашей делегации. Даже великан-завуч умудрился съёжиться и спрятаться за мою спину. Бэла же отошла к учительскому столу, который стоял у окна, и любопытно-смеющимися глазами смотрела на меня.

Я понял, что должен произнести какую-то речь. Мне стало не по себе. Я вздохнул, задержал дыхание и, решившись, выпалил:

— Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста.

Это получилось так неожиданно громко, что я сам вздрогнул. Ребята сели, не сводя с меня глаз. Я пробежал взглядом по их лицам, встретился взглядом с их глазами. Любопытные, восторженные, робкие — такие разные. Они, не отры-

ваясь, смотрели на меня. И вдруг среди них мелькнули очень знакомые насмешливо-озорные серо-зелёные глаза. Пригляделся и узнал в плечистом парне, сидящем на третьей парте у окна, моего давнего знакомого Митрю — некогда худенького, невысокого паренька, очень живого и смешливого, с которым меня свела судьба, как только я попал в монастырь[i], и кто стал моим гидом в этом новом для меня мире.

— Здравствуй, Митря!

Тот радостно заулыбался и вскочил:

— Здравствуйте, отец Олаф! — новым, чуть басовитым голосом сказал он.

— Рад тебя видеть! Садись, садись, — махнул я ему.

— Какой ты стал. Не узнать. Возмужал, чуб-то свой золотой где потерял?

Ребята дружно выдохнули, напряжение спало, стали доноситься смешки.

Митря смущённо провёл рукой по тёмно-русые волосам.

— Ты стал очень похож на отца. И статью, и басовитым голосом. Рад, что ты попал в выпуск, который позволит осуществить твою мечту. Помнишь, о чём мечтал?

Он кивнул:

— Да. Хотел, как отец Окимий, на астрофизика выучиться. Только в это тогда не верил никто. Даже отец.

Я покачал головой.

— А сегодня всё зависит от тебя, от твоего желания учиться и трудолюбия. И как, Митрий, ты всё так же мечтаешь

стать астрофизиком или теперь у тебя другое желание?

— Нет, также, — упрямо тряхнул головой Митрий.

— Очень хорошо. Верю, что у тебя всё получится.

Я посмотрел на девочку, которая сидела рядом с Митрием. Каштановые волосы обрамляли худенькое, бледное личико с широко распахнутыми серыми глазами. Я вспомнил, как несколько лет назад видел эту девчушку, тогда она была очень больна и находилась при смерти[i]. У её постели я познакомился с Фивием, приходившим её соборовать. Кажется, она была подружкой Митрия, и звали её Аней.

— Анечка? — спросил я.

Щёчки девчушки порозовели, она кивнула.

— Помню, помню, подружку Митрия. А ты кем хочешь стать? Выбрала, где будешь дальше учиться?

Она поднялась и едва слышно прошептала:

— Я не буду дальше учиться. То есть... — она смутилась и замолчала.

— Как так?

Митрий встал и сказал:

— Анечка хочет иконы рисовать.

Я вспомнил, как мама девочки говорила о религиозности девочки.

— Это очень хорошо. Но рисовать тоже надо учиться. Анечка, где же ты хочешь рисовать иконы?

— Я уже рисую, — тихо произнесла она.

— Правда? — спросил Кирилл.

Тот кивнул.

— Да, у Анечки определённо талант художника. Но учить-ся, конечно, всё равно надо. Пока мы не решили где.

— У нас же есть отличная иконописная мастерская. Надо поговорить с мастерами, возможно ли там обучать талантливых ребят.

— Да, брат Олаф. Я уже думал об этом. Сегодня как раз хотел обсудить.

— Хорошо, — кивнул я. — Обсудим. Садись, Анечка, — повернулся я к девочке. — Думаю, и твоей мечте суждено исполниться.

Глаза её радостно вспыхнули, и она села.

Я посмотрел на класс:

— Начиная с вашего выпуска, перед вами, ребята, откроются двери не только богословских, но и светских учебных заведений. Очень важно, чтобы человек мечтал, и его мечты осуществлялись. Мы сделаем всё возможное, чтобы ваши мечты осуществились. Но это очень нелегко. Одного мечтания недостаточно. Наука, и не только, любое дело требует всей жизни человека. Кем бы вы ни захотели стать, где бы ни мечтали учиться и работать, осуществление задуманного вами зависит только от вас: от вашего упорства, трудолюбия, настойчивости в достижении цели. И главное, запомните: в одиночку трудно сделать что-то стоящее. Сотрудничество между людьми также бесценно, как талант. Объединение талантливых людей в творческом созидательном труде — то,

ради чего стоит жить. А для этого надо знать свои способности, развивать их, учиться. В этом году вы все должны были пройти тестирование и определиться со своими наклонностями и, соответственно, со своим будущим. Так, брат Кирилл? — я глянул на Кирилла.

— Совершенно верно, тестирование было проведено. Думаю, что каждый смог определиться, и мы подготовили личные программы подготовки для каждого.

— Очень хорошо. Благослови вас Господь! — я перекрестил класс. — Желаю, чтобы каждый из вас добился осуществления своей мечты.

И повернулся к преподавателям:

— Не будем мешать. Времени для подготовки очень мало, а работы много. Пойдёмте, — и пошёл к выходу.

Дети встали. Кирилл и завуч пошли за мной. Я услышал, как за спиной Кирилл шепнул Бэле, что через десять минут мы начнём совещание и ей надо быть.

— Хорошо, — чуть слышно ответила она.

Мы вышли из школы в сумерки. Воздух потемнел и сгустился — словно сдавленный тёмными горами. Только вершины гор ещё озарялись светом заходящего солнца, а с земли вверх уже ползла темнота.

Под крышей крыльца флигеля горел фонарь, и в ярко освещённом круге света я увидел толпящихся людей. «Учителя встречают, — подумал, — должно быть, Кирилл успел сообщить, что мы идём».

Мы пошли к флигелю. Я увидел, как некоторые из них спускаются по лестнице крыльца. «За благословением», — решил я, и сердце моё уже привычно неприятно бухнуло.

Впереди шёл пожилой монах — низенький, кругленький человечек. Очень доброе лицо его с редкими длинными куделями-прядками бороды было похоже на картофелину с пророщенными глазками. С ним я уже был хорошо знаком. Он был учителем богословия.

— Здравствуй, брат Михаил. Как здоровье? — спросил я.

— Благодарствую. С божьей помощью, — немного нараспев, видимо, от постоянной привычки чтения библии вслух, ответил он.

— Благословите! — попросил он.

— Благословение Господа на вас, — сказал я, положив ему на голову руку, чтобы не давать её для поцелуя. Может, это и было не то, что хотел монах, но это было бы уже выше моих сил.

За ним подошли две женщины.

— Наши преподаватели-поселенки, — представил Кирилл и повернулся к одной из них: маленькой и худощавой, державшейся очень прямо.

— Клавдия, преподаватель арифметики и математики в младших и средних классах, — представил её Кирилл.

Я подивился строгому виду учёной дамы. Я не сомневался, что она любила детей, иначе бы брат Кирилл не оставил её в школе, но, похоже, дисциплину любила больше.

— Рад познакомиться.

Она чуть склонила голову, и улыбка тронула её крепко сжатые губы, когда моя рука коснулась её головы, благословляя.

— Благодарю, брат Олаф, — негромко сказала она и степенно отошла, давая место необычайно высокой и очень худенькой, словно воздушной, молодой женщине.

— Серафима. Учитель пения и рисования, — представилась она сама.

«Надо же! — подумал я про себя. — И предметы не материальные, такие же эфирные, как она сама».

Благословив Серафиму, я пошёл к крыльцу, где толпились незнакомые и такие молодые люди, что подумал: они, должно быть, только окончили университет. Две девушки и парень с интересом рассматривали меня, а за ними, опершись на стену, стоял мужчина лет пятидесяти. По мере моего приближения я чувствовал, что они все больше и больше смущаются. И вдруг вспомнил, как сам в первый раз увидел Фивия, благословляющего поселенцев. «Им, наверное, тоже хочется сказать: спасибо не надо. Как тогда я сказал Фивию, который подошёл меня благословить», — подумал я, усмехнулся и быстро взошёл по ступеням.

— Здравствуйте, друзья! — я сделал общий приветственный полупоклон и повернулся к брату Кириллу. — Да у вас отличное пополнение.

— Стараемся успеть выполнить задуманное, — ответил

тот. — Это преподаватели, которые согласились помочь подготовиться ребятам, желающим продолжить обучение в светских университетах. А Бэлу — вы видели.

Я кивнул.

— А, вот, позвольте представить, — проговорил Кирилл, подходя к высокой и стройной, похожей на цыганку, каким я их представлял, читая исторические книги, — Тамара — учитель химии и биологии.

— Добрый вечер. Рад знакомству, — сказал я. — Очень надеюсь, что с вашей помощью ребята смогут подготовиться к экзаменам.

— Добрый, — чуть смущённо улыбнулась она. — Тоже на это надеюсь.

— Симона, — повернулся к другой Кирилл.

Симона была противоположностью Тамары: невысокая и кругленькая, с милыми ямочками на щеках.

— Здравствуйте, — чуть нараспев поздоровалась она.

И на вопрос о том, как ей понравилась школа, успела ли она уже познакомиться с учениками, отвечала медленно, словно пробуя на вкус каждое слово. Должно быть, на манеру её речи наложил отпечаток предмет, который она преподавала — «Языковедение и искусство слова»:

— Школа небольшая, но всё необходимое для занятий в ней есть. Ребята учатся с удовольствием, но уж очень степенны и тихи для их возраста.

Я кивнул:

— Возможно, на их поведение наложил отпечаток монастырь.

— Скорее всего, ещё не привыкли к нам, — сказал молодой человек, подходя. — Позвольте представиться, Глеб — преподаватель истории, географии и обществознания.

— Рад знакомству, — протянул я руку.

Он крепко её пожал. Глеб был высок и худощав. «Явный спортсмен. И как его угораздило стать учителем?» — подумал и повернулся к мужчине с седой, как лунь, шевелюрой, и живыми смеющимися глазами.

Брат Кирилл представил его как Акима — преподавателя физики и астрономии.

— Первый раз встречаю такого прогрессивного настоятеля, — с едва уловимой улыбкой в глазах сказал Аким, пожимая мне руку.

— И много вы видели настоятелей? — в тон ему спросил я.

— Если к личному свидетельству можно приравнять и знание исторических фактов, предостаточно, — уклонился он от прямого ответа.

Я засмеялся, мы вошли во флигель.

И сразу попали в прихожую с печкой — комнату, чем-то напоминающую прихожую-раздевалку в школе, но маленькую. Из прихожей вела одна дверь.

За ней оказался длинный тёмный коридор, на потолке которого горели тусклые лампочки; правда, было тепло и вкус-

но пахло свежим хлебом.

Вместо окон в стенах коридора располагались двери, и в самом его конце вместо окна была дверь. Казалось, что коридор делил домик на две части.

— С правой стороны у нас жилые комнаты, а слева кухня со столовой, библиотека, общая комната отдыха и рабочие комнаты учителей, где они могут готовиться к занятиям, — сообщил Кирилл.

Мы прошли коридор. Кирилл открыл дверь, расположенную в его торце, и пропустил меня вперёд:

— Наша учительская.

Я прошёл вперёд и попал в большую комнату.

Никогда бы не подумал, что это учительская. Вдоль стен перед окнами, которые сейчас были плотно занавешены льняными светло-серыми шторами, стояли письменные столы, видимо, для каждого из преподавателей. Но удивительно было то, что почти всю середину комнаты занимал овальный стол, накрытый белой скатертью. В его центре возвышался большой пузатый самовар, в латунных боках которого поблёскивал отражённый свет горевшей лампочки под большим бежевым абажуром, подвешенной над столом. На самоваре в специальной конфорке уютно устроился белый заварочный чайник. А вокруг на разномастных тарелках лежали баранки, сухарики, горки сдобных калачей и булочек, а в вазочках — варенье и мёд. Всё такое ароматное, аппетитное, что я вспомнил, как давно не ел, и рот мгновенно наполнил-

ся слюной.

«Так вот откуда такой хлебный аромат», — подумал я и сглотнул.

— Выпьете с нами чаю? — спросил Кирилл. — Мы подумали, что беседа за столом поможет знакомству. Вы не против?

— Не против, — улыбнулся я.

— Милости просим, — Ефросиний отодвинул один из стульев, стоящих вокруг стола, предлагая сесть. — Или с дороги хотите руки помыть?

Я кивнул.

— Пойдёмте, я вас провожу! — обрадовался Кирилл.

«Наверное, сомневался, что я соглашусь. Не по сану мне чай со всеми гонять», — думал я, идя за ним.

Едва мы расположились за столом, как за дверью зычный голос произнёс:

— Молитвами святых брат наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

Все замерли.

[i]Подробнее читайте в «Олег. Путь к себе» книга первая.

[ii]Подробнее читайте в «Олег. Путь к себе» книга первая.

Глава 5. Испытание Фивием

Молодёжь недоумённо переглядывалась, а Кирилл так и сидел, оторопев, даже рот приоткрыл от удивления, видно, совсем отвык в школе от приветствий монахов при посещении их друг друга.

И тогда я громко сказал:

— Аминь!

Дверь открылась, и на пороге появилась дородная фигура Фивия. Следом за ним проскользнул его помощник и постоянный спутник Фиста — высокий худой монах в чёрной до пят одежде. Безмолвный и быстрый, он не только всегда тенью следовал за своим хозяином, но и был вездесущ: от его глаз и ушей ничто не могло укрыться.

Я не удивился, увидев эту парочку. «Куда же курам без лисы», — мелькнуло в голове, когда я смотрел, как Фивий степенно переступил порог и строго оглядел всех.

— Надеюсь, не помешаю столь достойному собранию? — спросил он, в его голосе прозвучала плохо скрываемая насмешка.

— Здравствуй, брат Фивий. Почему же помешаешь? Проходите, садитесь, — ответил я и глянул на Ефросиния.

Тот понял и бросился к соседним столам за стульями. Один стул поставил рядом со мной, должно быть, для Фивия, другой — на свободное место на другом конце стола —

для Фисты.

Тем временем Кирилл наконец очнулся и подскочил к Фивию:

— Что вы, что вы, брат Фивий! Очень рады, что вы нашли время присоединиться к нашему обсуждению. Извините, вы столь заняты делами монастыря, что я не решился, — он сбился и потупил взор.

— Ха-ха! Слышишь, брат Олаф?

Кровь бросилась мне в лицо.

— Нет! Нет! — поспешно воскликнул Кирилл. — Я не хотел сказать, что брат Олаф свободен от монастырских дел. Совсем наоборот. То есть... Просто. Брат Олаф — организатор, так сказать, вдохновитель школьных перемен. Я подумал, что без него... А вы..., — он окончательно смешался и покраснел. — В общем, я очень рад, что и вы присоединитесь к обсуждению.

— К обсуждению, — хмыкнул Фивий и оглядел стол, за которым мы сидели. — Это трудно назвать обсуждением. Скорее посиделки.

Учителя с интересом смотрели на нашу перепалку, и я постарался взять себя в руки и не обращать внимания на ехидные подколы Фивия.

— Хорошо, что пришёл. Всё и обсудим. Садитесь, — сказал я.

Фивий кивнул, взял свободный стул и отошёл к окну. Поставил его между письменными столами и уселся, аккурат-

но расправив складки рясы, молча воззрился на нас. Фиста устроился позади своего хозяина.

Кирилл с потерянным видом тихо проговорил, обращаясь к преподавателям:

— Давайте, пожалуй, и мы перейдём.

Все разошлись по рабочим местам.

Кирилл подошёл к своему столу и спросил:

— Брат Олаф, может, сюда?

— Зачем же? — улыбнулся я. — Спасибо, мне и здесь очень хорошо. К тому же я ещё чай не пил.

Ефросиний было вскочил налить мне чай, но я махнул ему и, подойдя к самовару, налил себе в чашку кипятка и сверху долил заварку, пахнущую травами. И с чашкой в руках уселся на своё место. Пригубил и одобрительно покачал головой:

— Вкусный!

Мои действия немного разрядили обстановку. Преподаватели заулыбались переглядываясь. Только Фивий сердито поджал губы, лицо его покраснело. А Кирилл кивнул и сел за свой стол. Рядом с ним поставил стул и устроился Ефросиний.

Наступила тишина. Я молчал, потихоньку прихлёбывал из чашки и ждал, когда Кирилл, наконец, опомнится и продолжит вести собрание.

И тут в дверь постучали. Она открылась, на пороге стояла Бэла.

— Можно?

— Да, Бэла, заходи! — сказал Кирилл.

— Здравствуйте, — девушка, с любопытством осматриваясь, прошла к своему столу и села.

Вновь стало тихо. Кирилл молчал и озабоченно перекладывал на столе бумаги, словно искал что-то.

«Не смеет начать разговор при столь важной особе», — усмехнулся я про себя и понял, что доверительного разговора теперь не получится.

Но надо было как-то выходить из положения, и я сказал:

— Брат Кирилл, познакомь, пожалуйста, брата Фивия с новыми преподавателями.

Фивий гордо выпрямился на стуле, окинул царственным взглядом собравшихся:

— Так это и есть новые учителя, с которыми монастырь заключил договоры? Надеюсь, брат Олаф, ты тщательно ознакомились с рекомендациями?

— Да! — подскочил Кирилл. — Позвольте представить? Фивий благосклонно наклонил голову.

Я с удивлением смотрел на происходящее. Поразительно, как один человек мог влиять на других людей: людей современных, образованных, свободных во мнениях и поступках! Невероятно, как молодой человек, а Фивию ещё не исполнилось и сорока, одним своим видом и взглядом мог внушить человеку, что тот ниже и недостойнее его.

Мало того, что молодые преподаватели поспешно вставали и неловко, пусть чуть-чуть, но кланялись этому молодому

му дородному человеку, сидящему напротив них с глазами, выносящими беспощадный приговор их грешной ничтожности, — даже седовласый Аким, побледнев, тоже не торопясь поднялся перед сидящим Фивием.

«Какая же сила убеждённости в своей правоте! Какое пренебрежение к человеку», — думал я, смотря на Фивия. И всё отчётливее понимал, что никогда он не поймёт меня, потому что видит во мне лишь досадное препятствие на пути к своей заветной мечте — стать настоятелем монастыря. Его карьерная жажда затмила в нём все чувства. Даже веру в Бога он превратил в орудие для достижения своей цели.

Я вдруг остро почувствовал, что моя главная битва с ним ещё впереди, и сердце моё похолодело. Я не был воином и терпеть не мог конфликты, старался всегда, по возможности, их избегать.

Но я любил отца Окимия, бесконечно уважаю отца Ануфрия, люблю и жалею Митрю, Герасима.... Как я мог их предать?! Да что там! Жизнь в монастыре перевернула мою душу. А епитимия[i], наложенная на меня отцом Ануфрием перед постригом[ii], заставила посмотреть на людей другими глазами. Не знаю, чего во мне было больше — жалости к людям или сострадания... Порой мне, как и Фивию, казалось, что человек слаб по своей натуре и грешен, и ничего с этим поделать нельзя. Таким он был, есть и будет всегда. Но такие мысли охватывали только в минуты отчаяния и горького разочарования — в минуты слабости. И были они ми-

молётны.

Какая-то твёрдая непреложная Истина в моём сердце не верила в это. И тогда появлялось страстное желание помочь, растормошить, доказать, что человек — это Человек, образ и подобие Бога, и всё в его руках! Желание моё было не менее страстным, чем желание Фивия доказать обратное, ткнуть человека в его греховность, согнуть, не дать поднять головы в смирении, показать, что единственный путь к спасению — молитва, покаяние, терпение и самоуничтожение перед Богом и перед ним — Фивием, возмнившем себя посредником между Богом и людьми.

Чем закончится наше противостояние? Ведь оно должно было когда-то закончиться...

Из раздумья меня вывел зычный голос Фивия:

— Рад приветствовать в нашем монастыре столь образованных людей, — он сидел, торжественно сжимая в правой руке, словно скипетр, посох, с которым никогда не расставался. — Я понимаю, сколь велико значение светской науки для образования современного человека. И надеюсь, что каждый отдаёт себе отчёт в том, что вам предстоит нести свою миссию не просто в школе, а в монастырской школе, — он поднял указательный палец, обвёл всех торжественным взглядом.

Никто не смел пошевелинуться под его взглядом, и он удовлетворённо продолжал: — Это великая миссия: понимать самим и внушить детям, что наиважнейшим является не зна-

ние во имя науки, а подчинение любого знания осознанию величия Бога, милостиво приоткрывающего нам свои тайны, и осознание ничтожности человека по сравнению с божественным величием, наполнить душу покаянием и страхом Божиим. Только тогда знания, полученные во славу Божью, будут полезны.

Фивий многозначительно смотрел на учителей, сжавшихся под его властным взглядом, словно наказанные расшалившиеся дети.

«Хватит, — решил я, — пора брать ситуацию в свои руки».

— Именно. Давайте поговорим о нашей миссии. Брат Кирилл, вы как директор школы и организатор нашего собрания, позвольте мне сказать несколько слов? — спросил я и услышал, как Фивий недовольно хмыкнул, когда я прервал его вступительную речь, но промолчал, следуя правилам субординации.

Кирилл подхватился:

— Конечно, брат Олаф! Мы и собрались здесь, чтобы выслушать ваши пожелания, — и быстро поправился: — Все пожелания о дальнейшей работе школы, обсудить, — сказал он, краснея от неловкости.

Я ободряюще улыбнулся ему.

— Друзья! Мы с братом Фивием очень рады видеть столь молодых учителей в нашей школе. Какое новое дело да без молодых и задорных?

Словно свежий ветерок пробежал по лицам, разгоняя тягостное напряжение.

Я продолжал:

— Рад приветствовать и преподавателей, умудрённых опытом. Надеюсь, что вы станете надёжной опорой в делах наших как для учеников, так и для молодых преподавателей, — я чуть поклонился в сторону учителей-поселенцев и преподавателя физики. — А дела нам предстоят большие, если не сказать грандиозные. Думаю, брат Кирилл, приглашая вас, обрисовал наши задачи?

Я взглянул на Кирилла. Тот кивнул.

— Да, — неожиданно сказала Бэла. — Создание Единого университета светских и богословских наук — это грандиозно! — её непокорный курносый носик заодно подрагивал.

Фивий недовольно кашлянул в кулак. Я посмотрел на него. Он ничего не сказал, только сердито зыркнул мне в глаза. В них явно читалось: «Где это видано, чтобы настоятеля перебивали! И кто? Какая-то девчонка!».

Я отвернулся.

— Именно грандиозно! — кивнул я Бэле. — Конечно, у нас сегодня нет отделения религий от государства, и религиозные организации имеют те же права и обязанности перед обществом, как и любые иные объединения людей, но подготовка детей к разным видам деятельности: светской и духовной — всегда велась отдельно. И это не просто разные специализации, как в светских вузах. К сожалению, это разные

взгляды на мир и на человека в этом мире. Так быть не должно. Образование в учебных заведениях, где нет единой нравственной основы, единого понимания мироздания, привело к формированию людей с различающейся нравственностью. А разве не единые понятия нравственности объединяют людей, формирует единый посыл к творчеству, созиданию и, по сути своей, являются фундаментом сотрудничества?

— Но позвольте, — седовласый Аким, учитель физики и астрономии, смотрел на меня удивлённо, — о каком единстве научных и богословских знаний и мировоззрений можно говорить, если одно отрицает другое?

Я кивнул:

— Да. До сего дня наука отрицала Бога и строилась исключительно на фактах, которые можно исследовать экспериментальным путём. Однако пришло время, когда и наука с уверенностью может сказать, что Бог существует. Его присутствие улавливается в непостижимых по своей логике и закономерности законах развития Вселенной и, в частности, жизни на нашей планете Земля. В то же время в религиозной среде растёт уверенность в необходимости научного исследования мира, как способа познания божественных законов, открываемых нам Господом по мере роста нашей способности понимать эти законы.

Все изумлённо смотрели на меня. Даже Фивий утратил свой гордый вид, его брови удивлённо поползли вверх.

— Я хотел встретиться с вами, чтобы рассказать о нашей

с предыдущим настоятелем монастыря, отцом Окимием, научной работе и открытии. Результаты этой работы сейчас обсуждаются во всех религиозных конфессиях и на Совете Земли. Нашей обители дано право стать первой, сделать то, чего никогда не было, но для чего сегодня настала пора — объединить науку и религию и на этой основе выработать основы нового мировоззрения, опираясь на которое человечество сделает уверенный шаг в своей эволюции.

Я замолчал, ожидая вопросов. Но все неотрывно, с жадным интересом, смотрели на меня и молчали.

Не дождавшись вопросов, я продолжал:

— Думаю, в ближайшее время общество узнает о нашем открытии. А сейчас я расскажу о нём, в общих чертах. Это необходимо для понимания важности предстоящей работы.

Я внимательно оглядел присутствующих, положил руки с переплетёнными пальцами на стол и наклонился вперёд. Выждал паузу и, когда почувствовал, что интерес собравшихся вот-вот зазвенит в воздухе, как натянутая струна, сказал:

— Нам необходимо не только создать Единый университет, но и выработать новые методы преподавания, которые будут общими при изучении любого предмета: будь то предмет богословский или светский, точной науки или гуманитарной.

— Очень интересно, — отмер Фивий и откинулся на спинку стула, прислонил посох к стене и сложил руки на животе. Его большие пальцы стали медленно вращаться друг

вокруг друга.

— Брат Фивий, мы уже говорили об этом на монастырском соборе. Теперь я хочу рассказать светским людям, так сказать, на их языке. Думаю, тебе будет неинтересен этот разговор, — я очень хотел, чтобы Фивий ушёл. Вряд ли ему понравится то, о чём я буду говорить, а вставлять препоны в любое дело он мастак.

— Отчего же! С удовольствием послушаю, на основе каких, так называемых, методов теперь будут учить и воспитывать наших детей, — сказал он, насмешливо вскинув подбородок.

— Хорошо, как хочешь, — кивнул я и обратился к учителям. — Вы люди образованные, надеюсь, легко поймёте суть нашего открытия.

Взял чашку и сделал глоток, переводя дух от внутреннего беспокойства: поймут ли? Наконец, решился: поставил чашку и быстро сказал, словно прыгнул в воду с высокой башни:

— Не буду углубляться в специфические научные термины, скажу только: нами был открыт принцип эволюции Вселенной. Этот всеобщий принцип распространяется и на развитие человека. И принцип этот — преобразование хаоса в гармонию через поступательное энергетическое развитие материи. Принцип этот настолько всеобъемлющ, необратим, логичен и последователен, что доказывает его божественное происхождение. Хотя вы можете его назвать космическим Разумом или как-то ещё, суть от того не изменится.

Я окинул взглядом лица, пытаюсь уловить реакцию. Все, не отрываясь, смотрели на меня. Ничего, кроме жадного удивления в их глазах, я не увидел и продолжил:

— Если говорить конкретно о человеке, мы открыли, что его эволюция или деградация напрямую связаны с изменением его внутренней личностной энергии, вырабатываемой мозгом. Энергия развивающегося мозга не просто способна вести человека по эволюционному пути, как это было в начале эволюции, но, трансформируясь в мысль, становится сначала неосознанным, а затем и осознанным инструментом человека для преобразования себя и мира, в котором он живёт.

Сегодня на Земле мысль стала первоосновой всего — любого действия, любого изменения. И оттого, насколько сильна энергия мысли, оттого, куда направлена эта энергия, напрямую зависит как эволюция, так и инволюция человека и человечества.

Вот потому наиглавнейшим сегодня становится воспитание мысли! Ребёнок должен научиться контролировать свои мысли, свои эмоции. Наша задача — воспитать его так, чтобы он, будучи неотъемлемой частью Вселенной, неуклонно продолжал заложенную в нём эволюцию — развитие личностной энергии разума или, как мы в монастыре это называем, — свою духовность — для установления гармонии жизни.

— Простите, брат Олаф, — перебил меня Фивий. — Но вы не думаете, что ставите невыполнимые задачи? Возмож-

но, в будущем. В далёком будущем подобное и станет осуществимым. Но как всё эти идеалистические намерения реализовать сегодня? А? Разве для того, чтобы подобное воспитать в детях, тот, кто их будет воспитывать, не должен сам соответствовать тому, что он воспитывает? А кто из нас сегодня может, положив руку на сердце, сказать, что он соответствует? — Фивий медленным, насмешливым взглядом обвёл лица учителей.

И ни с кем он не встретился взглядом. Люди отводили глаза, съёживались, словно пронизывающий порыв ветра внезапно влетел в жарко натопленную комнату и забрался под одежду, леденя душу.

— Нет, не думаю, брат Фивий, — резко сказал я. — Ибо человек не тот, кто он есть сейчас, а тот, кем он всеми силами стремится быть! Да. Никто из нас не без греха и не без порока. Но разве это главное? Разве в этом человек? Не главное ли в его деятельном стремлении? Разве не сказал Господь разбойнику, сгубившему не одну душу, но искренне раскаившемуся, поверившему и устремившемуся всем сердцем и разумом к сотрудничеству в высшем созидании с Всевышним, что душа его очищена и он будет среди праведников в раю?

Я в упор глядел на Фивия. Тот побледнел, но с достоинством молча смотрел на меня, только большие пальцы переплетённых рук, сложенных на его животе, выдавали его волнение — быстро-быстро вращались.

Пауза затянулась, я перевёл дыхание, успокаиваясь, и уже спокойнее обратился ко всем.

— Надеюсь, что у всех есть не только понимание того, о чём я говорил, но и мои слова созвучны с вашим мироощущением, и наши желания совпадают. Разве могут быть иные желания у настоящего преподавателя, кроме как самосовершенствоваться самому и привить маленькому человеку постоянное стремление к познанию, к любви ко всему сущему, к творческому развитию и сотрудничеству? Именно эти качества мы должны развить в детях.

Преподаватели зашевелились. За всех ответил Кирилл.

— Безусловно! Можете не сомневаться.

— Очень хорошо, — сказал я. — Но всё-таки прошу всех ещё раз всё взвесить. И если вы не чувствуете в себе силы к подобной миссии, то лучше... Лучше заниматься тем, что вам по душе. Так, по крайней мере, будет честнее. Подумайте.

— Что вы! Это так прекрасно, о чём вы говорите! — всплеснула руками Серафима — учитель пения и рисования. — Я ещё не всё поняла... Это необычно. Надо обдумать. Но ваш посыл к познанию и любви ко всему сущему! К творчеству и самосовершенствованию! Что может быть выше, благороднее? — она снова восхищённо взмахнула руками.

Послышался добрый смех преподавателей. Я улыбнулся. А Серафима смутилась. Сидевшая рядом с ней Клавдия, преподаватель арифметики и математики в младших и сред-

них классах, вдруг наклонилась к ней, обняла за плечи и так ласково сказала:

— Милая Серафима, ты абсолютно права. Мы все также думаем, — что меня поразило, насколько эти слова расходились с её внешне строгим, если не сказать суровым, обликом.

Фивий резко выпрямился и встал. Все взгляды обратились к нему. Лицо его потемнело, а косточки пальцев, схвативших посох, побелели. Видимо, ему стоило больших усилий, чтобы держать себя в рамках приличий.

— Я рад, что работа по совершенствованию духовности учеников монастырской школы будет проходить столь интенсивно. Но должен вас покинуть. Извините, неотложные дела зовут, — и повернулся ко мне и чуть поклонился. — Брат Олаф, дозволю отбыть со столь высокого, — голос его дрогнул от усмешки, — собрания.

Я наклонил голову в знак согласия.

— Рад был познакомиться! Благослови и вразуми вас в делах ваших Господь! — обращаясь ко всем, сказал Фивий и вышел.

За ним проскользнул Фиста.

Воцарилось молчание, люди растерянно переглядывались.

— Ну, хорошо, — сказал я, — вернёмся к нашим делам. Я надеюсь, понятно изложил нравственную суть, которая должна лежать в основе преподавания любых предметов, будь то богословие или светские занятия?

— Да. Понятно, — чуть нараспев ответила Симона, преподаватель языковедения. — Главное, чтобы ребёнок понимал: что бы он ни изучал, это, в первую очередь, необходимо для его индивидуального гармоничного развития.

— Совершенно верно, — обрадовался я.

— Однако немного странно звучит, — Аким, преподаватель физики и астрономии, задумчиво запустил руку в свою седую шевелюру.

— Что именно?

— То, что вы не делаете разницы между духовными и светскими предметами. Я не улавливаю основу, которая их бы объединяла.

— Но как же! Вдумайтесь. То, что нам сегодня известно из различных областей знания, будь то знания светские или богословские, по своей сути есть не что иное, как переплетение различных понятий одного и того же всеобъемлющего закона — закона эволюционного развития Вселенной. Это, фактически, две стороны одной медали. Сегодня нам открыто далеко не всё, и мы не видим полную картину эволюционного пути. Но мы смогли увидеть основное эволюционное направление. И это важнейший шаг в понимании целостности мира и нас самих в этом мире. Возможно, наши дети смогут объединить уже известное с тем, что им предстоит открыть, в единое миропонимание: его прошлое, настоящее и будущее, объединив все аспекты знаний.

— Ну, это вряд ли, — отозвался Аким. — До этого ещё

очень и очень далеко. Если подобное вообще возможно.

Я улыбнулся и сказал:

— Возможно. Но для этого нужен энергетически высокоразвитый человек. Высшие вибрационные законы Истины нельзя познать мыслью низкой энергии. Мы вернулись к тому, о чём я говорил. Через развитие творческих способностей человека мы придём к увеличению энергии его мысли. Мысли, которая будет способна познать сокрытые сегодня для нас тайны Бытия.

Я повернулся к Кириллу, тот сидел, не шевелясь и не сводя с меня глаз.

— Вот потому, брат Кирилл, особое внимание при подготовке программы Единого университета необходимо уделить творческому развитию учеников. Обязательно должны быть уроки пения и рисования, ритмики. Надо будет подумать, какие ещё предметы необходимы для раскрытия внутреннего потенциала учеников. Да и преподавание научных дисциплин не должно ограничиваться заучиванием законов, а строиться на понимании их значения в эволюции Вселенной и человека. Творчество во всём должно стать основой обучения при изучении любого предмета, будь то, к примеру, астрономия, математика, пение или труд. Мы должны увидеть в каждом ребёнке его творческую уникальность, и не просто увидеть, а помочь развить. Это, конечно, не означает, что поняв, в чём творческие способности ученика, мы должны ограничиться исключительно их развитием. Гармонич-

ное развитие личности не менее важно! Но помните: каждый человек индивидуален. И обучающий процесс должен быть индивидуализирован. Наша задача – открыть в ребёнке его творческую индивидуальность, помочь маленькому человеку понять себя, показать ему путь личностного развития. Как раньше говорили: дать путёвку в жизнь.

Я замолчал.

Прислушался к тишине. Лавина новой информации, которую я обрушил на головы людей, да и демонстративный уход Фивия, подействовал на всех угнетающе. Лица учителей были напряжены. Многие не смотрели на меня, а в глазах тех, у кого я смог поймать взгляд, явно читались обескураженность и немой вопрос. У пожилого монаха-богослова Михаила мелко подрагивала голова, и у него был такой усталый вид, что я испугался: не станет ли ему плохо?

«Похоже, на сегодня нового больше, чем достаточно. Все устали», — мелькнула мысль.

Я опустил взгляд на стол и провёл ладонью по скатерти.

«Надо как-то разрядить обстановку, отдохнуть, а то дальше разговор не получится».

Рука коснулась чашки с остывшим недопитым чаем.

— Может, всё-таки выпьем чаю? — спросил я и пригубил чашку: — О! У меня остыл совсем.

Ефросиний вскочил и кинулся к самовару.

— Сейчас подогрею!

— Прошу вас. Кто хочет чаю? Прошу к столу, — сказал я.

По комнате пронёсся облегчённый вздох, учителя стали перебираться за общий стол. Задвигались стулья, слышались тихие перешёптывания и смешки, зазвякали чашки о блюдца. Наконец, в самоваре забурлила и забулькала вода.

[i] Епитимия (епитимья) — это мера духовного воздействия, которую священник (духовник) назначает кающемуся грешнику после исповеди. Слово происходит от греческого ἐπιτίμιον — «наказание», «кара», «возмездие». Однако в христианской традиции епитимия рассматривается не как карательная мера, а как духовное врачевание, средство исправления и нравственного совершенствования.

[ii]Подробнее об эпитафии, наложенной на Олафа отцом Ануфрием перед постригом, читайте в произведении «Олег. Путь к себе» книга 1.

Глава 6. Планы и задачи

Вкусно запахло мятой. Захрустела сдоба, успевшая чуть-чуть подсохнуть от наших долгих разговоров. Лица зарумянились от горячего чая. Глаза монаха-богослова Михаила повеселели, он с явным удовольствием потягивал ароматный напиток из блюдечка.

Я вздохнул с облегчением и пил чай, ожидая, когда все успокоятся после визита Фивия и моей проповеди, чтобы продолжить наш разговор. Было приятно наблюдать, как теплели лица и непринуждённое становились разговоры и движения людей.

Я заметил, что Бэла о чём-то тихо, но оживлённо переговаривалась с Глебом — преподавателем истории, географии и обществознания. Она наклонилась к нему и что-то шептала на ухо. Тот быстро исподлобья глянул на меня, улыбнулся и покачал головой. Девушке, по-видимому, его нерешительность не понравилась, она покраснела, поджала губы и так решительно посмотрела на меня, что мне стало не по себе, и показалось, будто её носик превратился в крохотную шпажку, воинственно устремлённую в потолок.

— Разрешите сказать? — так громко и решительно сказала она, что все удивлённо замолчали и посмотрели на неё.

— Конечно, — я улыбнулся. — Мы и собрались за тем, чтобы высказаться.

Она победоносно мельком глянула на Глеба, тот чуть заметно пожал плечами, а она продолжала.

— Дело в том, что мы с Глебом, то есть с преподавателем Глебом, — поправилась она и смутилась, видимо, простое упоминание имени парня показалось ей излишне личным.

Я спрятал невольную улыбку и понимающе ей кивнул, а сам подумал: «Похоже, эти двое не равнодушны друг к другу».

Бэла продолжала:

— Мы хорошо знакомы ещё с учёбы в университете. Хотя и специализировались на преподавании разных предметов, но писали одну, совместную дипломную работу. И можете себе представить, — она многозначительно окинула взглядом присутствующих, выдержала интригующую паузу и выпалила: — Наша работа называлась: «Преподавание точных и гуманитарных дисциплин в школе в аспекте раскрытия личностных способностей ученика»!

— Как! — кто-то из преподавателей удивлённо ахнул.

И все сразу заговорили, перебивая друг друга.

— Удивительное совпадение!

— Как говорится: нужные мысли в нужное время носят в воздухе.

— Ну, это ещё надо выяснить, нужные ли...

Кирилл постучал ложечкой по чашке, призывая к тишине.

— Вот как? Очень интересно, — сказал я и взглянул на Кирилла.

Он смотрел на меня и улыбался. Похоже, совсем не удивлён.

— Брат Кирилл, ты в курсе?

— Да, в курсе, — кивнул он.

Все притихли, а Кирилл пояснил:

— Когда искал преподавателей для нашей школы, хотел найти молодых, увлечённых педагогической наукой специалистов с современными взглядами не только на процесс обучения, но и на принципы воспитания. Поэтому просматривал все дипломные работы выпускников-педагогов университета Наукограда. Меня поразила и порадовала работа Бэлы и Глеба. И я их пригласил.

— И не побоялся заключить с ними договор, зная, как отреагирует брат Фивий? — улыбнулся я.

Он улыбнулся мне в ответ и сказал:

— И зная, как отнесёшься к такому выбору ты. В любом случае, — тихо, но твёрдо добавил он, — мне доверено воспитание наших детей, и я несу ответственность не только перед начальством, но и перед совестью, и перед Богом.

Я смотрел на Кирилла и удивлялся. Куда девался тот неуверенный, растерянный молодой человек, каким он был при общении с Фивием? Сейчас я видел уверенного энтузиаста своего дела, способного воодушевить и повести за собой.

Кирилл решительно тряхнул головой и сказал:

— Можете поверить! Предлагаемый в дипломе Бэлы и Глеба учебник вполне соответствует поставленной вами се-

годня задаче.

— Например? Расскажите, пожалуйста, поподробнее, — спросил я.

Кирилл с улыбкой обернулся к Бэле и спросил:

— Может быть, авторы идеи сами расскажут?

— Да, конечно, — ответила та и задумчиво потёрла кончик носа. — Например..., — она на секунду задумалась, — например, наш проект учебника — не просто содержит набор теоретических знаний и упражнений, закрепляющих эти знания. Хотя в памяти искусственного интеллекта учебника хранится информация полного курса учебного процесса по всем предметам, будь то физика, математика, биология или труд, или пение, или любой другой. Но это не главное! — воскликнула Бэла и торжественно замолчала, интригуяюще обвела нас сияющим взглядом.

Кирилл, улыбаясь, кашлянул, и она торжественно продолжала:

— Главное — учебник становится индивидуальным наставником. Он способен адаптироваться к способностям и уровню знаний ученика, который изучает по нему какой-либо предмет.

— Позвольте! — Клавдия, преподаватель арифметики и математики в младших и средних классах, прямая как палка, строго, если не сурово смотрела на Бэлу. — Что значит, учебник адаптируется к способностям и уровню знаний? Вы бредите?

Бэла вспыхнула. А Кирилл быстро сказал:

— Спокойнее, друзья. Давайте без резкостей.

— Простите, никого не хотела обидеть. Просто поражена и не сдержала эмоций.

— Сейчас Бэла нам всё разъяснит. Да? — Кирилл повернулся к девушке.

Та кивнула:

— Представьте. Как происходит сегодня? Любой учебник содержит перечень тем, которые школьник должен освоить, и к этим темам — упражнения и задания, закрепляющие материал. Но ни для кого не секрет, что ученики все разные: кто-то схватывает на лету, а кому-то недостаточно урока, чтобы всё понять. Самостоятельно изучить непонятный момент по учебнику он не может. Потому на уроке детям часто бывает скучно: кому-то скучно, потому что очень легко, а кому-то скучно, из-за того, что ничего не понятно. Наш учебник не допускает подобные ситуации. Для изучения определённой темы конкретного предмета искусственный интеллект из заключённой в его памяти базы учебной информации отберёт именно ту, которая соответствует пониманию и способностям ученика, читающего учебник. В результате каждый ученик изучает не просто стандартный набор теоретических знаний и упражнений к ним, а адаптированный под его индивидуальные особенности. Например, если после урока у ученика остались вопросы, ему что-то непонятно, то учебник предложит их разъяснение и закрепит необходимы-

ми упражнениями. Если же тема понята и освоена учеником хорошо, то учебник предложит углублённую информацию и более сложные упражнения и задания.

— Это просто удивительно! — воскликнула высокая, похожая на цыганку, Тамара, учитель химии и биологии, почти всё время просидевшая молча, а тут не сдержавшая эмоций.

Учителя зашумели, заговорили почти одновременно.

Я не понял, было ли это одобрение или насторожённость.

— Тихо! Прошу высказываться по одному, — поднял руку Кирилл.

Возгласы смолкли.

— Аким, вы хотели что-то сказать, — спросил он. — Как вам идея для учебника? Поддерживаете?

— Не то слово, — откликнулся седовласый Аким, преподаватель физики и астрономии. — Не просто поддерживаю, а двумя руками за! Это именно то, что сегодня необходимо. Такой учебник поможет выявить ребят способных, например, к точным наукам, заинтересует их, более полно раскрыв тему, может быть, предложит нестандартный взгляд на изучаемую проблему. Это же развитие креативного мышления! А для детей, которые не имеют подобной склонности к чему-то, поможет понять общие основы предмета, что тоже очень хорошо для гармоничного развития. И так в изучении любого предмета! Что же может быть в этом плохого? И, как раз, соответствует пожеланиям о творческом подходе к развитию способностей ребят, не так ли? — он глянул на меня.

Я кивнул, но ничего не ответил. Мне нужно было знать мнение самих преподавателей.

— Ну, хорошо, — тихим голосом сказал богослов Михаил, — а как, к примеру, этот ваш искусственный интеллект поймёт, как ученик освоил урок и какие у него способности?

— Очень просто! — воскликнула Бэла. — В начале каждой темы учебника есть тестовые вопросы и задания по материалу, пройденному на уроке. По ответам на них и определяется уровень усвоенного ребёнком материала. И уже дальнейшее изучение темы по учебнику и будет строиться, отталкиваясь от этого уровня.

— Получается, что учитель вообще не нужен, — сердито поджала губы Клавдия, — я не могу согласиться, чтобы учителя заменил какой-то искусственный интеллект!

— Почему же не нужен? — растерянно пробормотала Бэла и посмотрела на Глеба, ища у него поддержку.

Но тот округлил глаза и чуть наклонил голову, весь вид его говорил, что он предупреждал о подобном исходе, а его не послушали, и пусть теперь пеняют на себя. Плечи Бэлы поникли.

И тут за Бэлу вступился Кирилл.

— Ну почему же не нужен преподаватель! — воскликнул он. — Как раз наоборот. Наступит время, когда преподаватель будет делать свою главную работу — быть наставником, воспитателем. Он будет контролировать не только, как идёт процесс освоения учеником знаний, но и как развиваются

его способности. Будет вкладывать в учебный процесс, если можно так сказать, человеческий, воспитательный фактор. Классными контрольными работами он будет следить за развитием способностей учеников и направлять это развитие. И главное, перед преподавателем становится наиважнейшая задача, с которой не справится никакой искусственный интеллект: показать ученику, где и как наилучшим образом применить полученные знания. А уж сами понимаете, что может быть важнее, чем воспитать в маленьком человеке необходимость применять полученные знания исключительно во благо себе и людям! Ведь сами понимаете, одно и то же умение можно применить как во благо, так и во вред как себе, так и людям. Искусственный интеллект даёт исключительно абстрактные знания. А сделать так, чтобы эти знания использовались исключительно на благо — становится ответственностью учителя.

— Ну, если только, — недовольно пробормотала Клавдия.
— Тут надо всё обдумать. Не будет ли вреда.

— Совершенно с вами согласен, — кивнул Кирилл. — Знаете! Меня радует, что контроль учителя при этом распространится не только на воспитание учеников, но и на работу самого искусственного интеллекта. Преподаватель будет иметь доступ к базе знаний учебников и сможет контролировать весь процесс обучения. И при необходимости даже вносить в него корректировки, которые посчитает необходимыми. Так что, не стоит беспокоиться, что учителя заменит

искусственный интеллект. Главным всегда был и останется человек — учитель и воспитатель. Мы же не роботов воспитываем, в конце концов! Учебник будет личным помощником учителя в обучении ученика. Кстати, он снимет одну из проблем обучения — проблемы стрессов в учебном процессе. Например, отменит вызовы к доске. Для многих учеников это серьёзный стресс. И при этом повысит успеваемость, так как индивидуальный подход облегчит освоение материала.

Кирилл, похоже, убедил собравшихся. Они замолчали и вспомнили обо мне. Я уловил вопросительные взгляды и решил, что настало время высказаться и мне.

— Очень интересно. Спасибо, Бэла и Глеб, за замечательную идею, — сказал я и заметил, как румянец радости осветил ей в лицо, и она ткнула локтем Глеба. Тот, улыбаясь, потёр бок, а я продолжал: — Брат Кирилл, попрошу вас вместе с учителями внимательно продумать возможность использования таких учебников в нашем будущем Едином университете. Выясните, что для этого понадобится, и обязательно свяжись со мной, как будут первые результаты.

Кирилл кивнул.

«Это всё очень хорошо и замечательно. Но мы отвлеклись от главного, — подумал я. — Пора напомнить».

— Но, друзья мои, мы с вами отвлеклись от наших сегодняшних, насущных проблем. Скоро выпускные экзамены в школе, а потом и вступительные в вузы. Готовы ли мы?

Я повернулся к Кириллу и спросил:

— Как прошло тестирование? Определились, кто из ребят будет поступать в светские учебные заведения, и успеем ли мы их подготовить? Я не сомневаюсь, что ребята, которые решили продолжить обучения в богословских университетах, готовы.

Тот кивнул:

— Мы провели тестирование в старших классах. Конечно, за оставшееся время невозможно подготовиться по всем направлениям. Но мы определили области знаний, которые потребуют более углублённого изучения для поступления в конкретные учебные заведения. У нас в этом году пятнадцать выпускников. Большинство хотят продолжить образование в богословском университете и только пятеро в светском. Один — в университете Наукограда по специальности астрофизика.

«Митря», — улыбаясь про себя, подумал я.

И ещё четверо там же, в университете Наукограда, но на других факультетах: один хочет посвятить себя изобретениям и совершенствованию технических сооружений и механизмов, двое — вопросам химии и один — человекознанию с уклоном в педагогическую науку.

Я кивнул:

— Правильно ли я понимаю, что вы изменили расписание занятий для этих учеников?

— Да, каждый из предметников дал свои рекомендации по плану занятий для подготовки. Тут у нас как раз возник

вопрос, который требует вашего решения.

— Да? Что за вопрос?

Кирилл в нерешительности замялся.

— Мы обсудили, — пришёл ему на помощь Аким, задумчиво смотря на чашку, которую он крутил в руках. — В принципе, мы сможем подготовить ребят, но при условии их полного переключения на необходимые предметы. Тогда может быть... Так? — обратился он к присутствующим.

Молодые преподаватели зашевелились, слышались возгласы:

— Именно.

— Можно попробовать, но потребует много усилий. Подготовка отнимет всё внимание ребят, им будет сложно изучать остальные предметы.

— Да, да! Нужна будет серьёзная корректировка учебной программы.

— Какая именно корректировка? — спросил я.

Они молчали. Я задумчиво пробежал взглядом по их лицам. Люди были смущены, уходили от прямого взгляда, как и от прямых ответов.

Я глянул на Кирилла.

— Да, — неловко улыбнулся тот. — Мы должны определиться. Поэтому, брат Олаф, и пригласили вас.

Я вздохнул и спросил прямо:

— Если я правильно понял, вам нужно разрешение на изменение расписания занятий для этих учеников, а именно

— замена всех богословских уроков уроками светских наук?
— Совершенно верно, — облегчённо кивнул Кирилл, радуясь, что эти слова произнёс не он.

Я посмотрел на монаха Михаила, преподающего богословие. Улыбка на его лице завяла, и он растерянно смотрел на меня.

— Брат Михаил, вы как считаете? Возможно ли это?

Его лицо ещё больше скучилось. Он из кармана рясы достал белый платочек и промокнул выступивший на лбу пот. Я уже мысленно придумывал, как мне убедить его, как вдруг его лоб разгладился и он произнёс:

— Я думаю, что Господь наделяет талантами не для того, чтобы их зарывали в землю. Об этом нам и Библия говорит. Я облегчённо перевёл дыхание.

— Вот и хорошо. Значит, так и решим. Думаю, вы уже составили проект нового расписания занятий для этих выпускников?

— Да! — подскочил завуч Ефросиний и быстро подошёл к своему столу, на котором лежал большой лист расчерченной бумаги. — Взгляните!

Я подошёл, посмотрел на плотный исписанный лист.

— Не слишком ли утомительно будет для ребят? С врачом советовались? График занятий плотный.

— Конечно, — отозвался, подошедший к нам Кирилл. — Мы постарались всё предусмотреть. Брат Харитон согласен, — он показал на нижний правый угол, где я увидел подпись

монастырского доктора Харитона.

— Хорошо, — сказал я и поставил свою подпись. — С Богом! Надеюсь, у вас всё получится.

Я отошёл от стола и обернулся к Кириллу:

— Брат Кирилл, обязательно сообщайте, как будут идти дела, успеваем ли мы по графику подготовки. Но не забывайте и о новом расписании на будущий учебный год. Надо будет предусмотреть обучение как для детей, так и для взрослых. Это очень важный момент. У нас в монастыре многие не имеют достойного образования. И этим надо будет плотно заняться, уже с будущего учебного года. Ладно. Держите это в планах. А сейчас первая задача — достойный выпуск наших ребят. Дальнейшее обсудим позднее.

Я подошёл к окну. За окном уже стемнело.

— Остался последний вопрос. Брат Ефросиний, — я повернулся к завучу. — Как идёт работа по организации Единого университета? Моя помощь требуется?

— Сейчас мы определяем структуру и форму обучения в нём, какие понадобятся разрешения для его открытия. Как только проект будет готов, обязательно вас с ним ознакомим. Попросим оценить.

— Отлично, — я кивнул и оглядел всех. — Друзья мои, благодарю всех за столь конструктивный разговор. Я вижу, в школе работают энтузиасты своего дела, любящие детей. Значит, у вас всё получится. И помните, что я всегда готов помочь. А сейчас я должен вас оставить. Неотложные дела

ждут, — сказал я и, вспомнив Фивия, едва сдержал улыбку. — Да и вам пора отдохнуть, работа предстоит очень большая. Надо набраться сил.

— Я вас провожу! — кинулся следом Кирилл.

— Не нужно, — остановил я его. — Отдыхайте. Только сообщите, пожалуйста, брату Игнату, что я его жду на крыльце.

— Хорошо, — ответил Кирилл.

Я пошёл к двери, у порога повернулся, перекрестил всех и сказал:

— Благословение Господа нашего на вас! Храни вас Господь! — и, сделав общий полупоклон, вышел.

Я остановился в ярком круге света лампы, горящей под потолком крыльца, и вгляделся в осязаемо плотную темноту. В школе — ни огонька. Только мерцало чуть размытое жёлтое пятно окна во флигельке с круглой крышей. Но вот это пятно расширилось, похоже, открылась дверь и тут же закрылась. В ту же минуту над дверью зажёгся фонарь, и осветил силуэт мужчины. Я узнал завхоза Игнатия. Он спешил ко мне, на ходу засовывая руки в рукава длинного тулупа.

Я спустился по лестнице и пошёл навстречу. Глаза постепенно привыкали к темноте. Из-за облака выглянула холодная луна и подсветила ещё лежащий на земле снег, стало светлее.

— Добрый вечер, — поклонился Игнатий, подходя. — Лошадка отдохнула, можно запрягать.

— Добрый вечер, Игнатий, — ответил я. — Это хорошо.

Но перед отъездом мне нужно с тобой поговорить о постройке Единого университета.

— Дак, а что? Брат Ефросиний вроде как занимается. Бумаги там и разрешения всякие собирает. А я что могу?

— Это хорошо, что брат Ефросиний занимается. А скажи, вы думали, в каком месте строить университет?

Игнатий потоптался и нерешительно протянул:

— Думать-то, конечно, думали. Как без того.

Я вопросительно смотрел на него, и он, помолчав, продолжал:

— Тут такое дело. Мы, вроде, как сначала прикинули. А потом, ну если, значит, посчитать. То уж больно много получается, — он почесал затылок и плотнее нахлобучил на голову спадающую шапку. — Сами смотрите: учебные корпуса, лаборатории всякие — это раз; места для проживания, если не только наши учиться-то будут — это два; да ещё столовые там да библиотеки, али что для бытовых нужд понадобится. Это сколько места надо! Целый студенческий городок получается. Где стока места-то взять?

Я задумался немного и спросил:

— А где сначала прикинули?

— Ну, ежели примерно, так вся школа и от неё до рва монастырского. Благо сейчас у нас исправительную закрыли, так проволоку-то можно снять и огродить вдоль рва, чтоб ребятня не падала, а то такие пронеры, особенно в младших-то классах. Да те же постройки для ссыльных. Часть можно сне-

сти, а что и переделать под наши нужды. Это с энтой стороны, — он махнул рукой на монастырь. А ежели с другой, — он задумчиво погладил подбородок, смотря вдаль.

И что там увидел в темноте?

— Так до горы сплошь пахотные поля, — сказал и повернулся ко мне: — Тут с Емельяном надо поговорить. Они ж тоже чего-то планируют себе. Вроде как заводик хотят где-то ставить.

— Ну, хорошо. У тебя сейчас время есть? Может, к Емельяну заедем?

— А что, могу.

— Вот и ладно. Егорий-то где?

— Да, у меня. Отдыхает.

— Перетрудился бедный, — хмыкнул я. — Ты давай зови его. Ехать пора. А я сейчас со старостой переговорю.

Игнатий зашагал к своему домику, а я набрал на браслете вызов Емельяна, старосту нижнего поселения, и договорился о встрече на дороге, у перекрёстка к обсерватории.

Пока ждал Егория с Игнатием, связался по браслету с Петром — заведующим монастырских мастерских. Ждать ответа пришлось долго. Наконец, я услышал отдалённый звон наковальни и громкий окрик:

— Куда! Куда вертаешь! Тут не простучал ещё! Вертай взад! А ты, Федька, не ковырай в носу, качай ловчее! — узнал я голос Петра. — Да! — рявкнул он, видимо, уже мне.

— Здравствуй, брат Пётр. Это брат Олаф. Извини, что от-

влекая от дел. У меня к тебе вопрос. Ты сейчас можешь со мной поговорить?

Стало тихо, даже звон наковален не слышен. «А может Пётр прикрыл браслет, чтобы выругаться на не вовремя возникшего настоятеля», — улыбнулся я про себя.

Я немного подождал и окликнул его:

— Брат Пётр, ты слышишь меня? Говорить сейчас можешь или занят?

— Дак, чего не могу-то? Могу. Здравствуй, брат Олаф, а ты чего хотел-то?

— Помнится, мы с тобой договаривались обсудить обновление мастерских, и вообще техники общины. Планы какие есть? Март уже. Посевная на носу.

Пётр запыхтел. Я разозлился. Ясно! Даже и не собирался ничего менять. Как было всё, так всё и идёт.

— Вот что, брат Пётр. Ты мне прямо скажи, собираешься этим заниматься или нет?

— Так я что? Мне как скажут...

— Понятно. В общем, смотри. Как раньше мы жить не будем. Или надо учиться работать по-новому, или буду искать другого заведующего мастерскими. Время поджигает, дальше ждать нельзя.

Он молчал, только сопел.

— Жду тебя послезавтра с планом обновления техники общины. У себя в обсерватории.

Он хмыкнул, но не возразил.

— Понимаю. Сейчас самая подготовка. Если времени нет на разъезды, свяжись со мной, по браслету обсудим. Понял?

— Чего ж не понять?

— Ну, прощай, — я отключился.

Да, не повезло с заведующим. Конечно, он работник хороший, знающий в своём деле. Но не инженер и не технолог. И он в этом не виноват. Пусть работает. А вот инженера-технолога нам обязательно надо, а ещё лучше пром-инженера. Надо в поселениях поговорить, должны же быть у нас специалисты. Столько людей! Пусть сейчас и не работают по специальности, но знания и опыт не забудешь. А главное, чтоб было желание работать с энтузиазмом к изменениям. Не может быть, чтобы таких не нашлось.

— Брат Олаф! Вот и я! — услышал я и обернулся.

На дороге у саней стоял Егорий, широко улыбался. Игнатий перетряхивал тулуп, для тепла кинутый в сани на сено.

— Всё готово! Можно ехать, — махнул мне Егорий.

Я махнул в ответ и быстро пошёл к ним.

Как я не уговаривал Игнатия ехать со мной в санях, тот наотрез отказался и забрался на облучок к Егорию.

— Чего ж не в санях-то? Под тулупом всё теплее. Дело к ночи.

Он только отмахнулся:

— Да я не мерзлявый.

Егорий гикнул и хлопнул вожжами по крупу лошадки. Она потопталась на месте, фыркнула, выпустив пар из нозд-

рей, дёрнула сани, и мы покатали по хорошо накатанному насту, чуть поскрипывая полозьями. Лошадка наша бежала весело, видно, почуяла, что возвращается домой в тёплую конюшню, где её уже давно ждёт хрустящее сено. Я сунул нос в ворот тулупа, который быстро покрылся инеем от моего дыхания, пригрелся и незаметно для себя заснул. Разбудил меня возглас Егория:

— А вон и староста, брат Емельян, — и показал кнутом, зажатым в руке, на размытый в темноте силуэт высокого, плотного человека, у перекрёстка дорог, ведущих к монастырю и в верхнее поселение.

— Тпру-у-у! — Егорий остановил лошадь.

Та недовольно запряла ушами и встала.

Игнатий спрыгнул с облучка. Я вылез из саней и пошёл навстречу старосте, который, сняв шапку, уже спешил ко мне, получить благословение.

Я перекрестил его и сказал, положив руку на его голову:

— Господи, благослови!

— Благодарю, брат Олаф, — ответил он.

— Извини, брат Емельян, что оторвали от дел, — сказал я.

— Да какие дела, — кивнул он на потемневшее небо, — ночь скоро.

— Ну, тем более, — улыбнулся я. — Ладно. У нас к тебе с братом Игнатием очень важное дело. Ты слышал на последнем монастырском соборе о нашей задумке построить Единый университет для всех: и для монахов, и для светских?

Емельян кивнул:

— А то, было дело.

— Ну, так вот. Сам понимаешь, что такое большое дело требует и большую стройку. Университет в здешней школе не разместишь.

Тот кивнул, подозрительно исподлобья поглядывая на меня, и спросил:

— А чем я могу пособить? Строителей выделить?

— Об этом тоже пойдёт разговор, — кивнул я, — но не сейчас. Сейчас главное — определиться с местом, где эта стройка будет.

Емельян степенно огладил окладистую седую бороду.

— Дело уж больно мудрёное, — сказал он. — Сами видите, нету у нас пустого места. Всё поля кругом.

— А участок, что за школой к горам? — спросил Игнатий. — Там школьникам выделяли делянки для полевых работ. Может, там?

Емельян остро глянул на него из-под мохнатых бровей.

— Можно и там, — ответил. — Только хватит ли места? Делянка небольшая, а за ней, дальше к горе, где земля не родит, собирались заводик перерабатывающий ставить, — обернулся он ко мне. — Заводик же хотели. Аль передумали?

— Нет. Почему передумали? — ответил я. — Заводик — это хорошо. Нужно дело. Только и университет нам очень нужен.

Мы помолчали.

— А что думаете насчёт пустующего сейчас места для ссыльных? — я обернулся и махнул на длинные одноэтажные деревянные бараки, тянущиеся вдоль рва со стороны поселения, отделённые от него металлической сеткой.

— Дак, как же? — удивился Емельян. — А ежели опять ссыльных пришлют?

— Нет. Не будет больше ссыльных в нашей общине. Договорились мы с предстоятелем Климентием. На нас другое дело возложили.

Мужики повернулись к баракам.

— Оно тогда, конечно, — почесал в затылке Емельян. — Места хватит. Только переделывать много придётся. Хотя, к примеру, ежели сказать под общежития студентов? А? — он глянул на Игнатия.

Игнатий перевёл взгляд с бараков на Емельяна, потом на меня.

— Да кто его знает. Уж больно убогое место. Да и переделки много...

— В общем, обсудите. Чего месту пропадать? Сетку можно перенести ближе ко рву для безопасности, как ты, брат Игнатий предлагал, а здесь всё перестроить и благоустроить. Разбить клумбы. Деревья посадить. В общем, решайте. Кстати, о заводике. Брат Емельян, ты уже определился с инженером-технологом, который поможет нам наладить такой заводик? Да, и не только заводик. На носу посевная, а новые ма-

шины, как мы договаривались, не заказаны. Сегодня говорил с братом Петром, так он плуги точит, готовится к посевной по старинке, будто и нет в общине никаких изменений. Это как? — я строго посмотрел на старосту.

Тот даже задохнулся от возмущения.

— А я-то! Я-то причём! — взмахнул он руками и ударил себя по ногам. — Брат Пётр монах! Какая такая моя воля над монахами?

— Брат Емельян, ты это брось. Мы одна обитель. А ты ответственное в обители лицо — староста поселения! Кому же, как не тебе радеть о деле? Что же тогда другие скажут, если сам староста самоустраняется?

Емельян растерялся.

— Как это? Кто устраняется? Я у себя завсегда. А в чужой монастырь со своим уставом...

— Какой такой чужой монастырь? Ты в его поселении всю жизнь прожил. Ходил в его храм. Исповедовался, причащался да работал не покладая рук. И всё чужой? Как так?

— Нет, это я к тому, какое я начальство для монастырских-то? Кому я указ? У брата Петра своё начальство есть.

— А начальство-то тут при чём? Разве не одно дело делаем? Вот сейчас вовсю идёт подготовка к полевым. И что по работе спросить нельзя? Посоветоваться друг с другом? Одно же дело делаем.

— Оно, конечно, так. Только как посмотреть...

— Что ж тут смотреть? Вот скажи, брат Емельян, ты как

староста нижнего поселения, что сделал для того, чтобы планы наши, о чём мы говорили на соборе, выполнены? Каков твой личный вклад в наше общее дело? Может, ты нашёл инженера, который бы пособил в стройке и организации заводика перерабатывающего? Может, нашёл поставщиков для новой полевой техники?

Емельян даже отступил.

— Да как же это? Чего я-то? Я ж не знаю в этом ничего!

— И людей своих не знаешь? Не знаешь, кто из них может инженер-технолог? Или каким ещё специалистом был, пока к нам в общину не перешёл?

— Людей я, положим, знаю. Но вот так, с ходу сказать не могу.

— Зачем же с ходу. Время уже давно поджидает.

Емельян, насупившись молчал.

— В общем, так, — решил я. — Пока у нас таких специалистов нет, за организацию работы по подготовке к посевной, и по строительству заводика и университета, назначаю тебя, брата Герасима, как старосту верхнего поселения и брата Игнатия.

Игнатий с Емельяном переглянулись.

— А Герасим-то знает?

— Узнает. Дай доехать до обсерватории. И вот вам моё первое задание. Составьте план общины: где будет заводик, где университет, а где поля, теплицы или ещё что. План покажите мне. А ты, брат Игнатий, не забывай о работе завхо-

зом. А за вами, брат Емельян, с Герасимом найти людей, которые имеют инженерное и агрономическое образование и с ними обсудить и места строительства, и где, что в этом году сажать да сеять будем, с учётом того, что осенью перерабатывающий заводик заработает. Да пусть подскажут, какой новый инвентарь или техника нужны будут. Две недели вам на всё про всё.

Мужики ахнули.

— Да где ж такого специалиста на всё взять-то? Это надо вам самим запрос делать в Элизиум, — сказал Емельян.

— А что вы хотели? Время поджигает, а это нужно было ещё зимой сделать, мы же договаривались! — я повернулся и пошёл к саням. — А знаете, — я обернулся, — поспрашивайте у людей, нет ли среди них промт-инженера.

— Это что ж ещё за промт-инженер такой? — спросил Игнатий.

— Промт-инженер — специалист, который ставит задачи искусственному интеллекту для точного и быстрого их решения. Имея такого специалиста, другие не нужны. Он и по технологиям подскажет, и по лучшей технике. И вообще, лучше искусственного интеллекта помощника нет. Тут главное — грамотно ему поставить задачу, — я замолчал и внимательно посмотрел на оторопевших мужиков. — Вы поняли меня?

Те молча кивнули.

— Ладно. Мне пора. Жду вас через две недели с планом,

— я повернулся и пошёл к саням, где меня ждал Егорий.

Емельян с Игнатом так и остались стоять, как два соляных столба.

Хоть я и храбрился, но чувствовал себя очень неловко. Это же я, можно сказать, прозевал. Не проконтролировал. Не встряхнул сонную зимнюю обитель. Конечно, всё и шло, как шло. А я увлёкся тем, что мне было интереснее всего. Ладно. Ничего. Успеем.

— Давай, брат Егорий, погоняй. Мне бы сегодня ещё с Герасимом переговорить.

— А что по браслету-то?

— Не то по браслету. Нужно с глазу на глаз.

— А-а-а, — понимающе протянул Егорий, и хлестнул лошадь.

Глава 7. Браслет духовности

За заботами о делах общины дни летели как капли воды, низвергающиеся в потоке водопада времени с отвесной скалы моей жизни. Я совсем забросил работу в лаборатории, взвалил её на Георгия, а сам почти всё время проводил в обсуждениях монастырских дел. Меня буквально разрывали старосты верхнего и нижнего поселений. Казалось, что проще: спланировать место и время посадок, определиться с расположением будущего университета и перерабатывающего заводика, заказать необходимые механизмы? Нет же! По любому вопросу обращались ко мне! Я, конечно, понимал, что моё мнение как настоятеля могло быть необходимым при нововведениях, связанных с университетом и заводиком, но посевная же не первый год! И всеми силами пытался отбиться. Пусть думают своей головой. В конце концов, есть же Сидор, монах, который курировал поселения. Ему и руководить старостами. Так нет же. Уставится хитрыми, маленькими глазками-бусинками, не разбери-поймёшь, какого цвета. И самого его не поймёшь, что за человек: молчит и только вздыхает о своей тяжкой доле, да так, что толстый живот сотрясается. Всё жалуется, как трудно навести порядок среди поселенцев. Ведь они-де не монахи и вольны своей волей, а уж тем паче при нововведениях разных, в которых он и сам-то толком не понимает.

В конце концов, я тоже не агроном и не инженер. А Емельян с Герасимом — старосты нижнего и верхнего поселений — не находили среди поселенцев ни агронома, ни инженера, ни промт-инженера. И, подозреваю, что и не искали. Всё ссылаются на то, что, дескать, есть свой агроном — брат Тит, а что до инженеров: тут и искать нечего. Нет таких, да и не было никогда среди поселенцев никаких инженеров.

А Тит что? Вызвал я его, а на него, как говорится, где сядешь, там и слезешь, даже и слышать ничего не хочет: он-де и агроном, и ветврач — никак не может поспеть везде, один на два поселения и монастырь; да и работать привык, как испокон веков заведено. Конечно, он прав. Агроном нужен отдельный. Да и ветврача с современным научным подходом не мешало бы или того же Тита отправить учиться...

Но с этим потом. Всему своё время. Я не стал говорить Титу про учёбу, и так чувствовал, что во всей этой круговерти новшеств он сам это понимает.

Но специалисты нужны. И нужны сейчас!

И в очередной раз, когда Емельян с Герасимом донимали меня вопросами, и мой браслет чуть не накалился докрасна, всегда чуткий к проблемам других и тактичный Георгий вдруг выпалил:

— Слушай, дорогой! Не мог бы ты разбираться с монастырскими проблемами не в лаборатории? Никакой работы! Сам не вникаешь, и меня с мысли сбиваешь.

Я разозлился, ушёл в свой кабинет и вызвал обоих ста-

рост. И когда оба явились, поставил им ультиматум: или они в течение недели находят толковых специалистов среди своих, или я заключаю договоры со специалистами из мира и ставлю их над ними в руководство. Оба засопели, но ничего не сказали и вышли, недовольно косясь на меня и теребя шапки.

Через пять дней вопрос, наконец, был решён. И не просто решён, а самым удивительным образом. Нам очень повезло. Я рассчитывал, что среди общинников окажется инженер и агроном, но нашёлся промт-инженер! Кто бы мог подумать? И где? В общине монастыря! Я, конечно, сам озадачил старосту его поиском, но в глубине души не верил, что у нас — среди верующих людей — найдётся специалист по искусственному интеллекту. Как-то уж больно разнились эти почти взаимозаменяемые качества в одном человеке: работа с искусственным интеллектом — как высший знак веры в значение и разум машины, и вера в Бога — как безграничная вера в непознанное Нечто, в руках которого всё.

И тут же мелькнула мысль: «А что такого? Не ты ли ратуешь не просто за объединение науки и веры, а за единство всего существующего? А сам-то, похоже, и не готов к тому, чтобы принять это единство, осознать, что все процессы взаимосвязаны и, по сути, являются разными проявлениями одного и того же».

Но так или иначе, а такой человек нашёлся. Им оказался сорокалетний мужчина, коренастый, светловолосый, с улыб-

чивыми серо-зелёными глазами — Иван. Емельян, староста нижнего поселения, поведал его историю. Его жена, Ирина, молодая истово верующая женщина, была худенькой и слабой, и их двухлетний ребёнок, сынишка, тоже очень болезненный. Из-за него, пытаясь спасти ему жизнь, Ирина и уговорила мужа переехать в поселение, в святое место. Здесь, в монастыре, они вымаливали здоровье ребёнку. Может быть, климат был более благоприятным или горячая молитва родителей помогла, но сынишка их пошёл на поправку. Они остались. Так и живут в поселении при монастыре уже год. А до переезда Иван был промт-инженером в элизии где-то на Волге, где родился, выучился и работал по специальности.

Инженера пока не нашли, но нашли толкового механика. Им оказался сам Герасим.

— Кто бы сомневался! — улыбаясь, сказал я ему, хлопнув по плечу.

Он сердито глянул на меня и сказал:

— А инженера-то технолога всё равно надо.

— Зачем же нам теперь технолог, когда есть промт-инженер Иван с нижнего? погоди, я вас познакомлю, и будете работать вместе. Что надо будет, ты ему говори, а он уж через искусственный интеллект всё тебе сделает.

Герасим недоверчиво хмыкнул, но согласился.

На том и порешили.

Наконец, все неотложные проблемы были решены, и мы договорились, что отвлекать меня от дел больше не будут,

а будем мы собираться каждый понедельник в десять утра, чтобы обсудить наши текущие дела и планы на неделю.

Я вздохнул свободно: смогу теперь спокойно заняться своим любимым делом — включиться в работу лаборатории. После того как Георгий выставил меня, я почти месяц не заходил туда.

Я открыл дверь и вошёл в лабораторию. Как всегда, здесь было тихо и светло под гигантским куполом обсерватории, куда вела винтовая лестница, спрятанная в углу за шкафом. Едва различимый привычный гул приборов, расставленных по периметру комнаты, мелькание показателей на их экранах смешивались с каким-то особенным запахом обещанного открытия, волновали кровь и будили воображение. Я радостно вздохнул и остановился на пороге.

В комнате никого не было.

«Где же Георгий?» — подумал я, но, окинув взглядом комнату, забыл о нём.

Я, конечно, дал Георгию полную свободу заказывать всё, что необходимо для работы, но увидеть подобное никак не ожидал. На столе, который занимал всю середину комнаты, громоздилось нечто, опиравшееся на могучую металлическую львиную лапу. Я шагнул ближе и заглянул в чёрную бездну этого огромного глаза-экрана. Он был не меньше, чем метр на полтора, но узкий — не более трёх сантиметров. Я обошёл его и нагнулся, заглянул на него с обратной стороны: там была абсолютно пустая, матовая гладкая поверхность.

Стукнула дверь.

— А! Явился, наконец, дорогой! Сколько можно бездельничать? Я тут вкалываю и день и ночь, а он по полям гуляет!

Я обернулся. В дверях стоял Георгий, держал огромный термос и улыбался.

— Привет! — улыбнулся я в ответ. — Вот, освободился. А это что у тебя?

— О! Это замечательный кофе, Люсенька сварила, — ответил он, подошёл к стулу, сиденье которого было накрыто жёлтой клеёнкой. На клеёнке стояли огромный бокал с красным сердечком и белая кофейная чашечка. Венчала всё это хозяйство вазочка с белыми сухариками, обсыпанными сахаром.

Георгий отвинтил крышку термоса, и аромат кофе наполнил комнату.

— Будешь, дорогой? — он вопросительно посмотрел на меня.

— Я не про кофе, что за агрегат ты соорудил? — кивнул я на стенд.

— А-а-а! Это твоя воплощённая идея. Пока ты бегал по полям и крутил коровам хвосты, я сотворил изумительную вещь. Дарю.

— И что это?

— Имя я ещё не придумал, — задумался Георгий, — но можно взять пока рабочее, например, энерговиджет. Как тебе?

Я пожал плечами:

— Да как хочешь. Ты лучше расскажи, для чего этот энерговиджет нужен?

— Ну, ты прям быка за рога, дорогой, похоже, наловчился за последнее время, — засмеялся он, — давай сначала кофейку глотнѐм, пока горячий.

— Подожди, ты со своим кофе, — в сердцах сказал я. — Объясни толком.

— Эх, дорогой, какой ты нетерпеливый, — вздохнул Георгий, завинчивая термос, — и как тебя только в монастыре терпят: всё тебе сразу вынь да положи.

— Ладно, не ворчи. Похоже, у тебя получилось осуществить наши идеи. Не терпится узнать.

Георгий кивнул, поставил термос на пол рядом со стулом и подошёл к агрегату.

— Смотри! — сказал он, взял небольшую коробочку, лежащую на стенде, и протянул мне. — Вот!

Я открыл коробочку и увидел браслет. Самый обычный браслет. Такой был у каждого.

— Зачем тебе ещё один браслет? — удивился я.

— Не скажи! Это не обычный браслет. Сейчас!

Он достал браслет из коробочки и поднёс к экрану энерговиджета.

— Пока включение и настройка — ручные, — пояснил Георгий.

Энерговиджет и браслет включились, как мне показалось,

одновременно: экран засветился ровным глубоким серым светом, а браслет посветлел и, казалось, наполнился прозрачной водой.

Георгий засучил рукав на руке, где у него не было браслета, и надел этот, второй браслет.

— Ты что ж предлагаешь всем по второму браслету носить?

Он засмеялся.

— Зачем по второму? Этот усовершенствуем, и он заменит наш. Смотри!

Мы, не отрываясь, смотрели, как браслет оживал. Вначале едва заметные сгустки энергии хаотично пробежали по нему, постепенно закручиваясь и приобретая цвет, и вот уже разноцветные снежинки мелькали в браслете, словно подгоняемые вихрем. Они концентрировались, лепились в комья снега: одни сгустки энергии уплотнялись и поглощали другие, более слабые. Вместе со сгустками энергии поглощались и их цвета, которые радужно переливались, переходя один в другой. Смешиваясь, краски начинали приобретать один доминирующий цвет. Наконец, вся поверхность браслета засветилась ровным чистым жёлтым цветом. Одновременно с этим на энерговиджете отразилась система координат, а на ней — чёткая, чуть вибрирующая линия.

— Что это?

— Этот браслет — своего рода индикатор энергочастотного состояния личности. Ты же сам хотел визуального дока-

зательства, подтверждающего энергетическую сущность человека. Вот и получи. Это, как сказал бы твой отец Окимий, и есть отражатель души.

— Понимаю, — протянул я. — Ты визуализировал взаимосвязь, которую открыли ещё в двадцатом веке: между энергией человека и его мыслями, чувствами. Я читал в нашей библиотеке о попытках систематизировать синхронизацию энергии человека с её цветом.

— Именно. О такой синхронизации я и подумал, когда ты поставил нашу задачу. Я изучил всё, что смог найти, доработал в соответствии с сегодняшними возможностями и создал таблицы с характеристиками соответствий цветов числовым значениям колебаний энергии человека. Правда, пока они ещё не полные. Тут есть над чем поработать. Но главное возможно уже сегодня: надев на руку любому такой браслет, мы, конечно же, не сможем прочесть его мысли, но увидим, выражаясь вашим, монастырским языком, его духовность — среднюю частоту вибраций энергии, которая ему присуща. И она уникальна! Конечно, общий фон цвета браслета у разных людей может совпадать, но он обязательно будет различаться по чистоте и примесям — сгусткам энергетических всплесков личностных эмоций. Это как отпечатки пальцев: вроде отпечатки пальцев есть у всех и по форме мало отличаются, однако по качеству! Сам знаешь.

Я кивнул:

— Понимаю. А твой жёлтый что означает? Должно быть,

не ниже, чем гениальность, — улыбнулся я.

— Гениальность не гениальность, — задрал он нос, — а интеллектуальная сила! Не меньше 144 Гц будет, и даже выше.

— Смотри!

— Что?

На ярко-жёлтом браслете Георгия вдруг побежало тёмно-жёлтое облачко.

— Ну-ка глянь, уж не гордыня ли пробежала по твоему биополю, гений ты наш, — засмеялся я.

Георгий глянул в табличку и ничего не сказал, только недовольно засопел. Ну, точно, я угадал.

Я опустил на свободный стул и спросил:

— И что ты предлагаешь? Их внедрить?

— Да! У нас есть цель. Ты её определил. Эта цель — энергетическая эволюция человека, а значит, и человечества. И браслет — средство для достижения этой цели. Он не только определит текущую характеристику развития личностной энергии человека, но и будет компасом на его пути самосовершенствования. Каждый в любой момент сможет увидеть, как его мысли, чувства, поступки влияют на его энергетику, появится стимул работать над собой.

— Георгий! Ты не представляешь, что ты сделал!

— Очень даже представляю, — улыбнулся тот.

— Послушай! — я не мог оставаться на месте, вскочил и принялся быстро ходить по комнате.

— Это же новая эра! Эра духовности. Тут возможен глобальный поворот человека от его материальной сущности к духовной.

— Успокойся, дорогой. Куда тебя понесло! Материальную сущность человека ещё никто не отменял. Кофе лучше выпей, — засмеялся Георгий, беря термос и отвинчивая крышку. — Как хорошо, что у Люсенки термос нашёлся.

Он разлил кофе по чашкам, одну протянул мне, а из другой отпил и удовлетворённо сказал:

— Ещё горячий.

Я машинально взял у него чашку и отпил. Посмотрел на кофе и спросил:

— Почему термос? А наша кофемашина? — я глянул в угол, где сиротливо возвышалась моя любимица.

— Извини, дорогой, — виновато глянул Георгий. — Ты же сам говорил, что аппарат старый. Вот и не выдержал современных ритмов жизни, — пожал он плечами. — А заказывать новый без хозяина не стал, я уважаю твои вкусы!

— А починить?

— Что починить? — брови Георгия удивлённо поползли вверх. — Этого дедушку?

— Какого дедушку? — недовольно буркнул я.

— Ну, да кофемашина — она, значит, бабушку. Да хоть что. Она такая древняя, что к ней, наверное, и запчастей нет. Даже в голову не пришло, что починить можно. Первая серия выпуска кофемашин. Шутишь, дорогой! Пей лучше и

не злись. Люсенька лучше любой кофемашины варит! — и, увидев мой недовольный взгляд, сказал, улыбаясь в лихо закрученные усы: — А ещё говоришь о повороте от материальной сущности к духовной. Вот попробуй лишить тебя любимого напитка, — и добавил, отпив из чашки: — И вообще много пить кофе вредно, надо беречь здоровье.

— На себя посмотри.

— Мне можно, я не монах, — засмеялся он, — могу позволить себе излишества всякие, дорогой.

— Угу, Альбины на тебя нет.

Глаза его погрустнели, и я пожалел, что напомнил о жене, поспешил сменить тему.

— Ладно. Про переход от материальности к духовности я, может, и погорячился. Но ты же меня понимаешь? Главное, что у человека появится реальная цель жизни — духовное самосовершенствование как эволюционное личностное развитие, которое не ограничивается одной жизнью, а устремлено в беспредельность к Высшим сферам. И она не только сможет стать личностной целью развития человека, но и регулятором общества. К примеру, закон энергоэволюции человечества может лечь в основу Духовного кодекса как основного закона общества. А?

Георгий поперхнулся кофе, откашлялся и спросил:

— Как ты себе это представляешь? До чего можно дойти! Ты себе отдаёшь отчёт?

— Конечно. Не беспокойся! Это не регламентация мело-

чей жизни или ритуалов, которые должен будет выполнять человек. Нет! Это будет вектор всеобщего развития. Он будет так же важен, как сейчас, — я замолчал, подыскивая слово. — Вот! Как сейчас важен, к примеру, профессионализм. И даже более того. Индивидуальная энергия сможет заменить все удостоверения личности. И это стопроцентная защита. Даже отпечаток пальца может быть ненадёжен: всегда остаётся возможность, что кто-то приложит твой палец куда ему нужно. Но не энергия! Индивидуальную энергию, постоянно меняющуюся в личностных границах, нельзя воспроизвести или «приложить» к чему-то или кому-то.

— Это интересно и, конечно, нужно, — кивнул Георгий и потёр нос, — но мне больше по душе второй аспект, который может решить браслет: своевременно оценивать здоровье человека и оказать немедленную помощь при необходимости. Смотри, во время болезни частотная энергия человека ослабляется и искажается. А влияние болезни на энергетику разных людей, в принципе, одинаково. Это чётко прослеживается по цвету браслета. Если сделать энергопаспортизацию заболеваний человека и внести её в базу данных ИИ, то, подключив браслет к глобальной сети, мы фактически подключаем человека к экстренной медицинской службе. И если человеку понадобится помощь, он сможет её своевременно получить даже без личного обращения, например, если находился один и потерял сознание. Сигнал о необходимости экстренной помощи мгновенно будет получен, и по-

мощь будет оказана.

Мы стояли друг напротив друга и смотрели на браслет, который всё ещё был на запястье Георгия. Сказать, что мы были ошеломлены открывающейся перед человечеством перспективой, значит ничего не сказать.

Наконец, Георгий отмер и снял сияющий жёлтым цветом браслет.

Я увидел, как тот потух, словно лампочка, которую выключили.

— Надень! — он протянул его мне.

Я взял и удивился. Он был необычайно лёгким.

— Микролаттис?

Георгий кивнул:

— Я долго думал, какой материал лучше бы подошёл. Лучше этого пока нет. Есть задумка со временем усовершенствовать материал, адаптировав его к человеку. Я даже название придумал — биомикролаттис. Но это потом. Сейчас и этот сгодится.

— Почему думаешь, что микролаттис — лучший?

— Смотри сам: по сути это металлическая микрорешётка — синтетический пористый металлический материал, сверхлёгкая форма пенометалла. Состоит из сети сплетённых между собой полых никель-фосфорных трубок толщиной всего восемьдесят нанометров, что в тысячу раз тоньше человеческого волоса, а потому необычайно лёгкий — в сто раз легче пенопласта! Кроме того он сверхпрочен. Это са-

мый лёгкий и самый прочный металл, которые мы знаем сегодня. Но главное — полости внутри него могут быть заполнены микроэлементами для модификации материала и обретения им новых свойств. Что я и сделал. Надевай же!

Я, не снимая своего браслета, на другую руку надел второй.

Первое мгновение ничего не происходило, и вдруг браслет включился. Сначала по нему хаотично пробежали едва заметные сгустки энергии. Они постепенно закручивались в странном танце, меняли цвет. И вот уже разноцветные снежинки пробегали по браслету, словно подгоняемые вихрем... Смешиваясь, краски начинали приобретать один доминирующий цвет. Это был чистый ярко-зелёный цвет с редкими всплесками энергии более насыщенного оттенка.

— Смотри, у меня зелёный! — воскликнул я.

— Ага! Всё с тобой ясно, дорогой, — довольно улыбаясь, сказал Георгий.

— И что означает цвет по твоей таблице?

— Сейчас посмотрим, — Георгий набрал комбинацию цифр на экране своего обычного браслета и прочитал: — ярко-зелёный цвет — вежливость, такт, житейская мудрость, терпимость к мнению других, величина вибрации от 144 Гц и выше. Поздравляю, не самый плохой показатель.

Я хмыкнул, снимая браслет:

— А самый плохой какой там?

— О! Много всего. Ну, например, 0,2 Гц: страх — серого

цвета трупного оттенка; тоска — тёмно-серый; ревность — тёмно-зелёный; низкий обман — чёрно-зелёный, почти чёрный. Да всего и не перечислить.

Георгий взял у меня браслет и убрал в коробочку.

— Ладно, — сказал он, — принцип я тебе рассказал. Сам решай, оно нам надо или нет.

Я задумчиво прошёл по лаборатории.

— Дело, конечно, очень хорошее и нужное. Спасибо тебе, Георгий. Но как убедить людей в общине носить второй браслет? Да и вообще, два браслета, согласишься, перебор. Или сегодня заменять у всех браслеты на новые? Конечно, со временем человечество усовершенствует браслет, и это будет, скорее всего, именно твой биомикролаттис; кстати, не забудь зарегистрировать изобретение. Но мы не сможем так быстро изготовить всем новые браслеты. Сейчас надо как-то адаптировать к твоей идее наши браслеты.

Георгий задумался.

— А что это всё-таки за экран? — я подошёл к энергови-джету.

— А это... Сюда можно вывести показания браслетов, если их подключить, — пробормотал он, уже поглощённый своими мыслями.

— Как вывести?

— Да как хочешь. Хочешь графиком, хочешь — импульсами, или таблицей, или диаграммой, или ещё как. Слушай, а как ты думаешь изменить обычные браслеты?

— Думаю, без искусственного интеллекта не обойтись, — ответил я. — Смотри: у нас все браслеты подключены к глобальному интернету и, соответственно, к искусственному интеллекту. Делаем сонастройку ИИ и переподключаем наши браслеты, при этом внедряем адаптированные светодиоды, преобразующие энергию человека в цветовую энергию. Тот, что ты использовал в экспериментальном браслете. Даём ИИ твою таблицу расшифровки энергий, и он замыкает все браслеты в единую энергетическую систему. Пока только нашу общинную, и выводит её данные вон на эту твою чёрную бандуру. Браслеты начнут отражать соответствующий энергии человека цвет. Появится возможность видеть и цвет браслета, и энергоситуацию общины в целом на твоём энерговиджете.

Георгий задумчиво провёл руками по волосам и сказал:

— Это всё прекрасно. Но в сегодняшних браслетах нет полостей, как в микролаттисе. Тут моя конструкция не годится. Надо что-то придумать другое.

— Ну, давай придумаем, — улыбнулся я, потянулся, подошёл к Георгию и хлопнул его по плечу: — А знаешь, мы с тобой большие молодцы!

— Да? — насмешливо улыбнулся тот.

— А то! Нет, самый главный молодец, конечно, ты! Мне бы никогда не сделать то, что ты сделал. Это ж надо! И за такой срок. Месяц!

— А то, — демонстративно выпятил он грудь и важно по-

крутил кончики усов, — большое дело, когда никто не путается под ногами и можно спокойно поработать.

Я засмеялся и ткнул его кулаком в бок. Он охнул и ответил мне тем же.

— Ладно, ладно, сдаюсь, — я поднял руки.

— Ага! — заулыбался он во весь рот. — То-то же!

— А не пойти ли нам подкрепиться? — спросил я, приобняв его за плечи.

— Наконец-то здравая мысль! Истинно: учёные должны очень хорошо питаться, а такие гении, как я, ещё и постоянно подпитываться Люсенькиными сырниками! Кто говорил, что энергию порождает мозг? Не верь! Нет, он может там что-то и порождает, но, — Георгий назидательно поднял указательный палец, — гениальную энергию у человека могут породить исключительно Люсенькины сырники.

— Угу, — засмеялся я, — особенно со сметаной.

— А то! Бывает всё-таки и в твоей голове здоровый проблеск.

— Пошли уже, — я хлопнул его по спине и пошёл к лестнице, ведущей в библиотеку.

— Давно пора, — ответил Георгий и пошёл следом.

Глава 8. Вызов Фивия

Было то прекрасное весеннее утро, когда разум и чувства сливаются с природой в едином порыве жажды обновления и красоты. Когда сверкающей радостью наполняется каждая капля звенящей капли, а каждый ручей, даже самый маленький и робкий, бежит не куда-нибудь, а к беспредельному морю. Когда разбуженная горячими поцелуями солнца земля томно вздыхает проталинами, обещая скорое, очень скорое возрождение жизни.

Я стоял у окна на кухне, подставив лицо солнцу.

У плиты возилась Люсенька. Пекла свои любимые сырники. И, конечно, ни на минуту не замолкала, искоса поглядывая на Егория, который стоял рядом с ней.

— А я и говорю, ты, Авдотья, мастерица квас делать, — сказала Люсенька, и послышался звонкий шлепок.

Я глянул и увидел, как Егория трёт руку.

«Должно быть, потянулся к сырникам», — улыбнувшись, подумал я, смотря, как печально Егорий смотрит на большое блюдо, где исходили ароматом румяные творожные кругляши.

— Егорий, сядь за стол, — строго сказал дед Анисим.

Парень бросил укоризненный взгляд на Люсеньку и поплёлся к столу, где сидели дед с Георгием и ели наваристую перловую кашу. Георгий чуть подвинул свой стул, давая ему

место. Егорий сел и тоскливо посмотрел на свою пустую тарелку с остатками каши.

Люсенька проводила парня смеющимися глазами, взяла блюдо с сырниками и поставила его на середину стола.

— Кушайте на здоровьице, — сказала она, осторожно тронула пузатый бок самовара и, тихонько ойкнув, сказала: — горячий! Как раз к чаю, — и отошла к плите.

На душе вдруг стало так хорошо и спокойно, как давно не бывало. Я повернулся к окну и глубоко вздохнул, сердце спокойно и радостно билось. «Как в той, другой жизни, рядом с Фёкой», — пришла непрощеная мысль, и милый образ мелькнул в солнечном зайчике, отразившимся в стекле, а от него в сердце. Оно бухнулось, на мгновение замерло и сильно забилось. Улететь бы солнечным лучом к любимой, коснуться её губ, её глаз... Я на секунду прикрыл глаза. Нельзя. Нельзя даже думать. Не сейчас. Ещё не пришло наше время. Я должен. А пока не думать. Но почему, почему радость у меня всегда рядом с болью! Я постарался успокоить дыхание, и, чтобы отвлечься, прислушался к болтовне Люсеньки, к которой уже так привык, что воспринимал как естественный фон.

— А я и говорю: у тебя завсегда не окрошка, а одно объедение. Может, секрет какой квасной знаешь? А она смеётся: «Какой, говорит, секрет? Нету никакого секрета. Просто беру ржаные сухари, заливаю крутым кипятком и настаиваю часа четыре, ну, может, пять. Тут следить надо. Потом на-

стоянное, осветлённое сусло сливаю и охлаждаю. И добавки по вкусу: сахару там, или мяты. А ещё чуток дрожжей и ставим бродить. А уж как сбродится, так лей настой с сухарями да по бутылкам разливай. Как разольёшь, так в тепло. Пока пузырьки не пойдут. А тут уж поплотнее закупорь да в ледник, суток эдак на трое. Вот так тебе и квас». А я говорю: так да не так, отличается у тебя квас-то. А она смеётся и только. Жалко ей, что ли? Ой! Чуть не подгорели! — она кинулась к плите.

На сковороде зашипели переворачиваемые сырники.

— Не асстаиваяся, Люсенья, всо ты отовишь луше, — сказал Егорий.

Я обернулся. Лицо Егория довольно лоснилось, он жевал и ласково шурился на девушку.

— Долго там стоять будешь? — спросил Георгий. — Остынет всё.

— День сегодня хороший, — ответил я и пошёл к столу.

— Ага! Уж такой денёк, такой денёк! Я, как утром проснулась, сразу поняла, что денёк будет хороший. Солнце прямо в глаза. Чуть свет разбудило. А в окно-то глянула, а там! Половина снега как корова языком слизала, почитай, нету, — она подошла к окну и мечтательно сказала: — Вот вас покормлю, посуду помою и пойду к девчатам. Мы сегодня хотели..., — начала, было, она, но замолчала, а потом добавила, — хотя вам неинтересно будет. До обеда там пробуду. Я ж вам тут пока не нужна, брат Олаф?

— Сходи, конечно, — ответил я.

Дед вдруг строго покашлял и сказал:

— Дома делов, что ли, нету, по девчонкам бегать? Обедать что будем, ежели ты до обеда будешь неизвестно где шляться?

— Почему же неизвестно где, — обиделась Люсенька. — Очень даже известно. А с обедом что? Я ещё вчера щи наварила, только погреть. Вчерашние-то они завсегда вкуснее. Да и вот дозволения спросила.

— Брату Олафу некогда вникать в домашние дела. У него работа посерьёзнее будет. Я за то ответственный. А я тебе не позволяю бездельничать. Делать нече? Так иди вон работай или в школу. Шас всем велено учиться.

— Ты, дед Анисим, что ли, супротив воли брата Олафа хочешь? — со слезами на глазах проговорила Люсенька. — Он разрешил, а ты поперёк. Брат Олаф, скажите ему, что вы позволяете.

Я растерялся. И Люсеньку не хотелось обидеть, и дед своему прав.

Глянул на Георгия, тот, посмеиваясь, уткнулся в чашку с чаем.

— Дед Анисим, пусть Люсенька сегодня сходит, куда ей там надо.

Тот недовольно крикнул и покраснел.

А я торопливо добавил:

— А ты Люсенька в следующий раз договаривайся, пожа-

луйста, с дедом Анисимом. Он у нас заведует хозяйством.

Девушка надула губы и отвернулась к окну.

Георгий мне подмигнул: разрушил-таки ситуацию.

— Ой! Смотрите! Брат Фивий к нам приехали! — закричала вдруг Люсенька, да так, что я даже вздрогнул.

— Люсенька! Что ж ты так кричишь, — сказал я.

— Как же! Как же! Вон смотрите! Смотрите!

— Господи святы! — всполошились дед с Егорием и кинулись к окну.

Мы с Георгием переглянулись и тоже подошли.

Фивий, степенно вышагивая, опираясь на посох, подходил к дверям обсерватории. За ним чёрной тенью следовал Фиста.

— Господи святы!

— Святые угодники!

— Пресвятая Богородица!

Дед, Егорий и Люсенька кинулись встречать гостя.

— Не было печали, — сказал я, когда мы с Георгием остались одни. — Надо идти.

Он понимающе кивнул.

Мы спустились в вестибюль.

В центре просторной прихожей дед Анисим припал к руке Фивия, получив благословение. За спиной своего хозяина на почтительном расстоянии, потупив взгляд в пол, стоял Фиста. А поодаль топтался бледный Егорий, не решаясь подойти ближе.

Дед почтительно попятился, освобождая место.

Я думал, что теперь подойдёт Егорий, но тот остался на месте, боязливо поглядывая на Фивия. Тот не ободрил его, даже не посмотрел в его сторону. И тогда к Фивию подошла вся раскрасневшаяся Люсенька. Покорно склонила русую головку и прошептала:

— Благословите, брат Фивий.

Фивий перекрестил её и сказал:

— Да благословит тебя Господь наш!

И то ли мне показалось, то ли на самом деле, лицо его смягчилось. А нет, после того как Люсенька после благословения наклонилась к его руке, он ласково погладил её по голове. Та вспыхнула, расцвела от радости и отошла.

Я посмотрел на Георгия, тот удивлённо поднял брови: оказывается, ничто человеческое не чуждо и Фивию — вот что значит, весна!

Фивий оглянулся на нас, и я уловил тень смущения на его лице. Хотя, может, почудилось? Уже в следующий миг лицо его выражало обычное непреступное достоинство.

— Здравствуйте, братья, — сказал я. — Рад, брат Фивий, что нашёл время выбраться к нам. Как раз к завтраку. Пойдёмте. Люсенька напекла отличные сырники, вы таких никогда не пробовали.

Люсенька, которая стояла, потупив взор, после моих слов смущённо улыбнулась и, поклонившись, сказала:

— Прошу отведать. Чем богаты!

— Благодарствую, — чуть наклонил голову Фивий, — не сомневаюсь, что сестра Людмила — отличная хозяйка. С радостью отведал бы, но в другой раз. Да и временем особо не располагаю. Дела, знаете ли, неотложные, но памятуя ваше приглашение ознакомиться с работой, всё же решил отложить. Хотя, — он повернулся к своему помощнику, — если брат Фиста хочет, может принять угощение.

Тот поднял на него глаза, в которых читался немой вопрос, и, получив едва заметный кивок от хозяина, сказал:

— С радостью! Благодарствую, сестра.

— Вот и хорошо. Сестра Людмила, принимай гостя. А мы пройдем в лабораторию, поговорим о делах наших, — сказал Фивий.

Люсенька побледнела и непривычно молчала. Дед Анисим кашлянул, и она встрепенулась. Не поднимая глаз, тихо сказала:

— Прошу, брат Фиста, отведать, что Бог послал, очень рада вам.

Они ушли на кухню, а мы поднялись в лабораторию.

— Брат Фивий, ты первый раз здесь? — спросил я, когда двери лаборатории за нами закрылись, и Фивий с любопытством осматривался.

— Да, брат Олаф. Впервые. У каждого из нас в монастыре своё послушание. Я занимался своим, отец Окимий своим. Не довелось пересекаться. Однако сегодня другое дело, — работа ваша тут, в обсерватории, не только ваше послуша-

ние. Её результат скажется на устоях монастыря, а потому я должен быть в курсе, чтобы лучше понимать и правильно донести до нашей братии, — и, чуть помедлив, добавил, — вместе с вами.

Я кивнул, а про себя горько усмехнулся: ему даже сложно слова произнести, что мы вместе, не говоря уже о делах.

Фивий обошёл вокруг энерговиджета, внимательно его рассматривая, но ничего не спросил и сел на стул, сложив руки на посохе.

— Присаживайтесь, — по-хозяйски пригласил он нас с Георгием.

Георгий вопросительно глянул на меня, но я не стал обострять и чуть кивнул ему. Он придвинул мне свободный стул, а сам присел на край стола.

Фивий недовольно покосился на него.

Я сел и вызвал по браслету Егория:

— Брат Егорий, принеси, пожалуйста, с кухни один стул в лабораторию, — попросил.

— Ничего, я так, — махнул рукой Георгий.

— Сейчас принесёт.

Мы помолчали. Фивий оббежал взглядом лабораторию и сказал:

— Ну-с. Расскажите, как идут дела. Над чем работаете? Как я понимаю, этот аппарат должен решить наше дело по преобразованию общины? — он кивнул на энерговиджет, в голосе и взгляде его явно читалась насмешка.

Георгий нахмурился.

А я ответил:

— Истинно так, брат Фивий. Спасибо Георгию, воплотил нашу задачу, дал ей реальное разрешение.

— Вот как? — удивился Фивий.

— Именно.

— А позвольте узнать, в чём была ваша задача? — на сей раз, он подчеркнул слово «ваша», словно заранее устраниаясь от всего, что происходит и ещё должно произойти в общине из-за изменения её устава.

— А задача наша, как я уже говорил на монастырском соборе, не только укрепить духовность братии монастыря, но и способствовать распространению духовности на всю общину.

— Благое дело! — закивал Фивий, и я не понял, обычная насмешка звучит в его словах или он действительно так думает.

— Ну, так вот, — продолжал я. — Для решения этого благого дела, для подтверждения установленной духовной иерархии в нашем монастыре...

— Позвольте, брат Олаф, — резко перебил меня Фивий, — какие ещё подтверждения требуются духовной иерархии монастыря, если сам Господь наш Иисус Христос основал Церковь и учредил в ней церковную иерархию, которая распространилась и на монастыри?!

Я опешил, не ожидал, что тот даже не выслушает, а так

резко перейдёт от насмешек к открытому неприятию. Но взял себя в руки и постарался спокойно объяснить.

— Согласись, брат Фивий, что порядок духовной иерархии Церкви исполняют люди. А люди не подобны Господу нашему Иисусу Христу, и часто бывает, что на словах у них одно, а на деле другое. Ибо слаб человек и греховен. Не ты ли сам это всегда утверждал?

Фивий смутился и покраснел.

— Да, я утверждал и утверждаю. Однако это относится к пастве, а не к тем, кто прошёл таинство святительского Рукоположения[i] и получил благословение Духа на чин.

— А разве мало случаев недостойного ведения дел священниками?

— Ну, всякое бывает, конечно, но с этим мы сталкиваемся редко.

— Так вот, чтобы исключить подобное, и кроме того, точно определить истинные помыслы души человека, а значит, и то, кто из братьев готов к высшему божественному служению, нам и нужен этот прибор.

— Прибор определяет помыслы души человека?! — Фивий даже подскочил на месте. — Душевные помыслы открыты только перед Богом! Только ему дозволено читать в нас, как в открытой книге, и направлять на путь истинный. Как подобное возможно доверить какому-то прибору?! Любая машина может ошибаться. А уж тем более в тонких, духовных вопросах!

— Я уверен, что в нашем случае, ошибка сводится к нулю. Ведь прибор не принимает никаких решений, он просто регистрирует вибрацию энергии человека. Ты же в курсе открытия отца Окимия о том, что каждому человеку свойственна своя вибрация?

— Да, — кивнул Фивий, — я в курсе. Конечно, можно допустить, что человек, когда мыслями своими в молитве устремляется к Всевышнему, то душа его..., — он замялся, подбирая слова, — испускает лучи, если можно так сказать. Но чтобы регистрировать их. И в мыслях не было. Как можно измерить то, что самое ценное в человеке — его душу! И зачем это надо? — он недоумённо посмотрел на нас с Георгием.

Повисла напряжённая тишина. Я не знал, как ему объяснить, чтобы он понял. Я был уверен, что даже если случится чудо, и Фивий примет сознанием то, над чем мы с Георгием работаем, то всё его существо воспротивится этому. Но я не мог просто отмахнуться от него. Должен попробовать. Я встал и прошёлся по комнате. Фивий внимательно следил за мной. Я подошёл к нему.

И тут раздался стук, дверь осторожно приоткрылась, и просунулась голова Егория.

— Можно? — спросил он. — Я энто. Стул принёс.

— Спасибо, Егорий, — сказал Георгий, подошёл к нему и забрал стул.

Дверь закрылась. Георгий поставил стул рядом с моим и

сел, а я продолжал:

— Понимаешь, брат Фивий, развитие духовности у людей очень различное. Согласись.

Фивий задумался и медленно кивнул.

— А разве цель каждого из нашей общины не развитие своей духовности? Разве мы пришли сюда не затем, чтобы очистить наши помыслы и желания от всего греховного? Приблизиться не только к пониманию Бога, но и стать достойными его сынами?

— Истинно так.

— Так вот! Этот прибор и нужен для того, чтобы объективно показать человеку, насколько он преуспел на этом пути. Поэтому мы с Георгием и назвали его духовным компасом.

— И как же человек сможет это определить по-вашему, — он на мгновение запнулся и сказал, — духовному компасу?

Я подошёл к энергостенду и взял коробочку. Вынул из него браслет и надел на свободную руку. Поднёс руку к лицу Фивия. Он, не отрываясь, смотрел, как тот менял свои цвета, пока не засиял необычно светлым зелёным цветом.

— Что это? — поражённо спросил он. — Почему он светится?

— Браслет через взаимосвязь микроскопических светодиодов и фотодиодов считывает энергию человека и настраивает под её частоту определённый цвет. В результате при изменении духовной силы — энергии вибрации человека

под воздействием его мыслей, эмоций, дел будет меняться и цвет браслета.

Я снял браслет и повернулся к Георгию.

— Георгий, надень.

Георгий поднял рукав рубашки и застегнул на запястье браслет.

Фивий увидел, что браслет засветился ярко-жёлтым цветом.

— Вот у Георгия другой цвет его личной энергии — жёлтый.

— Очень интересно, — растерянно пробормотал Фивий. — И что же обозначают эти цвета?

Я протянул ему распечатанную таблицу, где на нескольких листах были напечатаны параметры энергии человека и соответствующие им цвета оттенки.

— Пока это только текст. Со временем, когда мы изучим все параметры вибраций энергии человека и их соответствие цветам, будет создана информационная база для искусственного интеллекта, и при запросе он будет мгновенно интерпретировать данные.

— Очень интересно, — повторил Фивий, пробегая глазами листки. — Правильно ли я понимаю, что вы хотите у всех в нашей общине настроить браслеты таким образом, чтобы искусственный интеллект считывал их духовную энергию?

— Совершенно верно! И тогда мы убедимся, истинно ли духовен человек, увидим его наклонности и способно-

сти, сможем правильно помочь их развить. Но главное, человек получит отличный инструмент самоконтроля. Браслет ему покажет, какие мысли, чувства, дела снижают его духовность, от чего надо отказаться, чтобы стать лучше, ближе к Господу нашему, жить по его заветам.

— Ваш прибор способен читать мысли человека? — Фивий подозрительно зыркнул на меня.

— Нет, конечно! Прибор не сможет переводить энергию мысли в слова, не для этого он задуман. Да и зачем? Если человек сам знает свои мысли? Но прибор способен считывать параметр энергии этой мысли. Ведь мысли, по сути своей — сконцентрированная энергия. И вот характеристику этой энергии, положительный или отрицательный заряд, которую несёт мысль, если можно так выразиться, и будет определять прибор.

— И на какой стадии находятся ваши исследования? Как скоро вы планируете подобное подключение?

— В принципе, с основными, так сказать, укрупнёнными корреляциями «параметр энергии — её цвет» мы определились. Можно подключаться к искусственному интеллекту. Конечно, база этой корреляции будет постепенно дополняться, это работа надолго. Но то, что известно уже сейчас, вполне хватит, чтобы прибор уже сегодня стал духовным компасом человека. Осталось кое-что отладить. Сейчас работаем над тем, как внедрить изобретение без создания дополнительных браслетов, используя те, что есть у всех. Потом под-

ключение к энергостенду. И, собственно, всё будет готово.

— А энергостенд ваш, что будет показывать? Браслеты, как я понял, цвет, а стенд?

— О! Стенд — это замечательная вещь. На нём все браслеты общины будут замкнуты в единое энергетическое пространство, и по нему можно будет не только увидеть общий духовный фон общины, но и всплески энергии, которые будут отклоняться от общего фона. Мы сможем видеть и поддерживать духовные порывы общинников, а также обнаруживать негатив. Понять, почему он случился, что с человеком не так, отчего снизилась его энергия. Возможно, он болен физически или душевно, и ему нужна наша помощь. Кстати, не хочешь ли надеть браслет и увидеть цвет твоей духовности?

Фивий потянулся было к браслету, но тут же отдёргнул руку, в его глазах я с удивлением увидел страх. Что испугало его? Неужели он сам настолько внутренне не верит в свою духовность, что побоялся открыть себя перед нами? Я был поражён. Но страх юркой змейкой скользнул и исчез, и вот уже человек с попраным достоинством смотрел на меня вытаращенными глазами:

— Я?! Ты хочешь, чтобы я определил этим прибором свою душу?

Я молчал. Никак не ожидал такой реакции. Мы же всё спокойно обсудили. Неужели всё-таки страх?

Он резко поднялся.

Я посмотрел на его побледневшее лицо, на капельки пота, вдруг выступившие на лбу, и спросил:

— Что случилось, Фивий? Тебе нездоровится?

Он глянул на меня, и в глазах я прочитал такую ненависть, что мне стало не по себе. Несколько минут он молчал, видимо, боролся с собой, пытался успокоиться. Ничего не ответил и направился к двери. Резко обернувшись около неё, сказал:

— Я не могу поддержать вашу идею, ибо уверен, что душа человека может быть открыта только Господу нашему. И никто. Слышите! Никто не имеет право лезть в душу другого, — он вскинул голову и в упор глянул мне в глаза: — Я должен буду доложить о ваших экспериментах предстоятелю Климентию. И до его решения прошу вас работу прекратить.

Волна гнева накрыла меня. Я шагнул к Фивию и почувствовал, что сзади Георгий дёрнул меня за рясу. Опомнися, постарался овладеть собой и сказал:

— Не много ли берёте на себя, брат Фивий, — голос мой звучал громко и твёрдо. — Вы забываете, с кем говорите. Что-то запрещать мне, как настоятелю монастыря, у вас нет прав. А потому извольте соблюдать субординацию. В противном случае я отстраню вас от должности моего заместителя.

Он остолбенел. Впервые за всё время моего пребывания в монастыре он получил отпор. А я продолжал:

— Вы вправе обращаться с вашими сомнениями куда

удобно, но до отстранения меня от должности, потрудитесь мои решения выполнять.

Фивий, наконец, пришёл в себя и сказал:

— Я честно выполняю все свои обязанности и все ваши распоряжения, которые касаются монастыря и общины, — он склонил в поклоне голову, — и буду выполнять их впредь. Однако до официального утверждения ваших экспериментов Христианской Церковью, позвольте в них не участвовать. Как я понял со слов предстоятеля Климентия на нашем соборе, участие в эксперименте — дело добровольное. Кроме того, я беспокоюсь о безопасности здоровья людей. Вы уверены, что подключение к этой машине — он пренебрежительно ткнул посохом в энерговиджет, — совершенно безопасно для человека? Не нанесёт ли вред здоровью эта энергия?

— Что вы! Он только регистрирует энергию, которая изначально есть у человека, — сказал Георгий, — никакой иной энергии не вырабатывает.

— Ну-ну. Надеюсь, вы правы. Нам несчастные случаи не нужны. И потом они могут поставить крест на общем хорошем начинании.

— Несчастный случай? — поразился Георгий. — О чём вы?

— Все эти экспериментальные нововведения... Я за то, чтобы люди не участвовали в подобном. Эксперименты, экспериментами, а проверенные временем способы самые на-

дёжные. А это главное. В любом случае я обязан буду сообщить.

— Как вам будет угодно, — сухо сказал я и добавил. — Более того, я хочу, чтобы вы сообщили о нашем эксперименте представителю Климентию и о результате вашего с ним разговора оповестили меня.

Фивий почтительно склонил голову и спросил:

— Дозволите удалиться?

— Дозволяю, — сказал я.

Фивий поклонился и гордо выпрямился. Лицо его было бледно, а тёмные глаза лихорадочно блестели, как у больного. Он повернулся, и, стуча об пол посохом сильнее, чем обычно, вышел.

В комнате повисла тишина. Я подошёл к кофемашине, машинально нажал на пуск. Руки мои дрожали. Чтобы унять дрожь, я заложил их за спину и сжал. Кофемашина зашипела на меня и плюнула в чашку тёмной водой. Да! Она же не работает.

— Иди, я тебе налью, — позвал меня Георгий.

На столе задымилась чашечка с кофе, испуская успокаивающий аромат.

— Да. Спасибо. Совсем из головы вылетело, — я подошёл к столу и сел.

— Ну, ты, брат, даёшь, — сказал Георгий, когда я допил кофе и перевёл дух, — не ожидал от тебя.

— Сам от себя не ожидал. Но ты же видел. Если не поста-

вить на место, всё дело порушит.

Я не мог усидеть на месте, встал и принялся ходить по комнате. Георгий сочувственно следил за мной взглядом.

— Не переживай. Как я понял, этот Климентий — церковное начальство, и он за тебя?

— Ну, можно и так сказать. Только не за меня, а скорее за отца Окимия и за его идеи. Да и трудно быть против думающему, честному человеку, который болеет душой о людях, а не о своей карьере, как этот Фивий.

— Да-а-а, — протянул Георгий, — Фивий тебе точно не помощник, если не противник.

— Скорее противник, но что он может против эволюции? Фивий — прошлое, потому и всеми силами цепляется за это прошлое. И он то ли не понимает этого, то ли понимает, но просто не видит никакого будущего. А без будущего, что человеку остаётся? Только жить прошлым, стараясь изо всех сил сохранить его и в настоящем.

— И всё же, тебе нужно первому сообщить этому вашему Климентию о нашей задумке. Нехорошо, если её представит Фивий. Уж он напридумывает что есть, и чего нет.

Я остановился и сказал:

— В этом ты прав. Я, пожалуй, с ним сейчас свяжусь, — и вышел из лаборатории.

[i] Священнослужителем Православной Церкви может стать далеко не каждый благочестивый мирянин. Таинство

Священства совершается только над православно верующим мужчиной, принадлежащим к клиру (то есть являющимся уже церковнослужителем), состоящим в первом венчанном браке или принявшим монашеские обеты, и избранным для возведения в одну из трех степеней церковной иерархии.

Глава 9. Дым над куполом

Через день после нашей стычки с Фивием, утром, когда мы завтракали на кухне, он сообщил мне о решении Климентия. Хотя после моего разговора с предстоятелем я уже знал, каким оно будет, всё же ждал, как мне об этом скажет мой заместитель. Сможет ли Климентий убедить его в необходимости нововведений или он так и останется при своём мнении?

Фивий связался со мной после литургии[i], и я удивился его спокойному голосу. Видимо, Климентию удалось его убедить. Но нет. Хотя Фивий и старался выказать лояльность к нововведениям и голос его звучал доброжелательно, но тактично дал понять, что пока не готов лично в них участвовать. Спасибо, что хоть пообещал не препятствовать. Даже выразил готовность помочь чем может: взять на себя все обыденные заботы монастыря и поселений и дать мне возможность спокойно заниматься преобразованиями.

«И то хорошо», — подумал я.

Но что-то мне не понравилось в его слишком доброжелательном тоне. Странно видеть такие резкие перемены за столь короткое время. Уж не задумал ли чего? Хотя наш предстоятель — человек уважаемый и тонкий психолог, скорее всего, сумел достучаться до сознания Фивия.

«Одной проблемой меньше», — едва успел я облегчённо

подумать, как Фивий тут же озадачил меня: напомнил, что через два дня — седьмого апреля — великий день — Благовещение Пресвятой Богородицы, и я должен был присутствовать на праздничном богослужении.

Я растерялся. Последнее время в храме я бывал редко. Обычно меня заменял Фивий, а я своё послушание нёс в обсерватории. И был очень рад, что при отце Окимии внесли изменения в устав нашего монастыря, по которому работу в обсерватории включили в список неотложных дел обители и приравнивали к участию в богослужениях.

Однако это не распространялось на великие христианские праздники, которые входили в список двенадесятых — двенадцати важнейших православных праздников. Одним из таких праздников было и приближающееся Благовещение Пресвятой Богородицы.

В замешательстве я глянул на Георгия. Тот увидел моё расстроенное лицо и вопросительно поднял брови.

Я замешкался с ответом Фивию, а тот, не дождавшись моей реакции, тихим, вкрадчивым голосом убеждал:

— Брат Олаф, знаю, как важна для вас, да и для всей нашей общины ваша научная работа. И предстоятель Климентий говорил, что это сегодня для нас главное. Я не могу помочь вам в научных трудах ваших, но с радостью окажу содействие, которое мне по силам, — он замолчал, ожидая моей реакции на его слова.

Я молчал, и он продолжил:

— Если на то будет ваше благословение, я готов заменить вас на праздничном богослужении.

— Что? — растерялся я.

— Вы можете спокойно заниматься тем, что вам поручил предстоятель Климентий, и ни о чём не беспокоиться! Всю монастырскую работу я возьму на себя, — поспешно добавил Фивий. — Работайте спокойно.

В голове заметались мысли. С одной стороны, предложение Фивия обрадовало меня: мы с Георгием нащупали решение одной из проблем адаптации обычных браслетов к энергостенду, и интересно было проверить нашу идею в действии. Но с другой — дать благословение Фивию на замену меня и в двенадцатые православные праздники означало не просто нарушить Устав, но и совсем отдалиться от общины.

И как смогут принять братия и поселенцы нововведения от чужака, который заперся у себя в обсерватории и непонятно чем занимается? Кого они почти не видят в будни, не увидят и в праздники?

Я опомнился. Это невозможно. Вот что он задумал! Потому так и спокоен. Я сам виноват, передоверил общину. И кому? Тому, кто не только сам не принимает нововведения в монастырском укладе, но и противодействует им.

Но я не могу разорваться между обсерваторией и монастырём! Я не отец Окимий, в конце концов. Это его душе, наполненной любовью к людям, это не составляло труда. Потому что и труда в том не было. А была бесконечная любовь

и желание отдать всего себя людям, где бы это ни происходило: в обсерватории или в храме, в беседе с братьями или в раздумьях о смысле сущего — для него различий не было. Он жил ради людей. Потому и остался в памяти общины как святой.

Но я же совсем не такой. Мне вдруг чётко стало понятно, что я не любил людей. Нет, не так. Я не мог вместить людей в своё сердце. Моя душа не могла вместить весь мир, не могла почувствовать неразрывную связь с каждым, как это чувствовал отец Окимий или отец Ануфрий. Жизнь в монастыре, общение со старцами открыли меня пониманию, а значит, состраданию, но и только...

Я любил свою работу. Любил чувство свободного полёта мысли, замирающего от восторга предвкушения открытия и безумной радости, когда оно свершалось! Эта любовь была настолько всепоглощающей, что я не мог её разделить в своей душе с каким-то иным чувством. Только одному человеку оставалось место в моём сердце, но жизнь сложилась так, что я не позволял себе даже думать о ней...

Но вместить ещё и все заботы, и радости общины я просто не мог. А заменить работу общинными делами категорически не хотел. Как же сложно всё переплелось в моей жизни! Но общинные дела стали моей работой, моим долгом, моим крестом. От них зависело то, чем жило моё сердце и разум. И я должен их выполнить, насколько хватит сил.

Нельзя отдать Фивию общину. Это значит отказаться от

нововведений, над которыми я работаю в обсерватории. Конечно, можно продолжить ими заниматься и в Наукограде, но тогда я нарушу клятву, которую дал отцу Окимию перед его смертью, отниму надежду предстоятеля Климентия, отца Ануфрия — всех, кто видит во мне надежду на будущее общины. Я обязан довести дело до конца. И не доставлю Фивию радости, сам разрушив то, что мы с отцом Окимием начали. Нет. Я не доставлю ему такой радости.

Все эти мысли молнией пролетели у меня в голове, и я твёрдо сказал:

— Благодарю тебя, брат Фивий, но великий праздник я хотел бы встретить с братьями в храме.

Фивий пару секунд молчал, видимо, не ожидал услышать такой ответ и сухо сказал:

— Как вам будет угодно. Благослови Господь, — и отсоединился.

Я вздохнул и увидел внимательные глаза Георгия.

— Ты чем-то расстроен, дорогой? Что случилось?

Все обернулись ко мне. Я вынужденно улыбнулся:

— Всё в порядке. Брат Фивий сообщил, как идёт подготовка к Благовещению. Я тоже приму участие в службе.

Дед Анисим кивнул, перекрестился и довольно, но с лёгким упрёком сказал:

— Вот и хорошо! Вот радость-то! А то люди уже соскучились по обличию настоятеля-то.

— Когда едем? — подскочил Егорий.

— Потом, Егорий, обговорим. Давайте завтракать, — ответил я и тихо для Георгия добавил: — Седьмого апреля я должен буду провести богослужение в храме. Ты извини, меня пару дней не будет в лаборатории. Надо подготовиться.

Тот молча кивнул.

— Расстроился? — спросил я его, зная, что его деятельная натура не терпела ни часа простоя.

— Не впервой, — резко ответил он и, почувствовав на себе взгляды, понял, что погорячился. Улыбнулся и уже мягче сказал: — Я пока испытаю браслеты вон Люсеньки, Егория и деда Анисима.

— Чегой-то? — не поняла Люсенька.

Егорий ничего не сказал, только вытаращил глаза.

— Мы сейчас работаем над улучшением браслетов, — сказал я.

— Это как так? — удивлённо спросил дед Анисим. — Второй браслет, что ли, будет, али энтот поменяют на новый? За каким лядом?

— Нет, дед Анисим, не второй и не новый. Мы работаем над усовершенствованием тех, какие есть у каждого, — ответил я.

— Усоверше-е-е-нствованием, — протянул дед, — поди ж ты! А накой? Чем энтот-то плох? — он задрал рукав рубахи и глянул на браслет. — Тут тебе и время, и поговорить с кем, ежели надо, и новости почитать. Хотя, как по мне, это лишнее. То ли дело газета.

— Понимаешь, дед Анисим..., — начал было объяснять и запнулся.

Как ему объяснить? Он не знает даже, что означает слово «вибрация», а если когда и знал, то забыл.

— Понимаешь, — повторил я, — все живые существа излучают тепло. Учёные это тепло называют энергией. Вот, к примеру, от одного человека теплом так и веет, особенно от человека энергичного, воодушевлённого чем-то. Он тогда покраснеет, разгорячится — жаром от него так и пышет. А у кого-то энергия гнетущая, например, у тяжелобольного человека, у того, кто замыслил подлость какую или когда чувствуешь, что человек ненавидит тебя. Не по себе становится рядом с таким человеком. Тяжело. Или взять иконы. У святых на них всегда нимб изображается. А почему? Потому что то особая, высшая энергия святого. Когда душой прикасаешься к иконе, её сразу и почувствуешь. Она наполнит радостью, словно мать обнимет. Да и не только почувствуешь, но и увидишь силу её в виде нимба у святых, на ней изображённых. Люди видели эту энергию и писали такие иконы. И у простых людей она тоже есть, энергия эта, но мы её не видим, потому что она слабая для взгляда человеческого. Мы же не святые. Потому не видим, а только чувствуем: тепло от человека идёт или холод и злоба. Да и то не всегда чувствуем-то. Вот Георгий и придумал, как усовершенствовать наши браслеты, чтобы видеть эту энергию у любого человека. Глаза деда округлились:

— А это ещё зачем? Мало ли что в нутрях человека понамешано.

— Ну, к примеру, можно сделать так, что искусственный интеллект, к которому подключены наши браслеты, будет определять по энергии человека, здоров он или болен. И если человеку вдруг станет плохо, то через его браслет, который будет улавливать изменения организма, в медицинский центр сразу передадут сигнал о необходимости срочной помощи. И такая помощь быстро будет оказана, где бы человек ни находился.

— Ишь ты! — усмехнулся дед. — Чего только не придумают. Оно, конечно, может, дело хорошее, но баловство. Как будто сейчас по браслету нельзя сообщить да вызвать помощь, — он задрал бородёнку и почесал шею. Глянул на меня из-под мохнатых бровей и добавил: — А чтоб здоровым быть, грешить не надоть, а молиться почаще. Господь все недуги человека видит, — и, усмехнувшись, хитро добавил, — всю его энергию-то. И сделает по молитве то, что истинно кому надо, а не как решит какой-то там интеллект.

Я кивнул:

— Можно и самому врача вызвать, конечно, если человек в состоянии это сделать или уже почувствовал, что заболел. А если сознание потерял? Или болезнь только-только подкралась, только начала точить человека? И не поймёшь: то ли болен, то ли устал, а может, просто тоска навалилась? Серьёзные заболевания — чем раньше лечить, тем лучше.

— Так-то оно так, — кивнул дед. — Ну, это пусть молодёжь балуется, испытывает да интересуется. А я погожу. Жив — и слава Богу. А то так наиспытаете, что последние силы порушите.

— Дед Анисим, дорогой, ну что вы такое говорите? Разве можно энергию порушить? — сказал Георгий.

— А то! — встрял Егорий. — Вот у нас в элизии был случай. Один мужик вдруг чахнуть стал. Чах, чах, пока совсем высох и помер. А был такой здоровяк! На кулачках бился почти как я.

— Так почему к врачу не обратился? — удивился я.

— Какое «не обратился»? Только по больничкам последнее время и жил. Но ничего определить не могли. Говорят, что медицина не всесильна.

— Так оно, конечно, так, не всесильна. Но о чём ты рассказал — сегодня редкий случай. Тебя послушать, так и лечиться ни к чему.

— Да не, я не к тому. Просто все говорили, что на него порчу навели. Все силы, а по-вашему, всю энергию-то и вытянули! А без неё человек не человек. Оттого и помер.

Дед вдруг треснул Егория ложкой по лбу.

— Ой! — вскрикнул тот, потирая ушиб. — За что, дедка?

— А не пори ерунды! — пожевав губами, назидательно сказал тот. — Чай в монастыре живём, в святом месте. А ты, орсина, языком мелешь, как язычник какой. Что сказал святой апостол Павел? — он поднял указательный палец и нази-

дательно продолжал: — «Если Бог за нас, кто против нас?». Понял? Твори добро, ходи в храм, и будешь под защитой Бога. Даже сам сатана не причинит тебе никакого вреда, не говоря уже о злых людях. А будешь думать о зле, так и притянешь к себе зло. И в мыслях не имей!

Мы с Георгием переглянулись. Ай да дед, он же то же говорит, что и мы, только своими словами да по своему разумению.

— А знаешь, дорогой, — задумчиво сказал Георгий Егорию, — ведь ты сейчас умную мысль сказал. Надоумил, как нам ещё следует улучшить браслет, чтобы распознавать негативное влияние извне на энергию человека.

Дед Анисим недовольно крикнул, а Егорий покраснел от удовольствия, приосанился и, выпятив грудь, взглянул на Люсеньку. Та прыснула в кулак.

Я встал из-за стола:

— Знаешь, Георгий, я вот что думаю...

— А покушать! Вы ещё толком не поели, — всполошилась Люсенька.

— Спасибо, Люсенька, всё очень вкусно, я уже наелся. Георгий, ты давай завтракай, а я пойду, кое-что прикину.

Георгий встал было за мной, но глянул в жалобные глаза Люсеньки и снова сел, сказал:

— Я скоро приду. Уж больно хороша сегодня каша у Люсеньки, наваристая.

Девушка зардела от похвалы.

— Давай, не задерживайся. Сегодня надо всё окончательно обдумать, а то меня не будет. Сроки менять не хотелось бы, они уже обговорены.

Весь день мы с Георгием провели в обсерватории, а к вечеру прибежал Егорий и с выпученными глазами заорал:

— Скорее! Скорее! Люсенька заболела!

Мы кинулись вниз.

В маленькой, удивительно светлой комнатке Люсеньки пахло свежестью и липовым мёдом. Заходящие солнечные лучи окрасили всё в нежно-розовый цвет, и мне почему-то подумалось, что комнатка удивительно напоминает детскую. Ту уютную детскую, где царят умиротворение, тепло и свет.

— Как в раю, — прошептал мне на ухо Георгий, оглядывая девичью комнатку.

Раскрасневшаяся Люсенька лежала в постели, до подбородка укрытая светло-серым стёганным одеялом, и смущённо улыбалась. На стуле у изголовья на расстеленной газете стояла чашка с остатками чая и вазочка для варенья, наполовину заполненная янтарным мёдом.

Рядом, подтыкая подушку, хлопотал дед.

— Люсенька, — спросил я, подходя к ней, — что случилось?

Она попыталась подняться, но я удержал её.

— Лежи, лежи. Как ты себя чувствуешь? Что болит?

— Не беспокойтесь, брат Олаф, ничего не болит, простыла немного, — с хрипотцой в голосе ответила она. — Тем-

пература немного поднялась, и уж сразу в постель заставили лечь, — покосилась она на деда.

— Простыла немного, — передразнил её тот. — Я тебе сколько раз говорил? Всё носилась незнамо где со своими девчатами, да всё нараспашку! Вот лихоманку-то и подхватила. Набегала себе температуру под тридцать восемь! Вот тепереча и лежи, — проворчал он, — лан, я ща тебе ещё чайку с малиной принесу.

— Да я могу и сама на кухню, — приподнялась Люсенька.

— Лежи, раз велено, — сердито зыркнул на неё дед.

— Харитона надо вызвать, — сказал я.

— Ужо вызвали, — ответил дед и вышел.

Вызванный срочно монастырский доктор Харитон пришёл, когда уже солнце спряталось за гору. Выставил нас за дверь, осмотрел Люсеньку, вышел и сердито заявил:

— Я так и думал. Чего было звать? Я же сказал деду Анисиму: по всем признакам обычная простуда. Так и есть. Солнце припекает. Молодёжь ходит нараспашку. Кровь молодая, горячая, а ветер ещё холодный — нет-нет, да охватит, проморозит до костей. Вот и готово — иммунитет весной снижен, самая благодатная почва для вируса. И пожалуйста, получи ОРВИ. Ничего опасного. Несколько дней полежит, и всё пройдёт, — и недовольно добавил, — чего было меня гонять?

И ушёл. Даже лечение не назначил. Только кивнул на деда Анисима, что тот и так все средства от простуды хорошо

знает.

Дед Анисим сокрушённо покрутил головой:

— Ну что за доктор? А? Разве такие доктора-то бывают? Одно легкомыслие: ни тебе лекарство какое дать, ни укол какой для облегчения. Всё на меня спихнул и ушёл. Некогда ему. Вожжа под хвост попала.

— Ну что ты такое говоришь. Радоваться надо, что с Люсенькой всё хорошо и она скоро поправится, — сказал я.

— Знамо, поправится. Дак ты ж доктор! Доктор-то на что нужен? Ты внимание больному окажи. Посочувствуй. Лекарство там какое пропиши. Всё быстрее на поправку пойдёт.

— Дедушка, вы обо мне не беспокойтесь, — вступилась Люсенька. — Мне и вправду уже лучше.

— Лучше ей. Лежи уж, егоза, — проворчал дед.

Настал день праздника. Мы все, кроме Георгия, собрались ехать утром пораньше в монастырь. Но утром Люсеньке стало хуже, опять поднялась температура. Правда, она была невысокая, но Люсенька чувствовала себя очень слабой и решила остаться.

Это очень расстроило деда Анисима.

— Люсенька, — пенял он ей. — Ты совсем перестала посещать храм. Вот скажи, когда ты последний раз там была?

— Ну как же, вот на родительскую[ii], — ответила она и смущённо замолчала.

— Это когда было! Вот отсюда и все болезни. Поедем.

Оденешься потеплее, помолишься, попросишь исцеления, и всё пройдёт. А если устанешь, то опосля посидишь в телеге, нас подождёшь. В тулупе чай тепло. Негоже в такой день в храм не сходить, — уговаривал её дед Анисим.

Люсенька растерянно смотрела на него.

— Да? Тогда, конечно, поедемте, — она поднялась, сделала шаг и, пошатнувшись, опёрлась о спинку кровати. Видимо, у неё закружилась голова.

— Так, Люсенька остаётся дома, — решительно сказал я, помогая ей снова лечь в постель. — Больной, слабый человек должен лечиться. Всё. А мы пошли.

Дед недовольно пожевал губами, но, укрыв девушку до подбородка, проворчал: «Ладно. Лежи уж». Пошёл вслед за нами.

Солнце ещё не выглянуло из-за горы, когда мы с дедом Анисимом и Егорием подъехали к монастырю. Сегодня Благовещение, и на литургии будут присутствовать почти все поселенцы, кроме больных и немощных или тех, кто не может по каким-то серьёзным причинам оставить свои дома или работу. Поэтому я спешил приехать пораньше, чтобы всё подготовить и подготовиться самому. Но, несмотря на предрассветное утро, на перекрёстке и по дороге в монастырь нам уже повстречались поселенцы, спешащие в храм.

В храме было полутемно. Младшие монахи, словно предрассветные тени, скользили в его глубине, зажигали лампы перед иконами. Дед с Егорием остались с поселенцами и

монахами, не участвующими в сегодняшнем богослужении, постепенно заполнявшими притвор и среднюю часть храма до иконостаса.

Я прошёл в алтарь.

— С праздником, братия!

— С праздником, брат Олаф, — ответил Фивий.

В ризнице алтаря мы облачились в богослужебные одежды, и началась проскомидия[iii]. На душе было удивительно спокойно и радостно, когда я следил, как худые с узловатыми суставами пальцы старца Ануфрия вынимали из просвир частички и укладывали их на дискос под тихую молитву за живых и за усопших.

В алтарь не заглядывало солнце, но мне казалось, что оно ярко осветило всё вокруг, когда старец взглянул на меня лучистыми, бесконечно добрыми глазами, и улыбка тронула его губы. Под этим взглядом, как снег под жарким солнцем, таяли и беспокойство, и страхи, грызущие душу, и сомнения. Всё становилось ясно и понятно. И так хорошо, что я готов был принять мир весь, полностью, каким он был.

С тихой благодатной улыбкой я взглянул на Фивия, который на жертвеннике вырезал копием[iv]куб из большой просфоры и клал его на дискос[v]. И удивился тому, что не испытываю к нему никакого дурного чувства. Мне вдруг захотелось подойти и обнять его. Попросить прощения за то, что своим присутствием в монастыре доставил ему столько всего...

Я перевёл взгляд на руки Фивия и поразился: они дрожали. Вгляделся в его лицо — оно было необычно бледным. «Что с ним? — мелькнула мысль. — Случилось что?» Фивий тихим голосом вторил молитве отца Ануфрия. «Нет, показалось», — решил я.

И вдруг увидел, как Фивий чуть не пролил вино с водой, которое вливал в чашу. Он вздрогнул, выпрямился — опомнился, что чуть не совершил великий грех. Глубоко вздохнул и взял кадило[vi]. Раскачивая его, отчего по воздуху поплыл дым и запах ладана, стал обходить святилище, а потом весь храм.

Тревога змеёй заползла в душу, спугнув благостное чувство. Похоже, случилось что-то серьёзное, что выбило всегда самоуверенного Фивия из колеи. Но что? Я чего-то не знаю?

Фивий вернулся в святой алтарь. Теперь он выглядел спокойным. Покадив святую трапезу и нас, находящихся в алтаре, поставил кадильницу на своё место и, твёрдо сжав губы, подошёл ко мне. Поклонился трижды и произнёс:

— Царю Небёсный, Утёшителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша. Слава в Вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою.

Затем Фивий поцеловал святую трапезу, а я — святое Евангелие.

Наклонив ко мне голову и держа тремя пальцами
орарь[vii], Фивий проговорил:

— Вре́мя сотвори́ти Го́сподеви, влады́ко, благослови́.

Я ответил:

— Благословён Бог наш, всегда́, ны́не и при́сно, и во ве́ки веко́в.

— Помоли́ся о мнѣ, влады́ко святы́й, — продолжал Фивий.

— Да испра́вит Госпо́дь стопы́ Твоя́, — ответил я.

— Помяни́ мя, влады́ко святы́й.

— Да помяне́т тя Госпо́дь Бог во Ца́рствии Своём, всегда́, ны́не и при́сно, и во ве́ки веко́в.

— Ами́нь.

Поклонившись, Фивий отошёл к северным воротам, и там, поклонившись трижды, воскликнул:

— Го́споди, устне́ мои́ отве́рзеши, и уста́ моя возвестя́т хвалу́ Твою́.

Литургия началась...

С хоров полилась песнь. Сильное, слаженное, мужское многоголосие заполнило храм и поднялось к самому куполу. А там, раскинув руки, словно обнимая весь мир, плыл в бело-золотых одеждах Иисус Христос, наполняя торжественной, светлой радостью и святое место, и сердца людей, и даже вечно строгие и печальные глаза святых на иконах.

Я смотрел на хоры, на одухотворённые лица певцов и ждал. Сейчас произойдёт чудо. Вот сейчас!

Хор стих.

И вдруг одинокий высокий тенор устремился в небеса с такой тоской и надеждой на счастье, что душа моя встрепенулась и откликнулась — понеслась вслед за зовущим голосом. Сердце вздрогнуло и быстро-быстро застучало, будто это и не сердце, а птица в клетке, которая почувствовала зов весны и свободы.

Пальцы вдруг сами сложились, и рука потянулась ко лбу, осеняя крестным знамением. Я удивился сам себе. Я не считал себя богомольным человеком. Но, похоже, вера глубоко жила во мне.

Хор между тем закончил последнюю песнь, и ко мне начала выстраиваться очередь на причастие и благословение.

— Благословите, батюшка! — молодая худенькая женщина со скрещёнными на груди руками стояла возле меня и ждала причастия.

Я зачерпнул ложечкой из чаши.

— Клавдия, — произнесла она своё имя.

Я поднёс ложечку к её губам. Она проглотила святые Дары, поцеловала нижний край чаши и тихо отошла, всё прижимая руки к груди, боясь ненароком задеть чашу и расплескать священное.

Её сменил мужчина...

Наконец, праздничная литургия закончилась, и я вышел. Дед Анисим и Егорий уже ждали меня на скамейке рядом с храмом.

— Егорий, можем ехать? — спросил я, подходя.

— Всё готово. Лошадка у гостевого домика ждёт.

Я кивнул:

— Пошли.

Только мы с дедом Анисимом устроились в телеге, а Егорий, гикнув, направил лошадь к мосту, как у меня завибрировал браслет. Звонила Люсенька. Я не удивился: наверное, несмотря на недомогание, напекла жаворонков[viii], а может, даже кулебяк с рыбой или грибами. Наверное, хочет поторопить, чтоб побыстрее приехали, уж не терпится угостить, — улыбнулся я про себя.

— Мы едем, Лю... — не успел я договорить, как меня оборвал крик: — Ой! Ой! Ой! Брат Олаф! Беда!

— Что? Что ты говоришь?! Какая беда? Где?

— В лаборатории! Там как бухнуло! Вот тока-тока! Прямо как взрыв! Я как подскачу — Божечки! А там же Георгий! А я ему звоню, а он не отвечает! И дымом пахнет! Мамочки! Что делать?!

— Люсенька, немедленно выходи из обсерватории. Я сейчас пожарных.

— А Георгий? Я пойду гляну! Может, помочь надо.

— Куда пойдёшь?! В огонь? Не смей! Бегом из обсерватории. Я вызываю пожарных.

Я соединился с пожарными.

— Вызов принят, — ответил мне звонкий мальчишеский голос и отключился.

Я обернулся к Егорию:

— Егорий, давай быстро. Пожар в обсерватории!

— Как пожар? Почему? Что случилось-то? — вытаращил он на меня глаза.

— А я откуда знаю?

Дед Анисим вдруг засуетился, стал поспешно набирать вызов:

— Да как же Люсенька?!

Глядя на него, не удержался и Егорий.

— Куда, орясина! Девке разорваться что ли? Как она сразу двоим ответит?

— Можно синхронизировать вызовы, — ответил я.

— Ась? — удивлённо переспросил дед.

Я отмахнулся от него и нетерпеливо спросил:

— Ну что?

— Не отзывается, — лицо деда побледнело.

— С Люсенькой всё в порядке. Это она сейчас звонила. Сказала про пожар. Не волнуйся, дед Анисим, — сказал я, видя, как его бледное лицо наливается синевой.

— Егорий! — заорал я. — Гони!

Не успела наша телега прогрохотать по мосту через монастырский ров, как над нашей головой в колокольне ударил набат. Гулкое и тревожное — тум-тум-тум — понеслось над монастырём.

Колокольный гул заполнил долину, поднялся к горам и разбудил эхо, а оно тревожно забило, заметалось между

небом и землёй, перекликаясь с криками людей.

Резкий сигнал позади нас заставил вздрогнуть. Мгновение — и мимо пронёсся пожарный вездеход. Наша лошадка испуганно заржала и рванула в сторону. Егорий едва успел придержать.

— Вот холера! — в сердцах сказал дед. — Носятся как оглашенные.

— Так это ж пожарная, дедка! — воскликнул Егорий. — Там эмблема на боку.

— Да что ты? Разве углядишь.

— Помчали от перекрёстка прямо. Видать, к нам, — махнул Егорий.

Сердце у меня упало.

Егорий привскочил на козлах, заорал на лошадь и, чего никогда не было, вдруг щёлкнул её кнутом. Та присела на задние ноги, а потом рванула вперёд так, что меня отбросило назад.

Ещё издали я увидел чёрный дым, поднимающийся над обсерваторией.

«Всё погибло! Оборудование! Расчёты! О чём я думаю?! Да чёрт с ними! Георгий! Люсенька! Живы ли?!» — стучало в голове.

Егорий гнал всю дорогу, но пожарные намного опередили нас. Когда мы подъехали, открытого пламени не было видно, а купол, поливаемый из шлангов, окутался белым дымом.

Я спрыгнул с телеги и подбежал к ним:

— Людей нашли?

— Какое «нашли»! Смотрите, что делается. Нам туда не пробиться, специальные костюмы да средства пожаротушения нужны.

— У вас же спецмашина!

— И что? Вода же. Она при тушении деревянных построек годна. У вас же там сплошь оборудование и приборы всякие. Да всё под напряжением. Мы, правда, уже обесточили, но для ликвидации очага возгорания нужна специальная пена и порошки, да и костюмы тож, — солидно, гордясь своими знаниями, сказал парнишка, шмыгнув носом.

Недослушав, я рванулся к входу, но чьи-то крепкие руки схватили за плечи:

— Куда?! Ополоумели совсем? Жить надоело? — меня грубо встряхнули и оттолкнули. — Лучше не мешайте. Отойдите.

— Надо вызвать помощь.

— Вызвали уже. Скоро будет.

Я связался с нашим доктором Харитоном.

— Что там у вас? — спросил он.

— Харитон! Пожар в обсерватории! Георгий и Люсенька там. Лаборатория в дыму. Не знаю, что делать!

— Плохо. Боюсь, я один не справлюсь. Подключу спасателей из Элизиума. Жди, — он отключился.

Несколько минут показались вечностью. Даже здесь, на воздухе, трудно было дышать от запаха гари.

Наконец на площадку перед обсерваторией бесшумно опустился сверхзвуковой вездеход-спасатель. Ещё пара минут, и двое спасателей в белых костюмах вошли в лопнувший от жара проём обсерватории.

Я кинулся за ними, но меня остановили, заставили надеть костюм и шлем. И я вошёл вместе со второй группой спасателей.

В обсерватории мы догнали тех двух, и в наушниках я услышал приказ показывать дорогу в лабораторию.

Я пошёл первым. Лифт не работал. Мы пошли по лестнице.

Я спешил, как мог. Хотя костюм был лёгкий, а воздуха в шлеме достаточно, я задыхался. Мне казалось, что я ползу как черепаха, как слепой, натыкаясь на стены. В дыму я не узнавал своей обсерватории.

Постепенно наша группа редела: по одному, по двое оставались те, кто оставался тушить пламя. Остальные продвигались вперёд.

Наконец, третий этаж. По коридору — в библиотеку. Вот и библиотека. Я открыл дверь. Клубы дыма ударили в лицо. Я отпрянул.

«Всё! Задохнусь! Назад!!!» — испугался я, и тут же мелькнуло: «А как же Георгий, Люсенька?».

Неимоверным усилием воли заставил себя шагнуть внутрь, в самую гущу дыма, непроизвольно задерживая дыхание.

И через минуту понял, что не задыхаюсь. Воздухоочистители шлема работали стабильно.

«Трус!» — обругал я себя и покосился на пожарных.

Трое из них уже принялись за дело, и стеллажи снизу доверху мгновенно окутал серый пар, сменяя чёрный дым.

Сердце моё сжалось: пропали древнейшие книги! Но я отбросил эту мысль, кинулся к винтовой лестнице и крикнул:

— Туда! В лабораторию! Наверх! Там должны быть Георгий и Люсенька!

— Мы поняли, — услышал я тихий ответ.

Они оттеснили меня и рванули вперёд.

С пожаром справились быстро.

Люсеньку нашли лежащей у самого входа в лабораторию. Видимо, как открыла дверь, вдохнула гарь, так и упала. Георгий лежал возле энергостенда. Он сжимал в руках наши расчёты и коробочку с образцом браслета.

Пока мы были внутри, приземлился медицинский везделёт, вызванный Харитоном. Люсеньку и Харитона быстро уложили в медкапсулы и увезли в клинику Элизиума, успокоив нас, что с ними будет всё хорошо.

Когда всё закончилось и последние пожарные покинули обсерваторию, из везделёта спустился робот-дознатель и принялся обследовать помещения вдоль и поперёк, регистрируя дефекты, устанавливая их причины. Пока он работал, внутрь никого не пускали.

Мы все собрались в избе Герасима.

Герасим, дед Анисим, Егорий и я сидели за столом и отпаивались чаем с мёдом и настойкой пиона. Как утверждал Герасим, лучшим успокоительным средством.

Фивий мерил шагами комнату.

— Да что случилось-то? — Герасим поставил чашку на стол. — Ну, пожар. Эка невидаль. Обсерватории сто лет в обед. Немудрено, что и замкнуло что-то. Ничего страшного. Главное, все живы. А оборудование что? Восстановите.

— И всё-таки надо выяснить причину, — решительно заявил Фивий, останавливаясь. — Столько лет стояла обсерватория, и ничего. А тут на тебе! Что за эксперименты там проводились? Уверен, что загорелось не просто от изношенности оборудования. Надо всё проверить. Но даже если и так, кто за исправностью следить должен? — он зыркнул на меня злыми глазами. — Но главное — люди! Люди пострадали!

«Вот гад, ему нужна любая причина, чтобы община отказалась от новшеств. Может, сам и поджёг, с него станется. Хотя он всё время был в храме, на глазах. Ничего не понимаю», — думал я, следя взглядом, как Фивий продолжал метаться по комнате, как тигр по клетке.

Я же был уверен, что это не могло быть ни короткое замыкание, ни что-то связанное с неисправностью оборудования. Это исключено. Надо ждать вердикта робота-дознателя.

Я кивнул:

— Да, главное, что Люсенька с Георгием живы. И книги... Почти все сохранили. Раньше бы всё пропало от воды, пены

да порошков. Сколько до нас не дошло драгоценных экземпляров из-за пожаров? Хорошо, что сегодня научились.

— Спасибо Люсенька сразу позвонила. Быстро хватились, — вздыхая, промолвил Егорий и съёжился, поймав уничтожающий взгляд Фивия.

Только поздно вечером робот-дознатель вынес предварительный вердикт: пожар произошёл из-за взрыва электрооборудования. Причина взрыва — механическое повреждение электропроводки.

Фивий крикнул:

— Вот! Я так и знал. Я говорил! Можешь назвать, что за механическое повреждение? От чего случилось?

— Конкретно из-за чего произошло механическое повреждение, можно будет сказать после тщательного исследования собранных мной данных. Я не уполномочен делать выводы. О них вам будет доложено, — робот-дознатель развернулся и пошёл в вездельёт.

Фивий с вызовом оглядел нас и уставился на меня.

— Ты понимаешь, брат Олаф, что своими действиями поставил крест на своих новшествах? Не думаю, что предстоятель брат Климентий после подобного позволит тебе продолжать исследования. Даже если это простая халатность, то халатность преступная! Она чуть не погубила людей. А я тебя предупреждал.

— Не беспокойся, брат Фивий, мы обязательно узнаем причину произошедшего и накажем виновного.

— Ну-ну, — хмыкнул Фивий и, резко повернувшись, вышел из комнаты.

Я посмотрел на притихших деда Анисима и Егория. Герасим хмуро убирал со стола.

— Ничего, всё наладится, — сказал я. — А работу мы обязательно продолжим, — и неуверенно добавил, — с Георгием.

«Останется ли Георгий? — подумалось вдруг. — С Георгием или без него, но я закончу работу!», — решил я и сказал:

— А налей-ка нам ещё чаю, брат Герасим.

Тот взял самовар и пошёл к дверям:

— Сейчас разогрею.

У порога обернулся и улыбнулся в усы:

— Конечно, наладится. Как говорится: Бог не выдаст, свинья не съест.

[i] Литургия — происходит от древнегреческого слова *λειτουργία* (*leitourgia*), которое состоит из двух частей — *λήϊς* (*lēs*) — «народ» и *ἔργον* (*ergon*) — «работа», «деяние», «служение». Дословно слово «литургия» можно перевести как «служение народу». Литургия — это публичное богослужение, связанное с совершением священных таинств и обрядов в христианской церкви; включает в себя молитвы, пение, чтение Священного Писания и другие действия, направленные на поклонение Богу.

[ii] Родительская суббота в православии — это особый день в православном календаре, посвящённый молитвенному поминовению усопших родственников, прежде всего родителей и близких. Название происходит от традиции поминать прежде всего своих родителей и близких родственников, хотя на практике в такие дни молятся за всех усопших христиан, исповедовавших православие.

[iii] Проскомидия (в переводе с греческого — «приношение») — первая часть литургии, во время которой путём особых священнодействий из принесённых хлеба и вина готовится вещество для евхаристии (Святого Причастия).

[iv] Копий — особый нож.

[v] Дискос — металлическое блюдо на ножке.

[vi] Кадило (кадильница) — сосуд для каждения — сжигания фимиама (ладана) во время определённых видов богослужений в храме или церкви. Традиционно кадило изготавливают из латуни, серебра или даже золота, а форма часто напоминает купол храма.

[vii] Орарь в православной традиции — принадлежность богослужебного облачения диакона. В настоящее время орарь представляет собой ленту (из парчи, бархата или шёлка) длиной 2,8 м и шириной 13–15 см.

[viii] Жаворонки — выпечка в форме жаворонков — считалось, что такие булочки символизируют приход весны и возвращение перелётных птиц. Традиционно ими угощали не только людей, но и домашних животных, а иногда даже

развешивали на деревьях для птиц.

Глава 10. Предательство

Предстоятель Климентий жёстко смотрел на меня. Его обычно доброжелательные, тёплые глаза, в янтаре которых, казалось, поселился отблеск солнца, сейчас потемнели и смотрели на меня чёрным провалом. Я почувствовал, как в этот провал безвозвратно падали мои надежды.

— Здравствуй, брат Олаф. Хочу сообщить тебе результаты технической экспертизы, — он выжидающе замолчал.

Я напряжённо ждал.

Наконец он продолжил:

— Она показала, что повреждение, от которого произошёл пожар, имеет не естественный, а искусственный характер.

Спазм сжал горло. Я кашлянул и чуть осипшим голосом спросил:

— Как это понимать?

— Повреждение намеренное.

Я опешил и молча смотрел на Климентия.

Тот сердито поджал губы и ждал ответа. Я не знал, что и сказать.

— Как так, брат Олаф? Мы договорились, что эксперимент проводится исключительно добровольно. А получается? Экспертиза показала, было совершено намеренное нарушение энергосети, которое и привело к замыканию и возго-

ранию. Намеренное! Как такое могло случиться?

Я с трудом сглотнул:

— Брат Климентий, я... Ума не приложу... Конечно, у нас были разногласия. Какое дело без них? Но чтоб так. Все согласились. Никто не отказался. Не попросил перевода в другой монастырь. Я подумал: разве это не проявление согласия?

Я замолчал, ожидая реакции Климентия, но он молчал, только широкие брови его гневно сошлись на переносице, и я заторопился объяснить:

— Даже не знаю, на кого и подумать. Единственный, кто сомневался в успехе — брат Фивий. Но и он никогда не выступал категорически против. Правда, был один момент. Но тогда он сразу связался с вами и рассказал о своих сомнениях. Вы знаете. Это да. Но чтоб так... Хотя...

Климентий задумчиво огладил густую чёрную бороду.

— Что собираешься делать?

— Теперь даже и не знаю. Наверное, надо выяснить, кто это устроил? Обсудить. Постараться убедить... Но, брат Климентий, нельзя останавливать эксперимент! Надо продолжать, — я с мольбой посмотрел на предстоятеля. — У нас уже всё было готово. Назначен день последнего испытания. Нельзя сейчас всё отменить!

Климентий откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

Я ощутил его отчуждение и заторопился, пытаюсь как

можно быстрее высказать всё, что я думаю, пока он не прервал связь. Знал, что у меня есть от силы пара минут:

— Брат Климентий, введение энергобраслетов — наше спасение. Только они позволят переломить ситуацию: дадут начало перехода от доминирования в нас материальной основы к духовной. А это единственный путь эволюции человечества — овладение высокими личностными энергиями, при серьёзной работе души и в первую очередь в самоконтроле. Мы люди — существа ленивые. Для нас в приоритете — чувственные ощущения, основанные на физических удовольствиях. Радости духа нам почти недоступны, в отличие от комфорта тела. Именно достижению этого комфорта был посвящён весь историко-технологический процесс развития общества, и которого сегодня мы достигли по максимуму. Дальше нет эволюции в этом направлении. Но без эволюции человечеству грозит вырождение! Пришло время открыть новый путь. И это путь духовности — познания радости духа. Для этого мы и должны помочь его развить. Да что я вам говорю! Вы же знаете лучше меня. Именно для этого и нужен усовершенствованный браслет! — я замолчал, твёрдо глянул в глаза Климентию и сказал: — Если позволите, я буду продолжать работу.

Климентий молчал. Он смотрел на свои сцепленные руки. Большие пальцы его медленно-медленно вращались друг вокруг друга.

Прошла, наверное, минута.

Наконец он поднял на меня глаза.

— Я понимаю тебя, брат Олаф. Но думаю, мало, кто поддержит твою идею с браслетами. Не просто не поддержат, а будут противодействовать. Поджог это доказывает.

— Новое всегда трудно рождается.

Климентий тяжело вздохнул и переменял тему:

— Как Георгий, твой напарник? Я узнавал, со здоровьем у него всё хорошо, идёт на поправку, а какой настрой? Домой не вернётся?

— Это не в его характере. Он человек, который все дела доводит до конца. Уже планирует, чем в первую очередь займётся, когда из клиники вернётся, — улыбнулся я, но тут же погасил улыбку и тихо добавил: — брат Климентий, теперь, когда вы сказали результаты экспертизы... — я не решился до конца высказать мысль, которая пришла мне в голову. Поймёт ли Климентий? Или это только утвердит его в решении закрыть наш эксперимент?

Он внимательно смотрел на меня и ждал. А у меня словно язык прилип к нёбу.

И тогда он тихо произнёс:

— Ты беспокоишься о Георгии и хочешь дальше продолжать работу один?

Я поразился, насколько он понимает меня, и перевёл дыхание.

— Да. У Георгия семья. Жена, мальчишки-близнецы, ещё совсем маленькие. Я бы не хотел подвергать его опасности.

Если позволите, то я сам.

Он покачал головой и грустно улыбнулся:

— А тебе удастся уговорить его уехать домой? Если твой друг такой же, как и ты, то вряд ли это возможно.

— Я постараюсь. Или просто расторгну договор.

— Ну-ну. Ладно. У вас ещё одна пострадавшая? Сестра Людмила. Мне сказали, что она уже дома. Как она?

— С ней всё нормально. Похудела только и стала немного задумчивая. Раньше была такая болтушка, но теперь слова от неё не добьёшься. Доктора говорят, что это после стресса. Постепенно пройдёт.

— Её бы показать психологу. Похоже, она девушка впечатлительная.

— Я с ней поговорю. Если согласится.

— Да. Принуждать не надо без серьёзных причин. А что с оборудованием? Восстановить можно?

— Несомненно! — радостно заверил я, чувствуя, что почти убедил Климентия. — Нужны кое-какие детали и несколько приборов. Я уже заказал. Сам энергостенд и экспериментальный браслет не пострадали. Они из сверхпрочного материала. Через две недели оборудование будет готово к работе, а ремонт помещений сделаем ещё раньше.

— Хорошо. Продолжай работу. Только будь осторожен. И запомни: ещё один подобный инцидент и даже я не смогу защитить наше дело.

— Спасибо! Не беспокойтесь, всё будет хорошо.

— Прощай, брат Олаф. Храни тебя Господь. Связывайся со мной при любых нестандартных ситуациях. Я должен быть в курсе всего.

Я кивнул:

— Храни Господь, брат Климентий.

Он отключился.

Я глубоко вздохнул и быстро встал. Работаем! И тут же замер от мысли: «Кто? Кто мог такое устроить? Фивий? Фивий! Конечно, он. Кто же ещё?».

Злость сдавила грудь. Сердце бешено рвануло. Пытаясь его унять, я принялся шагать по кабинету.

«Но как? Он был в обсерватории только раз. Всегда у нас на глазах. И после него всё работало отлично. Сообщник! — Я замер как вкопанный. — Среди нас предатель. Но кто? Дед! Кому ещё это надо? Кто меня терпеть не может? Георгий не мог сам уничтожить свою же работу, зачем это ему? Абсурд! Егорий и Люсенька — добрые, открытые души, им это вообще ни к чему. Остаётся дед Анисим. Он мой давний враг, чего и сам никогда не скрывал. Я помню, как он говорил мне прямо в глаза[i]: «Я против, чтоб всякие разные, мимо проходящие управляли монастырём! А раз так случилось, так что ж. Я при должности, и никто не отменял. Как был помощником настоятеля, так им по сей час и числюсь. И не твой я помощник, а помощник настоятеля! Должность у меня такая, и я ею горжусь. Понял? Я человек достойный, верующий, а не мормышка какая-нить. Где поставлен, знать

там и быть должен. А какой из тебя, Линза[ii], настоящий, мы ещё посмотрим». Да! Ему только должность дорога. А как он с Фивием пытался уничтожить завещание отца Окимия, в котором тот завещал мне продолжать его работу[iii]? Вот и дождался своего часа. Как только Фивий дал команду, он и... Гад ползучий! — Я со всего размаха ударил кулаком по столу. — Гнать его к чёртовой матери! Сегодня же! Сейчас же!».

Я связался с дедом.

— Ась?

С трудом сдерживаясь и стараясь, чтобы голос звучал спокойно, я сказал:

— Дед Анисим, зайди ко мне в кабинет.

— Чегой-то? Мы тут как раз...

— Немедленно, — сказал я и отсоединился.

Когда он вошёл, я уже немного остыл и мог говорить спокойно.

— Что за спешка-то такая? — проворчал он.

— Дед Анисим, — хотел сказать, чтобы он забирал свои манатки и катился к чёрту, но глянул в его простодушные глаза и сдержался. Закралось сомнение.

— Я сейчас говорил с братом Климентием. Он мне сообщил результаты экспертизы, — я не сводил глаз с его лица, пытаясь увидеть реакцию. — Так вот. Пожар произошёл из-за того, что кто-то устроил замыкание в электросети.

Лицо деда вытянулось, даже рот приоткрыл. Вот артист!

— Как так? Какое замыкание? — спросил он. — Кто устроил?

«Ты и устроил, гад!» — хотел крикнуть я, но взял себя в руки и тихо ответил.

— Ума не приложу. Вот тоже думаю: кто? В тот день утром были только я с Георгием, Люсенька с Егорием и ты. Что скажешь?

Дед уставился на меня и молчал. Я ждал.

— Ну, дак, а что могу сказать-то? Может, кто из поселенских?

— У нас не проходной двор. Если поселенский, значит, кто-то пустил. Кто?

— А я почём знаю, — разозлился дед. — Меня что пытаешь? Аль думаешь, что энтó я что ли?

— Нет, Егорий с Люсенькой развлекались! Да чего уж там, Георгий сам взорвал. Надоело ему у нас. Взорвал и надышался специально дымом, чтоб помереть. Ты это хочешь сказать? А не ты ли с самого первого дня меня ненавидишь? Сам говорил, что тебе важна должность всё равно при ком. Даже ещё лучше, если бы без меня, потому что ты не признаёшь во мне настоятеля.

Лицо деда Анисима покрылось красными пятнами. Он часто задышал.

— Да ты... Да я... Я отцу Ануфрию! — он поднял браслет к подслеповатым глазам, рука его дрожала.

— Отец Ануфрий! Родимый! — закричал он. — Заступ-

ник! Брат Олаф с ума сошёл! На меня напраслину возводит за поджог. От должности хочет отлучить!

— Я ничего ещё не сказал, — проговорил я.

Дед даже не взглянул в мою сторону. Я посмотрел, как он жалостно кивает, как лицо его скукожилось, словно печёное яблоко, будто отец Ануфрий может его видеть, и отошёл к окну. Глянул на грязно-серое косматое небо.

— Дак как же! Что люди скажут? Пальцем не за что тыкать станут. Позор на мою седую голову, — причитал дед.

Горы вдали тоже серые, снег почти весь сошёл, только вершины присыпаны бело-серой перхотью. На душе было мутно. Я обернулся.

— Агась, ладно. Благодарствую, отец родимый! Храни тебя Господь, — дед отключил браслет и искоса глянул на меня.

— Ну и что?

— Ан ничего. Отец Ануфрий обещался с тобой переговорить. Я на кухню пойду. Опосля поговорим, — он повернулся, но не вышел. Стоял и укорял меня сгорбленной старческой спиной.

— Ладно. Иди, дед Анисим.

Отец Ануфрий связался со мной через полчаса. За это время я уже знал, что ему скажу. Я, конечно, безмерно уважаю его, но не могу, не имею права допустить, чтобы пострадало дело. Дело — главное! Что бы ни случилось, я должен его закончить. Несмотря ни на какие личные отношения. И

я закончу. Даже если придётся поспорить с самим отцом Ануфрием.

— Здравствуй, брат Олаф, — сказал он.

— Здравствуйте, отец Ануфрий, — голос мой прозвучал резко, и я вздрогнул от его звука. Не хотел. Но видно, накипело. Я внутренне собрался, ожидая, что он будет заставлять меня держать деда при себе. А это было уже невозможно. Я принял решение.

Отец Ануфрий, похоже, понял моё состояние и молчал. Я тоже не знал, что сказать. Повисла неприятная пауза. Наконец, отец Ануфрий заговорил, и его тёплый отеческий голос поразил и согрел мне душу:

— Я понимаю твои сомнения, брат Олаф. Для тебя самое важное сейчас — твоя работа. Это очень хорошо, что ты так относишься к своему делу. Я ещё раз убеждаюсь, что мы на правильном пути.

Он замолчал, а я пробормотал растерянно:

— Спасибо, отец Ануфрий.

— Однако нельзя, чтобы дело губительно влияло на человеческие жизни.

«Вот! Так и есть! Началось», — мелькнула мысль.

— Отец Ануфрий! Я всё понимаю. Но нельзя, чтобы чувства мешали общему делу. Разве мы приходим на этот свет не для того, чтобы сделать то, к чему у нас предназначение? Не просто же так нам дан разум, сердце, способности. Не мы ли должны держать на своих руках этот мир? Улучшать его,

совершенствовать — делать своё дело? Это главное! Всё, что мешает главному, должно быть отодвинуто. Простите, отец Ануфрий, но дед Анисим мешает мне заниматься делом. Я не утверждаю, что именно он поджог лабораторию, у меня нет доказательств, но то, что в его присутствии меня обуравляют недостойные мысли, которые мешают работать, это факт.

— И потому ты хочешь облегчить себе жизнь — прогнать деда Анисима с должности твоего помощника?

— Зачем прогнать, — замялся я, но вспомнил обещание, данное самому себе перед разговором — быть решительным, и сказал: — Я просто не хочу, чтобы он был постоянно рядом со мной. Пусть живёт в своей комнатке в настоятельских покоях в монастыре. Следит там за порядком. Если уж так ему хочется быть в этой должности. Я часто бываю в монастыре. Пусть поддерживает там порядок к моему приезду. Или я не могу определять конкретные обязанности людям, с которыми работаю? — начинал злиться я.

— Можешь, конечно. Но я бы...

— Простите, ради Бога, отец Ануфрий, что перебиваю вас. Но я решил окончательно. Если дед Анисима это не устроит, то он может уйти с должности.

Отец Ануфрий помолчал. Я уж подумал, что он обиделся и сейчас просто отключится. Но услышал его голос и удивился, мне послышалась, что он улыбается:

— Хорошо, брат Олаф. Как считаешь нужным для дела.

Если будут трудности, обращайся. Я всегда помогу, — он на секунду замолчал и добавил: — Но прошу тебя подумать вот о чём: заниматься делом жизни, которое по способностям и разумению — это большая радость, но то ли это главное, ради чего мы приходим на этот свет? Вспомни одну из двух главных заповедей, оставленных нам Иисусом Христом: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Любовь — вот то сущее, ради чего мы живём на этом свете. А потому в нашем сердце живёт изречение Его, которое встречается в пятнадцатой главе Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Я понимаю и благословляю тебя на твоё дело, ибо понимаю, что это и есть твоё действенное воплощение любви к ближнему. Однако так ли это? Загляни в своё сердце, не вытеснило ли твоё дело главное — любовь и понимание к своему ближнему? Уверяю тебя, невозможно человеку сделать что-то для человечества, это не любовь, а гордыня. Но он может сделать что-то для людей, которые рядом с ним. Помни об этом. И постарайся не сеять горе и раздражение вокруг себя, — он замолчал, ожидая, что я отвечу.

А что я мог ответить? А я растерянно смотрел на браслет. Он сомневается во мне? Но мне же нет никакой выгоды от нашего эксперимента, я же не для себя, а для людей, для общины... Скорее всего, он был прав: дело заменило мне отношения с людьми... А когда я с кем общался, и это не казалось моего дела? Если только с Георгием, да и то... Я не

знал, что и ответить. Какое-то неприятное чувство против отца Ануфрия вдруг шевельнулось в груди, и я испугался. Неужели он прав, и всё доброе, человеческое во мне заменило моё дело? И тут же отбросил эти мысли: «Бред! Я же делаю дело ни ради дела, а ради людей!».

— Знаешь, брат Олаф, — заговорил отец Ануфрий, и я с радостью почувствовал, как голос его опять стал по-отечески тёплым. — Я хотел тебе передать пожелания от монахов и поселенцев. Все сожалеют, что у тебя мало времени общаться с ними, но они понимают твою занятость, и я понимаю. Ты знаешь, очень редко, когда в конце исповеди кто из монахов или поселенцев не просит передать тебе слова поддержки и сочувствия из-за пожара в обсерватории. Просят сказать, что они молятся за тебя, за твоё здоровье и за твой труд во благо общины, которые они принимают всей душой.

Слова отца Ануфрия словно обдали меня живительным светом, разгоняя мрак сомнения и наполняя душу радостью.

— Правда? — только и смог выдохнуть я, стараясь сдержать заколотившееся радостью сердце.

— Правда, — ответил отец Ануфрий, и я почувствовал добрую улыбку любящего человека в этом простом слове.

Волна стыда накрыла меня, бросила в жар.

— Спасибо, отец Ануфрий. Для меня это так важно. Я. Всё не зря. Я рад. Простите меня.

— Помни, брат Олаф, чтобы не случилось, я всегда поддержу тебя в благом деле. Ты всегда можешь ко мне обра-

титься.

— Спасибо, отец Ануфрий!

— Спаси Господь!

— Спаси, Господь!

Он отключился.

Только в начале лета Георгий поправился настолько, что был готов продолжать нашу работу. Он связался со мной из больницы Элизиума:

— Привет, дорогой!

И хотя мы часто созванивались, я каждый раз был рад услышать его весёлый голос. Вот и сейчас я очень ему обрадовался:

— Георгий, здравствуй! Как ты?

— Со мной всё в порядке. Жаждался меня? Врачи, наконец, дали добро. Завтра буду. Встречай.

— Завтра? — растерялся я.

— Ну да. Ты что, не рад, дорогой? — засмеялся он. — Не слышу энтузиазма в голосе.

— Нет, почему не рад. Просто неожиданно.

— А я тебя ещё больше удивлю: приеду не один, а с семьёй! Альбинка ни за что не захотела больше отпускать меня одного. Так что, как говорит народная мудрость: нет худа без добра. Знаешь, я ужасно этому рад. Так что...

У меня оборвалось сердце.

— Подожди! — перебил я его. — Но ваш дом ещё не готов.

— Да ерунда. Я говорил с Герасимом. Он заверил, что осталось всего ничего. Отделочные работы. А пока мы можем пожить в гостевом домике. Как там? Нормально? Ты же жил там, как только приехал в монастырь. Герасим мне всё про тебя рассказал, — засмеялся Георгий.

— Герасим рассказал? Ну да, там, в принципе, нормально. Но будет ли вам там удобно с детьми?

— Будет, будет! Не беспокойся, дорогой. Мои не избалованы. Да и лето сейчас. Крыша над головой есть и хорошо. Главное, все вместе. А то, признаюсь тебе, дорогой, я ужасно скучал.

Если честно, я не знал, радоваться ли этому или нет. Нет, конечно, я был очень рад другу и соратнику, да и Альбине с детьми. Но последние события показали, насколько опасной может быть наша работа в монастыре. Похоже, мои враги не остановятся ни перед чем, чтобы не дать мне осуществить задуманное, и я не хотел подвергать реальной опасности жизнь тех, кто мне дорог.

Я знал, что Георгий не тот человек, чтобы отступить и оставить меня одного. Но теперь уже дело не только в нём. Приедет его семья. Альбина. Дети! Могу ли я рисковать ими? Нет! Они должны остаться в Элизиуме. И Георгий пусть продолжит работу в обсерватории Наукограда. Я должен сказать, чтобы Георгий не приезжал, что я расторгнул с ним договор.

Я собрался с духом. И не смог произнести ни слова. Я фи-

зически не мог вот так, сам, обрубить последнюю связь с теми, кто мне дорог.

— Эй, дорогой! Слышишь меня? Ты что, онемел от радости? — смеялся Георгий.

Я откашлялся.

— Слышу. Рад, что у тебя всё хорошо.

Георгий замолчал.

Я вслушивался в тишину, в которой ясно слышал удары моего бешено колотящегося сердца.

Наконец, Георгий спросил:

— Что случилось? У тебя всё в порядке, дорогой?

— Всё в порядке. Знаешь. Я долго думал. В общем, — я набрал в грудь воздух, задержал его на несколько мгновений и резко выдохнул вместе со словами: — Георгий, я расторг наш договор. Тебе не нужно возвращаться. Прости, что так получилось. Тебе лучше остаться в Элизиуме. Думаю, восстановиться в обсерватории Наукограда для такого специалиста, как ты, не составит никакого труда. Все необходимые бумаги: характеристику, рекомендации или что ещё нужно будет — я вышлю.

Георгий молчал.

У меня сжалось всё внутри. Я понял, что сейчас не только потеряю соратника, но и друга. Моего единственного друга, последнюю нить, которая связывает меня с внешним миром.

— Наш проект закрыли? Ты думаешь, это я виноват? Совершил техническую ошибку, и из-за меня... — глухой го-

лос Георгия дрогнул.

— Нет! Ты что? Не было никакой технической ошибки. И проект не закрыли.

— Тогда в чём дело? Объясни толком! — закричал он.

— Понимаешь, я тебе не говорил, чтобы не волновать, пока ты был болен. Хотел позднее. В общем, в лаборатории кто-то специально устроил поджог.

— Как? Кто?

— Я не знаю.

— Как это не знаешь? Тебе не говорят? По-любому уже известно кто, и вряд ли подобное повторится, причина ликвидирована. В наше время не бывает нераскрытых преступлений. Беспокоиться не о чем.

— Климентий не хочет давать делу огласку. Это означало бы конец нашему эксперименту. Он ограничился внутренним расследованием. Я с ним согласен. Мне очень важно закончить начатое. Очень важно!

— Но может, Климентий уже установил, кто виноват, дорогой?

— Может быть... Он ничего мне не сказал. Предупредил только, что если что-то подобное произойдёт ещё раз, он закроет обсерваторию. Возможно, он знает виновника и делает внушение. Не знаю. Но все остались на своих местах.

— А ты на кого думаешь?

— Не догадываешься?

— На Фивия?

— А кто ещё? Конечно, сам он не будет подобным заниматься. Он подстрекатель и организатор. А его рука, я думаю, дед Анисим. Мой старый неприятель.

— Да ты что?! Ты уверен? Мне Анисим понравился. Конкретный такой дедок. Не похоже, чтобы он вредил исподтишка.

— Не знаю. Больше не на кого подумать. Нет. Я уверен, что это он. Кто ж ещё? Не Егорий же с Люсенькой? А посторонних у нас не было. В общем, я отослал его от себя в монастырь. Пусть там живёт. Мне спокойнее будет. В любом случае враги у меня здесь есть, и они серьёзные. Пожар показал, что они ни перед чем не остановятся, лишь бы помешать.

— Понятно, — помолчав, сказал Георгий. — И ты что? Испугался? Решил свернуть работу? На тебя это не похоже, дорогой. Кто-кто, а уж ты никогда не пасовал перед трудностями.

— Нет, конечно! Работу я продолжу, чем бы это мне ни грозило. Но я не хочу, да и не имею права, подвергать тебя и твоих опасности.

— А вот оно что! — я услышал, как Георгий облегчённо вздохнул. — Ну, ты даёшь, дорогой! За кого ты меня принимаешь? Мы столько лет работали бок о бок, и ты ещё не понял, что я за человек? Что ты несёшь какую-то чушь? Тоже мне, мальчика нашёл.

— Пойми, Георгий...

— Ничего не хочу понимать. Разговор закончен, дорогой.

Завтра встречай.

— Своих хотя бы не бери! Пока тут всё не выясним.

— Я поговорю с Альбиной. Всё. Приеду, обо всём поговорим, — он отключился.

В груди разжалась пружина: «Как хорошо! А всё-таки я ужасный эгоист», — радостно подумал я.

Георгий приехал один.

— Насилу отговорил Альбинку, — пожаловался он, как только мы встретились на перроне. — Всё-таки мы не можем рисковать детьми. Понимаешь? — в голосе его сквозила тоска...

Я обнял его. Он даже не представлял, как я его понимаю. Он кашлянул и похлопал меня по плечу.

— Ничего, дорогой! Всё будет хорошо. Как дела в обсерватории? Восстановить удалось?

— Пошли. Сам увидишь.

Отремонтированная лаборатория сияла свежевыкрашенными стенами и никелированной поверхностью нового оборудования. Однако не они так обрадовали Георгия. Он подошёл к своему детищу — энергостенду, который твёрдо стоял на могучей львиной лапе посередине лаборатории, и любовно провёл ладонью по его гладкой поверхности:

— Вот что значит микролатисс! В огне не горит! А как работает? Ты пробовал подключить браслет?

— Нормально, — кивнул я.

— Отлично!

— Считай, у нас всё готово. Я уже почти ввёл всю нужную библиотеку данных. Осталось немного. Теперь настроить искусственный интеллект и протестировать. Сколько на всё потребуется времени? Как думаешь?

— Н-у-у, недели две. Максимум месяц. Нет. Даже меньше.

— Отлично! Климентий просил с ним связаться, когда мы будем готовы к подключению браслетов. Думаю, захочет приехать сам посмотреть. Может быть, даже и подключится.

— Да? Отличный шанс проверить работу энерговиджета на дальнем расстоянии. Но подожди приглашать. Давай сначала всё закончим. Мало ли что.

Я кивнул, и мы погрузились в работу.

Целые дни мы проводили в лаборатории. Странно, но никто меня не отвлекал ни из общины, ни из монастыря. Хотя почему странно? Лето. С посевными определились. Работы по строительству университета и перерабатывающего заводика идут по плану. Ребята успешно сдали выпускные экзамены в монастырской школе и теперь готовились к вступительным экзаменам в вузы. И в монастыре жизнь шла своим чередом. Всё стабильно. С Фивием не виделись. Правда, он выходил на связь, когда вернулся Георгий, узнавал о его здоровье.

Вот странно. Климентий знает, что фактически совершенно преступление, и ничего не предпринимает. Как так? Может быть, он даже знает кто виноват. И отец Ануфрий тоже.

А если бы Георгий погиб или Люсенька? Уповают на суд Божий? Все делают вид, что ничего не произошло. Только бедная Люсенька никак не может оправиться после шока. Даже похудела, как переживает. Добрая душа жалеет Георгия. Всё крутится вокруг него: не знает, чем повкуснее накормить, да чем услужить. Засмутила его вконец. Он даже просил меня поговорить с ней. Но я думаю, пусть себе. Может быть, так скорее придёт в себя, если будет заботиться о ком-то.

Хорошо. Ничего не произошло? Пусть так и будет. И я сделаю вид. Сейчас главное — подключение браслетов. Приближается самый важный день в жизни общины. И его ничего не должно испортить. Сейчас многое зависит от нас с Георгием, мы должны быть готовы. И мы будем готовы.

Спасибо Климентию, что он сам приедет поддержать. Это много значит. И может быть, решит всё. Не посмеет Фивий пойти против Климентия. Не посмеет. Или...

[i] О том, как дед Анисим не признает в Олафе настоятеля монастыря, читайте в «Олег. Путь к себе. Книга вторая».

[ii] О том, почему дед Анисим называет Олафа Линзой, читайте в «Олег. Путь к себе. Книга первая».

[iii] Об участии деда Анисима в попытке уничтожить завещания отца Окимия читайте в «Олег. Путь к себе. Книга первая».

Глава 11. Четвёртое июля

Через три недели подготовка была закончена. Мы с Георгием подключили свои браслеты к энергостенду и протестировали их работу. И всё получилось. Синхронизация прошла успешно, и теперь в наших с Георгием обычных браслетах появилась новая функция — функция индикатора духовного и физического здоровья, по которому ИИ сопоставлял уровень энергополей с соответствующим цветом ему.

Я предложил подключить браслеты Егорию и Люсеньке. Егорий было загорелся идеей, но Люсенька побледнела и покачала головой.

— Если позволите, брат Олаф, я потом со всеми, — потупившись, едва слышно прошептала она.

— Конечно, Люсенька, как хочешь, — удивился я её странной реакции.

Георгий толкнул меня в бок и прошептал:

— Боится, наверное.

— Чего?

— Не понимаешь, дорогой? А вдруг током стукнет после подключения-то? — едва слышно ответил Георгий, улыбаясь.

— Ну, и я тогда со всеми, — сказал Егорий.

На том и решили.

Можно было приглашать Климентия.

Единственное, что задерживало, так это решение перенести энергостенд в монастырь. Я хотел поместить его вертикально на внешней стене храма, обращённой к Соборной площади. Для общего обозрения. Пусть все видят шкалу духовности нашей общины, и как она зависит от каждого из нас. Как говорится: наглядная картинка — лучший агитатор.

Я, конечно, мог единолично распорядиться об установке, но не хотел этого делать. Всё-таки это не моё личное дело, а общее, монастырское. И решать его мы должны всей общиной или хотя бы на духовном соборе монастыря.

Георгий, узнав, что я объявил сбор духовного собора для обсуждения места и порядка установки энергостенда, занервничал.

— Оно тебе надо, дорогой, это обсуждение? Ты что, забыл о своём любимце Фивии?

— Почему забыл? Думаю, он не пойдёт на открытую конфронтацию.

— Не пойдёт? Ты меня удивляешь, дорогой! Даже я уже понял, что это за личность. У него всё на лбу написано. Он тебя с твоей идеей тронуть храм — прикрепить туда энергостенд — в порошок сотрёт.

— Не сотрёт. И это не только моя идея. Может, изначально и была, но после одобрения Климентия уже нет.

— Ну, если только.... Хотя не думаю, что это как-то повлияет на Фивия.

— В конце концов, меня не волнует Фивий! Главное, чтоб

не мешал. А там пусть думает что хочет.

— Успокойся, дорогой. Не злись. Делай, как считаешь нужным. Я просто предупредил.

И я собрал собор монастыря.

Георгий оказался прав. Как только Фивий узнал, где я хочу разместить энергостенд, так взбеленился, что я растерялся.

Всегда степенный и важный, на этот раз растерял всё своё достоинство. Я смотрел в его выпученные глаза, на красное потное лицо и только диву давался. А он вскочил с кресла и так стукнул посохом об пол, что все вздрогнули.

— Никогда! — кричал он. — Никогда не допущу подобного богохульства! Осквернять святое место! Храм! Лепить к нему какие-то измерительные приборы! Вам что, мало вашей лаборатории? Всему своё место! В нашей общине есть обсерватория для занятий наукой. Вот там и занимайтесь! Никто вам не препятствует. Но храм — сердце монастыря. Его святыня! Мы не позволим осквернять святыню. Это не место ни для каких измерительных приборов! Храм — не место ничему, что стоит между прямым духовным общением человека и Бога!

С таким отчаянным противодействием я ещё не сталкивался. Я понимал, что Фивий фанат, но не до такой же степени!

— Успокойся, пожалуйста, брат Фивий, — я попытался его убедить. — Подумай сам: ведь душа человека, её свет, её

энергия и есть то, что общается с Богом.

Фивий злобно взглянул на меня и сел.

— Более того, эта энергия и есть порождение самого Бога. Как может то, что является отражением того, что создал Бог, быть противным святому месту, в котором всё им пропитано?

Фивий молчал. Я видел, как он задерживает дыхание и пытается глубоко дышать, чтобы успокоиться.

— И потом. Это одобрено предстоятелем православной Церкви — братом Климентием.

— Одобрено что? Повесить ваш прибор на стену храма?!

— На проведение эксперимента. Вы же все знаете об этом. Он не возражает...

— Никто не против эксперимента, — перебил Фивий. — Но делать всё нужно разумно. Не смешивая одно с другим. Эксперимент экспериментом, а ежедневное, ежечасное, ежеминутное служение Богу — это совсем другое, — он выпрямился и уже спокойнее добавил. — Я против того, чтобы прибор находился в храме. Храм — место духовной медитации. Для физики и других наук место неподходящее.

Я оглядел лица собравшихся монахов. Подпевалы Фивия, сидевшие за его спиной на скамье вдоль правой стены соборного зала, одобрительно кивали. Остальные потупили взор или отводили от меня взгляд. Даже отец Ануфрий задумчиво гладил бороду и не смотрел на меня. Поддержки ни у кого я не находил. Неужели ошибся?

— Хорошо. Где, по-твоему, брат Фивий, лучше разместить энергостенд?

Мой заместитель глянул на меня, и я понял, что он хотел ответить: «Нигде. Засунь себе его в задницу и там делай измерения». Кровь бросилась мне в лицо, а в глазах Фивия мелькнула усмешка: он понял, что я его понял.

Фивий высокомерно выпрямился, сложил руки на набалдашнике посоха, и ответил:

— Насколько я понял, эксперимент — дело нужное. И то, что мы расходимся в мелких деталях его проведения, так сказать, рабочий момент, — он замолчал, в упор глянул мне в глаза и не допускаящим возражения тоном продолжил: — Кроме того, я бы хотел выразить сомнение в необходимости общедоступности показаний энергостенда. Согласитесь, братья, — он обвёл всех взглядом, — люди в нашей общине разные и по пониманию, и по духовному развитию. Многие даже не поймут, зачем всё это. Нам ещё надо будет проводить специальную разъяснительную работу по браслетам, а тут ещё какой-то непонятный прибор, который непонятно что показывает. Зачем? Могут возникнуть вопросы: не будет ли от него опасного излучения, не будет ли он читать мысли и передавать всем? Ведь, не будем лукавить, что найдутся и такие, что захотят и навредить кому с его помощью. Да мало ли что! Ведь так?

Монахи согласно закивали. Фивий удовлетворённо покачал головой в ответ. К нему вернулась его обычная важность

и спокойствие.

— А раз так, то установить этот прибор надо в месте, доступном исключительно для понимающих людей. Например, для нас с вами. Ну... — он на мгновение задумался и продолжил, — хотя бы тут! В Соборном зале заседаний.

— Здесь? — поразился я.

— А почему нет? На заседаниях собора мы сможем видеть психологическую ситуацию общины. Это не только полезно, но и, можно сказать, — он криво улыбнулся, — необходимо для принятия решений. А, кроме того, соборный зал открыт для всех. Сюда любой может прийти на приём к нашему уважаемому настоятелю и посмотреть на этот прибор. Если, конечно, у кого возникнет такая необходимость или желание. Ты согласен, брат Олаф?

Что я мог ответить?

— В принципе я не возражаю, если все сочтут это решение правильным...

— Давайте проголосуем, — с готовностью откликнулся Фивий.

Через пять минут постоянное местонахождение энерго-стенда в общине было утверждено.

Оставалось определить место для подключения к нему браслетов. Конечно, можно было автоматически настроить браслеты, которые и так все индивидуализированы и зарегистрированы в сети глобального интернета, но руководители Церкви настаивали, чтобы подключение браслетов прохо-

дило только добровольно, а потому это должен был сделать каждый по собственному желанию, лично приняв об этом решение.

Тут Фивий пошёл на уступки: было решено провести общий сбор общины на Соборной площади. Там же временно и установить энергостенд для подключения браслетов. Впрочем, другого места в общине и не было, способного вместить сразу такое количество народу.

Было решено: торжественную литургию провести одновременно в трёх храмах монастыря. В главном храме — предстоятелем Климентием, а в двух других, поменьше, расположенных справа и слева от центрального, будет транслироваться служба из главного храма. Также решили вывести трансляцию богослужения на фасады храмов, обращённых к Соборной площади, для тех, кто не сможет попасть на богослужение.

Наверное, это был единственный случай такой масштабной литургии. Но общинников у нас немало. Не смогут все собраться в главном храме. А растягивать подключение на несколько дней тоже не годится.

Конечно, стопроцентного подключения браслетов всё равно не будет. Как минимум не смогут подключиться те, кто находится в больничке Харитона... Но основная сеть общины будет создана, и отпадут вопросы: надо или не надо подключаться. А это главное.

Эксперимент начнёт действовать. И очень важно для об-

щины, что начну его не я: для многих всё ещё пришлый человек, а предстоятель Климентий. Он это отлично понял. Не случайно идея произнести проповедь, разъясняющую необходимость подключения, принадлежала ему. Он сам захотел обратиться к общинникам, а потом своим примером — первым подключившись к энергостенду — воодушевить всех.

Чему я был очень рад. Климентий пользовался огромным авторитетом, и это не позволит всё сорвать. Я был уверен, что Фивий постарается это сделать. Узнав о решении брата Климения, он даже побледнел.

Был назначен и день подключения браслетов — 4 июля.

Этот день был объявлен по монастырю, а брат Сидор, куратор верхнего и нижнего поселений общины, вместе со старостами Емельяном и Герасимом должны были собрать всех общинников на литургию.

Четвёртого июля в половине шестого утра мы вышли из обсерватории.

Я ужасно волновался: как наши нововведения воспримет общин? Но старался держаться и не подавать виду. Заметил, что и Георгия потряхивает от переживания, и попытался поддержать его, дружески подтрунивая над его страхами. Он не остался в долгу. Так подшучивая друг над другом, мы шли к дороге, где нас должен был ждать Егорий, отправившийся вперёд, чтобы подготовить наконец-то приобретённый для обсерватории вездеход.

Вдруг вспомнилось, как парень был рад. Как сутками

пропадал, гоняя по общине. Как невольно мелькнула тогда мысль, что нет на него деда Анисима. Неприятное воспоминание тяжело ворохнулось в груди. О чём я только думаю в такой момент? Я постарался отбросить ненужные мысли и осмотрелся.

Солнце уже выглянуло из-за горы, наполнило всё вокруг тем триумфальным сиянием полноты жизни, на которую способна природа только в июльский день — макушку лета. Только иногда по небу лёгкой тенью пробегали облака, и тогда казалось, что всё вокруг охватывал трепет волнения. Под стать нашему с Георгием настроению. А может быть, без этого взволнованного ожидания и не было бы радостного предвкушения триумфа, которым было переполнено сердце?

Даже Люсеньке, последнее время бледно-серьёзной, сегодня, похоже, передалось наше настроение. Она улыбалась, подставив лицо солнышку. Даже забыла, что расстроилась, когда я отказался завтракать, а выпил только кофе. Жаль было расстраивать нашу хозяйшку, но у меня от волнения кусок в горло не лез.

Однако настроение подпортил Егорий. Ещё издалека я с удивлением увидел, что он ждал нас, похаживая вокруг лошадки и оглаживая её.

— Егорий, и зачем ты кобылу-то запряг? — спросил я, когда мы подошли. — Получили же вездеход. Ты мне всю плешь о нём проел. Весь истонался о том, что он нужен. Вспомни, как радовался. И что? Когда надо срочно быть в

монастыре, ты кобылу впряг! Сейчас бы через пятнадцать минут на месте были, а теперь час будем трястись в телеге.

Егорий недовольно глянул на меня и, ворча, забрался на облучок:

— А чего? Мы же не опаздываем. Кобылку-то прогуливать надо, аль нет? Да и день сегодня вона какой. Сердце радуется. Ей тоже надо воздухом подышать да пробежаться. Застоялась совсем. Да и вам пользительно будет, а то засели у себя, света белого не видите, — последние слова он пробубнил под нос, я едва их расслышал.

— Садитесь, садитесь! — обернулся он к нам. — Быстро доедем. Вон утро-то какое!

Я глянул на Георгия. Тот улыбнулся и махнул рукой. Мы помогли Люсеньке устроиться на сене и забрались в телегу сами.

Несмотря на раннее время, по дороге в монастырь нам встречались поселенцы. Все шли пешком.

«Как паломники, — мелькнула мысль, — хороши бы мы были на вездеходе. Егорий-то прав. Хоть на телеге».

На мосту, перекинутом через опоясывающий монастырь ров, народу было уже много.

Егорий придержал кобылку, и она пошла шагом.

— Поберегись! — кричал он, и люди шарахнулись в стороны.

— Вот ирод!

— Куда прёшь! — начинали они ругаться, но, увидев в

телеге меня и незнакомого им мужчину, отходили в сторону, крестились и приветственно кланялись.

Мы кланялись в ответ.

— Егорий, мы тут, пожалуй, сойдём.

— Что так-то? Давайте до гостевого домика довезу.

— Нет, мы пешком. С людьми вместе в храм.

— Как скажете, — кивнул парень. — Я быстро. До конюшни. И к вам.

Я сошёл с телеги. Георгий прыгнул за мной, и мы помогли спуститься Люсеньке. Она, засмушалась, быстро отошла от нас к идущим в храм женщинам.

— Пойдём быстрее, у меня сердце не на месте, — сказал я Георгию.

Люди расступались перед нами, давая дорогу, и почти-тельно держались позади и в стороне.

— Не волнуйся, дорогой. Всё хорошо будет.

— Да, конечно. Но как там наш прибор?

Он удивлённо глянул на меня:

— А что?

— Ты же знаешь Фивия. От него можно ждать любой пакости. Я не удивлюсь, если с прибором что-нибудь случится.

Георгий засмеялся:

— Брось, дорогой, что может случиться? Если он даже в огне не горит, сам подумай.

Я кивнул, но не мог избавиться от тревоги, и невольно ускорил шаг.

Наконец, увидел его. Он стоял в центре площади на невысоком, в пояс человека, постаменте, на своей львиной лапе, точно так же, как мы установили его сутки назад. Со всех сторон его обступили люди, но никто не решался подойти близко, лишь издали, с любопытством вытягивая шеи, разглядывали эту диковину.

У меня отлегло от сердца.

Мы подошли, и Георгий осторожно провёл ладонью по экрану. Словно почувствовав дружеское прикосновение, по стенду пробежало лёгкое мерцание.

— Всё в порядке. К работе готов.

— Хорошо. Меня уже ждут, — я глазами показал в сторону храма, где на верхних ступенях, ведущих к центральному храму, уже собрались члены монастырского собора. От них, как обычно, направо и налево чёрными полосами-крыльями, охватывающими стены, стояли монахи.

— На литургию пойдёшь? — повернулся я к Георгию.

— Думаешь, надо?

Я кивнул и шепнул ему на ухо:

— Постой среди людей. Не стоит их отпугивать. Не признают своим — сложнее будет убедить в необходимости подключения браслетов. Всё на руку Фивию.

Георгий глянул мне в глаза и кивнул. Я хлопнул его по плечу.

— Я пойду к монахам, а ты будь с людьми. Как все пойдут в храм, следуй за ними. Постарайся делать как все, чтобы не

особо выделяться, — попросил я его.

— Ладно, — шепнул он. — Не волнуйся. Я всё понимаю.

Я кивнул ему и быстро взошёл по ступеням. Поклонился в общем приветствии. Мне в ответ поклонились и расступились, вперёд вышел Фивий:

— Благослови, Владыко.

Едва я закончил благословение братии, как послышался звук везделёта, и взгляды всех устремились в небо. Там стремительно росла крохотная тёмная точка. Вот машина пошла на снижение и вскоре закружилась над Соборной площадью. Толпа отхлынула. И она приземлилась, чуть не задев энергостенд.

Дверцы распахнулись, и показался Климентий. Он спустился на землю, и в тот же миг ударили в звоннице колокола. Мы поспешили навстречу предстоятелю, и после приветствий и благословения под колокольный перезвон направились в храм.

Всю литургию, службу на которой сегодня возглавлял брат Климентий, я не мог прогнать мысли о том, какие слова он найдёт, чтобы убедить общину в необходимости подключить браслеты к энергостенду. И, думаю, не только я ждал проповеди предстоятеля Православной Церкви. Фивий был необычайно тих и задумчив.

Но вот отзвучали последние слова службы, и брат Климентий взошёл на амвон для произнесения проповеди.

Я заметил, как установленные в этот раз в храме камеры,

транслирующие ход литургии, разом развернулись на брата Климентия. Глянул на притихших монахов и прихожан. Все, затаив дыхание, ждали его слова.

И он сказал:

— Дорогие мои! Сегодня у нас особенный день. Один из тех дней, которые могут изменить жизнь не только общины, но и всей Православной Церкви, всех верующих людей и даже человечества! И свершение этого благого дела зависит от каждого из нас. Православная Церковь понимает важность сегодняшнего события и потому направила меня для благословения общины на этот подвиг.

Климентий торжественно обвёл взглядом людей. Все замерли и неотрывно смотрели на него. Стало так тихо, что слышно было потрескивание зажжённых свечей у икон.

Он продолжал:

— Но вначале я должен объяснить, в чём важность грядущего таинства. Чтобы это понять, давайте обратим взор в сердце своё и спросим себя: чего бы я хотел просить Господа, если бы Он сейчас повелел просить у Него?

Брат Климентий замолчал, сложил молитвенно руки и устремил взор к куполу, где в бело-золотых одеждах, раскинув руки, парил Иисус Христос.

Я посмотрел на людей. Многие стояли с взором, устремлённым в себя. Некоторые горестно качали головами. Другие, подобно Климентию, сложили благоговейно руки и устремили взор ввысь к Господу нашему.

Предстоятель глубоко вздохнул, перевёл взгляд на прихожан и продолжил:

— Конечно, многие из нас стали молить Его о здоровье своём или близких, о житейском благополучии, об успехах в делах. Церковь не осуждает подобных просьб, потому что сам Господь такие невинные просьбы благословляет, и они доходят до Него.

Однако подумайте! Сегодня эти житейские просьбы становятся единственными, с которыми люди обращаются к Господу. Мирское поселилось в сердцах наших. Повседневные проблемы переполняют наш разум и управляют всеми помыслами, а через них и нашими жизнями. Они становятся такими огромными и важными для нас, что из безобидных превратились во всепоглощающие. И очень часто мы их решаем любой ценой. Не становится ли порой мольба о своём благополучии призывом к исполнению этого любыми средствами? И даже часто за счёт благополучия других людей? Не становится ли забота о личном житейском благе тем рубежом, который делит нас на своих и чужих? Человеческая любовь ко всему сущему, способная охватить всю безграничную Вселенную, не превратилась ли в болотную зловонную трясину себялюбия, затягивающую нас ежедневно, ежечасно?

Голос Климентия строго звенел в тишине.

По храму пробежал беспокойный шёпот.

Я видел удивлённые, непонимающие лица.

— Как же так, батюшка? — ахнула стоящая недалеко от меня пожилая женщина и растерянно прижала руки к груди. — Как не помолиться за здоровье родного человека? — проговорила она дрожащим голосом.

Предстоятель обернулся к ней:

— А помним ли мы слова просьбы, с какой пророк Давид обратился к Господу: «Сердце чисто созижди во мне, Боже»? Почему он молил об этом? Заглянем в сердце своё: за житейскими заботами не забываем ли мы, что и здоровье, и благополучие, и земные успехи мы оставим на земле, когда наступит время перейти в вечность, а сердце чистое, душу чистую мы возьмём с собой. Непреходящее наше богатство, наша слава, наша красота — это чистое сердце. Именно оно — та брачная одежда, о которой говорил Господь, что только в ней мы можем стать участниками небесной трапезы в вечной жизни.

Люди закрестились. Послышались вздохи. Одни скорбно согласно кивали, а по щекам стоящей рядом со мной женщины, потекли слёзы.

— Вспомним слова святителя Феофана Затворника: «Живи так, чтобы Бог любви возлюбил тебя любовью вечной. Исходи на торговлю свою, но блюди, чтобы через стяжание мирских благ не продать миру души своей. Исходи на поля свои, удобряй землю свою и сей на ней семена, чтобы плодами их мог укрепить тело своё, но особенно сей на ниве плоды жизни вечной. Сохраняй чистой, незапятнанной

одежду, полученную во святом крещении, до конца жизни твоей, да будешь достойным участником небесного брачного чертога, куда входят только те, которые имеют чистую одежду и светильники, горящие в руках...». Именно чистое сердце и есть та незапятнанная одежда.

И вторил ему Иоанн, о чём сказано в главе первой Евангелия: «Чистое сердце подобно чистому светлomu воздуху: как солнце беспрепятственно распространяет в таком воздухе свои лучи, так в чистом сердце светит тот свет Божий, о котором сказано, что он «просвещает всякого человека, приходящего в мир».

А в Библии, в посланиях апостола Павла к коринфянам, мы читаем, что именно чистое сердце — есть «храм Божий» и «Дух Божий» живёт в нём.

Климентий перевёл дыхание, и я услышал чей-то робкий голос из толпы:

— А что значит Дух Божий, брат Климентий?

Климентий огладил бороду и ответил:

— О том, что значит Дух Божий, указано в Евангелии от Иоанна в главе четвёртой: истинно Бог открыл нам, что Он — бестелесный и невидимый Дух. Что это означает? А то, что Он ничего не имеет в Себе такого, из чего состоит наш видимый мир, а потому мы Его видеть не можем. Как не можем видеть воздуха. Но мы видим проявления воздуха, например, его движение — ветер; мы чувствуем его, вдыхая.

Так и Бога мы не видим, но Его действия и проявления,

Его мудрость, выраженные в сотворении Им всего, видим везде в мире и ощущаем в самих себе. Бог сказал Моисею: «Человек не может увидеть Меня и остаться в живых».

Ведь даже солнце ослепляет нас своим блеском, и мы не можем смотреть на это Божие творение, чтобы не ослепнуть. Тем более мы не можем увидеть Свет Бога, сотворившего солнце, и остаться в живых.

Ибо «Бог есть свет, и нет в Нём никакой тьмы», «и живёт Он во свете неприступном».

Климентий обвёл глазами людей в храме и спросил:

— Может, кто из вас хочет ещё о чём спросить?

Минуту люди в замешательстве тихо переговаривались друг с другом. Я увидел, как девушка что-то шептала парню. Тот улыбнулся и кивнул в сторону предстоятеля. Она смущённо покраснела и отчаянно затрясла головой. И тогда он сказал:

— Брат Климентий, а поясни, пожалуйста, что такое чистое сердце?

Климентий кивнул:

— Чистое сердце — это то, что открывает человеку двери в Царствие небесное, ибо чистое сердце человеческое — это храм Троиственного Бога, Пресвятой Троицы различных личностных Его Ипостасей:

Бога-Отца, что есть Разумная Воля Творца, который является единым началом всего, источником в Святой Троице: Он вечно рождает Сына и является неиссякаемым источни-

ком Святого Духа;

Бога-Сына, рождаемого Отцом, в котором проявилась для людей премудрость творения;

Бога-Духа Святого — пронизывающий всё божественный свет, исходящий от Бога; или как мы можем сказать — божественная энергия.

Сегодня мы не просто поняли, но и научно доказали, что всё во Вселенной пронизано этой энергией, источник которой — Бог, и живёт она в чистом сердце человека.

Но достигнуть того, чтобы наши сердца стали Храмом божественной энергии, обычному человеку очень трудно. За цикливание на житейских заботах, низменные помыслы и грехи загрязняют сердце наше. Превращаю энергию, некогда наполняющую безгрешное чистое сердце младенца, в человеческую земную энергию, которая не даёт нашим сердцам коснуться высших сфер Духа, где живёт Бог.

Потому Бог и послал нам Иисуса Христа. Он родился. Жил среди людей. Он был человеком с земной энергией сердца, чтобы мы смогли увидеть и понять Его.

И в этом подвиг Господа нашего, который открыл каждому человеку путь к Богу через вновь обретенное чистое сердце. Ибо сказал Иисус Христос: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное», — о чём мы читаем в Евангелии от Матфея.

Я заметил, как молодая мать прижала к груди ребёнка, который заснул у неё на руках, и нежно поцеловала его, пере-

крестив.

«Да... Как далеки мы от того, чтобы быть детьми с чистым сердцем», — мелькнула грустная мысль.

А тем временем голос Климентия обрёл силу и сурово звучал под сводом купола:

— Но и земная энергия сердца человека по сути та же божественная энергия, но искажённая пороками нашими и грехами, потому мы и не зрим, не чувствуем сердцем своим Бога, но Он видит помыслы наших сердец каждый час, каждую минуту, каждое мгновение — и ничто не сокрыто от Него.

Сегодня сердце наше — арена битвы Добра и Зла. Не только Бог бьётся за то, чтобы наполнить его Любовью и Вечной жизнью, посылая на подвиг Сына Своего — указать нам верный путь к этому. Дьявол своими кознями внушает нам обратиться к пороку, греху, соблазняет нас, следует за нами по пятам с мгновенья первого грехопадения и до сего дня. И этим стремится запачкать чистоту сердец наших, чтобы мы не могли коснуться радости высших сфер, тянет за собой в низшие сферы бытия — в огненную бездну порока ада.

Женщины ахнули, мужчины перекрестились. Лишь старый монах согласно кивал в такт словам предстоятеля, словно подтверждая их истину.

Климентий продолжал говорить:

— Почему преподобные отцы и матери, пустынники и подвижники уединялись в непроходимых лесах, на скалистых

островах, в горных ущельях, в пустынях? Не потому ли, чтобы закрыть сердца свои от дьявольского искушения? Не для того ли, чтобы очистить сердца свои и прикоснуться к Богу?

И они настолько преуспели в этом, что Господь озарял их явлением образов из высших Сфер, которые они удостоились узреть и почувствовать в своих сердцах.

Предстоятель торжественно оглядел всех собравшихся и спросил:

— А что привело всех нас сюда, в нашу общину? Что заставило жить в горах вдали от цивилизации? Не та ли неутолимая жажда прикосновения к Господу? Жажда очиститься от грехов?

Но чистое сердце не даётся даром! Забота о нём — это великий труд. И это труд всей жизни. А не в этом ли смысл жизни нашей? И разве жалко трудов и усилий для такой величайшей и священной цели — соединиться навеки с Господом, слиться с божественной энергией, которую мы зовём раем? Конечно, нет! Тому, кто стучится, тому откроется!

Настал великий день! Сегодня Бог дал нам компас, чтобы не сбиться с пути, который открыл нам Иисус Христос. И этот компас — результаты трудов незабвенного отца Окимия и его последователя брата Олафа. Они сподобились узнать, как может каждый из нас увидеть и понять сердце своё — определить, насколько оно чисто, какая энергия живёт в нём: дьявольская ли энергия разрушения и хаоса пороков или его касается божественная энергия высших сфер.

И не просто увидеть и понять, но и трудиться над чистотой сердца своего. Теперь каждый из нас сможет увидеть, насколько чисты дела и помыслы его, и искоренять из своего сердца то, что оскверняет его.

Важно ли это для истинно верующего человека? Несомненно! Не только важно, но и необходимо. Словно сам Иисус Христос взял нас за руку и повёл за собой по пути обновления. Потому и прислан я сегодня Православной Церковью, чтобы дать на то благословение.

Брат Климентий замолчал.

Я посмотрел на людей в храме, они словно оцепенели. Некоторые стояли с открытыми ртами, а удивление читалось на всех лицах.

— И если у кого есть сомнение по сему грядущему подвигу, я готов разъяснить.

Прошло несколько минут в тишине. Наконец прихожане зашевелились. Со всех сторон послышались возгласы.

— Батюшка! Отец родной, да как же такое возможно — увидеть энергию-то?!

— Узреть явно пороки в сердце? Разве не тока Богу под силу?

— Али ещё той машине, что на площади? Как же так, отец родной?!

— Да разве может человек вместить в сердце божественную энергию?

Брат Климентий поднял руку, призывая к тишине, и когда

все успокоились, сказал:

— А, вот, к примеру, солнце, сотворённое Богом. Оно есть небесное тело, есть тепло, им рождаемое, и есть свет, им испускаемый. Разве учёные не научились их определять и измерять? Или взять человека: не есть ли он ум, рождающий не изречённое слово-мысль, выражаемое дыханием? И опять же, разве сегодня Господь не открыл нам тайну, как «увидеть» мысль и измерить это дыхание?

Как узреть пороки в сердце нашем, спрашиваете вы? Я отвечаю: на площади вы видели не просто машину. Это то, что даст нам зримый компас на пути следования за Господом нашим. Суть его работы в том, что он умеет определять энергию, которая живёт в наших сердцах: низкая ли это энергия зла или высокая добра и любви. Точно так же, как учёные научились измерять, к примеру, энергию солнца.

Более того, каждому всплеску энергии учёные определили свой цвет. Мы, подключив свой браслет к прибору, всегда будем видеть, какая у нас энергия, куда направлено наше сердце — в сторону добра или зла: это отразится в цвете, в который окрасится браслет. И цвет этот будет постоянно меняться в зависимости от помыслов наших. Мы ясно увидим, что нам нужно искоренить в себе, а что укрепить.

Сие есть благое дело! И потому я первый поставлю сей компас на свой браслет!

Люди заговорили все разом.

Климентий поднял руки.

Всё стихло.

— А как же по цвету определить, что в сердце-то? — вдруг в тишине раздался голос.

— Чем чище сердце, тем светлее и чище его энергия. Так, белый цвет обозначает чистоту человека, его высшую духовность, связь с божественным и просветление. Вспомним, к примеру, Преображение Иисуса Христа. Когда Иисус — земной человек, рождённый от земной женщины, а значит, имеющий человеческое сердце с земной энергией, прошёл искушения, наполнил сердце своё чистотой и любовью, то энергия его сердца преобразилась — и предстал он перед ближайшими учениками в сиянии божественной энергии. Об этом нам повествуют три евангелиста. Возьмём, к примеру, Евангелие от Луки, он писал:

«После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошёл Он на гору помолиться.

И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею.

И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия;

явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме...».

И не есть ли это тут путь — путь преодоления искушений, наполнения своего сердца чистотой и любовью — что указал нам Иисус Христос, когда говорил: «Следуйте за мной»?

Следуя за Христом, с помощью нашего компаса, мы смо-

жем вглядываться в наше сердце и видеть, не сбиваемся ли мы с пути, указанного Им. Мы сможем увидеть, как постепенно очищается сердце наше, и свет его энергии становится ярче и светлее.

Дорогие мои братья и сестры! На нас лежит огромная ответственность. Мы первые, кто подключит свои браслеты к определителю энергии сердец. Это не приказ. Это наш подвиг. Подвиг людей, которые пришли в обитель, чтобы стать чище сердцем, прикоснуться к Богу, слиться с Ним в раю после перехода в бессмертие. Кто чувствует, что не готов к такому подвигу, тот может отказаться и не подключать свой браслет. Такие люди не будут преследоваться Православной Церковью. Однако и общинникам нужно хорошенько подумать, нужен ли такой человек общине, если у него иные планы, нежели путь к Богу. Сейчас хочу сказать словами Господа нашего: кто чувствует в себе жажду чистого сердца, следуйте за мной.

Брат Климентий спустился с амвона и направился на площадь к энергостенду.

Люди расступились, пропуская его вперёд. За ним последовали монахи и несколько молодых поселенцев, на лицах которых читалась торжественная решительность. Но большинство поселенцев не тронулись с места. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, растерянно поглядывая друг на друга.

Вдруг от толпы отделилась маленькая сгорбленная фигур-

ка седого старца — я узнал отца Ануфрия. Опираясь на посох, он поспешил за отцом Климентием. Толпа всколыхнулась, заволновалась. Подталкивая друг друга локтями, поселенцы пошли за отцом Ануфрием, ускоряя шаг. Вот они догнали его и, почтительно не смея обогнать, пошли рядом, чуть позади.

Сердце моё ликовало: у нас всё получилось! Я радостно смотрел на людей, и мне хотелось обнять каждого.

Вдруг я заметил, что кто-то тенью проскользнул в алтарь. «Кто это мог быть? Фивий? Кстати, где он, я совсем забыл о нём», — мелькнула мысль.

— Ну, всё получилось, дорогой. Они пошли! — услышал я за спиной голос Георгия и обернулся.

Он стоял и радостно улыбался. Я кивнул и улыбнулся ему в ответ.

— А отец Ануфрий-то у вас лидер! С виду и не скажешь.

— Да, что не сумел сделать брат Климентий, то безмолвно сотворил старец Ануфрий.

— Похоже, он авторитет куда больший, чем высокое начальство.

— Брат Климентий молод, и в общине его не так знают. Да и простые люди поверят скорее не словам, а личному примеру близкого им человека. Вот и пошли за отцом Ануфрием, как стадо за вожаком, — сказал, и мне стало неловко, что я так отзываюсь об отце Ануфрии и о прихожанах, и я постарался перевести разговор.

— Ты Фивия не видел?

— Нет.

— Как бы не придумал что. Ты иди, Георгий, на площадь. Посмотри, как будет проходить подключение, если что — помоги, пожалуйста.

— А ты? — удивился он.

— Я скоро подойду. Хочу посмотреть, где Фивий, что делает. Мне показалось, что кто-то в алтарь зашёл. Может, он?

— Ладно, — кивнул Георгий и смешался с толпой, выходящей из храма.

Вот уже последние поселенцы покинули храм, спеша на площадь.

Как бы ни хотел я присоединиться к ним и избежать выяснения отношений с Фивием в такой день, но должен был выяснить, что он задумал. А если это не он? То кто? И почему прячется в алтаре в такой момент? Нет, я уверен, что это Фивий. Кому бы ещё быть? Я на мгновение закрыл глаза, глубоко вздохнул и, внутренне собравшись, пошёл в алтарь.

Глава 12. Принятие

У престола, на котором лежало раскрытое Евангелие, стоял Фивий и тихо молился. Справа и слева от него — полукольцом вокруг святого места — члены монастырского собора: Сидор — куратор поселений, Иоан — регент церковного хора, Хрон — смотритель склепов и Тихон — наш казначей. А у входа в алтарь — вездесущий Фиста.

«Вот они мои открытые непримиримые противники, — царапнула душу тревожная мысль, — а сколько ещё тайных...».

Фиста увидел меня, почтительно склонил голову и тихо подошёл к Фивию, встал позади него. Тот чуть повернул к нему голову, и монах что-то прошептал ему на ухо. Фивий заметно выпрямился, голос его зазвучал громче, и я разобрал слова покаянной молитвы:

«...Отврати лице твое от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица твоего и Духа твоего Святого не отими от мене. Воздаждь ми радость спасения твоего и духом владычним утверди мя. Научу беззаконныя путем твоим, и нечестивии к тебе обратятся...».

Я повернулся и вышел из храма. На душе было тяжело. Я не понимал Фивия: просит о чистоте сердца, а сам...

Остановился на верхней ступени лестницы, ведущей к Со-

борной площади, огляделся и облегчённо вздохнул: человеческий поток протянулся от лестницы до энергостенда и там спиралью закручивался вокруг нашего прибора. Люди шли тихо и молча. К ним присоединялись поселенцы и монахи из храмов, расположенных по обе стороны от центрального.

Как было договорено на соборе, часть монахов, которые уже активировали свои браслеты, не ушли, а окружили энергостенд, встав полукругом слева и справа от него. Они ловко направляли поток людей к прибору с одного края, где стоял брат Климентий и благословлял подключивших браслеты, а потом со словами «Храни Господь» тихо отправляли их к другому концу — к выходу с площади.

Подключение проходило мгновенно: едва браслет касался стенда, по его экрану пробежала лёгкая серебристая волна, и экран браслета оживал — начинал светиться, наполняясь энергией.

Это была задумка Георгия. Сегодня мы не могли заменить всем браслеты на новые, из биомикролаттиса. Пока изменял цвет не сам браслет, а только та его часть, которая контактировала с искусственным интеллектом, получая от него информацию, — экран браслета.

Но мы обязательно продолжим работу над улучшением браслетов, и они смогут автономно определять энергию человека через микрочипы, внедрённые прямо в материал браслета.

Сейчас функции браслета были разграничены: цвет опре-

делялся и передавался только при неактивном экране и исчезал при передаче по браслету сообщений и другой информации, чтобы не мешать их восприятию.

Редко какой человек изумлённо не вскрикивал, рассматривая засветившийся экран браслета. Люди поражённо останавливались, подходили друг к другу, рассматривали цвета, о чём-то оживлённо переговаривались. Женщины ахали. Девушки шептались, прыская в кулак.

— Ух ты! Ух ты! Смотри, у меня что!

— А у тебя?

— Что это значит-то?

— Вот, на эту кнопочку жми, и напишут.

— Отвали, не твоё дело, — кто-то натягивал рукав на браслет и быстро уходил прочь.

— Алёнка, гляди, гляди! А у Павлика-то такой же цвет, как у тебя, — высокая черноволосая девушка подёргала за сарафан маленькую пухленькую девчушку лет семнадцати.

Та смущённо зарделась:

— Отстань, Лизка.

— Точно, точно! Я давно говорила, приглядишься к нему. Он по тебе давно сохнет, да и ты, похоже, равнодушна, — подхватила рыжеволосая и так заразительно засмеялась, что веснушки на её лице заплясали, а её подружки развеселились вместе с ней.

— Отстаньте, девки! — Алёнка заулыбалась и покосилась на худенького паренька, стоящего неподалёку.

Послышался зычный голос Герасима:

— Кто подключился, отходите! Дайте место другим.

Отходившие от энергостенда люди нахлынули, подхватили девчонок, и те, посмеиваясь, направились к выходу из монастыря, смешиваясь с толпой.

Площадь постепенно пустела. Вдруг я увидел сгорбленную фигурку деда Анисима. Он держался вдалеке от стенда, видимо, так и не решился подойти. С ним рядом — Люсенка и Егорий. Егорий что-то оживлённо говорил, задрал рукав рубахи и показал на браслет. Дед кивнул и отвернулся, а девушка улыбнулась и покачала головой.

Мне захотелось подойти к ним, но сдержал себя. Предателя, поджёгшего лабораторию, так и не нашли, а прощать предательство нельзя. Всё можно простить, но не удар в спину. Прав ли я насчёт деда? Не знаю. Но эта неуверенность решает всё. Нужно держаться подальше от тех, в ком не уверен.

Я отвернулся и пошёл к Георгию.

Менее чем за час всё было закончено. Последние поселенцы потянулись из монастыря, не отводя взгляда от своих браслетов, монахи разошлись по работам.

Четверо иноков подхватили энергостенд и понесли его в соборный зал. За ними последовали Климентий и отец Ануфрий в окружении должностных монахов. Мы с Георгием пошли следом. К нам присоединились Егорий и Люсенка. Я поискал взглядом деда, но не нашёл.

У входа в административное здание монастыря я остановился.

— Георгий, тебе нельзя на собор, — смущённо сказал я. Тот кивнул.

— Может, подождёшь меня в гостевом домике? Перекусишь там чего и отдохнёшь.

— С удовольствием!

— Тебя проводить?

— Зачем, дорогой? Иди, тебя ждут. Меня ребята проводят, — он обернулся к Егорию и хлопнул его по плечу. — Люсенька, пойдёшь с нами?

Девушка кивнула, а Егорий недовольно переступил с ноги на ногу.

— Я что? Я могу. Тока я завсегда должен быть рядом с настоятелем, вон Люсенька пусть, — проворчал он.

— Егорий, не ворчи. Всё равно со мной тебе нельзя. Идите. Отдохнёте, покушаете, а там и я подойду. Домой поедем.

При упоминании еды глаза у парня радостно блеснули, но он тут же потупился.

— Что ещё?

— Тока вы скажите поварам, чтоб и меня покормили. А то они велят с монахами приходить в час трапезы. Даже Люсеньку вон завсегда кормят, как поселенку и гостью, а меня... — он расстроено махнул рукой.

— Хорошо, идите, — кивнул я и, торопясь за монахами, связался с поварами гостевого домика.

В соборном зале все столпились вокруг установленного энергостенда, на экране которого плясала шкала показаний пси-энергии общины. Я расстроено заметил, что каждый старался спрятать свой браслет под рукав рясы. И это лучшие люди монастыря! Только экраны браслетов брата Климентия и отца Ануфрия ярко и чисто светились на запястьях: у Климентия глубоким фиолетовым цветом, а у отца Ануфрия — ослепительно-белым. Они спокойно прошли к креслам и сели, внимательно наблюдая за происходящим.

Я тоже сел на своё место и сказал:

— Братья! Время начинать собор.

Подождал, пока все разошлись по своим местам, и встал.

Разговоры стихли, все встали.

Нужно было читать молитву на начинание всякого дела. Обычно её читал я, но сегодня на соборе присутствовал предстоятель. Должно быть, он должен открыть собор? По старшинству. Или нет? Как быть? «И деда нет», — мелькнула мысль. Я тряхнул головой, отгоняя её, и посмотрел на Климентия. Он, улыбаясь, смотрел на меня и молчал. Я перевёл взгляд на отца Ануфрия. Тот чуть заметно кивнул.

Я облегчённо вздохнул, молитвенно сложил руки и начал молитву:

— Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша. Благослови, Господи, и помоги

мне, грешному, совершить начинаемое мною дело, во славу Твою...

После молитвы все перекрестились и сели.

— Уважаемые члены монастырского собора, — начал я, — сегодня мы собрались на внеочередное заседание ради знаменательного события. И предстоятель Христианской Церкви брат Климентий удостоил нас своим присутствием в столь важный день. От лица общины благодарю его.

Я повернулся к Климению.

— Спасибо, брат Олаф. Я бы хотел сказать несколько слов, — ответил Климентий.

Я почтительно поклонился и сел. Все напряжённо ждали, что он скажет.

— Братия! Сегодня великий день, — Климентий окинул взглядом притихших монахов. — Уверен, что он останется в памяти Христианской Церкви, а возможно, и не только Церкви, но и всех людей, как день, открывающий путь истинного преобразования сердец наших. Господь наш Иисус Христос ниспослал нам не только увидеть этот путь, но и дал компас, чтобы мы не сбились с дороги.

Монахи отмерли, и лёгкий вдох пронёсся по залу.

— Я сердечно всех вас благодарю за подвиг быть первыми! За ваше мужество и веру в человека.

Я увидел, как гордо распрямлялись плечи людей, как они довольно переглядывались. Только сторонники Фивия, съевшись, поспешно одёргивали рукава своих сутан.

«Прячут, чтобы никто не увидел, что их браслеты не подключены», — усмехнулся я про себя.

Глянул на Фивия. Тот сидел прямо и гордо, как истукан, а браслет мёртвым глазом темнел на его запястье.

— Свершилось то, о чём мы мечтали, — сердца наши открылись друг другу. Мы смело пошли по пути, указанному нам Иисусом Христом, — продолжал Климентий. — Однако дело это новое. Не всеми понято и принято. А возможно, даже пугает. Но происходит это не по злему умыслу, а из-за недопонимания. И потому теперь важно донести до каждого человека общины, зачем мы вступили на этот путь. Объяснить, как по нему идти, чтобы не сбиться, даже имея надёжный компас. Для этого надо самим это понимать. Мы собрались, чтобы разрешить всё, что непонятно. Может быть, кто хотел бы что уточнить?

Монахи переглядывались, но молчали.

— А позвольте спросить? — Фивий поднял руку.

— Конечно, брат Фивий.

— Не будет ли любезен брат Олаф дать разъяснение: что показывает его, — он запнулся, подбирая слово, — машина? — Фивий кивнул на энергостенд.

Я глянул на Климентия. Тот кивнул, и я ответил:

— Да. Конечно. Но только после того, как кое-что разъяснишь ты, брат Фивий.

Фивий побледнел и исподлобья глянул на Климентия; тот с интересом наблюдал за нами. Не дождавшись ответа, я

спросил:

— Скажи, пожалуйста, брат Фивий, ты отказываешься от-крыть своё сердце братии? Ты отказываешься подключить свой браслет?

Фивий хоть и ожидал такого вопроса, но всё равно вздрогнул. Несколько мгновений молчал, собираясь с мыслями, и потом ответил, обращаясь скорее к Климентию, чем ко мне:

— Истинно так, — он склонил голову. — Каюсь, что ещё не готов душевно к подобному эксперименту. Надеюсь, брат Климентий понимает меня.

Климентий поёрзал в кресле и сказал:

— Да. У нас был разговор. Мы никого не принуждаем и настаиваем на том, чтобы всё происходило только добровольно. Брату Фивию, как и некоторым нашим братьям, требуется время, чтобы душой принять происходящее. Церковь не будет никого заставлять или отлучать из-за подобной слабости. Мы понимаем, что для всего нужно время. Пусть каждый, кто искренне стремится душой к Господу нашему, найдёт своё место в общине. Для каждого свой час. Господь поможет, а мы не будем торопить.

«Вот оно как, — подумал я. — Недаром жаловался Климентию. Видно, упросил дать время подготовиться. Чего он боится? Не верю, что и правда думает этим навредить душе. Что это против Бога. Просто боится показать свою чёрную душу».

— Однако, — продолжал Климентий, — брат Олаф, у те-

бя есть право отстранить от должностей тех, кто пока не готов идти с нами по выбранному пути, — он вопросительно посмотрел на меня.

Я вздрогнул. «Отлучить Фивия от должности! Наконец-то я вздохну спокойно, не опасаясь его дурного влияния на наше дело. Он будет лишён возможности вредить, имея почти такую же власть, как я», — я уже хотел принять предложение Климентия, но тут же новая мысль охладила мой пыл: — «Стоп. А кто будет заниматься монастырскими делами? Я же не смогу бросить дела в обсерватории. Да и кто ещё так пользуется авторитетом? Спокойно. Не надо торопиться. Есть такая возможность — очень хорошо. Но не надо спешить. Всё обдумаю, найду достойную замену и потом... Не теперь. Да и чем Фивий может навредить, если сегодня люди сами пошли за Климентием и отцом Ануфрием? Устроить диверсию прибора? Глупо. Его нельзя разрушить, и он это знает. Да и потом, если что, всегда можно восстановить», — и я решил:

— Спасибо, брат Климентий, за вашу бесценную поддержку, но думаю, что пока никого отстранять от должности мы не будем. Как вы мудро заметили, всему своё время. Нам нужно всё хорошо обдумать. Пусть братья исполняют своё дело. Тем более делают они это достойно.

Климентий улыбнулся и одобрительно покачал головой.

— Вот и хорошо.

— А теперь о работе прибора, — продолжил я. — После

подключения браслетов заработала одна из функций энерго-стенда. Если можно так выразиться, теперь мы сможем держать руку на пульсе духовного здоровья нашей общины. Хотя и физического здоровья тоже. Оценка физического здоровья по браслету и раньше была доступна. Но если раньше каждый мог оценить физические показатели своего тела: пульс, давление, уровень сахара и любые другие, то теперь мы сможем увидеть и своё духовное здоровье, и как оно в ближайшем будущем отразится на нашем физическом состоянии. Но это, к слову, о новых возможностях наших браслетов. Теперь о самом стенде. Вся информация об энергии каждого общинника, подключённого к нему, будет отражаться на этом энергостенде. Индивидуальные значения энергий складываются и выражаются в едином, общем показателе, характеризующем духовность места, — я встал и подошёл к стенду.

— Видите? — я показал на сплошную горизонтальную линию, светящуюся зелёным цветом, которая пересекала центр экрана горизонтально, в точке, равной единице на оси ординат. — Эта линия проходит через единицу и стабильно неизменна. Это, если можно так сказать, заданный сегодня эталон — индикатор показания духовной энергии среднестатистического современного человека. А эта колеблющаяся серая линия, которую вы видите на экране, — реальный показатель энергии нашей общины. Он отображает суммированное значение энергий всех браслетов нашей общины.

Если серая линия совпадает с эталоном (зелёной линией) или очень близка к нему, то мы можем сделать вывод, что общее духовное состояние общины соответствует обычному состоянию человека. Соответственно, превышение показателей серой линии над эталоном будет свидетельствовать о том, что наша община духовно самосовершенствуется, увеличивая свою духовную энергию, стремится к духовной энергии высших сфер, которую мы, конечно же, сегодня измерить не можем, но стремимся к бесконечному приближению к ней.

И наоборот, если измеряющая энергию общины линия резко отклоняется вниз от эталонной линии, значит, община погрязла в грехах и необходимо что-то предпринять, чтобы возродить духовность людей.

Я повернулся к монахам:

— Поэтому наша задача как духовных лидеров общины, имея теперь наглядное представление об уровне духовного состояния людей, — умело направлять их по дороге духовности. Не в этом ли и была наша задача изначально? — я вопросительно обвёл взглядом всех.

И с радостью увидел, как монахи одобрительно закивали.

— Теперь мы можем увидеть беспристрастную оценку нашего духовного труда на благо людей. Кроме того, увидев резкий всплеск отрицательной энергии на энергостенде, когда серая линия спустится значительно ниже эталона, мы сможем определить и его конкретный источник. Смотрите!

Я наклонился к прибору и настроил его на отражение географии энергии. На стенде появилась карта нашей местности. Часть её, где находилась наша община, светилась ровным светом. Монахи, чтобы лучше разглядеть, поднялись со своих мест и обступили стенд.

— Видите? Внизу карты — пульсирующая серая линия. Эта та же линия, что мы видели раньше, которая отражает энергию общины. Но теперь справа экрана появился график с разбивкой энергии по зонам, в нём фиксируются значения энергии: от высших к низшим. Смотрите! Ниже под графиком высветились два параметра — это зоны с максимальной и минимальной точками значений энергии. Найдите точку с самым минимальным значением.

Монахи склонились над экраном, почти стукнувшись головами.

— Мы можем определить её параметры по координатам оси ординат, — показал я. — Теперь вводим эти параметры вот сюда — в центр полосы, что в самом низу экрана. Ввожу.

Картинка на экране сменилась. На нём открылась карта общины, на которой горела красная точка.

— Видите! Давайте приблизим карту и разглядим, что это за точка с пониженной духовной энергией.

Я приблизил карту, и на ней явственно, словно в бинокль, мы увидели небольшой дом. В нём легко узнавался трактир.

— Нижнее поселение! Трактир! — слышалось со всех

сторон.

Монахи повернулись к брату Сидору — высокому и толстому монаху, куратору поселений. Сидор, несмотря на свой рост, будто скукожился и неожиданно тонким плаксивым голосом сказал:

— А что я? Что я могу сделать? Я давно говорил, что трактир — рассадник зла. Но кто меня слушал?

Я свернул экран и сказал:

— Вот так работает прибор. С сегодняшнего дня мы можем видеть, в чём духовные проблемы нашей общины. И не просто видеть, но и принимать необходимые меры. О трактире. Сам по себе он не может быть местом — рассадником зла, как выразился брат Сидор. Но мысль его правильная. Это место, где у людей, наших общинников, снижается их духовная энергия. И нам нужно знать, почему. Думаю, что всё зависит от людей, которые там работают. Предлагаю брату Сидору серьёзно обратить на это внимание. Трактир не должен быть местом, где человек теряет образ и подобие Божие. Тем более в обители.

Я глянул на Сидора.

— Прикажете закрыть? — с готовностью спросил он.

— Закрывать проще всего, — ответил я. — Надо не закрывать места, снижающие нашу духовность, эдак у нас на земле не останется мест, которые смогут посещать люди; надо превращать эти места в места духовные.

— А как превращать-то? — растерянно пробормотал Си-

дор. — Что в трактире может быть духовного?

Я задумался и сказал:

— Духовность места создают люди. Я думаю, тем, кто там работает сейчас, можно предложить другое, что будет им больше подходить. А сюда назначить людей, которые любят, к примеру, хорошо готовить и с удовольствием кормить людей. Исключить из продажи алкогольные напитки. Оставить хорошую еду. Возможно, пригласить тех, кто умеет и любит хорошо петь или играть на каком-либо музыкальном инструменте. Сделать это место местом для отдыха людей. Может быть, даже не только с друзьями, но и с семьями. Пусть там поселится радость. В общем, надо подумать, как превратить это место из рассадника зла в место, где поселится радость. А где радость, там и хорошая духовная энергия. Брат Сидор, подумайте, что можно конкретно сделать, и через несколько дней, когда у вас будут реальные предложения, обсудим. Так?

Монахи одобрительно загудели и стали рассаживаться на свои места.

— Вот с помощью нашего компаса уже одно хорошее дело сделали, — удовлетворённо сказал брат Климентий и глянул на отца Ануфрия. Тот, улыбаясь, кивал. — Думаю, надо назначить ежедневное дежурство монахов. Дежурный будет наблюдать за состоянием общины, особенно обращать внимание на опасные отклонения. И при обнаружении таковых сразу извещать настоятеля.

— Да. Хорошее дело, — кивнул я. — Но это только начало. В новом уставе мы предусмотрели ступени личностного роста монахов. Теперь свою готовность сможет отслеживать сам проходящий подготовку. Предлагаю, помимо богословского экзамена, главным и решающим условием для восхождения брата на новый духовный уровень установить определённый показатель его личной энергии, который будет показывать личный браслет испытуемого. При этом брат сам будет видеть, когда он готов взойти на следующую духовную ступень, и сообщит об этом настоятелю или его заместителю. И это будут не просто слова или ощущения. Это будет подготовленное, открытое чистое сердце, которое сможет нести людям не только Слово Бога, но и благотворно влиять на их сердца, касаясь их своей энергией. В ближайшее время мы с Георгием определим эти духовные критерии, и я сразу же доложу об этом, брат Климентий.

— Хорошо! — Климентий стукнул ладонью по ручке кресла и поднялся. — Буду ждать от вас известий. Прошу держать меня в курсе всего. А сейчас пора вернуться к нашей обычной жизни. Храни вас Господь!

Глава 13. Я объявляю войну

Мы с Георгием сидели в лаборатории и пили кофе. Вернее, пил я, а Георгий потерянно крутил в руках чашку.

— Георгий, что с тобой?

Он вздрогнул, словно я отвлёл его от важных мыслей,глянул на меня и улыбнулся.

— Ничего, дорогой. Всё хорошо.

— Как же хорошо, я же вижу.

— Понимаешь, дорогой, — он обвёл лабораторию каким-то растерянным взглядом. — У меня такое ощущение, что всё закончилось и тут больше я не нужен.

— Да ты что? — поразился я. — Как это закончилось? Всё только начинается.

Он покачал головой.

Я отпил из чашки и посмотрел на него.

— Я понимаю. Сам чувствую опустошённость, когда завершается какая-то серьёзная работа. А наш энергостенд — это нечто грандиозное.

Я оглядел комнату и понимающе покачал головой:

— Да и как-то пусто без него.

— Не то слово, — Георгий в сердцах поставил чашку на стол и с раздражением добавил: — Знаешь, дорогой, я не понимаю, почему наш энергостенд должен стоять где-то у монахов! Ты что, правда веришь, что они будут по нему что-

то там смотреть и предпринимать? Улучшать пси-атмосферу общины, — он усмехнулся и качнул головой.

Я смутился. Георгий словно читал мои мысли. Я тоже серьёзно беспокоился: будут ли? Но и отказаться от своей задумки я не мог. Общинники должны видеть практическое воздействие энергии на их жизнь, на каждого лично. Иначе как они смогут поверить? А какое дело без веры в него? Тогда всё напрасно: и энергостенд, и визуализированная энергия браслетов превратятся просто в игрушку.

— Я понимаю тебя, Георгий. Но согласись, без такого, если можно так сказать, наглядного пособия мы не сможем убедить людей в существовании их личной энергии и, главное, в том, что эта личная энергия влияет на духовность общины! Положим, мы с тобой учёные, мы видим это в исследованиях. А они?

— Хорошо, дорогой. Предположим, — Георгий встал и взволнованно прошёлся по комнате. — Я понимаю. Тебе необходимо наглядно показать силу мысли в действии. Соглашусь, это необходимо, — он остановился и повернулся ко мне. — Но теперь мы сами лишены возможности анализировать энергоситуацию, а значит, быстро и корректно вносить необходимые изменения. Ты серьёзно думаешь ждать каких-то звонков от дежурных по стенду? — в голосе его звучала насмешка.

Я молчал.

— Жди, жди, дождёшься, пожалуй.

— Георгий, ты же говорил, что наши браслеты могут синхронно отражать информацию энергостенда. В чём проблема?

Он поморщился.

— Могут, конечно, могут. Если сделать специальный запрос. Ты что, собираешься постоянно делать запросы?

— Хорошо. Что ты предлагаешь?

Он резко сел и придвинулся ко мне.

— Нам нужен второй энергостенд. Тут в лаборатории.

— Хочешь подключить его к первому и получать картинку в реальном времени?

— Именно!

— Похоже, Георгий, ты настолько влюбился в своё детище, что прожить без него не можешь, — засмеялся я.

— Влюбился, влюбился, — махнул он рукой, — называй как хочешь, дорогой, а он нужен здесь.

— Да не вопрос. Нужен — сделай. У тебя все права на закупку необходимого оборудования.

— Отлично! Я хотел, но должен был посоветоваться. Не могу же я один решать такие вопросы.

— Ну, считай, решили. Давай сейчас о деле, которое нужно сделать безотлагательно.

Георгий внимательно посмотрел мне в глаза.

— Слушаю тебя внимательно, дорогой.

Я кивнул. Отставил чашку.

— Сначала подведём итог. Что мы имеем на сегодняшний

день? Первый шаг сделан: у нас есть ясное осознание, что человек не только главная и единственная цель эволюции, но и единственный её двигатель. Именно творческая энергия человека — энергия мыслей, чувств, помыслов и дел, из них вытекающих, — создаёт жизненный путь каждого из нас по эволюции или инволюции, в зависимости от нашего сознательного выбора. Это наше сегодня.

Георгий кивнул и сложил руки на груди:

— Предположим, осознание есть. Что же завтра?

— А завтра Завтра мы должны от осознания перейти к действию.

— Это я уже понял. Нужно повышать свой энергетический уровень. Но скажи, пожалуйста, как практически обычный человек сможет это целенаправленно сделать? И потом — он задумчиво потёр нос, — какова конечная цель? Тут, дорогой, на мой взгляд, сразу два вопроса: первый — как увеличить личную энергетику, и второй — зачем вообще нам надо её увеличивать? Для эволюции? А что там в этой эволюции? Что будет с нами, с каждым из нас?

Я непонимающе уставился на него.

— Ну, представь, дорогой, мы подняли свои вибрации до вибраций высших сфер, и что? Только не говори, что мы попадём в рай. Мне вообще непонятно, как можно жить в вечном блаженстве и что такое вечное блаженство, если, к примеру, — он задумчиво оглядел комнату, взгляд его упал на чашку, — к примеру, там не будет кофе.

— Георгий!

— Я утрирую, конечно, дорогой, но смысл вопроса от этого не меняется. Ты мне как учёному объясни.

Я потёр лоб.

— Куда хватил Ну откуда я могу знать, скажи на милость! Я только вижу, что другого пути существования у человечества нет. Это ты хоть понимаешь?

— Понимаю, дорогой, не злись. В этом ты меня убедил, — он задумчиво покрутил ус. — Но всё-таки хотелось бы понимать хотя бы приблизительно цель этого пути. Ну, хорошо, пусть не конечную цель, я понимаю, что эволюция, как и космос, фактически бесконечны, но осознавать обозримую перспективу мы же можем. Вот скажи, мы ратуем за развитие личностных энергий для того, чтобы эти энергии слились в одно пси-поле человечества Земли, смогли не только противостоять угрозам энергий хаоса, но и управлять ими. Это очень хорошо! Но, — он в упор глянул на меня.

Мне стало не по себе, мелькнула мысль: «Вот это да! Георгий сомневается в нашей работе?».

— Дорогой, не превращаем ли мы общество в сверхорганизм, который поглотит индивидуальные человеческие сознания, сотрёт личности? Не растворятся ли личности людей в чётко функционирующей энергетической системе человечества — если можно так назвать, в «сверхмозге»? Да, объединяя энергии, мы получим достаточный импульс для перехода на новый эволюционный уровень. Но сохраним ли

мы индивидуальность на этом новом уровне?

Я онемел. Несколько минут я смотрел на Георгия и не мог произнести ни слова. Наконец опомнился.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно, дорогой. Думаю, что большинство людей этим обеспокоится, когда до них дойдёт твоё понимание эволюции.

— Не моё понимание эволюции, а научное понимание. Или ты отрицаешь всю нашу научную работу?

Георгий поморщился.

— Не передёргивай, дорогой. И не придирайся к словам. Конечно, я не отрицаю. Но я хочу понять

— Что ж тут непонятного-то! — я почувствовал, что разволновался, и чтобы успокоиться и привести мысли в порядок, встал и принялся ходить по лаборатории. — Как раз наоборот! Чтобы выжить всем, каждый должен стать яркой и уникальной личностью. Объединённая творческая энергия ярких и уникальных личностей и есть эволюция: объединяясь, личностная энергия усиливается и даёт шанс человечеству перейти на более высокую ступень развития. Чем уникальнее и ярче будет каждый, тем стремительнее будет и эволюция сознания человечества. Заметь! Я сказал объединение энергий, а не поглощение энергий. Ну, хорошо, — я остановился напротив Георгия и глянул ему в глаза. — Предположим ситуацию, что общее поле поглотит все индивидуальные сознания, чтобы сделать эволюционный рывок. За-

мечательно. Поглотили, перешли на новый уровень. А дальше-то что? Если эволюция — бесконечное увеличение энергомыслей каждого из людей, каждого, из объединённых в единое энергополе Земли. Ну, предположим бред, о котором ты говорил: личностные сознания вдруг почему-то поглощены чем-то или кем-то. Единым сверхорганизмом что ли? Сверхразумом? — я глянул на Георгия.

Тот, улыбаясь, пожал плечами.

— Что ты улыбаешься? — разозлился я. — Несёт бред какой-то ещё и улыбается.

Он поднял руки:

— Что ты, дорогой, я не улыбаюсь. Я внимательно слушаю.

— Ну, хорошо. Предположим. Замечательно! Образовался, к примеру, сверхразум, который поглотил все индивидуальные сознания и стал способным сделать эволюционный скачок. А дальше что?

— Что?

— Да ничего! Всё. Эволюция закончена.

— Почему это, дорогой?

— Потому, дорогой.

— Это не ответ.

— Потому что человек живёт, чтобы пройти свою личностную эволюцию. А она основана на самореализации — личностном творческом самосовершенствовании, развитии способностей через увеличение индивидуальной энергетиче-

ки. Ибо мысль — энергия, мозг наш вырабатывает эту энергию, и совершенствование способностей связано с увеличением, освоением и развитием этой энергии, которая, в свою очередь, приводит к совершенствованию нашего мозга. Но чтобы выжить, нам необходимо сотрудничество друг с другом. Человеческое выживание складывается исключительно из этих двух параметров: личного развития и сотрудничества. Само существование человека, не говоря уже о человечестве, напрямую зависит от этих двух факторов.

Если «выключить» из этой связки хотя бы один из них, человечество погибнет. Самоуничтожится. Потому что не сможет эволюционировать, а без эволюции и развития — стагнация и саморазрушение. Иного пути нет.

Возьмём твой сверхразум. Возможно ли увеличение энергии этого сверхразума для того, чтобы продолжить эволюционный путь? Для этого надо понять, где он эту энергию в принципе возьмёт? С точки зрения классической физики энергетически замкнутая система не может повышать свою энергию или вибрацию, так как, согласно закону сохранения энергии, общая энергия замкнутой системы остаётся постоянной, если не происходит внешнего воздействия или преобразования. Внешнее воздействие есть? Я не вижу в хаосе космоса иного разумного сверхразума, с которым наш мог бы контактировать. Преобразование его энергии возможно? Тоже нет. Так как все личности, которые могли бы преобразовываться, тем самым увеличивая энергию свою и общую,

поглощены, растворены и отсутствуют как саморазвивающиеся личности! Нечему больше преобразовываться. Финита ля комедия. В итоге получаем безжизненную энергию, которая не способна ни взаимодействовать с себе подобными, так как ей подобных и нет, ни преобразовываться. Ну и зачем тогда надо было объединяться и самопоглощаться? Цель какая? Эволюция будет закончена. Останется только время, через которое данный сверхразум будет разрушен. Так как на любой сверхразум всегда найдутся стихийные силы хаоса космоса, которые смогут его рассеять или поглотить.

Георгий поднял руки:

— Хорошо, хорошо. Убедил. Будем считать, что энергополе человечества то же, что и ноосфера Земли: объединяет всё живое, создаётся им, но не поглощает его. И всё-таки вопрос остался открытым: какова единая цель эволюции?

Я задумался. Сел рядом с Георгием и заглянул в его ставшие очень серьёзными глаза.

— Я не знаю. Да и вряд ли кто знает. Конечная цель эволюции! Тоже мне спросил Я знаю только одно. Эволюция — это жизнь. И не просто жизнь, а жизнь, в которой мы должны раскрыть безграничные возможности, заложенные в каждом из нас. И не просто раскрыть, но и пользоваться ими для преобразования мира вокруг, что станет новым трамплином для развития наших способностей.

— Может быть, цель нашей эволюции — преобразование хаоса космоса в осмысленную жизнь? — тихо спросил Георгий.

гий.

Я посмотрел на него и пожал плечами. Сел рядом.

Долго мы сидели и молчали. Каждый думал о своём. Наконец я хлопнул ладонью по столу и сказал:

— Я ясно вижу сегодняшнюю цель — нам надо избежать надвигающейся гибели человечества. И я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы достичь этой цели, — я в упор посмотрел на Георгия. — Ты со мной?

— Спрашиваешь, дорогой!

Я дружески хлопнул его по плечу.

— Ну, тогда давай про сегодня. Мы сделали энергостенд. Что это такое? Просто прибор, фиксирующий энергию человека. Инструмент. Всё. Наша задача сегодня — нет, не следить за энергией людей, а разумно использовать этот инструмент, чтобы с его помощью увеличивать энергетику человека.

— Замечательно! — откинулся на спинку стула Георгий. — И можно узнать, как ты собираешься это делать?

Я улыбнулся:

— У меня много идей. Но пока поговорим о делах насущных — о монастыре. У нас обновлённый устав. Мы должны его ввести и по нему жить. И прибор поможет нам в этом напрямую. По уставу монастыря сегодня определяющими для монаха становятся два момента: первый — духовная готовность монаха не только противостоять негативной энергии мира, но и благотворно воздействовать на общую энергию

общины; и второй — профессиональная подготовка монаха, которая позволит ему не просто участвовать в каком-либо совместном деле с другими людьми, но направлять это совместное дело в творческое созидательное русло для реального поднятия энергетики общины.

Именно это будет главным при определении готовности монаха перейти с одной духовной ступени на другую.

— Что за ступени? — удивился Георгий.

— Я дам тебе текст устава. Ознакомишься. Скажу главное. В общине установлена духовная иерархия. Братия по мере личной подготовки переходят по духовным ступеням от низшей к высшей.

Так, в послушники община принимает всех, кто выразит искреннее желание сознательно посвятить свою жизнь духовному самосовершенствованию, несению духовности в наш мир. Это подготовительный этап.

Иноки же — те, кто не только укрепился в этом желании, но и сознательно подготовился для того, чтобы вступить на первую ступень духовной подготовки. А потому, помимо необходимых знаний, становится обязательным учитывать уровень его духовности — индивидуальной энергетики. Затем подготовленный инок становится монахом.

А уже монахи подготавливаются к высшему послушанию — к своей высшей миссии — стать монахом-последователем. Они полностью посвящают себя и свою жизнь следованию за Господом нашим. Однако переход на эту третью

— высшую духовную ступень возможен лишь тем, кто достиг соответствующего уровня духовной вибрации. Именно перед ними откроется Мир: они из монастыря уйдут в мир, станут способными нести людям Свет и Добро, станут для них духовным примером и источником высшего творческого сотрудничества и мудрости в любом деле, за какое бы они по своему желанию ни брались.

Вот потому сегодня наша задача — установить те приемлемые энергетические критерии, достигнув которых брат сможет всходить по ступеням духовности.

Ты изучал показатели энергии человека, их соответствие мыслям и чувствам. Думаю, сможешь сделать и это дело. В общем, нам надо вплотную заняться созданием монастырского устава — установлением духовно-энергетической шкалы духовного роста общинников. В самое ближайшее время я должен буду доложить о результатах Климентию и на монастырском совете, где мы должны будем его принять.

Георгий молчал, только смотрел на меня вытаращенными глазами.

— Ты серьёзно, дорогой?

— Абсолютно. Так что скучать и тосковать некогда. Надо срочно включаться в работу. Вот, кстати, — я развернул дисплей своего браслета, — сейчас сброшу тебе проект нового устава. — Лови!

Георгий развернул свой экран.

— Угу, есть, — пробормотал он, уставившись на экран.

— Текст большой.

Сейчас переход со ступени на ступень осуществляется без учёта реальной духовности человека — без учёта его энергетики, которую теперь мы можем увидеть. И мы должны это исправить. Поэтому нам и нужен реальный показатель энергетической готовности человека для духовного перехода.

Я вопросительно посмотрел на Георгия.

Он глянул на меня:

— Да понял, я понял. А не боишься, что все твои монахи окажутся по духовному уровню в иноках или, того хуже, в послушниках? — усмехнулся он.

— Нет. Не боюсь. Я знаю людей. Не первый год с ними. Таких, как Фивий, единицы, если вообще ещё есть. Братия, в основном, — искренне верующие люди с открытым сердцем, — сказал я и запнулся, вдруг вспомнив наше с Фивием ночное приключение. Тряхнул головой, отгоняя неприятное видение: — А вообще, нам нужен чёткий путь вперёд. Очень надеюсь, что наш компас в этом поможет.

Георгий кивнул.

— А вообще, давай по-тихому. Прикинем энергетическую шкалу духовной иерархии, посмотрим, соответствует ли ей уровень братиев и будем думать, как двигаться дальше.

— Хорошо.

Через две недели напряжённой работы всё было готово.

Фактически, принятый в прошлом году на монастырском соборе обновлённый Устав, действие которого я приостано-

вил из-за волнений в общине, сейчас не претерпел изменений, добавилась только энергетическая шкала духовности, поэтому повторного принятия его нашей общиной не требовалось, я должен был лишь ознакомить всех с духовной шкалой. Но перед этим отправил его предстоятелю Христианской Церкви Климентию и получил одобрение.

Первое, что я сделал после одобрения Устава, — решил действовать. Если можно было терпеть противодействие во время обсуждений, до принятия решений, то когда решение принято и надо действовать, то и надо действовать. Я отстранил от должностей всех монахов, которые отказались подключать браслеты к энергостенду. Всех. И Фивия. Хватит миндальничать. Ничто не должно мешать делу. Приказ об этом я подписал в тот же день, когда получил ответ от Климента, вечером. Но не торопился объявить о нём. Отложил на следующий день.

А на другой день, утром двадцатого июля, мы с Егорием собрались в монастырь. После завтрака Люсенька вдруг запросилась с нами.

— Что я всё дома и дома. Дозвольте, брат Олаф, с вами в монастырь съездить, — сказала она, ловко убирая со стола тарелки с остатками перловой каши.

Георгий сытно отвалился на спинку стула и, покручивая ус, сказал:

— Люсенька! Как же так? Ты меня одного оставишь? Надоело тебе моё общество, похоже.

— Что вы, что вы, — замахала девушка руками. — Во-все нет. Просто лето на дворе, а я всё дома и дома, или с подружками тут же. Мне б тоже прокатиться на вездеходе с Егорием-то. А то он целыми днями носится, а я ещё ни разу.

— Дак куда тебе, забоишься небось.

— Сам не забоись, Егорий! Ишь, деловой нашёлся, — надула она губки.

— Не ссорьтесь. Если хочешь, Люсенька, то поедем. Прогуляешься с нами, да и по хозяйству поможешь.

— Как по хозяйству, дорогой? У тебя там дед Анисим есть. А я как же? Совсем один, без хозяйки, позабыт-позаброшен, — улыбнулся в усы Георгий.

— Ой, божечки! Как же позабыт? Вы только гляньте, сколько я всего наготовила! — она открыла духовку, и на нас пахнул тёплый аромат тушёной баранины с чесноком и травами, — тут мяско и на обед, и на ужин останется. А в холодильнике свежие щи. Только погреть. Да много ещё чего. Вот! — она кинулась к холодильнику и распахнула дверцу.

Все полки были плотно уставлены банками, контейнерами, бутылками, какими-то плошками.

— Тут и фрукты, и овощи, и молочко, и всё-всё. Только погреть, если что надо.

— Люсенька, — заныл Георгий, — а кто греть-то будет?

— Ну, знаете, — обиделась она и отвернулась к окну, — я, конечно, понимаю, вы человек учёный, занятой. Тока с голоду, поди, не помрёте, когда еды-то вон вдоволь.

Георгий засмеялся, подошёл к ней и приобнял её за плечи:
— Не обижайся, пожалуйста, дорогая! Это я так, шучу.

Поезжай, конечно, развлечёшься немного.

Она повела плечами, высвобождаясь от его руки.

— Я не обижаюсь. Только я вам никакая не дорогая. У вас жена есть, — прошептала она, краснея.

Георгий засмеялся.

— Ну, прости, Люсенька.

— Ладно, — я встал. — Если хочешь ехать, собирайся. Через пятнадцать минут выходим. Егорий, подготовь вездеход, — я пошёл к выходу из кухни. — Вездеход! — строго повторил я, выходя. — Кобылку свою оставь в покое.

Егорий остановил вездеход у новенького сверкающего стальными боками ангара, который Герасим, назначенный механиком, собрал с мужиками напротив гостевого домика, слева от въезда в монастырь. Когда было решено обновить наш технопарк, необходимо было место для хранения и ремонта техники. И лучшим решением стал ангар. Теперь Герасим разрывался между ангаром и верхним поселением, где он оставался старостой. Но, похоже, это было ему по душе. По крайней мере, сколько я ни намекал ему, что хорошо бы взять толкового помощника из поселенцев, который, если что, смог заменить его как старосту, но он всё ворчал и отнекивался. Нет, мол, такого, чтобы он доверить целое поселение мог.

Вот и сейчас у ангара высилась широкоплечая медвежья фигура Герасима среди троих мужчин. Я узнал коренастого невысокого Ивана — нашего промт-инженера — и двух молодых монахов, видимо, помощников.

«Наша первая общинная бригада», — улыбнулся я, и у меня потеплело на сердце: потихоньку моя мечта об объединении монахов с обычными людьми в каком-то деле начинает сбываться, и пусть пока это поселенцы. Но, как говорит древняя мудрость, лиха беда начало.

Я спрыгнул с подножки машины и пошёл к людям. Увидев меня, они двинулись навстречу. Мы поздоровались, и они попросили благословения.

— Благослови Господь в делах ваших, — сказал я и вдруг заметил, что их лица изменились: двое молодых залились краской и резко отвернулись, Иван, глядя на них, заулыбался, а Герасим недовольно покачал головой.

Я обернулся.

Из машины выпрыгнула Люсенька, на ходу поправляя задравшееся платье.

Я смутился. Но не стал ничего объяснять.

— Егорий, ставь машину и догоняй, — сказал я и повернулся к девушке: — пойдём, Люсенька.

Повернулся и быстро пошёл к административному зданию, где были мои покои.

Люсенька едва поспевала за мной, переходила с шага на бег, заглядывала в глаза и тараторила:

— А Герасим даже не поздоровался. Будто и не видел.
Я промолчал.

— Брат Олаф, мы в покои сейчас? — спросила она, и я почувствовал, что она запыхалась.

Глянул и увидел, что она тащит толстенную сумку. Я остановился.

— Да, Люсенька, в покои. А что за тяжеленная сумка у тебя? Вон как ты запыхалась. Давай сюда, — я протянул руку.

— Что вы, что вы! Как можно! Настоятелю-то. Да она совсем не тяжёлая. Я собрала всего понемножку вкусенького. Чтоб как приедем, сразу и покушать. Только погреть.

— Ладно. Пойдём.

— Это хорошо, что мы сразу в покои! — и, заглянув мне в лицо с боку, тихо сказала: — Я так соскучилась по деду Анисиму. Сейчас хоть увижусь. Как он там? Всё время один. Без нас

— Не увидишься, Люсенька.

— Как так? Почему?

Мне было неловко, и я убыстрил шаг, чтобы не смотреть на неё.

— Я его отослал. Не хочу видеть.

— Как отослали? — воскликнула она и встала как вкопанная.

Я шёл не останавливаясь. Не собираюсь ни с кем обсуждать свои поступки. Тем более оправдываться перед Люсенькой.

Она кинулась следом.

— А куда? Куда отослали? С монастыря выгнали? — с тихим ужасом спросила она.

— Почему из монастыря? Отправил в общежитие монахов. Пока я здесь, он там поживёт. Да и виделись вы уже. Видел я вас там на площади, когда браслеты подключали.

— А и что такого? Дед Анисим любит меня, и я его люблю. Он завсегда обо мне заботился. И почему вы только

Мне стало неловко, как я мог объяснить Люсеньке? И от этого разозлился и резко оборвал её:

— Да люби, ради Бога. А я не хочу его видеть. И объясняться с тобой по этому поводу у меня желания нет.

— Что ж вы сердитесь, — прошептала она, и в её голосе мне слышались слёзы. — Воля ваша. Я ж ничего, — она замолчала.

Мы шли молча, только иногда я слышал, как она шмыгала носом.

«Плачет, что ли? — пронзила неприятная мысль. — Что я, правда, взъелся».

— Я не сержусь, Люсенька, — постарался помягче сказать я. — Просто я сейчас очень занят. Мне не до деда. А ты, если хочешь, можешь встретиться с ним. Поговорить.

— В общежитие — протянула она печально. — Мне туда нельзя. Так и не увидимся.

— Конечно, нельзя. Тебе и тут-то нехорошо быть. Вон своими голыми коленками смутила монахов, когда из везде-

хода выскакивала, — я покачал головой и, пряча улыбку в усах, глянул на девушку.

Лицо её залилось румянцем.

— Я ж не нарочно, — едва слышно прошептала она.

Мне стало жаль её, но я решил держать марку.

— Нарочно не нарочно, а это мужской монастырь. Чего тебе тут? Какие прогулки могут быть? Да ещё разоделась, как на праздник. Я тебя в этом платье и не видел никогда. Скромнее надо быть, Люсенька. Ты ж не дома.

— Я просто Так, в люди же. Хотела глянуть. Увидеть. Деду Анисима — залепетала она.

— Ну, свяжись с ним. Вон в гостевом домике можете встретиться, поговорить, если будет такое желание. Но только ненадолго и никуда больше не ходи. Тут строго. Поняла?

— Поняла. Я только с дедом Анисимом. Хорошо?

— Хорошо.

— А вот и я! — нас догнал Егорий.

— Что-то ты быстро. Возьми сумку у Люсеньки.

Он с готовностью подхватил сумку.

— Только нос туда не суй! — строго сказала она. — А то я тебя знаю, не дотерпишь до стола.

— Очень надо, — фыркнул Егорий и повернулся ко мне: — А что там долгого? Машинку сдал Герасиму — и к вам.

Я кивнул.

Входил в покои я с беспокойным сердцем: вдруг дед не

захочет уходить в общежитие? Не хотел я его видеть. Может, конечно, я не прав, подозревая его. Я не утверждаю. Но моё сомнение и то, что, поддавшись ему, я прогнал деда, меня угнетало. И оттого я ещё сильнее злился на себя, а за это — и на деда. Нет. Пусть, пока всё не выяснится, живёт подальше от меня.

Но в покаях было тихо и пусто. Люсенька сразу же пошла на кухню и загремела посудой. Я пошёл к себе. Через минуту ко мне в дверь просунулась голова Егория и, что-то жуя, сказала:

— Люсенька просит через пятнадцать минут на кухню. Покушать с дороги.

— Хорошо. Спасибо. А ты уже ешь что-то?

— Это так, — парень икнул, — Люсенька в дорогу пирог брала, вот кусочек дала, а то долго ждать, пока она наготовит.

Он снова икнул.

— Пойди воды выпей. Вон, от сухомятки икаешь.

Голова Егория убралась.

Я умылся, переоделся с дороги и пошёл на кухню.

На кухне было светло и как-то радостно. Было ощущение, что я и не уезжал из обсерватории. Здесь всё было устроено так же, как и там: небольшое помещение и большое окно во всю стену. У окна — плита, и так же, как и там, у плиты хлопотала Люсенька. Сегодня она была необыкновенно радостно возбуждена. Светловолосая, тоненькая, как лучик, с сия-

ющими глазами какой-то светло-серой чистоты. Я невольно залюбовался тем, как ловко она хозяйничала у плиты.

Весело оглянувшись на нас, она сказала:

— Садитесь, садитесь! Вот всё и готово. Сейчас догреется, и можно кушать.

На сковороде шипели фирменные Люсенькины сырники. Их сладковато-ванильный аромат с чуть уловимым запахом масла заполнил всю комнату.

«Всё-таки хорошо, что у нас есть Люсенька. После того как я отослал от себя деда Анисима, Люсенька стала моей незаменимой помощницей по хозяйству. Но в монастыре ей быть не надо», — подумал я.

Я сел за стол, налил себе молока и с удовольствием выпил. Никогда не пил такого душистого и сладкого, только в нашей общине. Вытерев тыльной стороной ладони губы, я посмотрел на Егория, который крутился возле Люсеньки.

— Егорий, иди сюда. Поговорить надо.

Парень удивлённо глянул на меня и устроился на стуле рядом.

Я посмотрел на его браслет. У него явно преобладал бирюзово-зелёный цвет. Я уже знал, что такие люди обладают сильной способностью к сочувствию, умеют успокаивать и поддерживать других, имеют тесную связь с природой и обладают даром врачевательства. «Хороший ветврач получится», — улыбнулся я своим мыслям. Егорий, в отличие от большинства общинников, которые почему-то стеснялись

своих браслетов, демонстративно нацепил его поверх рукава рубашки. Заметная рябь, которая иногда пробежала по обычно приятному зелёному цвету его браслета, сейчас исчезла.

— Знаешь, Егорий. Я тут с братом Титом разговаривал. Он берёт тебя своим напарником.

Егорий поперхнулся молоком, которое, глядя на меня, налил и себе, и закашлялся.

— Каким ещё напарником? — сдавленно проговорил он.

— Как каким. Ты же хотел серьёзно заняться ветеринарным делом? Жаловался, что Тит не доверяет тебе ничего. Фактически отстранил от дел. Вот теперь будешь повышать свою квалификацию; он обещал везде брать тебя с собой, чтобы ты набирался опыта. Можно было бы осенью отправить тебя учиться, но ты, наверное, многое подзабыл после школы-то. Не сможешь учиться, подготовиться надо. Вот закончим строительство перерабатывающего заводика, и все силы бросим на стройку нашего Единого университета. Думаю, через год уже откроем. Вот тогда на подготовительное отделение и поступишь. А пока что время терять? Опыта потихоньку набирайся, благо есть где. Согласен?

— Это как же! А отец Ануфрий что сказал? Забыли? За- всегда быть с вами. То ж его наказ!

— Не забыл. С отцом Ануфрием я поговорю. Думаю, он не будет против. Не всю же жизнь тебе рядом со мной торчать. Вон сколько времени прошло, и ни разу не было на меня никаких покушений. И вообще в общине мир и покой.

Хватит. Нечего около меня и Люсеньки баклуши бить. Пора тебе делом заняться. Сейчас поедим, и ступай к Титу. Мы с ним договорились, что ты под его началом отныне.

Егорий открыл рот, чтоб возразить, но ничего не сказал, так и сидел с открытым ртом, выпучив на меня глаза.

— Так что? Мне теперь уходить отсюда? А где мне жить-то тепереча? В общежитие к послушникам переходить? — наконец вымолвил он со слезами в голосе.

— Зачем в общежитие? С братом Титом я договорился, что ты будешь у него на практике только полдня. Остальное время будешь моим охранителем. Так что не переживай, если мне понадобится куда идти, то без тебя никуда, — улыбнулся я.

Егорий облегчённо вздохнул:

— Ладно.

Люсенька принесла и поставила в центр стола большое блюдо, доверху наполненное румяными сочными творожными кругляшами. Парень обрадовано потянулся к ним.

— А що? Патика део хоошее. Я ам авно хоте, — проговорил он с набитым ртом.

— Прожуй сначала.

— Гаяые.

Люсенька покачала головой:

— Чего торопишься. Никто не отнимет.

— Вусо.

— Люсенька, хлопотунья, иди за стол, — позвал я.

Она села, подпёрла ладонью щёку и смотрела, как мы едим.

— Что сама-то?

Она махнула рукой.

— Вкусно?

— Очень вкусно, спасибо.

— Правда? — просияла она.

Я кивнул.

— Ты большая мастерица, Люсенька. Тебе бы замуж надо.

Она зарделась. Схватила косу и стала быстро-быстро заплетать её распушившийся кончик.

— Скажите тоже...

«Вот тоже Люсенька. Не годится ей в монастыре быть, — вспомнил я взгляды, которые на неё бросали молодые монахи. — Надо бы её тоже пристроить к делу, отправить учиться. А сам могу и в столовую ходить со всеми, не барин. Или можно нанять какую замужнюю поселенку», — подумал я и вслух спросил:

— Люсенька, а как ты думаешь дальше жить? Тебе бы тоже надо учиться, получить профессию.

Люсенька разинула рот, так и сидела, оторопев. Наконец отмерла и со слезами в голосе сказала:

— Какую профессию? Вам не нравится, как я готовлю и веду хозяйство?

— Ну что ты, Люсенька! Ты прекрасно со всем справляешься. Но ты же молодая девушка. Ты не можешь жить в

мужском монастыре.

— Я не в монастыре.

— И в обсерватории тоже. Тебе надо устраивать свою судьбу. Выбрать дело по душе, выйти замуж, детей родить.

— А вот отец Окимий взял меня в помощницы, — прошептала она.

— Так ты тогда маленькая была. Одна росла, рано без родителей осталась. Вот он и взял тебя под крыло, как дочку. Но думаю, и он бы хотел, чтобы ты училась и получила профессию. Устроила свою судьбу. Сейчас не то время, чтобы потратить свою жизнь на обслуживание других людей. Нужно творчески развиваться.

Люсенька встала, надула губки и ничего не сказала. Подошла к плите и стала что-то помешивать в кастрюльке.

— И потом, ты же сама видела, как на тебя монахи посмотрели. Неодобрительно. Зря мы решили, что ты поедешь со мной. Я, конечно, очень рад и общению с тобой, и тому, что ты такая замечательная помощница, но вот не подумали мы. Тебе, Люсенька, нужно вернуться в обсерваторию. Я попрошу Егория, чтобы отвёз тебя.

Люсенька смахнула со щеки слезу. Широкий рукав её нового платья отвернулся, и я увидел, что у неё не активирован браслет.

— Люсенька! — поразился я. — Ты решила не подключать свой браслет?

Она побледнела, взгляд её беспомощно заметался по на-

шим с Егорием лицам. Парень тоже смотрел на неё удивлённо. Девушка поспешно одёрнула рукав и тихо сказала:

— ЯДаНетОтец Фивий говорил...

— Что говорил? «И тут пролез со своей агитацией. Везде напакостить старается! Всё. Хватит терпеть его выходки», — разозлился я.

Она почувствовала и, отвернувшись, прошептала:

— Так, ничего.

Я едва разобрал её слова. Она вдруг повернулась ко мне и тихим, но решительным голосом сказала:

— Мне ведь не обязательно подключать? Какая разница? Я же только по дому, по хозяйству. И я по договору. Можно сказать, и не в общине.

Я оторопело смотрел на неё. Она вскинула на меня глаза и, смутившись, добавила:

— Я думала, мне и не надо совсем.

— Как не надо? Ты ж была на проповеди брата Климентия?

— Была. Только отец Фивий говорил..., — прошептала она.

— Причём тут отец Фивий? И что он говорил?

— Да так, ничего, — едва разобрал я её слова, и она, решившись, добавила: — Только говорил, что это дело добровольное. И не годится сердце кому не попадя открывать. Я ещё неопытная девушка. Может, кто обидит».

Я опешил. Вот это да!

— Ты, конечно, Люсенька, как сама хочешь, — я встал. — Спасибо, всё очень вкусно. Мне надо будет заняться делами, а ты, Люсенька, будь готова. Егорий отвезёт тебя в обсерваторию. Не надо тебе в монастыре быть. Зря ты меня упросила. Да и Георгию там помощница пригодится.

— Хорошо, брат Олаф, как скажете. Только позвольте перед отъездом с дедом Анисимом повидаться?

Я пожал плечами.

— Повидайся, если хочешь. А я на собор. Егорий, проводи Люсеньку.

— Не надо, спасибо, за мной дед Анисим зайдёт, мы вместе пойдём.

Я кивнул.

— Тогда отправляйся под начало Тита. Он тебя уже ждёт. А я на собор. Прощай, Люсенька. Подумай, пожалуйста, над моими словами. Я тебя, конечно, насильно не гоню, но надо бы тебе определиться с учёбой. Обещаешь подумать?

— Обещаю, — едва слышно ответила она.

— Вот и хорошо. Егорий, как Люсенька будет готова, отвези её обратно. Я на собор.

Когда я вошёл в соборный зал, все были уже в сборе. Монахи встали и поклонились. Я ответил на их поклон и прошёл на возвышение у стены, противоположной входу, где был изображён Иисус Христос на горе Фавор в момент Его преображения. Под ним на деревянном помосте стояло крес-

ло с высокой резной спинкой и широкими подлокотниками. Справа от кресла расположился низкий столик для бумаг, слева — табурет для просителей. Я сел в кресло. Члены монастырского собора тоже сели.

Я огляделся. Был разгар дня, и в разноцветные витражные стёкла узких окон, которые прорезали стены по обеим сторонам зала, заглядывало солнце. Оно разбрасывало фейерверки цвета, ярко освещая и сам прямоугольный зал, и картины, висевшие в простенках между окнами; на них были изображены библейские сюжеты, написанные Серафимом — нашим монастырским художником; и широкие лавки вдоль стен, и людей, сидящих на них.

Добрая половина из тех, с кем мне предстояло осуществлять задуманное, смотрели на меня исподлобья, угрюмо и настороженно. Рукава их ряс были низко спущены, тщательно скрыв браслеты.

Только взгляд Фивия был открытым и вызывающим. Он в упор смотрел на меня, положив подбородок на сложенные на посохе руки; рукава его рясы спустились вниз, демонстративно обнажая запястье, охваченное обычным чёрным браслетом, не подключённым к энергостенду.

«Торжествуешь? — подумал я. — Ну-ну, недолго осталось. Пора прекратить этот балаган. Каждый показал своё лицо, и хватит лицемерно делать вид, что всё в порядке и так и должно быть. Пора расставить все точки. Хотите войну — получите войну».

Но сначала молитва.

Я встал. Вслед за мной поднялись и монахи. Мы прочитали молитву на начало каждого дела.

Сели, я решительно выпрямился и сказал:

— Братья. Четвёртого июля прошло знаменательное событие, которое отныне перевернёт всю нашу общинную жизнь. Подключение браслетов к энергостенду — не просто чья-то прихоть, это знамение времени. Нового времени, когда от слов, которые далеко не всегда бывают правдивыми, а часто лживы и лицемерны, мы переходим к делам. К делам, которые отныне будут ясно видны не только Господу нашему, но и каждому брату в общине. Истинно верующий человек знает, что душа его, его мысли, чувства и дела — абсолютно всё открыто Господу нашему ежечасно и ежеминутно. Потому мы стремимся очистить от скверны себя, чтобы приблизиться, подготовиться, стать достойными Царства Небесного.

Однако, готовясь к этому, мы боимся и не хотим открыть друг другу своё сердце. Я не говорю, чтобы общинники открыли свои мысли, чувства друг другу, об этом речь не идёт. Но открыть свой сердечный настрой, свою готовность и способность к сотрудничеству — это не просто шаг в подготовке к жизни в Царстве Небесном. Это сегодняшняя необходимость для самоконтроля нашего восхождения по духовному пути.

Мы призваны вести за собой людей. Люди верят нам, и мы

не можем обмануть их доверие. А для этого мы должны первыми подать пример и открыть сердце. Кто к этому стремится, кто к этому готов, кто с радостью, по заповеди Божьей, открывает сердце своё людям и стремится к самосовершенствованию — тот почти достиг цели и только тот достоин повести за собой людей.

Поэтому отныне на должности в монастыре будут назначаться те, кто соответствует этим должностям. А это значит те, чьё стремление и подготовленность будут объективно отражены и подтверждены их личной вибрацией души, которую покажет их браслет. Как же мы будем определять личную вибрацию души? Сейчас я хочу вам рассказать об этом.

Я доложил предстоятелю, брату Климентию, результаты анализа энергетики человека, который мы сделали в обсерватории. Получил его одобрение и включил эти данные в обновлённый устав нашей общины. Именно эти показатели энергетики человека и станут тем компасом, по которому каждый из нас будет сверять свою духовную энергию. Они станут тем рубежом, который определит готовность каждого из нас к переходу на новый духовный уровень.

Я сделал общую рассылку с последним вариантом устава. Вы все сможете с ним ознакомиться и взять на вооружение, и всегда сверять своё духовное состояние.

И если увидите, что готовы к новой духовной деятельности в нашей общине, то у вас будет убедительное право ею заняться. Для этого необходимо только оповестить настояте-

ля или его заместителя и получить благословение на новый духовный труд.

Я сейчас оглашу эти показатели духовности. И уже здесь каждый из вас сможет увидеть свою духовную подготовленность.

Итак, шкала энергетики человека и её роль в духовности нашей общины.

До 45 Гц — диапазон низких страстей. Фактически все, кто приходит к нам в общину с желанием посвятить свою жизнь Богу и монастырю, будут иметь такую энергию. В любом случае, в послушники мы принимаем всех, кто выразит искреннее на то желание. А дальше всё будет зависеть от того, насколько человек способен духовно самосовершенствоваться.

И уже при достижении стабильного показателя не ниже 50 Гц послушник имеет право просить перевести его в иноки.

Следующая духовная ступень восхождения, когда инок может стать монахом, — 95 Гц. На этой ступени монах совершенствуется. И, достигнув личной энергии в 150 Гц, может вступить на высшую ступень духовного служения — стать монахом-последователем Господа нашего Иисуса Христа.

Монах с духовной энергий от 150 Гц уже будет готов нести людям Свет и Добро, стать им духовным примером и источником подъёма духовности других людей — источником высшего творческого сотрудничества и мудрости в любом деле, за какое бы они по своему желанию ни брались.

Я почувствовал, что по залу словно прошёл порыв ветра. Люди зашевелились. Все, у кого были подключены браслеты, низко склонили головы, изучая их. Кто-то радостно вскидывал на меня взгляд. Кто-то поспешно закрывал браслет рукавом.

Я взглянул на Фивия. Он побледнел и сидел прямо, словно вытесанный из камня. Монастырский эконо́м Тихон задрал жиденькую пегую бородёнку и нервно чесал шею. Сидор, куратор поселений, прищурился и не сводил с меня глаз. А у заведующего библиотекой, древнего старца Спиридона, стала мелко подрагивать голова.

Я подождал, пока изучение браслетов, шёпот и тревожные перегляды прекратятся, и продолжил:

— Вы помните, что сказал брат Климентий во время проповеди?

Люди замерли и не отвечали.

— Я напому. Он сказал: «Кто чувствует, что не готов к подобному подвигу, тот не будет преследоваться Православной Церковью. Однако общинникам нужно хорошенько подумать, нужен ли такой человек Общине». Я, как глава общины, её настоятель, подумал и принял решение: такие люди не могут занимать должности в нашем монастыре.

Фивий откинулся на спинку стула. Крупные капли пота выступили на его лбу.

— Они могут жить в нашей общине как простые монахи до тех пор, пока не докажут братии, что готовы к послу-

шанию-должности, требующей не только специальных знаний и способностей, но и особой духовности, свидетельствующей, что они готовы повести за собой других ко Благу. И подтвердить это сегодня можно объективно, нашими браслетами. Поэтому, с сегодняшнего дня я отстраняю от должностей всех тех, кто был на них назначен. За исключением, конечно, достопочтимого старца отца Ануфрия, чья святость ни для кого не требует никаких доказательств и подтверждений. Всех остальных в течение недели я аттестую. В зависимости от результатов назначу на должности новых лиц или оставлю прежних. И решающим доводом при каждом назначении будет готовность ваших сердец к этой миссии, что нам всем и покажут браслеты.

— Правильно ли я понял, — охрипшим голосом спросил Фивий, — что с сегодняшнего дня я больше не заместитель настоятеля монастыря?

— Да, правильно.

— А позвольте узнать, кто будет богослужения проводить? Уж не вы ли, брат Олаф, — голос его окреп и теперь звучал как вызов.

— А какая связь между должностями и богослужением? Или вы в монастырь пришли за должностью, а не за тем, чтобы служить Богу?

Все замерли. Фивий оторопело смотрел на меня.

— С вас, брат Фивий, никто сана не снимал и от богослужений не отлучает. А что касается должности. После утвер-

ждений последних нововведений и окончательного принятия Устава общины, должности заместителя настоятеля не будет. Будет должность наместника. Об этом вы прекрасно знаете, ещё после первого обсуждения нового Устава. В связи с новыми обстоятельствами, вы не можете рассчитывать на эту должность. Почему, я объяснил. О том, кто будет назначен наместником, я оглашу позднее. Это будет зависеть от аттестации.

Я встал.

— Все свободны. Каждому лично я пришлю сообщение о месте и времени аттестации. Монастырский собор распущен.

Никто не шевелился. Все замерли, словно изваяния.

Я сделал общий полупоклон и вышел. Выходя, я краем глаза увидел, как сторонники Фивия кинулись к нему.

Глава 14 День решений

Я вернулся к себе. Егория не было, и в покоях стояла такая тишина, что звенело в голове. В спальне от жары нечем было дышать. Казалось, что солнце, преодолев половину своего небесного пути, присело отдохнуть прямо на нашу крышу. Хорошо, что окно открывается. Распахнув его, я снял рясу. В сорочке дышать стало легче. В изнеможении опустился на постель, голова упала на подушку, и я не заметил, как уснул.

Очнулся я оттого, что комар зудел и зудел у меня над ухом. С досадой я хлопнул по щеке и окончательно проснулся. И только тогда понял, что это сигналил браслет — меня вызывал Георгий. Пока я соображал, что к чему, вызов прекратился. Я набрал его. Он отозвался сразу:

— Привет, дорогой! Я уж думал, ты всё заседаешь.

— Да нет, Георгий. Меня сморило после собора. Представляешь, заснул среди бела дня. Ещё жара эта. У меня тут дышать нечем.

— Ничего себе, среди бела дня — семь вечера уже.

— Вот это я поспал!

— Перенервничал, дорогой, бывает. Зато отдохнул. Теперь самое время поработать. Я там тебе списки отправил, что ты просил. Для твоей аттестации. Глянь.

— Уже готово? Спасибо. Как раз вовремя. Сейчас займусь. Кстати! Егорий-то ещё у вас?

— Егорий? Нет. Как Люсеньку привёз, сразу и уехал.

— Ясно. Должно быть, к Титу оправился. Я его ещё с утра посылал. Ты сам-то не хочешь ко мне сюда перебраться? Не скучно там одному?

Георгий засмеялся:

— Нет уж, спасибо, я тут. А то я тебя знаю: отправишься заседать, а аттестацию свалишь на меня. Меня Люсенька и тут неплохо кормит. А ты если разогнал всех, так и радуйся теперь тишине и покою. Не скучай.

— Ну как хочешь. Какое скучать! Дел неупорот. Это я так. Ладно. Если что, свяжись со мной.

— Хорошо. Сам-то когда думаешь вернуться?

— Не знаю пока. Сегодня у нас пятнадцатое. Послезавтра в общине праздник намечается — будем провожать наших выпускников школы на дальнейшую учёбу, к этому дню приурочили и запуск перерабатывающего заводика. Я быть должен.

— Ясно. Извини, дорогой, у меня Альбинка на второй линии. Мы ещё с тобой созвонимся.

— Ладно. Давай. Пока. Привет жене.

— Хорошо, передам. Тебе тоже от неё привет. Не спи там много, — засмеялся Георгий и отключился.

Я открыл почту и увидел документ «Анализ данных вибрационного уровня членов общины». Это была таблица с раскрывающимися параметрами. Внешне она выглядела скромно: таблица, разбитая на группы по диапазонам энер-

гии. Но каждая её ячейка раскрывалась, и на втором уровне таблица выдавала огромные списки, где против каждого поселенца/монаха указывался диапазон его средней личной энергии с точками её максимальных/минимальных всплесков.

Я быстро пробежал взглядом по обобщённой таблице и тяжело вздохнул:

Диапазон энергии в группе (Гц)/(Доля группы в общине (%)):

- 1 группа: < 40 Гц (1%)
- 2 группа: >40 Гц–50 Гц < (25%)
- 3 группа: >**50** Гц–95 Гц < (68,5%)
- 4 группа: >**95** Гц–150 Гц <(5%)
- 5 группа: **150 Гц**< (0,5%)

Если сравнить с тем, как я представлял себе духовное восхождение:

инок — духовная ступень от 50–95 Гц,

монах — от 95–150,

монах-последователь от 150 и выше,

то у нас фактически и монахов-то нет. Все должны быть, как максимум, на духовной ступени инока.

Ну, Георгий! Напророчествовал!

Я раскрыл списки общинников с показателями духовной энергии свыше 95 Гц и с большим удовлетворением нашёл себя со своими 140 Гц и Георгия. Хотя ничего удивительного не было, только подтвердились показатели наших преды-

дущих исследований.

Непонятно. Непонятно и удивительно другое. Взять, к примеру, Георгия — человека совершенно не воцерквлённого. Да что там! Я сам далеко не фанатик веры. Мы с ним, конечно, полностью отдаём себя науке, стремимся сделать для этой жизни что-то хорошее и ценное. Для всех. Но, не буду говорить за Георгия, а я сильной любви и сочувствия к людям не испытываю. Порой даже сильно достаёт раздражение на таких упёртых, как Фивий. И вдруг такой показатель духовной энергии! Может быть, ошибка? Но прибор врать не будет, ему от того, какая у кого энергия, ни жарко ни холодно. Он просто констатирует факт. А факты удивительные. В монастыре, где утро, день и вечер проводят в молитвах, духовная энергия значительно меньше, чем у учёного, который кладёт свою жизнь на то, чтобы познать мир, улучшить его. Так в чём проявляется духовная энергия: в молитве или в поступке? В следовании или в созидании?

Я прошёлся по комнате. Остановился у окна. Краем сознания отметил, что солнце устало от жары и теперь с чувством исполненного долга нежилось на вершине горы, купаясь в прохладе синевы неба, перед тем как разлиться багровым саваном: смыть остатки того, что уходит, и укрыть всё, что должно отдохнуть и набраться сил перед тем, как свершиться. Глубоко вдохнул воздух, обещавший скорую отдохновенную прохладу, и забыл и о солнце, и о жаре.

Жёсткое сомнение сковало грудь. Не ошибаюсь ли?

Неужели монастырь совсем не то место, которое может стать центром возрождения духовности? Острое чувство разочарования охватило душу. Как мне не хватало сейчас отца Окимия — моего наставника и друга! А ведь он почему-то верил в меня. Как и отец Ануфрий верит...

Отец Ануфрий. Я вернулся к столу и прокрутил список. В самом конце нашёл отца Ануфрия и от радости прихлопнул ладонью по столешнице: «Я так и знал!» — мысленно воскликнул, когда напротив его имени прочитал: средний вибрационный уровень выше 220 Гц, фактический уровень измерить не удалось.

Ай да отец Ануфрий! А с виду кто бы мог подумать, что у этого старца — маленького, худого, с длинной почти до пояса серебристо-седой бородой, сросшейся с усами; сгорбленного под тяжестью лет, а может быть, и под грузом грехов, которые добровольно принимал на себя, исповедуя прихожан и монахов; вечно спешащего к кому-то на помощь, опираясь большими натруженными руками на маленький посох, скорее похожий на клюку, — у этого щуплого человечка и такая чистая, высокая энергия души! Хотя Разве нужен прибор, чтобы понять это? Не достаточно ли просто заглянуть в его лучистые, добрые, как у ребёнка, сочувствующие глаза, чтобы у каждого потеплело на душе, словно от взгляда очень близкого, родного человека? Не довольно ли лёгкого прикосновения его руки, чтобы ощутить дружеское тепло, прилив сил, льющийся в самую душу?

Что там я или Георгий. Я облегчённо вздохнул: может быть, вот она — Истина? Это даже больше, чем вера. Можно ли это понять и передать словами? Все слова будут слабы Отец Ануфрий — сама духовная энергия, само чистое сознание и осознание себя неразрывной частью божественной со-зидательной энергии, слияние с нею в сотрудничестве и выплёскивание её деятельной безграничной любовью ко всему сущему. И не важно, где живёт и чем занимается такой человек, главное — состояние его души, его вера, его помыслы и дела.

Я вздохнул и глянул в небо. Оно посинело, напившись теплом уходящего дня, словно глубокий взгляд старца. Всё же монастырь, как святое место, куда приходят люди для духовной работы, возможно, и есть самое подходящее для этого место

Главное — правильно понять, что значит эта духовная работа. Отец Ануфрий понял, а нам только предстоит. Но мы поймём. Должны понять.

«Мне нужно обязательно посоветоваться с ним. Обязательно. Его сердце всегда подскажет, правильно ли я поступаю», — решил я и набрал его.

«Не поздно ли?» — мелькнула мысль, и я хотел уже сбросить вызов, но услышал знакомый мягкий голос:

— Слушаю вас.

— Добрый вечер, отец Ануфрий, я не поздно? Вы уже отдыхаете?

— Нет, Олаф. Как раз с вечерни. Ты что-то хотел?

Я смутился. Совсем одичал в обсерватории, вылетело из головы, что монахи молятся каждый день по особому расписанию.

«Ладно, позднее уточню», — решил я и поспешно сказал.

— Отец Ануфрий, если у вас будет время, нам бы встретиться, поговорить. Георгий прислал результаты тестирования духовной энергии братии. Если у вас будет время. Мне бы посоветоваться. Обсудить новые назначения.

Отец Ануфрий помолчал.

«Неужели откажет?» — удивился я.

— Хорошо, Олаф. Когда ты хочешь прийти?

— Может быть, завтра? Утром. Часов в десять?

— Хорошо. Я буду ждать тебя у себя в келье. Только не в десять, а пораньше. До половины восьмого у нас богослужение, а к десяти меня будут ждать в верхнем поселении на исповедь болезной Ольги. Вот если часов в восемь?

— Спасибо, отец Ануфрий! Я тогда загляну к вам в восемь утра. Я вас надолго не задержу.

— Хорошо, Олаф, приходи, — он помолчал и добавил: — Ты пока в монастыре планируешь посещать богослужения? Или будешь занят аттестацией?

Я задумался. Надо бы. Но только не завтра.

— Планирую, отец Ануфрий. Только не завтра. Завтра мне нужно всё подготовить для аттестации и назначений, чтобы принять решение.

— Вот и славно! Тогда до завтра. Благослови тебя Господь, Олаф.

— Благодарствую. Благослови вас Господь, отец Ануфрий.

Я отсоединился. Сейчас начало восьмого. Отлично, у меня есть время, чтобы прикинуть, кто будет занимать монастырские должности. Может быть, даже успею переговорить с каждым. Летом отход ко сну, вроде бы, в одиннадцать. Успею.

Так. Сначала надо определиться с членами собора. Это должны быть монахи с энергией хотя бы свыше 100 Гц.

В дверь тихо постучали, и в приоткрывшуюся щель просунулась встрёпанная голова Егория.

— А вот и я, — улыбаясь во весь рот, сказал он.

— Наконец-то, Егорий! Ты где ходишь? Вечер уже.

— А что? Сами велели сначала Люсеньку отвести, а потом к Титу, — сказал он, заходя в комнату.

— И как? Всё сделал?

— А то! Правда, Люсенька мне с собой надавала, насилиу допёр. Зато теперь можно в столовку не ходить. На неделю домашнего хватит. А ежели что, тут сгонять пять минут.

Я кивнул.

— А как Тит тебя встретил?

— Да, — махнул парень рукой.

— Что так? Чем занимались сегодня? Доволен практикой?

Егорий пожал плечами.

— Нормально. Прививки коровам делали. В верхнем и в нижнем. Потому и долго. А вообще ваш Тит ничего не соображает.

— Егорий!

— А что? Не так что ли? Учит меня, что от бешенства надо каждый год делать. Это в наше-то время

Егорий принялся с азартом что-то рассказывать, но я его уже не слушал. Взгляд случайно выхватил из списка Спиридона, древнего старца с трясущейся головой в минуты волнения, бессменного хранителя нашей монастырской библиотеки. Помнится, ещё в прошлом году он должен был взять себе ученика. А энергия-то у него выше 150 Гц! Ну, ничего себе! Выше моей! А ведь он меня терпеть не может. Как так? Получается, что энергия человека не зависит от его личных симпатий или антипатий к кому-то. Я-то думал Выходит, что энергия души — это что-то более цельное, глубинное. Может быть, это и есть стержень личности? Спиридона надо оставлять в соборе и в должности, хотя он и мой противник. А может быть, я просто думаю, что он противник? Всё это ерунда, главное, помыслы у него чистые. Всё остальное — мелочи.

— Брат Олаф! — до меня дошло, что Егорий уже несколько раз позвал меня.

— А? Прости, брат, задумался.

Он обиженно засопел.

— Сами спрашиваете, а самим же и не интересно. Чего спрашивать тогда?

— Что ты, очень интересно. Просто понимаешь, тут всё навалилось: и собор, и аттестация, праздник вон скоро.

— Да! Мы, когда с полей-то шли, специально с Титом крут сделали. Школу уже всю гирляндами разукрасили, и заводик стоит. Красивый такой. Будто из стекла. Так и играет на солнце. Как наша обсерватория, тока поменьше, конечно, будет. А народу вокруг него — тьма. Мы хотели было поближе подойти. Глянуть. Да чё там! Разве в толпе разглядишь?

Я кивнул:

— Ты, наверное, проголодался?

— Не особо. Мы зашли с Титом в трактир перекусить.

— Почему в трактир? — поразился я. — Что монастырской столовой в гостевом домике мало? Да и дома еды полно. Сам говорил, Люсенька всего прислала.

Егорий смущённо почесал затылок.

— Так-то оно так. Только Тит сказал: первый рабочий день у нас вместе, он угощает.

— Что? — разозлился я. — Ты что, пил?

Он попятился и закрестился:

— Что вы, что вы! Какое пил! Только сладкую воду. Да там и вина-то теперь не продают. Тит обедом угостил.

— А откуда знаешь, что раньше продавали? — прищурился я на него. — Ты у нас, оказывается, пьяница.

Егорий покраснел и надул губы.

— Скажете тоже, брат Олаф, — обиженно пробормотал он и отвернулся от меня. — Когда я пил-то? Просто раньше боялся на глаза к Фивию казаться. Вот редко и ходил в столовку. Уж больно невзлюбил он меня. Всё время гонял да шпынял. Вот и ходил покушать в трактир. Видел, а чтоб сам ни-ни! И когда это было-то? Ещё до службы у вас.

Я подошёл к нему и попытался заглянуть в лицо, но он отворачивался. Обиделся.

— Ладно, брат Егорий, прости. А пойдём-ка мы с тобой чего перекусим?

— Можно, — буркнул и глянул на меня повеселевшими глазами: — Будете щи со сметаной? Наваристые! Такие ароматные, всю дорогу пахли так, аж слюнки текли. А ещё Люсенька говорила, что на другой и даже на третий день они ещё вкуснее будут.

— Да что ты? — улыбнулся я. — Буду.

— Тогда погодьте чуток. Разогреть надо. Я быстро. Кликну вас тогда.

— Давай.

Егорий выскочил за дверь, а я сел за стол и постарался сосредоточиться.

Так. Спиридона оставляем. Кто тут у нас: я быстро просматривал группу общинников с наивысшим показателем энергетики. Ого! А тут немало моих идейных противников. Всё больше убеждаюсь, что, возможно, и нет у меня никаких идейных противников. Если только Фивий. Этот — да. А

остальные лишь поверили ему. Всё от недопонимания друг друга. Взять хотя бы Свирида — заведующего иконописной мастерской или Иона, регента нашего монастырского хора. У обоих от 140 Гц! Даже у заведующего школой Кирилла и завуча Ефросиния ниже — по 130. Хотя это и понятно. И Свирид, и Ион посвятили себя творчеству. И получается у них отменно. Видел я картины Свирида на стенах соборного зала монастыря, поразительного таланта человек. Я уже не говорю о нашем хоре, всю душу переворачивает Их тоже оставляем.

Я побарабанил пальцами по столу. Фактически надо искать замену только тем, кто демонстративно пошёл против изменений в общине — не подключил браслеты: Фивию, Сидору — управляющему поселениями, Тихону — эконому, Хрону — смотрителю склепов. О! Ещё и Титу! Я откинулся на спинку стула. Надо же! У Тита духовная энергия всего 50 Гц. Очень странно. Человек лечит животных, значит, любит их, посвятил себя любимому делу. Да? Или? Закралось сомнение.

Ну и кем их заменить? Что они больше не будут членами монастырского собора, однозначно. Но должности? А что должности? Я должен отстранить от дел тех, кто может негативно повлиять на общину. А это Фивий, эконом Тихон и Сидор. Хрон и Тит никак навредить не смогут. Первый ухаживает за монастырскими гробами, второй — за живностью. Тем более что у Тита теперь есть помощник — Егорий. У

него опыта и знаний меньше, и духовность Какая, кстати? Я нашёл в списке Егория — 100 Гц! Однако.

И это, по уверению Фивия, великий грешник, которого и близко нельзя подпускать к монастырю. И если бы не отец Ануфрий. Как всё-таки старец чувствует людей. Никаких браслетов ему не надо.

Это очень кстати, что у Егория такая духовная энергия. Будет отличная смена Титу, если тот так и не сможет поднаться. Надо его тоже отправить учиться. А Егорий пусть пока набирается опыта.

Так. Очень хорошо. Полдела сделано. Теперь нужно найти замену Фивию, Тихону и Сидору. Тут главное: кто станет наместником вместо заместителя Фивия? Моей правой рукой? Это очень важно. Возможно, именно это и решит исход нашего дела.

Я снова и снова просматривал список монахов с высокими показателями энергии: внимательно читал биографии, характеристики, рассматривал лица

И вдруг увидел в последней группе монахов показатель в 160 Гц! Ничего себе! Кто это? Я развернул информацию о монахе и прочитал: монах Борислав, в миру — Бурцев Борис Геннадьевич, 2274 года рождения («двадцать пять лет», — прикинул я), в монастыре с апреля 2297 года.

Два года в общине. Какой молодой! Что у него случилось, почему ушёл в монастырь? Где-то должна быть фотография. Я пролистнул страницу и посмотрел на серьёзное молодое

лицо монаха. Припомнилось что-то знакомое. И я вдруг чётко вспомнил: маленькая и тёмная келья, освещаемая лампадой, горевшей в углу под иконой. На столе мерцает свеча. Её слабый свет едва освещает книгу, над которой склонился монах. Лицо его спокойно и торжественно. Губы шевелятся, он читает вслух и время от времени осеняет себя крестным знамением. Вот он поднимает от книги лицо... И опять, как тогда, я вздрогнул. Даже сейчас мысленно я увидел, как глаза его сияли, словно в них отражались звёзды. Тогда он так хорошо улыбнулся, что, вспомнив об этом теперь, у меня опять потеплело на душе. Да точно, это был тот самый монах.

Это про него даже Фивий сказал: «Не было бы святых людей, порушился бы мир давно», — правда, нахмурившись, добавил: — «Но мало их, таких людей-то, очень мало».

Не случайно у него такая духовная энергия!

«Нашёл!» — мелькнула мысль. Но он очень молод для того, чтобы занять должность и войти в собор. Хотя Молодому парню будет несложно освоить компьютерную экономическую программу. Надо посоветоваться с отцом Ануфрием и назначить его на должность казначея. Не обязательно пока включать в собор. Пусть Тихона заменит.

Остаётся Сидор. Тут сложно. Нужен человек, которому бы доверяли поселенцы. Вон из-за Сидора нам пришлось отложить введение обновлённого устава, как против него взбунтовались поселенцы. До драки дошло между Сидором и ними. Не может сегодня человек принять глупые, ничем

не обоснованные приказы, от кого бы они ни исходили. Прошло то время. Так. Если раньше я ещё терпел этого Сидора, теперь всё. С этим покончено.

А кто заменит его?

Я листал список общинников, у которых энергия от 120 Гц и выше, и вдруг взгляд упал на фотографию пятидесятилетнего мужчины. Рослый, похожий на медведя. С крупной лохматой головой, бородой-лопатой, широким, испещрённым продольными морщинами лбом. Лицо обезображено: шрам рассекал лоб и всю левую сторону, стянул в прищуре серо-зелёный глаз и ушёл ниже на подбородок. Я улыбнулся: Герасим и не верил своим глазам — энергия 150 Гц! Надо же. Простой человеческий мужик. Перебрался в поселение ради жены, тут у них родился сын, Митря. Тут и остался после того, как медведь задрал его жену, а он убил того медведя. Вон как тот его изуродовал. Так и живут вдвоём с сынишкой. Но удивительно то, что этот бесхитростный и прямой человек, не особо воцерквлённый, и с такой духовной энергией!

Я прекрасно помню тогда, в первое моё монастырское лето на покосе, его спор с сынишкой. Митря упрекал отца, что тот ничего не понимает, потому что в храм монастырский редко ходит.

А Герасим тогда улыбнулся:

— Что мне там время-то терять? У меня своя молитва, — и обвёл рукой вокруг себя, — вот моя молитва, делом дела-

ется. А что толку в словах-то? Живи правильно, по-божески. Вот и будет тебе лучшая молитва А помолиться можно и дома. И икона у меня есть хорошая, мне её сам отец Окимий вручил, когда жена померла. Матушка-Богородица. Я и лампадку перед ней по праздникам зажигаю. Душой ведь к Богу в любом месте можно обратиться, — и, помолчав, добавил, — лишь бы душа чуткая была.

Вот и получается, что так оно и есть. О том и его духовная энергия свидетельствует. Удивительно

Кстати! Он фактически и занимается тем, чем должен заниматься Сидор: он и управляет верхним поселением как староста, он же и механик всей общины. Это он вместе с Емельяном — старостой нижнего — пришёл ко мне с петицией от всех поселенцев. Именно ему люди доверились, когда взбунтовались против нововведений.

Герасим! Я хлопнул по столу. Точно! Вот кто заменит Сидора. Лучше и желать нечего. А если в монастыре будут против того, чтобы не просто назначить на должность управляющего поселениями, но и включить в члены монастырского собора? Он ведь не монах, поселенец.

И что? Разве это не то, о чём мы мечтаем: объединить поселенцев и монахов в единую духовную общину? Для чего и изменяем Устав? Вот очень удобный для этого случай. Хотим создать единую духовную общину, значит, и управлять ею должен объединённый орган достойных общинников из монахов и поселенцев. Решено! Не думаю, что Герасим будет

против. Тем более ничего нового должность ему не принесёт: так же будет управлять верхним, решать общие вопросы с Емельяном и останется механиком. Только в собор войдёт. Он, конечно, будет отнекиваться. Знаю, как не любит он должности. Но ради улучшения жизни поселенцев может и согласиться. Он человек очень ответственный. Уговорю.

На запястье запищал сигнал вызова. Егорий.

— Да, Егорий?

— Идите уже. Всё готово. Пока горячее.

— Спасибо. Иду.

Я встал и с радостным чувством исполненного долга потянулся. Всё. Завтра обсужу с отцом Ануфрием и переговорю с людьми. Или сегодня? Нет. Завтра. Сначала надо всё-таки обсудить со старцем. И может быть, у нас всё получится!

На следующий день я пошёл к отцу Ануфрию. Было около восьми утра, когда я пересекал Соборную площадь, направляясь к одноэтажному деревянному зданию общежития монастыря. Там и была келья старца. Вокруг ни души. Утренняя служба закончилась, и мне показалось, что опустевший храм укоризненно смотрит на меня погасшими куполами. По спине пробежал холодок. «Не накручивай себя. Слишком много ставишь на этот разговор, вот и волнуешься, — постарался я справиться с беспокойством, но оно не отпускало: — А вдруг не поддержит?»

Я зябко поёжился: ещё и ветер разгулялся. Глянул на небо. Похоже, солнце решило сделать перерыв в своём еже-

дневном обходе. Вот купола и кажутся погасшими. Никакой мистики. Но свято место пусто не бывает: и безнадзорные облака, подгоняемые заводилой-ветром, уже набежали, устроили развесёлую кутерьму. «Хорошо, что ещё не описались от радости», — мелькнувшая дурацкая ассоциация, развеселив, взбодрила меня.

«Ничего! Даже старец не сможет ничего за меня сделать. Последнее слово будет за мной. Надо быть твёрдым. Посоветоваться? Да. Принять совет? А это как будет лучше для дела. Успокойся и не психуй», — приказал я себе и решительно направился к общежитию, которое заняло почти всю северную сторону монастыря у самой горы.

Открыв дверь в келейный дом, я попал в длинный и узкий коридор. Два небольших оконца в его концах да редкие горящие свечи в простенках между десятками одинаковых дверей, на каждой из которых под изображением распятия была табличка с именем монаха, его едва освещали. Тихо. Я шёл и слышал, как потрескивали горевшие свечи, а звук шагов был таким громким, что я удивлялся, как ещё никто не выглянул посмотреть на нарушителя покоя, и невольно старался ступать тише. Келья отца Ануфрия была в самом конце. Я остановился перед ней перевести дух. Нет. Я не сомневался и знал, что я скажу старцу. Но примет ли он моё предложение? Вот что сейчас было главным. «Примет! Постараюсь убедить», — я решился и трижды вслух произнёс молитву на разрешение на вход в келью:

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

Из-за двери донеслось:

— Аминь.

Я нагнул голову, чтобы не стукнуться о притолоку, и вошёл. Выпрямился и остолбенел.

Нет. Келья была такой же, какой я видел её и раньше, когда приходил посоветоваться со старцем. Всё та же маленькая комнатка, где вдоль стены едва помещалась узкая деревянная кровать, аккуратно застланная серым шерстяным одеялом. У её изголовья — прикроватная тумбочка. На ней стеклянный графин с водой, горлышко которого закрыто перевёрнутым стаканом. На противоположной стене — полки с книгами. Небольшая икона в простенке между большим окном, из которого был виден храм, и стеной с книгами. Под окном — стол и стулья.

Но поразила меня не обстановка кельи старца, которую я очень хорошо знал, а то, что напротив отца Ануфрия сидел Фивий! При моём появлении он встал и склонил голову в приветствии, и снова сел.

— Здравствуй, Олаф. Проходи, садись, — сказал старец и указал на свободный стул, стоящий рядом с ними.

Я отмер.

— Здравствуйте, — сделал общий полупоклон, прошёл и сел.

Из головы всё выскочило, и я не знал, с чего начать разго-

вор. Да и как можно сейчас что-то обсуждать? При Фивии! Старец смеётся надо мной.

— Прости, Олаф, что не предупредил тебя. Однако Фивий тоже хотел посоветоваться о нашем деле. Да и мне надо с вами кое-что обсудить. Вот я и решил, что будет во благо, если мы соберёмся вместе. Как считаешь?

Я пожал плечами:

— Если вы, отец Ануфрий, считаете, что так будет лучше, то я готов.

— Вот и ладненько, — улыбнулся старец, и лучики морщин разбежались от его чистых глаз к вискам и по щекам, делая его лицо бесконечно добрым и доверчивым.

У меня потеплело на душе: «А собственно, почему нет? Возможно, это даже к лучшему. Сейчас расставить все точки».

— Так что ты хотел нам поведать? Решение принял?

— Да, отец Ануфрий, — кивнул я.

Он молча, вопросительно смотрел на меня.

Я глянул на Фивия. Тот сидел, выпрямившись и вцепившись руками в посох, который держал перед собой. И не сводил с меня глаз.

— Если позволите, я с главного. С назначения наместника, — сказал и заметил, как вздрогнул Фивий. — Теперь, после внесения последних изменений в обновлённый текст Устава общины, у нас, наконец, появится эта должность. Должность моего зама будет автоматически исключена.

Я краем глаза покосился на Фивия, чтобы увидеть его реакцию. Но, похоже, он уже взял себя в руки и спокойно слушал меня.

— Надеюсь, вы понимаете, сколь необходимо для общины, чтобы наместником стал человек всеми уважаемый. Это не просто моя правая рука как настоятеля. Фактически этот человек с моего благословения будет наделён неограниченным правом направлять общинную жизнь, как духовную, так и хозяйственную. За мной же остаётся только наблюдение за обителью, а потому я полностью посвящу себя работе в обсерватории. Все дела общинные будет вести наместник. А потому это должен быть безупречно духовный человек. И не только многолетней святой жизнью в монастыре, но и, если так можно выразиться, объективно: энергия его сердца должна показывать исключительную духовность.

Я перевёл взгляд с Фивия на отца Ануфрия. Тот внимательно слушал меня, наклонив голову к плечу.

— Я знаю только одного такого человека в нашей общине — это вы, отец Ануфрий.

Старец выпрямился и удивлённо округлил глаза. Потом глянул на резко побледневшего Фивия и тихо произнёс:

— Ты серьёзно, Олаф?

— Очень серьёзно. Да что я. Я только констатирую факт, который всем хорошо известен. Никто из нашей общины не назовёт другого, кто был бы достойнее. И духовная энергия у вас так высока, что недостижима для любого из нас. Кому

же, как не вам? Не правда ли, брат Фивий?

Тот растерянно переводил взгляд с меня на старца. Лицо его то покрывалось красными пятнами, то вдруг бледнело так, что под глазами резко очерчивались тёмные круги.

— Я? Отчего же Нет. То есть да. Я, безусловно, поддерживаю кандидатуру отца Ануфрия. Кто ж станет возражать?

— Вот и замечательно, — довольно сказал я.

— Я стану возражать, — отец Ануфрий строго откинулся на спинку стула. — Я — духовник. Люди верят мне, идут ко мне как к духовнику. И я не могу порушить их надежды, отказать в помощи. Это исключено.

— Что вы, что вы, отец Ануфрий! Об этом и речи не идёт. Вы как были духовником нашей общины, так им и будете. Никто вас тут не заменит. Однако разве можете отказать в помощи и не взять на себя заботу об общине? Вы же фактически и являетесь её бессменным духовным лидером. Пора уже называть вещи своими именами.

Старец задумчиво пожевал губами.

— Хорошо. Если не вы, то кто? Фивий, конечно, пользуется авторитетом, но он не пошёл вместе с общиной. Сам отстранился от людей. Спрятался. Не захотел открыть им своё сердце. Разве одобряют люди его назначение, когда даже сам брат Климентий провозгласил с амвона, что надо подумать, по дороге ли нам с теми, кто скрывает от братии свои истинные помыслы и не доверяет им? Разве не так?

Я в упор глянул на Фивия. Тот молчал.

— Так. Но я уже стар. Становлюсь немощным. Мне в силу возраста уже трудно будет. И духовник. И наместник.

— Об этом не беспокойтесь! Вы можете взять себе помощников, сколько пожелаете! Кстати! Аттестация открыла совершенно уникальную личность. Это молодой монах, ему только двадцать пять лет, но в монастыре он же третий год. И главное! Духовная энергия у него значительно больше, чем у абсолютного большинства монахов!

— Это кто же такой? — улыбаясь, спросил старец.

— Монах Борислав, в миру — Бурцев Борис Геннадьевич, в монастыре с апреля 2297 года.

Я бросил взгляд на Фивия. Тот с усмешкой посмотрел на меня. Вспомнил

— Конечно, он ещё очень молод, чтобы быть членом собора, но, как говорится, нет худа без добра. Такому молодому человеку не составит труда освоить экономическую программную систему общины. Думаю, что он вполне справится с должностью нашего эконома. А в его честности, если судить по духовной энергии, сомневаться не приходится.

Фивий крякнул.

— И потом эта должность не займёт у него много времени, тем более что потребует только контроля за работой искусственного интеллекта, которому вполне можно поручить все экономические задачи и расчёты. У нас есть промт-инженер — Иван, поселенец нижней общины, который на «ты» с ИИ. Думаю, на первых порах он поможет Бориславу.

Старец задумчиво кивал.

— И потом, он парень здоровый, активный. Вот вам отличный личный помощник!

— Ты с ним уже говорили?

— Нет, отец Ануфрий. Последнее слово за вами. Но, если честно, я иного и представить не могу.

— Хорошо. Посмотрим. Посмотрим. К слову. У меня уже неделю лежит вызов из клиники Элизиума. Приглашают лечить второй глаз. Я теперь и не знаю, ехать ли

— Как! — почти в один голос с Фивием воскликнули мы.

— Конечно, поезжайте, отец Ануфрий, разве можно здоровье без внимания оставлять?

— Обязательно надо ехать, — поддержал я.

— Ну, поглядим, поглядим. А пока давайте обсудим другие наши вопросы.

— Собственно, об исключении из членов собора и снятии с должностей я ничего нового не скажу. Только то, что сказал на соборе: те, кто не захотел открыть своё сердце братии, не могут быть ни в соборе, ни оставаться в должностях монастыря.

Я вызывающе посмотрел на Фивия. Тот не отвёл глаз, но ничего не сказал и был внешне спокоен. Лицо его словно застыло. Я выждал паузу. Реакции не было, и я продолжал, поворачиваясь к старцу. Помимо тех, о ком я сказал, единственный, кого я хочу вывести из членов собора, — Тит. У него на удивление маленькая духовная энергия — всего 50

Гц.

Отец Ануфрий неодобрительно покачал головой, и я поспешил перед ним оправдаться:

— Но он хороший специалист в своём деле. Не думаю, что нужно снимать его с должности.

Отец Ануфрий улыбнулся краешками губ, и я облегчённо вздохнул.

— Вы знаете, отец Ануфрий, брат Егорий у нас по образованию ветеринар. Я был очень удивлён, когда увидел его духовную энергию — 100 Гц. Это в два раза больше, чем у Тита! Вот и преемник. Как считаете?

Фивий недовольно заворочался. Отец Ануфрий глянул на него.

— Рад это слышать, Олаф. Егорий — чистая душа, но неопытная. Будет хорошо, если он поучится под началом Тита.

— Теперь что? Прикажете этого послушника в собор брать? — не выдержал Фивий.

— Зачем? Пусть пока поучится делу, — ответил я.

Он поджал губы, а отец Ануфрий спросил:

— Есть ли ещё какие изменения?

— Да. Брат Сидор также исключён из членов собора и лишён должности. Я не могу его аттестовать, потому что не вижу его духовную энергию.

— И кого хочешь назначить на его место?

У меня сжалось в груди: «Что сейчас будет? Ничего не

будет! Возьми себя в руки. Чего боишься?» — подумал я и так твёрдо, что вздрогнул сам, сказал:

— Я решил назначить управляющим старостами в нашей общине исключительно знающего человека. Он прожил здесь большую часть своей жизни. Его уважают и к нему прислушиваются не только поселенцы, но и монахи.

Старец и Фивий замерли в ожидании.

— Герасима, — выдохнул я, наконец.

Старец, улыбаясь, откинулся на спинку стула. Фивий опешил так, что даже рот приоткрыл.

Наверное, целую минуту было тихо. Но вот отец Ануфрий покашлял и сказал:

— Твоя правда, Олаф. Герасим — достойный брат.

— Какой брат?! — взвился Фивий. — Он же поселенец. Как можно не монаха назначать членом монастырского собора! Это что же такое происходит, отец Ануфрий! — вдруг по-бабьи заголосил он.

Я испугался, что отец Ануфрий по доброте душевной встанет на его сторону.

— Что ты, что ты, Фивий! Господь с тобой. Успокойся, родимый, — сострадательно проговорил старец. — Что ты так взбеленился-то? Давай спокойно прикинем, что нам лучше для общины. Сам рассуди: Герасим и так фактически управляет поселенцами. Чуть что, Емельян с нижнего-то к кому бежит посоветоваться? К Герасиму. Что плохого в том, что в соборе будет человек из мирян? Через него только укрепит-

ся духовная связь поселенцев с монастырём. Разве не в этом соль того, что мы хотим сделать?

— Полностью с вами согласен, отец Ануфрий, — встрял я, — разве не главная наша задача — распространить духовность святого места монастыря как можно дальше в мир. Ради этого всё и делаем. Странно, что Фивий против.

— Я не против, — насупился тот. — Просто — он встал: — Разве вы не видите, отец родной, как рушатся вековые устои монастыря. Как вы можете быть за какие-то эксперименты в святом, намоленном веками месте! Так и вера наша истинная, изначальная порушится! С чем останемся? С экспериментами непонятными? — голос его дрожал, и самого била дрожь.

Отец Ануфрий поднялся, подошёл и обнял его. Фивий наклонил голову и уткнулся лбом ему в плечо. И я с удивлением увидел, как подрагивали его плечи.

Отец Ануфрий строго глянул на меня и указал на дверь. Я кивнул.

— Я потом свяжусь с вами, отец Ануфрий, — прошептал я.

Тот согласно прикрыл глаза, и я вышел.

Не помню, как я оказался в своих покоях. Я был просто ошарашен. Так что получается? Фивий так печётся о вере, а не о своей должности? Я совершенно ничего не понимал и бесцельно кругами ходил по комнате, пытаюсь успокоиться.

А на другой день пришло решение от отца Ануфрия: он

согласился принять должность наместника монастыря, да и против других назначений не возражал. Почитав, я облегчённо вздохнул и почувствовал, как отпускает стальной обруч, сжимавший грудь последние дни. Дело, ради которого я здесь, наконец, сдвинулось с мёртвой точки.

Однако, как я продолжал читать, у отца Ануфрия было условие. И этим условием был Фивий. Мысль о том, что мой бывший заместитель станет при старце его правой рукой, как сообщил старец — ответственным за организацию и проведение всех церковных служб, поначалу неприятно царапнула душу.

Зачем ему это? Хотя понятно. Он, добрая душа, всех хочет обласкать и пригреть. Может, надеется переубедить Фивия? Вот уж во что никогда не поверю. Хотя Собственно, почему нет? Уж о том, что Фивий — воцерквлённый человек, ратующий за строгое исполнение религиозных канонов, спорить не приходится. Пусть будет. А как любил говорить отец Ануфрий: «Молитва ещё никому не помешала, наоборот — первая помощница в любом деле».

Я дал добро. И нами было принято решение огласить вступление в силу обновлённого Устава в день праздника: сначала перед монахами после утреннего чтения, а затем на Соборной площади — поселенцам, перед началом праздника. Мне остаётся только переговорить с вновь назначенными. Но в то, что всё будет хорошо, я уже не сомневался.

Глава 15 Молитва

слова и молитва дела

Не спалось. Я лежал на кровати отца Окимия в его покоях в монастыре и смотрел в окно, распаханное настежь из-за духоты. За ним чёрной кошкой бесшумно кралась ночь. Но вот молодая луна узким своим серпом проделала щель в облаках и выглянула, осматриваясь. Осторожно коснулась купола храма и радостно задрожала, отчего пелена вокруг неё покрылась сияющей рябью и разбежалась лёгкими барашками. И уже вся луна, оставив на небе свой мерцающий оттиск, словно ревностно отмечая место, которое никому не позволено занять, прыгнула в золотое озеро и утонула в нём, наполняя купол лучезарностью. А она весело выпрыгнула и, жадная до радости жизни, рассыпалась множеством маленьких лун, нырнула в золото второго купола, третьего, заплясала по крышам домов, по стёклам, по листьям, по траве

И монастырь осветился.

А небо тихо смотрело на бесшабашное веселье этого маленького творения. И только на востоке чуть тронулось светлой и немного грустной улыбкой, обещавшей скорое окончание игры юной озорницы.

Я вздохнул и сел. Опять не спал. Уже какую ночь не могу заснуть. Осталось два дня до праздника, а я ещё не принял

решение. И как я могу его принять, когда не понимаю самого главного!

Да. Всё обговорено. Обновлённый устав, утверждённый почти год назад и приостановленный из-за неподготовленности к нему общины, начнёт действовать снова. И в праздничный день я об этом провозглашу. Это замечательно. Просто замечательно.

Но есть огромное «НО», которое не даёт мне уснуть: я должен быть абсолютно уверен, что он не останется лишь буквами в документе. И уж тем более опять не станет причиной раздора в нашей обители, как в прошлый раз .

А я не уверен. Не уверен! Да и как могу быть уверенным, когда вижу, что в монастыре нет той духовности, на которую возлагал столько надежд. Даже убедил Георгия, что именно монастырь — то место, откуда пойдёт возрождение.

Ну и где? Где эта духовность? Я вновь и вновь просматривал показатели энергии общины. И тоска безысходности охватывала меня.

Я встал, накинул рясу и пошёл в Соборный зал к энерго-стенду.

Было ещё темно, и пришлось взять свечу, но она слабо освещала длинный, узкий коридор. Я шёл и чувствовал себя в иной реальности. Было так тихо, что едва уловимый скрип деревянных половиц казался оглушительным. Вспугнутые пламенем свечи, по левой, глухой стене коридора метались неясные тени и прятались в тёмных его концах. И

только сквозь узкие высокие окна, прорубленные на противоположной стене, лился серый свет близкого утра. Даже игра луны сюда не доставала.

Вот и массивная дубовая дверь. Вдоль стен справа и слева от неё стояли простые деревянные скамьи. Для посетителей. Я поднёс свечку к двери и увидел табличку: в рамочке на чёрном фоне золотыми буквами было написано: «Соборный зал Богоявленского уральского монастыря. Приём настоятеля по четвергам с 15:00 до 18:00 строго по записи».

«Не забыть. Фивий уже меня не заменит», — кольнула неприятная мысль. А следом за ней мелькнула другая: — «Может, отец Ануфрий? Что это я! Конечно, старец. Он же теперь наместник. Надо табличку заменить. Или должен? Ладно. Потом решим. Хм. Второй день хожу и не обращаю внимания, а тут на тебе, озадачился. Нашёл время», — отмахнулся от ненужных сейчас мыслей и толкнул дверь.

На стене, напротив входа, Христос в окружении своих учеников Петра, Иакова и Иоанна. Даже сейчас, в полумраке, Он сам и пространство вокруг Него светились хоть неярким, но каким-то загадочным, едва уловимым ореолом, в котором чётко выделялись не только силуэты людей, но и ощущалась таинственная сила центральной фигуры.

Я огляделся. Хотел было зажечь канделябры, расставленные по углам зала, но передумал. Скоро появится солнце.

И пошёл к энергостенду.

Он стоял на месте куба-проектора в центре зала, опираясь

металлической львиной лапой своей на постамент высотой в метр. Я приложил браслет к экрану и в открывшемся окне набрал комбинацию цифр.

По дисплею пробежала серебристая волна, и я увидел зелёную сплошную линию, пересекающую горизонтально центр экрана в точке, равной единице на оси ординат — эталонный показатель. Около неё зубчиками короны заплясала серая линия, регистрирующая духовность нашей общины.

Я наклонился к прибору и настроил отображение географии энергии. И тут же на стенде появилась карта нашей местности. Серая линия сдвинулась под неё и там продолжала свой танец. А на правой стороне экрана появился график с разбивкой энергии по зонам, от высших к низшим. Под ним высветились два параметра — точки максимального и минимального значения энергии. Я ввёл данные максимального значения, и карта общины приблизилась, детализируясь. На ней ярко загорелась одинокая белая точка. Увеличив обзор, увидел место этой энергии — наш центральный храм.

Какой день я сижу и смотрю на эту точку. И ничего не могу понять. Вот же источник высокой духовной энергии! Я глядел на силуэты монахов, которые шли в храм на утренние чтения, и ясно видел, как эта точка загоралась всё ярче и ярче.

Я уже знал, что самого пика духовная энергия общины достигнет во время литургии. И тогда она вырвется из храма и затопит соборную площадь, а потом зальёт и монастырь,

и нижнее поселение. Объединённое духовное устремление людей озарит всё вокруг, словно сама Земля распахнёт объятия небу, возносясь в его божественную глубину.

Час, другой — и всё. Всё! Всё пропадёт.

Да. И сегодня так же произошло, как и вчера, и позавчера

Но почему? Не могу понять, почему люди, покидая храм, утрачивают эту силу? Почему они не сохраняют её в своих сердцах? Почему? Заглушают заботы и обыденность жизни? Но разве возможно такой мощный всплеск устремлённости чем-то подавить? Почему? Похоже, можно. Нет у нас душевных сил, чтобы долго выдержать такую мощь.

Я безнадёжно откинулся на спинку кресла. Скоро оглашение обновлённого устава, но я не уверен

Надо поговорить с Георгием. Я набрал его на браслете.

— Пиет, доогой! Ща.

— Привет, Георгий, ты завтракаешь? Извини.

На секунду пропали все звуки. «Рукой прикрыл, чтобы прожевать», — невольно улыбнулся я.

— Привет! Как ты там, дорогой? Совсем нас с Люсенькой забыл.

— Да как сказать. Как раз поговорить с тобой хотел. По-советоваться надо. Ладно. Я попозже тогда. Или сам со мной свяжись, когда будешь свободен?

— О чём ты говоришь! Я в лабораторию. Через минуту тебя наберу.

— Ладно. Привет Люсеньке.

Я сжал виски. Надо сосредоточиться, что-то придумать. Понять. Ну, хорошо. Ещё раз. Я твёрдо уверен, что духовность держится на трёх корнях жизни, на трёх стержнях — на знании, устремлении и сотрудничестве. И разве рост духовности в храме во время молитвы не подтверждает это? Люди с детства знают слова молитв, их души и помыслы не только устремлены к Всевышнему, но и сливаются в едином потоке. Но почему там, в храме? Если бы я знал, как перенести это триединство духа людей в мир! Вот где оно пропадает почти бесследно. Но почему? Люди не грешат, а живут обычной жизнью. Значит, этого недостаточно. Нет сегодня в монастыре иного единого духовного корня. Нет!

И что делать?

Сигнал вызова заставил вздрогнуть. Совсем забыл.

— Да, Георгий.

— Ну что случилось, дорогой? Что у тебя с голосом? Не заболел?

— Нет, со мной всё нормально. Скажи, ты наблюдаешь за энергией общины?

— Спрашиваешь, дорогой!

— Тогда ты заметил, что максимальная духовность проявляется в храме во время литургии.

— Да. И она резко снижается после её окончания. Понял тебя, дорогой.

— Но почему? Скажи. Почему она так резко падает? Мы можем определить, что на это влияет?

Георгий молчал.

— Ты здесь?

— Конечно, здесь, дорогой. Знаешь, ты задал вопрос, на который у меня нет ответа.

— И никак не проследить? Георгий, ты всегда знал выход из любой ситуации.

— Ты с ума, что ли, сошёл, дорогой! Как проследить? Мы же не читаем мысли. Мы видим только результат. О причинах может знать только сам человек. Извини, дорогой, я — учёный. Вижу только цифры. А что там, в головах твоих монахов

— Я понял. Извини, Георгий. Не обижайся. Конечно, мы видим только фон Это я от безысходности на тебя набросился.

— Что всё так плохо?

— Да нет, конечно. Нормально. Рабочий момент, так сказать. Просто не могу понять, почему так резко падает духовная энергия в миру.

— Ну, мало ли Заботы, дела, знаешь ли, совсем не располагают.

— Да, ты прав. Но нам-то и надо, чтоб

— Понимаю.

Послышался тихий стук в дверь, она приоткрылась, и я увидел растрёпанную голову Егория. Он глядел на меня и моргал заспанными глазами.

— Ладно, Георгий. Всё нормально. Рад был тебя слышать.

Ужасно соскучился по тебе и Люсеньке.

— Взаимно, — отозвался Георгий повеселевшим голосом.

— Жду тебя на праздник. А потом вместе поедem домой.

— Хорошо. Ты там держись. Особо не заморачивайся. Постепенно всё будет. Не переживай.

— Да, конечно. Давай.

Я отключился и повернулся к Егорию.

— Чего ты, Егорий?

— Дак чего? Опять вы тут. Рассвело давно. Завтракать пора. Пойдёмте. Каша истомилась. А то я, вас ждавши, опять уснул. Пойдёмте уже. А то мне к Титу пора.

— Ну, пойдём.

На кухне окончательно проснувшийся Егорий, надел холщовый фартук деда Анисима, принялся хозяйничать.

— Садитесь, садитесь. А я сам кашу наварил! Пшённую, — парень снисходительно-гордо глянул на меня. Словно хотел сказать: «Вы хоть и учёный, а в жизни ничего не смыслите. Без меня и кашу-то себе не сварите».

Я улыбнулся в усы. Верно, куда уж мне. Зачем время тратить на какую-то кашу? Можно и так что перекусить или в столовую сходить. Но вслух сказал:

— Молодец, Егорий. Что бы я без тебя делал?

Он довольно кивнул:

— А то! Погодьте, сейчас погрею, остыла совсем. Вот чуток топлёного молочка, — он долил молоко и принялся по-

мешивать кашу ложкой.

— Ладно. Ты мне расскажи, как с братом Титом поладили? Хорошо тебе с ним работается?

Парень пожал плечами:

— Нормально. Что рассказывать? Да вам, небось, и неинтересно будет.

— Ну почему неинтересно? Прививки уже всем сделали?

— А то. Мне сегодня надо бы пораньше. Тит собрался в верхнее, а мне велел в конюшню идти. Осмотреть ковку лошадок. Нет ли хромых или чего. Может, ковалю надо будет и перековать кого.

Я кивнул:

— Хорошее дело.

— А то, — воодушевился Егорий. — Вы не смотрите, что теперь вездеходы и лошадки не нужны. Наоборот. Им и внимание, и забота нужнее, чем всякой машине. А вы знаете, сколько видов подков и ковок? Ясно дело, не знаете. А тут свои тонкости. Тут тебе и тёплая ковка, и холодная — парень, размахивая ложкой, стал посвящать меня во все тонкости.

Я смотрел на раскрасневшегося Егория и кивал в такт его словам, а сам же унёсся далеко, вслед за своими мыслями. Очнулся от какого-то неприятного, жжёного запаха.

— Егорий, у тебя ничего не горит?

Он подскочил с места и кинулся к кастрюле.

— Каша-то! Каша сгорела! — чуть не заплакал, глядя на

свой почерневший первый кулинарный шедевр.

Я открыл форточку.

— Прости, это я отвлёк тебя разговорами.

И пошёл к холодильнику:

— Не расстраивайся. Может, молока с хлебом?

Он не ответил, только рукой махнул:

— Без разницы. Вот бы Люсеньку или дедку, что ли, вернуть, — пробормотал он, выбрасывая сгоревшую кашу и наливая в кастрюлю воды, чтобы отмокал пригар, и покосился на меня. Не дождавшись ответа, пробормотал:

— И чем тока они вам не угодили

Я сделал вид, что не слышу, и разлил по чашкам молоко.

Наскоро перекусив, мы разошлись по своим делам. Егорий убежал в конюшню. А я решил связаться с Кириллом.

Он ответил сразу, словно ждал моего вызова.

— Здравствуй, брат Кирилл. Не отрываю? Есть время? Надо обсудить кое-что.

— Здравствуй, брат Олаф! Конечно, готов обсудить.

— Как идёт подготовка к выпускному? Волнуетесь?

— Очень. Хотя сегодня уже можно вздохнуть с облегчением. Если честно, сомневался, что успеем. Ужасно рад, что не ошибся в наших преподавателях. Ребята отлично подготовлены. Мы уверены, они обязательно будут учиться в Наугограде.

— Замечательно. Спасибо тебе. Это по большей части твоя заслуга.

— Ну что вы — засмутился он.

— Кирилл, то, что вы наладили подготовку наших ребят в светские университеты, просто отлично. Но это только малая часть дела, которое нам предстоит.

Я замолчал. Кирилл тоже затих. Ждал, что я скажу. Наверное, гадал, что я ещё придумал на его голову.

— Ты знаешь, последнее время мы с Георгием анализируем энергетику нашей общины по подключённым браслетам. Я тут его отчёт получил. С результатами анализа.

Я замолчал, подбирая слова.

— И что? Так плохо?

— Хуже, чем ожидал.

— Да что ты! — охнул Кирилл, от волнения переходя на «ты». — А что не так?

— Помнишь, какая духовная ступень утверждена в уставе для монаха?

— Конечно, от 95 Гц и выше.

— Так, вот, почти семьдесят процентов монахов фактически должны оставаться иноками, у них и близко нет той духовности.

— Не может быть!

— Так и есть. Это точные данные. Ума не приложу, что делать. Не переводить же всех в иноки!

— Что вы! Это совершенно невозможно! Они же приняли обет и постриг!

— Вот и говорю, невозможно

Мы замолчали. Пауза затянулась. Наконец Кирилл тихо спросил:

— И что делать-то теперь? Устав менять?

— Нет, конечно! Не устав, а людей. И тут у меня огромная надежда на тебя.

— А я что могу?

— Как что? Сам посуди, что означает низкий уровень духовной энергии? — и сам же ответил: — В первую очередь — дремучесть и душевная неразвитость человека! Что знают монахи, да и поселенцы, кроме молитв и божественных книг? Нет, безусловно, они основа духовной жизни монастыря. Но в наше время недостаточно молитвы в храме и келье. Человек — существо сложное. Начала духовное и материальное в нём крепко переплетены. И невозможно его духовное преобразование без преобразования материального мира, которого он — неотъемлемая часть. А возможно ли материальное преобразование без знания? Вот и получается, что в храме у нас высокая духовность, а в личной келье, в оторванности от мира — совсем другая. Крайне низкая. Да и как иначе, если мы заиклены на себе? И получается: духовность тянет вверх, а материальность — вниз. А это совершенно недопустимо.

— Понимаю, — пробормотал Кирилл, — ты всех хочешь отправить учиться. Потому и

— Правильно понимаешь. А что может ещё серьёзно повлиять на развитие человека, если не знание?

— Да, конечно. Но сегодня это вряд ли возможно. Извини. Ты сам говоришь, что в храме у нас высокая духовность. Может, этого и достаточно для монастыря? Вряд ли мы сможем переделать всех. И надо ли? А уже будущее за детьми. Вот на них мы и сосредоточим всё внимание. Я не прав? И потом, давно хотел сказать, посоветоваться — он замялся, подбирая слова, и вдруг решительно сказал: — Вот ты говоришь, что у каждого монаха должно быть два высших Прости, брат Олаф, это же совершенная утопия. Люди-то все разные. И способности у всех разные. Кому-то обучение даётся легко, и он с радостью учится всю жизнь, а кому-то с трудом, да и не нужно оно ему совсем. Ну, если только самое необходимое, для гармоничного развития. А чтобы у всех поголовно два высших. Прости, брат Олаф.

Я оторопел. Никак не ожидал услышать от него такое. Он же всегда поддерживал меня. Почему же?

— Понимаю, — тихо сказал я. — Однако и задача перед нами стоит необычная. Возможно ли подняться к высшей ступени духовности без глубокого знания?

— «Будьте как дети, ибо таковых есть Царство Небесное», — едва слышно произнёс Кирилл.

— Да. Но не в безграмотности равняться на детей, а в чистоте сердца.

Кирилл молчал.

— Хорошо, брат Кирилл. Я понимаю тебя. И уверен, что в чём-то ты прав. Но наша с тобой задача — найти таких мона-

хов, которые смогли бы выйти в мир, жить рядом с людьми. И не просто жить, а своим примером, делом, знанием стать им учителем, духовным центром. Вижу возрождение духовности в людях не только в посещении ими храма, но и в мирской жизни. А это никак невозможно, если не будет в миру рядом человека, который сможет стать таким центром притяжением. Потому такой человек и должен знать не только богословие, но и быть мастером-виртуозом в каком-то мирском деле, которое ему по душе. Только в этом я вижу возрождение духовности в людях. А ты?

— Да, конечно, брат Олаф. Вы хорошо сказали. Но мало будет таких людей, к сожалению.

— Сегодня мало, завтра будет больше. И нам с тобой надо помочь монахам ими стать. А для этого нужны знания. Вот, ты можешь сказать, кто сегодня готов к такой миссии?

— Я? Сейчас? Что вы! Как могу знать?

— А надо знать. Кому, как не тебе? Потому и главное сегодня — понять это. Тебе, брат Кирилл, предстоит узнать, какие у монахов способности и знания, хотят ли они учиться и видят ли себя в служении миру, или склонны к одиночеству и самосозерцанию. Насиловать ничью волю мы не будем. Но мы должны знать, на кого сможем опереться.

— Ты хочешь, чтобы я провёл аттестацию? Это хорошее дело, нужное, я понимаю. Однако есть трудность, — он замолчал.

— Говори.

— Мы же не ограничимся одной аттестацией. По её результатам нужно будет определить группы подготовки и учебные планы для каждой. А это нереально!

— Почему?

— Потому что обучение должен будет пройти каждый, хотя и с разной степенью усложнения. А это большое количество обучающихся и очень разные уровни подготовки. Просто ума не приложу!

— Реально. С Божьей помощью.

Кирилл молчал.

— Ты здесь?

— Да. Но не знаю, как

— Ты знаешь Ивана, нашего промт-инженера?

— Нет, но слышал о нём.

— Вам надо познакомиться. Я озадачу его: пусть создаст с помощью ИИ необходимые тесты специально под нашу задачу. Ты, пожалуйста, свяжись с ним. Обсуди. Договорились?

— Хорошо.

— Отлично. Пока остановимся на этом. После аттестации подумаем над программами обучения. Возможно, понадобятся ещё преподаватели.

— Извини, брат Олаф, понимаю, дело очень важное. Но школа не резиновая? Как построить учебный процесс? Она просто физически не сможет вместить всех.

— У вас дети же учатся в первую половину дня?

— В основном, да. Потом работа в саду и в теплицах, а

зимой в мастерских. Кто-то остаётся вечером делать домашнее задание.

— Очень хорошо. Можно организовать подготовку монахов во вторую половину дня, тем более первая у них занята в храме. Или даже дистанционное обучение. Не переживай. Всё решаемо, если сильно захотеть. Сейчас в первую очередь сосредоточься на аттестации. Посмотрим, что она выявит.

— Я понял. Хорошо, брат Олаф. Займусь этим. Не беспокойтесь.

— Вот и замечательно. Спасибо, брат Кирилл. Сейчас свяжусь с Иваном. Ты позвони ему через час.

— Хорошо.

— Удачи тебе.

— Спасибо. До свидания.

С Иваном всё решилось вмиг. Он на удивление быстро, можно сказать, влёт понял задачу и уже что-то предлагал мне. Но я особо не стал вникать, попросил его связаться с Кириллом. Назначил обоих ответственными за проведение аттестации и облегчённо вздохнул. Тут главное — не взваливать всё на одного. Должна быть команда. Наше первое сотрудничество. Оно сложное, потому что только нарождается. Но без него вообще никак.

Я заставил себя пока не думать об этой проблеме и перейти к следующей.

Хорошо. Знания мы можем дать, уверен. Но как быть с устремлённостью? Если в храме душа верующего направле-

на к Богу в молитве, то в миру?

Вот тут как раз и нужно открытие отца Окимия. Сегоднешнее осознание эволюции личности человека и человечества — и есть тот путь, тот вектор, который можно назвать устремлённостью.

Если храм — путь к Богу в молитве слова, то не есть ли мир — та же дорога к Богу, только в молитве дела?

Я встал и прошёлся по комнате.

Будет ли это противоречить устремлённости невоцерковленного, но разумного, образованного человека?

Нет. Не будет. И для невоцерковленного человека будет признан тот же вектор развития и личности человека, и человечества. Только будет называться по-иному — творческое самосовершенствование в сотрудничестве и созидании.

Хорошо. Сконцентрируемся пока на нашей монастырской задаче. Чтобы в душе человек принял своё дело как молитву Богу, он должен к нему, этому делу, и относиться как к молитве: как к своему вкладу в преобразование себя и мира в общем устремлении к гармонии.

Тут без Фивия не обойтись. Фивий — это богослужение и молитва, наша устремлённость сегодня. Но молитва дела — наша устремлённость завтра.

При воспоминании о Фивии сердце моё неприятно ворохнулось. Надо идти к нему.

«А оно тебе надо? — кто-то злой и непреклонный заговорил во мне. — Сколько можно иллюзий? Фивий — твой

враг. Давно пора понять это и принять».

«Почему же сразу враг? — отбивался я от самого себя. — Он обычный человек со своим понятием жизни и религии. Да, отличными от моих. Но разве сразу из-за этого враг?».

«Не смей меня! Что ты врешь самому себе? Ты же рад, что он проиграл. Да признайся уже. Ты победитель и можешь гордиться этим. Пошли за тобой, а не за ним. Он хочет молиться и проводить богослужения? Да ради Бога! Разве кто ему препятствует? У него своё дело, у тебя своё. Пусть каждый занимается своим. И нечего его жалеть. Он пожинает свои плоды».

Я недовольно покрутил головой:

«Ерунда получается: у него своё дело, у меня — своё. Как такое возможно в общей обители? Если у каждого будет исключительно своё дело и мы друг на друга не будем обращать внимания, то к чему придём? Уж совсем не к тому, о чём проповедуем. Это не то, что должно быть! Мне нужно наладить с Фивием контакт. И сделать первый шаг должен именно я. Он считает себя проигравшим, и, зная его характер, ему просто невозможно первым предложить сотрудничество. Это им будет расценено как капитуляция передо мной, которого он терпеть не может. Хотя мог бы, если бы это не унижало его достоинство. Но сегодня любой свой шаг к нашему деловому сближению он будет считать личным унижением. Потому должен сам. И сейчас».

Я посмотрел на часы: богослужение закончено, но Фивий

должен быть ещё в храме. И я решительно направился к выходу.

Я вошёл в храм. Никого. Срединная часть его, обычно тесная из-за множества молящихся, сейчас широко раскинулась под высоким куполом. Тихо. В этой тишине чуть слышалось потрескивание догоравших свечей. А громкий звук моих шагов звучал так неестественно, так чуждо, почти враждебно этому месту, что я невольно старался ступать как можно тише. Я шёл и чувствовал, как печальные лики икон провожали меня укоризненными взглядами.

Вот и ризница. Прислушался. За дверью ни звука. Но я уверен, что Фивий ещё там.

Резко открыл дверь и вошёл.

Он сидел уже переодетый в обычную монастырскую одежду и, ссутулившись, смотрел в пол. Меня поразили его руки: они тяжёлыми плетями лежали на коленях.

Фивий медленно поднял голову, увидел меня и не удивился.

— Здравствуй, Фивий.

Тот молча кивнул и, качнув головой, пригласил сесть рядом. Но я остался стоять.

— Ты ждал меня?

Фивий вздохнул, выпрямился и взял посох, который стоял рядом у стены. Мгновенье — и он преобразился, и я увидел спокойного, уверенного в себе человека с чуть насмешливой улыбкой.

— Ждать не ждал. Но предполагал. Ты же у нас гуманист, — усмехнулся он. — Для тебя первое дело — проявить заботу и участие к поражённому противнику, — в его голосе послышалась горечь, а лицо на мгновение стало таким беспощадно злобным, что я невольно отступил. Но он тут же совладал с собой и отвернулся.

— Садись, раз пришёл. Поговорим, — глухо сказал он, смотря в пол.

Я сел рядом, но был так ошарашен, что не знал, с чего и начать.

Мы сидели молча. Наконец он спросил:

— Чего молчишь? Говори, зачем понадобился.

Я покашлял, собираясь с мыслями.

— Знаешь, Фивий. Это ты зря о противнике и о том, что я вроде как победитель. Это всё ерунда. Не в том дело.

Он криво улыбнулся:

— А в чём?

— А в том, — разозлился я. — В том, что у нас духовность монахов ниже, чем духовность простого хорошего человека! И тут совершенно неважно, как мы друг к другу относимся. Важен факт.

— Какой ещё факт? — недовольно пробормотал он.

— А такой, что всё это время беспрестанные молитвы не сказывались на духовности обители никак.

Фивий резко встал.

— Ты бредишь, что ли? Не забывай, где находишься!

— Сядь, Фивий. Я же не просто так говорю. Вот смотри. И рассказал ему о результатах, которые прислал Георгий, о том, что духовный уровень большинства монахов соответствует уровню инока.

Он выслушал молча, очень внимательно, и поднял на меня на удивление серьёзные глаза:

— И что ты хочешь от меня? Пришёл сказать, что и тут в храме не могу отбывать послушание на благо монастыря? Хочешь и от храма отлучить? Сделать обычным монахом?

— Не об этом речь!

— А о чём? Что ты хочешь?

— Хочу. В общем, Фивий, у меня конкретное к тебе предложение. Суть в том В общем, я несколько дней наблюдал за духовностью общины и пришёл к выводу, что духовность общины достигает максимума, когда в храме идёт служба.

Фивий довольно крикнул и огладил бороду.

— Да, — кивнул я, — ты прав. В этом целиком твоя заслуга, так как богослужения в монастыре на твоих плечах.

— Странно слышать такое признание, — насмешливо хмыкнул Фивий, — и при этом ты отлучаешь меня от собора.

— Не перегибай. Ты прекрасно знаешь, за что. Ты не хочешь поддержать наше дело. Что прикажешь делать? От богослужений тебя никто не отлучает.

— Ну хорошо. Так что ты хотел сказать? Какое у тебя дело ко мне?

— Так вот, — я потёр лоб, собираясь с мыслями. — Дело

в том, что как только монахи покидают храм, их духовная энергия резко падает. Если мы хотим возродить духовность общины, то мы должны с этим бороться.

Фивий вопросительно глянул на меня.

— Устремление духа в молитве слова к Богу — это очень хорошо. Но нам необходимо открыть для общинника устремление духа в молитве дела.

— Это как так?

— Фивий, предлагаю пересмотреть молитвенное правило монастыря.

Тот всем телом развернулся ко мне.

— Что? Как это пересмотреть? В уме ли ты? Хочешь отменить келейное правило?

— Да почему сразу отменить? Оно прописано в нашем уставе и в распорядке дня. Никто его и не отменяет. Но всё показывает, что оно недостаточно для укрепления духовности монаха.

— Как это недостаточно? Каждому монаху назначается келейное правило индивидуально, по его разумению и силам. Как могут быть недостаточными ежедневные молитвенные устремления человека к Всевышнему?!

Фивий насупился, брови его сошлись на переносице, и мне показалось, что ещё мгновение — и его выпученные от негодования глаза выпрыгнут из глазниц.

Я решил не обращать на него внимания и выложить всё, что я думаю. И сказал:

— Знаешь, Фивий. Я уверен, что, хотя искренняя личная молитва и приносит исключительную пользу и радость душе, без совместной молитвы, когда сердца людей объединяются в едином порыве к Высшему, не может быть духовного восхождения человека. Сам посуди: почему в храме при совместной молитве у монахов рождается сильнейшее духовное устремление, порождающее небывалый всплеск духовности, а при келейной молитве нет? Не потому ли, что эта молитва одиночная? В общем, Фивий, прошу тебя продумать, как лучше установить в правилах монастыря обязательную молитву на любое дело. Когда она должна обязательно произноситься. Кем. Ну, в общем, как это следует канонам Церкви.

Фивий, не отрываясь, смотрел на меня. Вдруг взгляд его смягчился. Он меня понял. Обычная усмешка тронула его губы, и он покачал головой:

— А ты, Олаф, ещё больший фанатик, чем думаешь обо мне.

Я опешил.

— Почему фанатик?

— Потому что ты хочешь превратить келейную молитву из покаяния в молитву повседневной жизни.

Он встал.

— Олаф! Я не хочу и не буду тебя в этом поддерживать. Ты знаешь моё убеждение: каждый человек грешен, и каждый рождён для того, чтобы молитвой и покаянием искупить

свой первородный грех. Всё. На этом его миссия окончена. Личное раскаяние в грехах своих — вот единственное, что ждёт и приемлет от нас Господь. Наставить на этот путь истинный — вот для чего Господь призвал священнослужителей. Всё! Остальное от лукавого. Я занимаюсь тем делом, которое благостно Господу нашему. И буду впредь печься о нём.

— Но устремление душой к Господу нашему, как молитвой, так и делами нашими, разве это

— Нет! — резко перебил меня Фивий и уже спокойнее добавил, идя к выходу из ризницы: — Не нужны Господу никакие устремления. Ему нужно чистосердечное покаяние и раскаяние в сердце человека. Принятие этим раскаявшимся сердцем Господа нашего. И зато откроется каждому рай вечной жизни.

Он остановился у двери и обернулся ко мне.

— Знаешь, Олаф, не думаешь ли ты, что все твои так называемые устремления есть не что иное, как гордость души, когда человек начинает мнить себя равным Богу? И своими делами пытается уподобиться Богу, что есть ересь и ничего более, — сказал, как припечатал, и вышел.

Я сидел и чувствовал себя совершенно опустошённым.

«Как Фивий, — мелькнула мысль. — Мы как будто местами поменялись. Но почему меня поразили его слова? Может, он прав?»

Постепенно блаженная тишина храма успокоила мою ду-

шу. Уняла скачущие мысли, в которых металось сомнение.

Я быстро шёл по храму и вдруг краем глаза заметил маленькую тёмную фигурку за колонной.

Подошёл ближе и с удивлением разглядел русоголового худенького мальчика лет двенадцати. Он сидел на полу, обхватив руками колени и положив на них подбородок. Взгляд его неотрывно был устремлён на икону Казанской Божьей Матери, которая висела на стене напротив.

Мальчик был так увлечён, что не заметил меня.

Я посмотрел на икону. Особой теплотой веяло от Богородицы и младенца Иисуса на её руках. Это была одна из тех икон, на которых и Богородица, и младенец смотрели прямо в глаза молящемуся, словно мысленно разговаривали с ним.

— Красивая, — тихо сказал я.

Мальчик вздрогнул и посмотрел на меня. Мне показалось, что он был где-то далеко и не спешил возвращаться. Он моргнул, глаза его расширились, и он поднялся. Поклонился и молча уставился в пол.

— Ты что здесь?

Он молчал, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Я подошёл и погладил его по голове. Он удивлённо вскинул голову.

— Тебя как зовут?

— Сашка, отец Олаф, — едва слышно прошептал он.

Я улыбнулся.

— Хорошее имя. Тебе нравятся иконы?

Он кивнул. Надо же! Я в его возрасте Хотя о чём я? Он же всю жизнь провёл в общине.

— А ты хотел бы научиться рисовать иконы?

Он удивлённо посмотрел на меня, и глаза его так широко распахнулись, что в полумраке храма я заметил их зелёный мягко мерцающий свет.

— А разве можно? Я ж не монах. А поселенцам не дозволено

— Почему ты решил, что не дозволено?

Он пожал плечами:

— Та, папаня сказал.

— Да. Но так было раньше. Теперь новый устав, и можно учиться всем. Хочешь, прямо сейчас пойдём в иконописную мастерскую и спросим?

Сашка обрадованно быстро-быстро закивал.

Я улыбнулся и взял его за руку. Его маленькая ладошка доверчиво устроилась в моей ладони:

— Пойдём.

Глава 16 Живите в радости

Мы вышли из храма.

«А я там никогда и не был. Куда мальчика-то веду? Вот ведь настоятель фигов», — мелькнула мысль, и я невольно сбавил шаг.

Покосился на паренька. Тот радостно тянул меня куда-то.
— Ты, должно быть, уже разведаль дорогу к мастерской-то?

Он покраснел так, что даже уши запунцовели.

— Вижу, вижу, — улыбнулся я.

— Ну, давай, брат, веди.

Сашка заулыбался во всё лицо, выдернул из моей руки ладошку и побежал за храм.

— Тише! Тише! Не спеши. Нехорошо в монастыре сломя голову носиться. Или думаешь, что настоятель вприпрыжку за тобой побежит?

Мальчик ойкнул и вернулся.

— Веди степенно.

Он кивнул быстро, чуть не вприпрыжку, но, сдерживая себя, поспешил вперёд, потянул меня за руку. Я покачал головой, улыбаясь в усы его нетерпению, и пошёл за ним.

Мы обошли храм, и я увидел чуть вдалеке на обширном пятачке пустого пространства странное для монастыря одноэтажное строение: всю северную стену его занимала оконная

рама с множеством небольших стёкол.

— Вот, — благоговейно прошептал Сашка.

Я кивнул и пошёл к входу, краем глаза наблюдая, как мальчик прокрался к огромному окну и осторожно заглянул в него. «Так вот где у него наблюдательный пункт», — улыбнулся я про себя.

— Сашка, — тихо позвал я.

Он подошёл и одними губами произнёс:

— Нельзя. Работают.

— Так уж и нельзя. Минутку-то найдут поговорить с настоятелем, — усмехнулся я и, посмеиваясь над испуганно округлившимися глазами мальчика, открыл дверь.

Вошёл и замер. Утренний свет от окна, мягко отражаясь от выбеленных стен и смешиваясь с едва уловимыми запахами сыроватого дерева и сладковатым лаковым, пьянил, уносил куда-то в иной, нереальный мир.

Четыре монаха сидели, согнувшись. Каждый над своим столом, над работой. При нашем появлении никто не поднял головы. И тишина стояла такая, словно и не работали они, а уснули в каких-то странных позах.

Но нет. Я вдруг различил едва слышный тихий перестук. Пригляделся: мастер у окна очень осторожно, почти не дыша, ножом резал сусальное золото, лежащее перед ним на столе на замшевой подушечке.

А из глубины комнаты донёсся сухой скрип металла о дерево. Это монах шлифовал доску или счищал старую олифу?

Отсюда мне было не разобрать: закрывало нагромождение иконных досок разных размеров.

От стола рядом раздавались глухие и мягкие удары чем-то твёрдым обо что-то в деревянной ложке с обрезанной ручкой. Вот он перестал бить и принялся сосредоточенно растирать.

Я посмотрел на Свирида. Крепкий высокий монах сидел прямо. На уровне его груди — стол. Абсолютно плоский. На нём — будущая икона. Кисть его и рука лежат на маленьких деревянных подставочках, видимо, из опасения коснуться красок и заляпать работу. Рядом с иконной доской расставлены чайные блюдца, прикрытые мокрой тряпочкой. Видимо, краски. И тут же в плоском блюде с водой — кисти.

Я забыл дышать, наблюдая, как под рукой мастера прорисовывался лик

Наконец Свирид вздохнул и убрал руку с иконы. Вопросительно, сердито глянул на меня.

Я вдруг почувствовал себя очень неловко. Ну что я завился! Каково бы мне было, если бы в разгар работы в лаборатории кто-то пришёл и встал над душой.

— Прости, брат Свирид, что помешал. Я на минуту. Вот ученика тебе привёл.

Сказал и замер. Выгонит сейчас. И правильно сделает.

Но Свирид взглянул на Сашку, который спрятался за меня, но любопытство разбирало его, и он высунул из-за моей рясы нос.

Свирид вдруг так хорошо улыбнулся, что от морщин-лущиков, побежавших к его вискам, лицо его стало удивительно добрым, и кивнул на парня, стол которого стоял у окна недалеко от Свирида. Он перестал резать и с интересом смотрел на нас.

— Сашка, иди к Степану. Только условие — сидеть тише мыши. А то прогоню.

Сашка скользнул внутрь комнаты и уселся на вытасченный из-под стола табурет рядом со Степаном. Тот уже что-то говорил ему, наклоняясь к самому уху. А мальчик радостно кивал.

— Вы знаете мальчика? — поразился я.

— Да как не знать-то, он тут вечно околачивается, — ответил Свирид и повернулся к Степану. — Пусть пока рядом посидит. Смотрит. Там поглядим.

— Вот и хорошо. Спасибо, — сказал я. — А как освободишься, пожалуйста, свяжись со мной. Поговорить надо.

Свирид кивнул и отвернулся к иконе. Я понял, что пора уходить.

— Бог в помощь, — сказал я и повернулся к дверям. И вдруг услышал тихое, но отчётливое пение. Наш хор начал репетицию.

Я через плечо оглянулся и увидел, как монахи, закрыв глаза, что-то шептали: вышел и осторожно притворил дверь.

Я шёл и думал: «С чего я решил, что Свирид настроен против меня? Впрочем, ему до меня дела нет. Он весь в сво-

ём мире. А человек добрый. Вон как с Сашкой». На душе стало радостно и как-то по-особому тепло.

«Будет у нас художественная школа, обязательно будет».

Я обошёл храм, пересёк Соборную площадь и остановился, прислушиваясь к звону, доносившемуся из кузнечной мастерской. Она была недалеко. Сразу за длинным зданием общежития монахов начинались хозяйственные деревянные постройки. А между ними, кряжисто раскорячившись, обособленно стояло низкое и какое-то толстое, по сравнению с другими, кирпичное здание. Металлическая дверь его была настежь открыта, и даже до меня долетал горячий запах железа и копоти.

Зайти? Глянул на небо. Солнцу ещё далеко до зенита. Работа в самом разгаре. Надо зайти, поговорить с Петром. Хотя я уже убедился, что неважный из него заведующий нашими мастерскими. Дремучий человек. Ясно, как отнесётся к моему предложению. Но попытаться стоит. Хотя бы для очистки совести. А там посмотрим, как действовать дальше.

— Бог в помощь, — сказал я, остановившись в дверях.

Пётр, невысокого роста, но плечистый, с окладистой бородой — словно мифическое существо-дворф вышло из своего подземелья и обосновалось у нас в монастыре, — стоял у горна и держал в огне плоскими губками горновых клещей металлическую заготовку.

— Не помешаю?

Он отрицательно мотнул головой.

Я подошёл и встал рядом. Смотрел, как постепенно металл становился ярко-красного цвета. От жара печи, близкого живого, открытого огня ряса мгновенно пропиталась потом и прилипла к спине.

— Поберегись! — крикнул Пётр.

Я шарахнулся в сторону, а он быстро вытащил из огня заготовку и бросил её на наковальню. Взял молоток и принялся ловко придавать болванке форму. Я понял, что это будет подкова.

— Говори, что хотел.

— Мы тут решили для поселенцев открыть специальные обучающие мастерские, — громко, чтобы перекричать отбой молота, сказал я. — Кто бы из твоих мастеровых смог бы заняться?

Пётр, усмехаясь, покрутил головой.

— А то нам больше делать нечего.

— Значит, никто.

— Уж я-то точно не возьмусь. У меня и так дел невпроворот.

— Вот, кстати, можно расширить мастерские. Пригласить поселенцев. Тут же организовать и их обучение.

Пётр сплюнул на земляной пол и глянул на меня прищуренным глазом:

— Меня всё устраивает. Ни к чему всё это, — и с такой силой ударил по подкове, что посыпались искры.

Ну и что я ожидал? Я посмотрел на его браслет. Он был не

подключён. Что и требовалось доказать. Вот оно — влияние Фивия. То-то я думаю, что он меня терпеть не может.

— Ну хорошо. А скажи, с кем из твоих ребят мне поговорить, кого заинтересует моё предложение?

Он хмыкнул:

— Да никого, — и, помолчав, с усмешкой добавил: — Если только Пашку-дурачка.

— Кого? — поразился я.

— Как выйдешь, ступай налево. Там плотницкая. Пашку спроси. Может, он.

— Спасибо. Бог в помощь, — сказал я и пошёл к выходу.

Завернув налево, я увидел метрах в пятидесяти впереди навес. В глубине его лежали доски, накрытые каким-то чёрным материалом, а на толстых и низких деревянных пнях колодах сидели два мужика. Рядом с ними — бак с водой.

Я подошёл к ним и по опилкам и стружке, усыпавшим их плотные тёмные фартуки (с виду брезентовые), понял, что попал по назначению. Да и приятный запах древесины, смолистый, чуть скипидарный, который ощущался всё сильнее, чем ближе я подходил, говорил об этом.

Тот, что постарше, поставил кружку на бак, и оба встали, поклонились.

— Благослови, брат Олаф.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — перекрестил я их, — благословение Господне на вас. Садитесь, садитесь. Отдыхайте. Извините, что потревожил. Мне бы брата Павла

увидеть.

— Кого? — удивился один из них, что помоложе.

Старший сунул ему в бок локтем:

— Кого, кого вот непонятливый! — смущённо улыбнулся он и махнул в открытую дверь плотницкой: — Брат Павел у себя в каморе. Как войдёте, так прям направо дверка будет. Поди, поделки шлифует.

Тот, кто помладше, прыснул в кулак. Пожилой недовольно покосился на него.

Я кивнул, пошёл было к двери, но остановился, обернулся к ним.

— А что это вы к нему так пренебрежительно? Плохой работник?

Они замерли, а потом враз заговорили:

— Да не что вы, брат Олаф! Даже не сумлевайтесь!

— Хороший Пашка, хороший!

— Просто шибко молодой ещё, — сказал пожилой, — фантазий много.

— Во-во, молодой — оттого всё. С фантазиями, — хихикнул тот, кто помоложе.

Старший недовольно покосился на него.

— А дерево он любит, чувствует Пашка дерево-то. Хороший мастер из него получится. Дай время. Не чета некоторым, — сказал и глянул на молодого.

— А что я-то? Плохо дерево, что ли, чую? Можя, мастер плохой, — обиделся тот.

— Дерево, может, и чуешь, только какой мастер от зубоскала? Посурьёзнее надо быть, — проворчал старший.

Молодой отвернулся.

— Хорошо. Спасибо. Я понял, — я кивнул им и вошёл в плотницкую.

Сразу направо я увидел дверной проход. Обычный проём в стене, двери как таковой не было. Вход в закуток был низким, мне пришлось наклонить голову.

Вошёл, разогнулся и замер от удивительной картины. Слова приветствия застряли в горле.

От чистого оконца прямо на небольшой столик и на фигурку юноши, сидящего за ним, падало солнце. И в его лучах паренёк, а на вид ему было не больше двадцати, склонённый над работой, словно светился в ореоле мельчайших золотых частиц древесной пыли. Эффект казался ещё более поразительным от того, что волосы его были под стать этим солнечным лучам.

Он был так увлечён работой, что не замечал меня.

Я глянул на его браслет. Лавандовый неяркий цвет его говорил о любви к красоте и искусству, о глубоких чувствах, не терпящих жестокости мира. И понял, почему его считали «не от мира сего».

— Бог в помощь.

Он вздрогнул, оглянулся и как-то странно съёжился, и цвет браслета побледнел.

«Чувствует свою зависимость и незащищённость», — по-

думал я и сердце неприятно ворохнулось.

— Прости, ради Бога, что отрываю от работы! Позволишь пройти?

Павел вскочил.

— Конечно, конечно, брат Олаф. Проходите. Садитесь! — он придвинул мне свою табуретку.

Я сел.

— А сам-то?

— Ничего, ничего. Я так. Или хотя бы тут, — одной рукой придвинул ящик с обрезками, закрыл его крышкой и сел сверху, а левой всё время прижимал к груди свою поделку.

— Что это у тебя?

Он смутился.

— Да, это так. Вы не подумайте чего. Я завсегда в работе. Только сейчас у нас перерыв небольшой. Пока братцы отдыхают, а вот тут — он всё прижимал свою поделку, словно опасался, что я отниму или высмею его.

— Не переживай, брат Павел. Я очень рад, что ты человек творческий. Делаешь всякие замечательные поделки. Я наслышан о них, вот решил сам взглянуть.

— Правда? — глаза его удивлённо распахнулись, а брови поползли вверх. Взгляд стал недоверчивым, но всё же он протянул мне свою игрушку.

Я взял в руки лёгкую фигурку лебедя. Шея его была вытянута вверх, клюв чуть приоткрыт, словно в безмолвном радостном зове. Тельце гладкое, устремлённое вверх. Лебедь

расправил огромные крылья, через ажурное кружево которых сияло солнце.

— Очень красиво! Это что ж за птица? Лебедь?

Пашка замялся.

— Нет. Это птица счастья.

— Точно. Птица счастья! Как я сразу не догадался. Отличная работа. Ты, брат Павел, настоящий мастер.

— Правда? — парень заулыбался и всем телом потянулся ко мне, хотя в глубине его глаз на самом дне радости плескалось недоверие.

— Правда, — твёрдо кивнул я. — Я очень рад, что молва о тебе идёт правдивая. Потому у меня к тебе дело.

Он молчал и ожидающе смотрел на меня.

— Мы хотим в нашей общине организовать плотницкие курсы. Там смогут обучаться все желающие, как монахи, так и поселенцы. И если взрослым людям интересно будет получить основы плотницкой профессии, то детям, хотя может, и кому из взрослых, захочется обучиться и более тонкому столярному мастерству: изготовлению декора, игрушек — в общем, деревянному искусству. Так вот. Я предлагаю организовать и вести такие курсы тебе, брат Павел.

Он от неожиданности отпрянул и чуть не свалился с ящичка. Ойкнул и встал. Я тоже поднялся.

— Что скажешь? Возьмёшься за такое важное дело?

— Я-то?

— А почему нет? Смотри, как у тебя здорово получается.

А в плотницком деле, я уверен, ты тоже хорошо понимаешь. Основы дать сможешь. Так?

Он молчал.

— Ты сколько здесь работаешь?

— Скоро три года будет.

— Вот видишь. Что скажешь?

— Я даже и не знаю.

— Подумай над моим предложением.

Он кивнул.

— И не робей. Мы с тобой вместе придумаем, как и где лучше организовать эти курсы. Скоро праздник. Возьми с собой несколько поделок. Покажи ребятам-поселенцам. Узнай, кто может, захочет научиться такие фигурки делать. Договорились?

Он молча кивнул.

— Ну ладно. Не буду тебя отвлекать. Очень на тебя надеюсь. На празднике встретимся! Бог в помощь, — сказал я и вышел от оторопевшего парня.

Я шёл к себе, и на душе у меня было спокойно и светло. Эта тихая радость породила такую твёрдую уверенность, что у нас всё получится, что сам себе удивлялся. Уж и не помню, когда я чувствовал себя таким сильным.

«Вот и хорошо. Надо запомнить, сохранить это чувство. Завтра праздник. Я должен быть сильным и уверенным. Таким меня должны увидеть и почувствовать все. И друзья, и недруги», — мелькнула мысль.

И наступило завтра.

Вот уже и поздний вечер чёрным глазом заглядывал в решётчатое окно библиотеки, посылая гипнотические импульсы ко сну. А я, усталый и измотанный, сидел в глубоком кресле библиотеки и никак на них не реагировал.

Я был счастлив, вновь и вновь мысленно прокручивал события дня, стараясь удержать в душе его радость, а она, эта радость, заглянула ко мне уже утром. Я закрыл глаза и ясно представил, как лежу в своей спальне

В дверь спальни постучали, и вошёл Георгий. Мой длинный и худой, как жердь, друг, шевеля своими заливхватски закрученными усами, распахнул объятия и воскликнул:

— Хватит спать, дорогой! Встречай гостей!

— Георгий, — подскочил я, — приехали? А я сам хотел за вами ехать! Что ж Егорий меня не разбудил, когда за вами уезжал? Вот ведь!

Мы обнялись. Я отодвинул его от себя и не мог насмотреться:

— Ужасно рад тебе! Словно сто лет не виделись. Как ты? Как твои?

— Всё хорошо. Альбинка передавала тебе привет, и с мальчишками всё отлично. Растут сорванцы. Сам-то как? Вроде похудел?

— Тебе показалось.

— Да? Ну, может быть. Хотя без Люсенки, — он с сомнением покрутил головой, — отощаешь тут.

Я отмахнулся:

— Ерунда это всё. Ты знаешь, Георгий, а мне удалось наладить контакт поселенцев с монахами. Даже кое с кем договорился об открытии курсов.

— Да ты что? — удивился тот. — За такой короткий срок? В общем, внедряешь свой план.

Я кивнул.

— Расскажи поподробнее, очень интересно, как тебе это удалось.

— Обязательно расскажу. Только сейчас уже пора идти. Скоро начало праздничной литургии.

— Ну давай, дорогой, одевайся.

— А Люсенька? Приехала?

— А как же! Куда без неё. На кухне сейчас, наверное. С Егорием. Знаешь, парень как увидел её в новом платье, совсем голову потерял. Слушай, дорогой, а ты не думаешь их поженить?

— Я? Извини, в такие дела не вмешиваюсь. Пусть уж они сами, — говорил я, быстро одеваясь.

— Ну, я готов. Пошли, — я повернулся к Георгию.

Тот критически осмотрел меня с головы до ног, оглядел комнату и недовольно покрутил ус.

— Что?

— Ты в этом пойдёшь на праздник? — Георгий обошёл меня вокруг. — Где твоя праздничная одежда?

— А что? Нормальная ряса. На себя посмотри: у самого

обычные брюки да рубашка. Только что свежая.

Он хмыкнул, оглядывая себя.

— Ты что, слепой? Что, собственно, тебе не нравится? Я даже пиджак надел. Когда ты меня в пиджаке-то видел? И с этой, как её... Люсенька прицепила, — он выпятил грудь, показывая мне на крохотный букетик незабудок, пришпиленный к лацкану пиджака.

— Бутонарьку, — улыбнулся я.

— Точно! А на себя посмотри. Вот прав старец Ануфрий: деда Анисима на тебя нет.

— Не порть настроение, — отмахнулся от него я. — Не пойду же я в праздничном облачении завтракать. Потом переоденусь.

— А-а-а, ну если только.

А на нашей кухне Люсенька на удивление сидела за столом, подперев щеку рукой и лукаво посматривая на Егория, с которым сегодня поменялась местами. В честь праздника, наверное. Тот бегал от стола к плите, где что-то пыхтело в горшочке. А может, парень хвастался своими приобретёнными кулинарными способностями.

Увидев нас, девушка вскочила, поклонилась и просияла улыбкой:

— Здравствуйте, брат Олаф! С праздничком вас!

— Спасибо, Люсенька. Какая ты красивая сегодня.

— Правда? — прошептала она, смутившись до слёз.

— Правда, правда, Люсенька, — заверил её Георгий. —

Ты просто необыкновенно хороша!

— И платье на тебе изумительное. Молодец, Егорий, что сам взялся хозяйничать, — похвалил я, — в таком наряде грех у плиты стоять.

Люсенька и правда была хороша. Казалось бы, времени прошло совсем немного, а она словно цветок распустилась. Если бы я был ханжой, то обязательно накинул на неё что-нибудь тёмное и бесформенное, чтобы скрыть изумительную стройную фигурку и женскую мягкую теплоту, которая разлилась по её летнему платью. А сарафан её был изумительно радостный, под стать ей самой: по светлой бежевой ткани рассыпались нежные полевые цветы и травинки, а лёгкий кружевной воротничок и такие же ажурные рукава до середины плеча очень украшали. И от всей её фигурки исходил такой радостный покой и свет, что он сразу охватил нас да так и остался на весь этот удивительный день.

Я улыбнулся своим мыслям. Как же хорошо, что они у меня есть. А перед глазами уже плыла Соборная площадь. И даже не сама площадь, а то ликование, которое на ней царило тогда. Как сейчас вижу

После праздничной литургии на верхней ступеньке перед храмом столпились члены монастырского собора, окружив меня и отца Ануфрия. Я поискал глазами Фивия и увидел его с самого края, но всё же рядом с нами.

«Пусть себе, — мелькнула мысль. — Сейчас не это главное».

Я торжественно достал из ларца, который мне подал Борис, молодой помощник отца Ануфрия, устав и зачитал решение о том, что наш обновлённый устав продолжает своё действие. Оббежал взглядом лица монахов и поселенцев. Тишина стояла такая, словно на площади и нет никого. Но как только я сообщил о том, что наместником становится отец Ануфрий, то от оглушительного восторженного рёва толпы чуть не выронил устав, подпрыгнув на месте. Такого ликования я ещё никогда не видел.

Я обернулся к отцу Ануфрию, а тот съёжился, словно хотел совсем стать невидимым, прижал руки к груди и качал головой.

Мне показалось, что ещё мгновение — и его бы подхватили на руки и понесли. Похоже, он тоже что-то такое почувствовал, потому что отступил за меня.

Я поднял руки, призывая к тишине.

— Братья и сестры! Разделяю с вами эту радость. А сейчас прошу всех проследовать к школе. Там ждут наши выпускники вашего напутствия!

И, насилу успокоившись, люди двинулись к мосту.

А я, взяв отца Ануфрия под руку, помог ему спуститься с лестницы.

Даже сейчас, когда всё осталось позади, я сидел и улыбался, ещё наполненный той бесконечной радостью. О чём бы я ни вспоминал сейчас: о ликовании на Соборной площади, или о напутствии наших выпускников, о том, с какой гор-

достью они получали из рук отца Ануфрия аттестаты и как едва сдерживали слёзы от слов его напутствия; или о том, как промт-инженер Иван скомандовал запуск нашего перерабатывающего заводика, освещённого Фивием, — и всё же самым дорогим воспоминанием была дорога из монастыря сначала к школе, а потом к заводу.

Это была не просто дорога — это была наша жизнь. Как сейчас вижу

На длинной широкой дороге всё смешалось: и монахи, и поселенцы, и мужчины, и женщины, и взрослые, и дети — это была одна человеческая река радости. Где-то среди этих, разгорячённых жарким августовским солнцем и весельем людей, слышалась ладная песня. И в такт ей не только ступали люди, но и кивали головами придорожные полевые цветы, простые и незамысловатые, но с таким чистым и пронзительным ароматом, словно это был запах самой природы, свободы и умиротворения.

И казалось, нет ничего на свете, что могло бы омрачить эту радость. Даже одежды монахов сегодня были светлыми в честь праздника.

Я поискал взглядом Фивия и не увидел.

— Фивия не видел? — спросил я у Георгия, который шёл рядом со мной.

— Вон, впереди, — махнул он рукой.

Я пригляделся — и точно. Далеко впереди заметил тёмную кучку монахов, в середине которой, опираясь на посох,

шёл Фивий.

«Словно окаменевший островок в светлом русле людской реки», — мелькнула мысль. Но тут же мой взгляд задержался на каком-то ярком праздничном пятнышке, которое резко контрастировало с чернотой монашеских ряс. Я пригляделся. И даже остановился от неожиданности. Люсенька!

Георгий, о чём-то увлечённо разговаривавший с Егорием, чуть не налетел на меня.

— Ты что?

— Только подумай! Люсенька идёт рядом с Фивием. Кто бы мог подумать!

Георгий фыркнул.

— Ты совсем не от мира сего. «Кто бы мог подумать», — передразнил он меня. — Да нет тут ничего удивительного. Ты что, забыл, как она боготворит твоего Фивия? Да и потом, она же не одна, — сказал он, всматриваясь вдаль, прикрыв глаза рукой от солнца. — Вон с подружками. Им тоже интересно, что там будет у заводика-то, вот и торопятся, чтоб не пропустить.

— Ну да. Конечно. Но всё-таки

— Что?

— Ничего. Я так. Странно всё-таки.

Георгий пожал плечами:

— Ничего странного. Странно другое: что этот Фивий твой не прогнал девчонок от себя. Хотя сегодня праздник. Наверное, постеснялся. Брось ты его. Не думай, в такой день.

Ты лучше сюда посмотри, — он обвёл рукой вокруг. — Сколько я тут, не видел такой радости.

Я кивнул. Я смотрел на людей, и сердце моё ликовало. Значит, всё, что мы делаем, — не зря! Вон как монахи и поселенцы обступили старцев Ануфрия и Спиридона — заведующего библиотекой; голова его мелко подрагивала, но он бодро шёл вперёд рядом с отцом Ануфрием. Я разглядел около него и Свирида, и молодого монаха-иконописца, державшего за руку подпрыгивающего на месте непоседу Сашку. Пробежал глазами по толпе и увидел чуть отставшую группу ребятишек. В центре неё, словно солнце, молодым одуванчиком желтела голова столяра Павла, а вокруг него — стайка ребятишек. Пашка снял с плеча мешок, что-то достал из него, передал им, и все остановились, рассматривая.

Я глубоко вздохнул. Хорошо! Толкнул Георгия в бок: — Всё у нас с тобой получилось.

Тот кивнул, что-то рассматривая на своём браслете. — Что?

Он поднял на меня сияющие глаза и протянул руку с браслетом:

— Смотри!

Я наклонился и, не веря своим глазам, выпрямился.

— Точно!

— Но как?

— Всё очень просто! Вот в действии твоя теория распространения духовной энергии. И заметь, энергия общины сей-

час выше, чем на литургии!

— Получилось? — выдохнул я.

— Получилось, — улыбаясь, подтвердил он.

— Нет! Ты представляешь, что это значит?! Мы с тобой тысячу раз правы! Не только и не столько молитва, а чистое, творческое человеческое сотрудничество, общая устремлённость в каком-то большом деле — только это может стать духовным обновлением для человечества.

— Как говорили мудрецы: «Живите в радости»

— И я бы добавил: «И создайте эту радость сами!»

— Угу, скромный ты наш, — Георгий, смеясь, хлопнул меня по плечу.

«Получилось, — мысленно произнёс я и сейчас. — И это победа!». Я открыл глаза. Радость переполняла меня. Я встал и прошёлся по библиотеке.

И вдруг почувствовал вызов на моём браслете. Отец Ануфрий. Глянул на время — половина одиннадцатого. В груди шевельнулась тревога: здоров ли?

— Добрый вечер, отец Ануфрий! Что случилось?

И в ответ услышал тихий смущённый смех старца:

— Прости, Олаф, что так поздно. Ты, должно быть, уже отдыхал? День был сегодня волнительный.

— Нет, отец Ануфрий. Никак не могу уснуть, всё вспоминаю, радуюсь, что хороший праздник у нас получился.

— И правда, хороший. И всё благодаря тебе, другу моему да людям нашим замечательным, которые сердцем завсегда

к добру тянутся. Но я сейчас не об этом хотел с тобой потолковать. Я б и завтра мог, да дело получилось спешное. Как сердцу чуяло, что сейчас не спишь, а завтра я с утра пораньше уже в пути буду.

— Как! Отец Ануфрий! Вы уезжаете?

— Уезжаю, милоч. Не переживай, я не надолго. Всегда на связи будем. А ежели что, когда не смогу поговорить с тобой, то знай: молитва моя всегда с тобой.

— Вы на лечение? В Элизиум? — догадался я.

— Именно так. Вызов-то из клиники ещё неделю назад пришёл. Второй глаз приглашают лечить. Да уж больно хотелось на праздник с общиной быть. А сегодня вечером вот опять звонили. Сердятся, — засмеялся старец. — Велели, чтоб к завтраму был.

— Конечно, отец Ануфрий! Обязательно поезжайте. У нас в общине, сами видите, всё хорошо. Постепенно налаживается новая жизнь. Сейчас лето — самая работа, все при деле, знают, что к чему. Даже не беспокойтесь ни о чём.

— Так-то оно так. Но всё-таки ты уж держи меня в курсе. Хорошо?

— Хорошо, отец Ануфрий. А как вы завтра? Надо же вас на станцию доставить. Во сколько поедет? Если позволите, я бы тоже хотел вас проводить.

— Ни-ни-ни! Зачем такое беспокойство! — воскликнул старец и, улыбнувшись, я ясно представил, как он замахал руками. — Я уже обо всём договорился. Прекрасно меня до-

везут до станции. А ты, друг мой, отдыхай. Хорошая работа требует хорошего отдыха.

— Хорошо, отец Ануфрий! Лёгкой вам дороги и успешного лечения. Мы будем с нетерпением ждать вашего возвращения. Благословите!

— Господь наш милосердный с тобою! Прощай. Не сиди долго, в мечтаньях пустота одна. Иди, отдыхай.

— Хорошо, — засмеялся я, — до свидания!

Старец отсоединился, а на душе у меня стало как-то сиротливо. Старец хотя явно и не вмешивался в мои дела, но я всегда чувствовал рядом его дружеское, отцовское присутствие, поддержку в критических ситуациях, да что там! Он был моим нравственным ориентиром, по которому я, когда подсознательно, а когда осознанно, сверял все свои дела.

«Ничего! Время быстро пройдёт. Глаза надо долечить, — постарался я ободриться. — А старец прав — пойду спать. К чему мечтания? День прожит. Завтра будет другой», — подумал я и пошёл к себе.

Глава 17 Возвращение угрозы

Проснулся я поздно и удивился, что никто меня не разбудил к завтраку. В обсерватории стояла такая тишина, словно кроме меня и не было никого. В окно заглядывало серое утро, небо нахмурилось и, кажется, накрапывал дождь.

«Вот и закончился праздник, — подумалось, и стало грустно, — ерунда, просто уехал отец Ануфрий. Да и после праздника всегда так: ждёшь, готовишься, а потом оглянешься, а праздник-то и прошёл. Всё проходит. Остаются будни. Вот такие серые, как сегодняшнее утро», — невесело усмехнулся я.

Обозвав себя неисправимым нытиком и самоедом, я быстро оделся и пошёл на кухню. Ну почему на сердце так тоскливо! Не из-за отца же Ануфрия. Ему надо лечиться. Что тогда? Такое чувство, что сейчас открою дверь, а там и нет никого

У кухни я невольно остановился, прислушиваясь, и обрадовался, услышав голоса. Открыл дверь.

— Ну, наконец, наш настоятель соизволил пробудиться! Доброе утро, дорогой! — сказал раскрасневшийся Георгий, поднося ко рту ложку с кашей, видимо, ещё горячей.

Из стоящего посередине стола чугунок поднимался едва заметный парок. Вместе с ним такой грибной аромат разносился по всей комнате, что аж слюнки потекли.

— Доброе утро, брат Олаф! — поклонилась Люсенька, как обычно что-то готовившая на плите.

— Доброе утро. Какой аромат у вас тут.

— Садитесь, садитесь! Как раз кашка поспела: гречневая с грибочками, — она кинулась в шкаф за тарелкой.

— Откуда грибы? Запас у нас вроде закончился ещё весной.

— Здравствуйте, брат Олаф. Так Герасим утром принёс. Прямо из леса, — ответил Егорий, пододвигаясь у стола, давая мне место.

— Молодец Герасим, зря время не теряет. Август — самое время для заготовок.

Егорий покосился на Люсеньку, та отвернувшись, что-то помешивала в кастрюльке.

— Ежели позволите, — сказал вдруг он, — то завтра с утречка пораньше, пока вы спать будете, я тоже по грибы схожу.

Я глянул на него. Он отчего-то покраснел и прятал глаза.

— Чего ж не сходить? Сходи, конечно. Дело хорошее. Нам бы запас пригодился.

— Тока одному сложно натаскать запас на такую-то ораву, — как-то уж очень безмятежно сказал он. — Вот ежели кто б ещё пошёл

Георгий отрицательно покачал головой:

— Меня, брат, уволь. Я вообще ничего не понимаю в грибах. Насобираю вам поганок. Да и не любитель я по лесу гу-

лять, дорогой. Может, вон, Люсенька?

— Ну, можно и с Люсенькой — Егорий наклонил голову к столу, но я заметил, как он радостно улыбнулся.

Вот в чём дело!

Удивлённая Люсенька повернулась к нему и тоже покраснела.

— Да я бы с радостью, — тихо ответила, потуже затягивая платок на голове, — только я уже сговорилась. С девчатами завтра идём, — и отвернулась к своей кастрюльке.

— Да? — разочарованно протянул Егорий. — Ну, может, и я с вами?

— Та зачем ты нам нужен? У нас свои дела-разговоры — девичьи, не надо нам парней, — засмеялась Люсенька, а Егорий набычился.

Так и просидел весь завтрак молча.

— А ты чем планируешь заняться? — тихо спросил я Егория.

— Я? — переспросил тот, и мне послышалась растерянность в его голосе.

Я глянул на него. Он задумчиво возил ложкой по остаткам каши.

— Что-то случилось? — и заметил мимолётное колебание в его взгляде.

— Поговорить нам надо, — так же тихо ответил он.

Я почувствовал, как тревожно бухнуло сердце. Аппетит сразу пропал.

— Пошли, поговорим.

— Доешь.

— Потом, — ответил я и встал.

Люсенька, видя, что мы уходим, забеспокоилась:

— А кисель-то? Кисель? Сливовый! Очень вкусный!

— Спасибо, Люсенька, мы обязательно выпьем, пусть пока дойдёт и остынет, — успокоил девушку Георгий.

— Обязательно. Проследи за Егорием, чтоб нам оставил, — улыбнулся я, хотя на душе скребли кошки.

В лаборатории Георгий не сел за стол, а принялся расхаживать по комнате, что всегда выдавало его крайнюю обеспокоенность.

— Георгий, успокойся, пожалуйста. Сядь и расскажи, что случилось.

Он сел рядом со мной и твёрдо глянул в глаза.

«Решился, — ёкнуло у меня. — На что?»

— Знаешь, дорогой. Я тут думал и решил, что моя миссия в монастыре окончена. Всё, что мы задумали, мы сделали. И сделали очень хорошо. Теперь ты сможешь прекрасно справиться без меня. Второй стенд у тебя есть, и ты из обсерватории сможешь смотреть, как продвигается твоя работа по улучшению духовной энергии общины. Задел у тебя хороший. Осталось только двигаться в этом направлении. А я всё, что мог, сделал. Пора мне, дорогой, домой, к моим. Ужас как соскучился. Словами не передать. Мальчишки без меня растут, да и Альбинка похудела даже.

Я покачал головой. Всё правильно. А что я хотел? Георгий прав.

— Ты прав, конечно. Я понимаю. Когда думаешь уезжать?

Георгий чуть не подпрыгнул от радости. Наверное, ожидал, что я буду его уговаривать остаться. Но как я могу?

— Да, через пару дней, дорогой! Ты не расстраивайся, — мы будем на связи. Если что, всегда можешь на меня рассчитывать.

Я ничего не говорил, сидел и, как китайский болванчик, кивал головой. А Георгий взволнованно бегал по комнате, машинально хватал то один предмет, то другой и ставил их на место.

— Мне осталось день-два закончить библиотеку энергоспектра. И, в принципе, наша работа завершена. Уверен, что стенд будет работать отлично. У тебя с ним проблем не будет.

Он остановился и тихо добавил:

— Ну так что, дорогой, я сообщу Альбинке?

— Конечно, пусть обрадуется.

Он вдруг быстро подошёл ко мне и обнял.

— Извини. Ты не понимаешь, как важно.

— Угу. Не понимаю, — прошептал я и услышал вдалеке родной смех моей Фёки. Зажмурился, прогоняя непрошеные слёзы, и встал.

— Всё нормально. Так и должно быть. Ты прав: работа закончена, и тебе пора. Иди. Обрадуй своих.

— Хорошо, дорогой. Я сейчас. Я быстро! — радостный

Георгий выбежал из лаборатории.

За ним закрылась дверь, и я почувствовал, как утренняя грусть переросла в тревогу и прочно обосновалась во мне. Но несмотря ни на что, надо работать. Один или с Георгием, но я должен всё довести до конца.

Следующие дни работа наша продвигалась очень успешно. Хотя усилия и разделились: он занимался пополнением библиотеки ИИ энергостенда, а я был озабочен делами общины.

Теперь, когда уехал отец Ануфрий, я остро почувствовал свою необходимость здесь. И опять же вставал всё тот же вопрос: заниматься мне бытовыми делами общины или позволить себе сконцентрироваться на научной работе — дать прочный фундамент существованию духовности общины: обозначить чёткие научные векторы её развития и точные ориентиры, на которые указывал бы компас наших брашлетов.

Но сегодня я должен был заняться бытовыми делами. Хорошо ещё, что Фивий твёрдой рукой вёл общину по пути богослужений. Конечно, тут не обошлось без отца Ануфрия, я уверен. Потому-то он так безропотно не только взял на себя проведение литургий, но и составление расписания богослужений и назначение тех, кто их проводит. Тем, возможно, сам того и не осознавая, он значительно влиял на духовность общины: как обычно в ходе богослужений в храмах, она неуклонно возрастала. И хотя после того, как люди по-

кидали храм, постоянно снижалась, и существенно, но эти всплески духовности очень воодушевляли.

Но не одними богослужениями жила община сегодня по новому уставу. Вот это новое и должен был не только организовать, но и поддержать я. Хотя бы на первых порах, пока всё не станет привычным и не потечёт спокойно в проторенном русле.

И в этом мне большую помощь оказал Борис. Я был очень рад, что нашёл в нём толкового помощника. Как и ожидал, он не только справился с бухгалтерской программой, но и автоматизировал экономику общины — хотя и не без помощи Ивана, нашего промт-инженера.

Они, похоже, проводили вместе целые дни. И я даже получил от них запрос на аккумулярование данных по аттестации братии в библиотеке нашего ИИ. И Борис, который сначала категорически отказывался от составления графика дежурств братии, ссылаясь на то, что как он может посылать кого-то на работы, ведь дело это добровольное, а он не знает людей, теперь спокойно делает этот график. И не только делает, но и умудряется отслеживать очерёдность, и учитывать наклонности братьев.

Так что теперь споров хоть по этому поводу у нас нет. Я пару раз проверил графики и убедился, что в этом можно положиться на Бориса и Ивана, и уже не контролировал их в этом.

А ещё взвалил на них и координацию наших курсов, число

которых у нас постепенно увеличивалось. Конечно, можно сказать, что сейчас лето и ребятишки свободны, но не только они.

Герасим, назначенный мехником, строго следил за приобретением необходимой техники и её исправностью, а потому исчезла запарка, когда в поля выходили все: и стар, и млад.

И сегодня не только у детей появилось больше возможности отдохнуть во время летних каникул, но и взрослые смогли облегчённо вздохнуть, наслаждаясь щедростью лета.

Нет, работы оставалось невпроворот. Однако появилось и время для отдыха. И с появлением свободного времени вдруг выросли и потребности в чём-то новом. Вспоминались давние желания, которые до сих пор так и остались неисполненными. И вот теперь Может быть, поэтому так вырос спрос на различные кружки?

Герасим тут явился ко мне с целым списком всего, чем хотели бы заняться поселенцы.

Было раннее утро. Я ему очень обрадовался и хотел, воспользовавшись случаем, пока его не затянула круговерть повседневных дел, поподробнее расспросить о делах, но он, без лишних разговоров, сунул мне какой-то свиток.

— Вот.

— Это что? — удивился я.

— Дак, как же? Сами же хотели, чтоб люди учились. Вот. Типа пожелания от поселенцев. Мы с Емельяном, старостой нижнего, собрали.

— Да? Очень хорошо, Герасим.

Я развернул длинный лист бумаги, на котором напротив названий кружков списком выстроились имена людей, похоже, желающих в них участвовать.

— Ого! Герасим, сколько тут всего, — не удержался я от удивления, — кулинария, вышивание, рисование, хор, гончарное дело, резьба по дереву, мозаика, роспись по ткани, столярное, кузнечное Ну, брат! Это, конечно, очень здорово, что появились такие потребности у людей. Но не всё сразу. Я соберу монахов-мастеров. Обсудим. Кстати, живописи и по дереву уже работают. Я сегодня же свяжусь с мастерами и передам им имена тех, кто хотел бы обучаться. А с остальным решим. Спасибо, Герасим.

— Тогда я пошёл.

— Может, чаю выпьешь?

Он махнул рукой:

— Какой чай! Мне ещё Потом, как-нибудь. Благодарствую.

— Хорошо. Ступай. Я тебе сообщу, когда будут новые кружки.

Он кивнул и вышел.

А я пошёл к Георгию. И хотя он разделил мою радость, что дело постепенно сдвигается с мёртвой точки, я чувствовал его отстранение. Он был уже не здесь, а дома с семьёй. Старался быть со мной прежним, но я ощущал, что неуловимая неловкость передо мной перерастает в отстранённость

и замкнутость с его стороны. Что расстраивало меня до глубины души.

Так протекали наши с Георгием последние дни перед разлукой. Неотвратимость её так угнетала, что общаться становилось всё труднее и труднее. В конце концов, я уже хотел, чтобы Георгий поскорее уехал.

Наконец, наступил этот день. Он долго не хотел приходить, и ночь была бесконечной: я полночи прокрутился с боку на бок, никак не мог заснуть. И только задремал

Очнулся я от того, что кто-то бешено колотил в дверь моей спальни. Я резко сел, открыл глаза и увидел красную физиономию Егория с выпученными глазами, просунутую в приоткрытую щель двери. Рот его беззвучно открывался и закрывался.

Я потряс головой: «Оглох я, что ли?»

— Ты что, Егорий, ополоумел совсем?

— Кхм! — парень кашлянул, шея его дёрнулась, словно он протолкнул в глотку нервный спазм, сжимавший горло, и так заорал, что у меня чуть уши не заложило.

— Я же говорил! Говорил!! А вы не верили!!!

— Успокойся! Не ори! Поди, сядь.

— Чего? — ошалело посмотрел он на меня.

— Сядь, говорю! — рявкнул я. — Сядь и замолкни. Ни звука! Пока не велю говорить.

— Вы не понимаете! — завёл было он опять, но я так сердито зыркнул на него и глазами указал на стул, что он мах-

нул рукой и, понурясь, сел.

Я быстро встал и оделся. Заметил, что пока надевал рясу, руки у меня подрагивали. Вот чёртов парень, выбил меня из колеи. Господи, что там ещё случилось?

Стараясь быть спокойным, я повернулся к нему.

— Ну, говори! Что случилось? Только коротко и без воплей.

Он вскочил.

— Конец света! Я говорил! А вы не верили!

Я облегчённо перевёл дух.

— С чего ты взял?

— Так вон! Объявили! Летит прям на нас! А как долетит, так и будет апокалипсис! — снова заорал он, я поморщился от его ора.

— Так и сказали, что апокалипсис будет?

Егорий оторопел.

— Да не, сказали, что — ща погодьте, он задумчиво почесал голову, — во! Траекторию кометы рассчитали. Вероятность того, что она упадёт прям на нас, пятьдесят процентов. Вот что сказали!

— Ну и что орать-то? Ещё неизвестно, упадёт или нет. Да и потом, не в каменном веке живём. Учёные обязательно решат проблему.

Ответить Егорий не успел: в дверь постучали, и вошёл взволнованный Георгий. Я глянул на его необычно бледное, какое-то осунувшееся лицо и похолодел: «Неужели?».

А он посмотрел на разгорячённого Егория, перевёл взгляд на меня и спросил:

— Ты уже знаешь, дорогой?

— Да вот Егорий какую-то чушь несёт про апокалипсис.

— Я? Чушь?! — со слезами на глазах воскликнул парень.

— Вот всегда вы меня ни во что не ставите

— Прости, Егорий, не обижайся. Но ты с этой кометой опять что-то напутал.

— Олаф, правда про комету. Сейчас передали. Повтор объявления будет, — он глянул на браслет, — через час.

— Как?!

— Да, дорогой, — кивнул тот, — пойдёмте на кухню. Там перепуганная Люсенька.

Мы пошли к выходу. У двери я пропустил Георгия вперёд и оглянулся на Егория. Тот, заметив мой взгляд, обидчиво отвернулся. Я обнял его за плечи:

— Прости, брат Егорий. Я ошибся. Вот поверишь, совсем не ожидал подобного расклада с кометой-то. Думал, что это кто тебя накручивает. А ты прав оказался.

Тот довольно кивнул.

— Да лан. Я знаю, вы не со зла.

— Ну, пойдём, — похлопал я его по спине. — Послушаем, что сейчас передадут. Не переживай, я уверен, что всё обойдётся.

Он несогласно замотал головой.

— По-любому, надо Люсеньку успокоить. Если и мы за-

паникуем, что с ней-то будет? Давай хоть вид сделаем. Да?
— Ваша правда. Люсеньку пожалеть надо. Она такая
— Вот-вот, пошли.

Маленькая наша кухонька с допотопной плитой у окна, с колченогим столом и простыми табуретками вокруг него, с серым окном без занавесок, словно глазом без ресниц, с Люсенькой, рыдающей за столом, и с каким-то неприятным запахом то ли страха, то ли плесени, показалась мне такой убогой и жалкой, что я остановился у входа.

Егорий, задумавшись, ткнулся мне в спину и ойкнул. Я машинально сделал шаг вперёд, вошёл.

— Здравствуй, Люсенька.

Она никак не отреагировала, только плечи её судорожно затряслись.

Георгий глянул на меня и показал на неё глазами. Он стоял рядом с ней и отечески гладил по спине:

— Ну что ты, Люсенька, так убиваешься? Успокойся, дорогая! Всё будет хорошо.

Она затрясла головой и громче зарыдала.

Мне это вдруг надоело. Нашла время, разозлился я. Пошёл к столу, сел и громко сказал:

— Так, Люсенька. Что у нас сегодня на завтрак? Почему ты сидишь и стол пустой?

Она, всхлипывая, подняла на меня глаза.

— В чём дело, Люсенька? Ты больше у нас не работаешь? Мне помощницу надо искать, чтоб завтраком покормила? —

строго спросил я.

Она шмыгнула носом.

— Та как же я ведь как можно я не могу, — давилась она слезами.

— А в чём, собственно, дело? Что за рыдания? Чего не можешь? Заболела?

— Та как же — она беспомощно оглянулась на Георгия и Егория.

— Что как же? Если заболела, вызовем доктора. Что у тебя болит?

Она судорожно всхлипнула.

— Иди, тогда, ложись в постель.

Я повернулся к Егорию:

— Егорий, придётся тебе нас покормить. Люсенька занемогла. Заодно покажешь свои кулинарные способности. Знаешь, Георгий, Егорий отлично справлялся на кухне в монастыре.

Люсенька встала и недоумённо развела руками, и ещё прерывающимся после рыданий голосом сказала:

— Как же? Вы разве не слышали?

— Что не слышали?

— Комета мы все умрём — едва слышно проговорила она, и лицо её скусилось, слёзы потекли по щекам.

У меня от жалости сжалось сердце, но я не мог позволить себе

— Эка новость! Ты что не знаешь, что мы все когда-ни-

будь умрём? — твёрдо сказал я.

Она оторопела:

— Да Но. Нет

— Когда каждый из нас умрёт, только Господь решит. А пока живы, будь добра, собери завтрак или пусть уж Егорий что ли. Я не собираюсь сейчас умирать голодной смертью.

Люсенька растерянно смотрела на нас.

— Ты же веришь в Бога, Люсенька. Веришь в бессмертие души. И отлично знаешь, что Господь и Пресвятая Дева Мария не оставят тебя. Так ведь?

Она закивала.

— Тогда помолись и займись делом.

Глаза её распахнулись, в них вспыхнула надежда. Но она тут же их прикрыла, сложила молитвенно руки, и её губы зашептали какую-то одной ей слышимую молитву.

Мы сидели тихо, боясь помешать.

Наконец она глубоко вздохнула и вытерла уголком косынки глаза.

— Может, тебе правда, Люсенька, пойти отдохнуть, — подскочил к ней Егорий, — вон как ты расстроилась.

— Ничего, — тихо произнесла она.

— Ты вся побелела, — не унимался Егорий, — и носик красный, распух. А я завтрак приготовлю, не сомневайся И тебе в спаленку принесу опосля покушать. Пойдём, провожу, а то ты слабенькая вся.

Люсенька сердито глянула на него. Шмыгнула носом и так

отодвинула от себя, что он чуть не отлетел в стену, благо комната маленькая и до стены рукой подать.

— Неча на моей кухне командовать! Тоже мне нашёлся. Усядься лучше. Я сама сейчас всё подам.

— Слава Богу, — проворчал я, скрывая радость, заметив, что румянец тронул её бледные щеки, — садись, Георгий. Нас сейчас, похоже, всё же покормят. А ты Егорий не стой столбом. Давай тарелки и что там надо раскладывай. Что у нас на завтрак, Люсенька?

Она растеряно замерла.

— Да вот Давайте глазунью! — оживилась она. — Мигом и будет всё готово.

Она кинулась к холодильнику, по пути пнула своего кухонного конкурента, который оказался на дороге.

— Ну что ты, Люсенька, обиделась. Я ж как лучше
Георгий посмотрел на меня и улыбнулся, я улыбнулся в ответ.

А девушка, не обращая внимания на прижавшегося к стене, чтоб освободить ей место, парня, уже как обычно бегала от холодильника к плите и тараторила:

— Яйца у Клавдии брала. Крупные. Белые. Желток такой крупный, словно, целых два. Одним можно до отвала наестся. А вам сколько толкнуть по два или по три? — оглянулась она на нас.

— По четыре, — едва слышно безнадёжно проговорил бугай Егорий. И был прав, девушка даже глазом не повела в

его сторону.

— И привкуса у них нет. А то я брала у Верки, так у неё яйца так пахнут, словно в старых тряпках хранились, — Люсенька поднесла ладонь к доньшку сковородки, стоящей на плите, проверяя, идёт ли от неё жар, и удовлетворённо кивнув, быстро бросила в неё нарезанное кусочками сало.

Сковорода сердито зашипела, а девушка уменьшила огонь на плите и стала быстро-быстро помешивать сальце. Потом нарезала лук и смешала с кусочками. Через минуту по кухне распространился такой аромат, аж слюнки потекли.

— Так я по два?

— Давай по два.

Она разбила яйца в сковородку и накрыла крышкой.

— Почти готово! А я пока погрею молочка. Гречневая каша у нас есть. Вот с тёпленьким молочком.

Завтрак удался на славу.

Георгий незаметно ткнул мою ногу под столом. Я вопросительно глянул на него. Он покосился на тарелку Егория. Я посмотрел и чуть не прыснул от смеха: Люсенька с непреступным видом резко поставила перед парнем тарелку, на которой красовались четыре яйца и отошла. Тот глянул на неё влюблёнными глазами, а мы уткнулись в свои тарелки, чтобы не смущать.

— Садись, Люсенька, сама то покушай.

Она села и поковыряла в тарелке вилкой.

— Чего-то не хочется. Вы кушайте. Что-то голова разбо-

лелась, — тихо сказала она.

После завтрака я отправил Егория к Титу: пусть делом займётся. Чему парень был очень недоволен.

— И куда вы меня отправляете в такое время, брат Олаф? Разве так можно? А кто с Люсенькой будет? Кто поддержит? Сами-то, небось, в лабораторию свою уйдёте на целый день, — возмутился он.

Я растерялся. Посмотрел на девушку: та сидела у стола, подперев рукой щёку. Вид у неё был такой печальный, даже какой-то потерянный, что я невольно согласился с Егорием.

— Люсенька, — спросил я, — может, и правда Егорию сегодня с тобой побыть? Ты как себя чувствуешь?

Девушка подняла на меня заплаканные глаза, и мне показалось, что она смутилась.

— Да нет, спасибо вам. Я, пожалуй, к подружкам пойду, коли дозволите. Вы не беспокойтесь, к обеду всё приготовлю и пойду. Ладно? С девчатами спокойнее. А что Егорий? Разве парню так Пусть уж идёт на свою работу.

— А что не так-то? — обиделся Егорий. — Я всегда.

— Спасибо. Лучше я к девчатам.

— Как хочешь, Люсенька. Иди тогда, Егорий, пожалуй, займись делом.

— Как хотите, — пожал тот плечами. — Люсенька, если что, ты сразу меня вызывай! Я всегда!

— Ладно, Егорий. Спасибо.

Егорий ушёл. Люсенька стала хлопотать насчёт обеда, а

мы с Георгием пошли в лабораторию ждать сообщение.

По дороге Георгий решил позвонить жене, узнать, какие новости у неё в Наукограде, и ушёл к себе. Я поднялся в лабораторию.

Ожидая сообщения, мерил шагами комнату. «Надо связаться с общиной, — мелькнула мысль, — с Герасимом и Борисом. Как у них там? Нет, позднее. Надо самому понять, что происходит. С отцом Ануфрием бы посоветоваться. Нельзя. Он на операции. Расстроится. Климентий! Думаю, это как раз тот случай, когда я могу его побеспокоить».

Я набрал вызов предстоятеля Христианской Церкви, но он не отзывался.

«Ясно. Занят. Ладно. Вызов мой увидит, будет время — свяжется. У них там тоже, наверное» — не успел подумать, как на браслете отразился вызов от Климентия.

Я развернул экран браслета и подключился.

— Здравствуй, брат Олаф.

Я глянул в потухшие глаза Климентия, и комок страха сжал горло.

— Здравствуй, брат Климентий. Не успеваем? — одними губами произнёс я, но он понял меня и тихо ответил:

— Похоже на то.

Всё. Больше говорить было не о чем.

Климентий устало провёл рукой по лбу и, едва заметно, ободряюще улыбнулся:

— Мы сделаем всё возможное. Надеюсь на тебя и твоего

друга. Постарайтесь найти выход.

«Какой я могу найти выход, когда на нас падает комета?!»
— хотелось заорать мне. Но я, стиснув зубы, сдержался.

— Георгий хотел уезжать к семье. Его работа тут закончилась.

— Понимаю. Но думаю, ваша совместная работа должна продолжиться. Нам нужно быстрое решение нависшей угрозы. Оборудование у вас позволяет. Очень на вас надеюсь.

— Я поговорю.

— Мне пора. Скоро экстренный Совет Земли. Будем решать. До связи. Будет решение, сразу сообщай. Очень на вас надеюсь! — повторил он и отключился.

У меня было такое ощущение, что из меня, выпустили весь воздух, не осталось ни сил, ни мысли, ни желания. Только три слова крутились безостановочно в голове: «Опоздали. Всё. Кончено». Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Кто-то тронул меня за плечо, и я услышал голос Георгия:

— Что с тобой, дорогой. Тебе плохо? Ты ужасно бледный.

Я открыл глаза. Друг заботливо наклонился надо мной.

«Вот и его втянул в свои дела. А всё напрасно».

Я попытался улыбнуться ему, чем, похоже, ещё больше напугал.

— Да что ты? Что ещё случилось?

«Уже всё случилось. Куда ещё? — горько усмехнулся я и, смотря во встревоженные глаза друга, приказал себе: — Стоп. Возьми себя в руки. Что раскис, как Люсенька? Нашёл

время. Надо собраться. Если не я, то кто?»

Я глубоко вздохнул, унимая внутреннюю дрожь:

— Прости. Вдруг задремал на минуту, и пригрезилась какая-то галиматья. Видно, из-за нервного утра. Всё нормально. Ты как? Поговорил со своими?

Он облегчённо вздохнул и уселся рядом.

— Поговорил. Ты знаешь... тут такое дело.

«Господи! Что ещё»

— Когда я разговаривал с Альбиной, со мной связался Глеб.

— Руководитель астрофизиков Наукограда?

Георгий кивнул:

— Да, наш с тобой бывший начальник.

Я вопросительно смотрел на друга, а он смущённо тёр шею и молчал.

— Ну и что он хотел? — не выдержал я затянувшейся паузы.

— Ты понимаешь В общем, мне предлагают здесь, у тебя, вплотную заняться проблемой. Оборудование у нас вполне, позволяет. А наш тандем хорошо известен. Если ты согласишься, конечно.

— Ну что ты спрашиваешь!

— Тогда и снова здравствуйте? — широко улыбнулся он.

— Ещё шутит, — невольно улыбнулся я в ответ. — Ужасно рад, что остаёшься, — я хотел обнять его, но почувствовал, что мои руки ещё дрожат, и спрятал их в рясу. — Тебе

поставили задачу?

— А то! Мы должны найти способ ликвидировать угрозу от кометы, — легкомысленно ответил он.

— Только-то? Я уж думал

— Но тут есть одно «но».

— А его нельзя перенести на завтра? Я сегодня уже устал от проблем

— Можно. Но не нужно. Тем более, что это не проблема. Дом для нас уже давно готов.

— Правда? Альбина решила приехать? Сейчас?

— Угу. Понимаешь, она так настроилась на мой приезд, что, когда узнала, что это «скоро» снова растягивается на неопределённое время, поставила ультиматум.

— И что хочет?

— Или на днях приедет, или, — он развёл руками, — развод.

— Ничего себе. У тебя, похоже, нет выбора.

— Совершенно никакого! — сокрушённо покачал он головой и вдруг заулыбался так, что его заливчатские усы зашевелились, как живые. — Вот это радость! Ты не представляешь, как я рад!

— Представляю, — улыбнулся я ему в ответ. — С мальчишками?

— Спрашиваешь! — даже обиделся Георгий. — Нет. Я её отговаривал. Непонятно, что будет и как. Возможно, в Наукограде безопаснее. Но она упёрлась. Ты её знаешь. «Если

что, — говорит, — хочу, чтоб в последние минуты были вместе», — вот ведь дурочка, — голос его дрогнул, и он отвернулся.

Я встал.

— И правильно. Умница она у тебя. Значит, так. Осталось несколько минут до объявления. Потом я свяжусь с Герасимом. Скажу, чтоб ещё раз всё проверил в вашем домике. Да и надо узнать, как там настроения у нас в общине. Судя по Люсеньке Всякое может быть.

Меня прервал резкий сигнал браслета — вызов экстренного сообщения. Я раскрыл экран и увидел звёздное небо. Вот один из сегментов приблизился, и в центре него я увидел комету — она, казалось, мчалась прямо на меня. Немудрено, что это так поразило девушку

«Внимание всем! Экстренное сообщение Совета Земли! Последняя информация о приближающейся к Земле комете Лекселя. Ситуация рабочая. Краткая справка. Комета Лекселя (официальное обозначение — D/1770L1) открыта 14 июня 1770 года астрономом Шарлем Мессье в созвездии Рыб. Своё название получила в честь Андерса Лекселя (Андрея Ивановича Лекселя), рассчитавшего её орбиту.

Это первая в мире долгопериодическая комета, которая пролетела на ближайшем расстоянии от Земли.

1 июля 1770 года комета прошла на минимальном расстоянии от Земли — около 2,2 миллиона километров. Выглядела как большой яркий объект с коротким хвостом. Угло-

вой размер её комы (туманной оболочки вокруг ядра) достигал около двух градусов, что в четыре раза больше видимого диаметра полной Луны. Наблюдения продолжались до начала октября 1770 года.

Лекселем было установлено, что комета двигалась по сильно вытянутой эллиптической орбите с орбитальным периодом около 5,58 года (2039 дней). Орбита пересекала орбиту Земли, что и объясняло её близкий проход в 1770 году.

По данным исследования архива в 2018 году диаметр кометы мог составлять от 4 до 50 километров, но наиболее вероятный размер — менее 30 километров.

По расчётам, комета должна была вернуться к перигелию около 1776 года, затем около 1781–1782 годов, 17870–1788 годов и так далее, примерно каждые 5,5–6 лет.

Однако ни одно из ожидаемых возвращений не было подтверждено астрономическими наблюдениями. Комета исчезла.

Выдвигались следующие гипотезы её исчезновения:

первая — сближение кометы с Юпитером в июле 1779 года. Тогда мощное гравитационное поле планеты-гиганта могла значительно изменить орбиту кометы. Она могла быть выброшена на дальнюю орбиту за пределы Солнечной системы или разрушена в результате воздействия приливных сил или столкновения.

вторая — комета сохранилась, но изменилась до состояния тусклого объекта, не способного быть замеченным без

специальных наблюдений.

Такова кратко история кометы.

На сегодняшний день мы можем утверждать, что комета Лекселя после сближения с Юпитером в восемнадцатом веке, не была полностью выброшена из системы в космос, это может свидетельствовать о достаточно крупном и прочном её ядре. Комета перешла на очень вытянутую или нестабильную орбиту, которая теперь ведёт её обратно в окрестности Земли.

Нашими учёными комета была замечена три года назад. По расчётам, она находилась в облаке Оорта и из-за удалённости не была обнаружена ранее.

Учёные контролируют ситуацию. Ведутся постоянные наблюдения для уточнения траектории и параметров кометы. Есть вероятность, что комета, как и в прошлый раз, пролетит близко от Земли. Делается всё возможное для предотвращения угрозы.

В настоящее время экстренно решается вопрос об изменении курса ближайшего к комете исследовательского космического аппарата «Вега-213» для изучения её структуры. На основании этих данных будет принято окончательное решение.

Просим всех жителей Земли сохранять спокойствие. Ситуация под контролем учёных».

Экран браслета погас. Я откинулся на спинку стула и посмотрел на Георгия.

— Ты веришь? — тихо спросил он.

Я промолчал. Георгий побледнел.

— Давай сами проверим. Что тут гадать: веришь — не веришь. Да! — я потёр лоб. — Мне с Герасимом переговорить надо. Ты поднимайся в обсерваторию, а я узнаю, как там они.

— Хорошо, дорогой. Я пойду, гляну, что там у тебя. Я тут с энергостендом совсем про астрономию забыл.

— Тебе понравится.

Проводив Георгия, я соединился с Герасимом.

— Ась? — услышал я его басовитый голос, и на душе по-теплело.

— Здравствуй, Герасим. Как ты?

— Что, как? Как обычно. Чего хотел-то?

— Ты про комету слышал?

Он ответил не сразу и заговорил неохотно:

— Ну, слышал. Не услышишь тут. Все уши прожужжали.

— Волнуются люди?

— Так, знамо дело.

— Ты уж, будь другом, успокой. Сообщение же все слышали? Всё под контролем учёных. Скоро изучат комету, и решат, как устранить угрозу. Скорее всего, она пролетит, как в прошлый раз. Так всем и говори. Хорошо?

— Ладно.

— Ты, если что, сразу мне сообщи.

— Угу.

— И вообще, загрузи, пожалуйста, всех работой, чтоб не

шатались без дела. Не до разговоров будет.

— Разберёмся.

— Да! Ещё просьба к тебе: семья Георгия на днях приезжает, так ты проверь, пожалуйста, всё ли готово к их приезду.

— Приезжают-таки? Вот ведь. Оно понятно. В такое время лучше вместе. Ладно. Проверю.

— Спасибо, Герасим. Ну, давай. До свидания.

— Покеда.

Я подумал и набрал Бориса.

— Привет, брат Борис. Как настроение?

— Здравствуйте, брат Олаф. Настроение хорошее, паники нет, — сказал он, и я почувствовал в его голосе улыбку, и сам улыбнулся в ответ.

— Молодец. Ты там теперь мой помощник. Жаль, отца Ануфрия нет. Он бы нас морально поддержал.

— Не переживайте. В монастыре всё спокойно. Как обычно. Ко мне подходило несколько монахов. Поговорили. Все всё понимают.

— Спасибо, брат Борис. Держи ситуацию под контролем. Время, сам знаешь, какое. А мы тут будем работать над проблемой. Обязательно свяжись со мной, ежели что.

— Ладно.

— Ну, с Богом. Благослови Господь!

— Благослови Господь, брат Олаф!

Он отключился.

Я первый раз за сегодняшнее утро перевёл дыхание и пошёл к Георгию.

Глава 18 Проклятие Фивия

Мы с головой окунулись в работу. Георгий взял на себя анализ расчётов траектории кометы, а я занялся изучением её структуры. Время пролетало мгновенно, хотя это было нам совсем не на руку. Поздно мы узнали об угрозе. Очень поздно...

— Георгий, как там у тебя? — спросил я, поглядывая на грудку снимков, заваливших его стол. — Ты что? Решил весь архив распечатать?

Он устало глянул на меня.

— Ещё и шутишь, дорогой?

— А ты уж очень серьёзным стал.

— И ты не догадываешься почему.

— Ладно. Получилось определиться с траекторией?

Георгий кивнул.

— Смотри, что получается. Впервые комета была обнаружена три года назад между орбитами Сатурна и Урана как объект 20–21m (очень тусклый, невидимый невооружённым взглядом) на расстоянии 12–15 а.е. (1 а.е. равен 149 597 870 км $\pm$ 2 км от Земли до Солнца).

По архивным снимкам анализ её едва заметного смещения на фоне звёзд указывает, что, скорее всего, она пришла из облака Оорта. Пройдя по созвездию Дракона (рядом с астеризмом «Голова Дракона»), комета сместилась в Воло-

пас, а из него — в Северную Корону.

Тогда и предположили, что, возможно, это возвращается комета Лекселя.

Помнишь, при изучении проблемы её исчезновения в XVIII веке, после того как она ушла от Земли и сблизилась с Юпитером, предположили, что он её «выбросил» из Солнечной системы в облако Оорта?

Я кивнул:

— Думаешь, это всё-таки она?

— Похоже. Хотя для этого у неё должна сильно измениться орбита, стать сильно наклонённой. В любом случае появление кометы не вызывало беспокойства: сложно было точно рассчитать траекторию её движения, а приблизительные предварительные расчёты показывали, что она пройдёт достаточно далеко от Земли. Но наблюдения продолжались.

Примерно год-полтора назад комета вошла во внутреннюю часть Солнечной системы. Траектория её движения прошла через созвездия Змеи, Змееносца и Стрельца. Яркость (видимая звёздная величина) её достигла 14–15 m (что уже позволило её рассматривать в крупные любительские телескопы), а расстояние составило 5–10 а.е. (около орбиты Юпитера).

И тут комета преподнесла сюрприз: Юпитер, который ранее отбросил её в облако Оорта, снова не остался к ней безучастен и повлиял на её траекторию. И если до приближения к орбите Юпитера приблизительные расчёты показыва-

ли, что она пролетит вдали от Земли, то теперь шансы на её критическое сближение с нашей планетой резко повысились.

Она прошла орбиту Марса, созвездия Козерог — Водолей и сейчас движется к Солнцу. А у тебя что?

— А у меня вот что. Проходя по Солнечной системе, у неё уже появился первый короткий хвост (ионный), а кома (облако из пыли и газа, которое окружает ядро кометы и вместе с ядром образует «голову» кометы) расширилась до 50 000 км.

А за 1–2 а.е. от Солнца и при яркости 10–12 m (её уже хорошо видно не только в обсерваториях, но и любителям) у кометы сформировались два хвоста — голубой ионный (от Солнца) и желтоватый пылевой (слегка изогнут).

И сегодня она приближается к перигелию (наиболее близкой к Солнцу точке на орбитах небесных тел). Яркость 2 m 4 m (видна невооружённым глазом даже днём), а расстояние до Солнца: 0,5–0,8 а.е. Кома кометы уже достигает 100 000 км, а хвост растягивается на 30–50° по небу.

Предварительные результаты показывают, что диаметр ядра можно оценить от 8 до 10 километров, структура: ледяное ядро с примесями пыли, металлов, органических соединений.

Хотя пока сложно утверждать что-то окончательно. Посмотрим, что покажет «Вега». И главное: приблизительно через два месяца она сблизится с Землёй, пройдя созвездия Телец — Возничий и Персей.

Мы так увлеклись, что вздрогнули от неожиданного и резкого сигнала моего браслета.

Я взглянул на экран:

— Отец Ануфрий, — сказал вопросительно глянувшему на меня Георгию и принял вызов.

— Здравствуйте, отец Ануфрий! Как ваше здоровье?

— Здравствуй, Олаф. Извини, я не отвлекаю тебя? Вы с Георгием, должно быть, заняты кометой?

— Вы уже знаете?

— Да, Олаф. Хотел вернуться в обитель в такое тревожное время, но меня непустили. Просили остаться, долечить глаза.

— Что вы, отец Ануфрий! Обязательно надо долечиться. О нас не беспокойтесь. В обители покойно. Всё идёт как заведено. Брат Фивий заботится о богослужениях, брат Борис помогает мне в общине. У вас отличный помощник, отец Ануфрий, на него вполне можно положиться.

— Это да. Бог милостив, Борис хороший послушник. Значит, всё в порядке? Как в поселениях? Как настроение у людей? Не забываешь ли поддерживать общину в такое сложное время? Я знаю, ты человек увлекающийся

— Ну что вы В поселениях тоже порядок. Там Герасим с Емельяном. На них можно положиться. Я просил, если что, сразу мне сообщить. Пока, слава Богу. Всё хорошо. Люди понимают и надеются на лучшее.

— Вот и ладно.

— А как ваши глаза? Операцию сделали?

— Пока только готовят, — опечаленно вздохнул отец Ануфрий. — Через неделю, говорят. Потом ещё реабилитация месяц, если всё хорошо пройдёт.

— Обязательно надо пройти лечение до конца, отец Ануфрий! Ни о чём не переживайте. Если что случится, я сразу вам сообщу.

— Обещаешь, Олаф?

— Обещаю.

— Хорошо. Непокойно на душе Чувствую надвигающуюся беду. Храни тебя Господь!

— Наверное, это из-за кометы.

— Должно быть, так. Я постараюсь как можно скорее вернуться. А пока очень надеюсь на тебя. Не лишай поддержки общинников, пусть твоё слово станет для них опорой. В трудное время будьте вместе. И ежели что, сразу мне сообщите.

— Обязательно. Храни вас Господь, отец Ануфрий!

Он отсоединился.

— Беспокоится, — понимающе вздохнул Георгий. — Хороший человек, ваш отец Ануфрий. Редкий.

— Да. Старец прав. Мне самому надо Но не разорваться же! Уйду в общину — считай, целый день пропал. А времени у нас и так нет, — я потёр лоб. — Ладно. Сейчас прикинем первые результаты, и соберу общину. Поговорим И потом, у нас отличные люди: Герасим, Харитон, Борис, да мало ли

— они всегда поддержат и постоянно со мной на связи. Я не прав? — обернулся я к Георгию.

Тот пожал плечами.

— Ну, хорошо. Продолжим, Георгий. Давай обсудим самый плохой сценарий. Я смоделировал последствия возможного столкновения Земли с кометой, по данным на сегодняшний день. Что мы имеем

Ядро кометы. Прогнозируемые 8–10 километров — это категория крупных небесных тел. Крайне высока вероятность, что её столкновение с Землёй приведёт к глобальной катастрофе.

Я тут смоделировал ситуацию. Смотри, что получается.

Во-первых, энергия удара. При скорости кометы в несколько десятков километров в секунду кинетическая энергия была бы колоссальной. В результате — образование огромного кратера и мощное землетрясение, а если комета упадёт в океан, то и невероятно разрушительное цунами.

Во-вторых, ударная волна и огненный шторм. Взрыв при входе в атмосферу и ударе о поверхность вызвал бы такую ударную волну, которая была бы способна разрушить здания и инфраструктуру на большом расстоянии. А обратное падение обломков вызвало бы глобальный огненный шторм.

В-третьих, пыль, сажа и дым в атмосфере от пожаров окутали бы Землю, погрузив её в «ударную зиму». Солнечный свет был бы частично или полностью заблокирован, что привело бы к резкому падению температуры, гибели растений и

животных.

В-четвертых, химические последствия. Кометы обычно содержат ядовитые соединения (CN, CH, NH, NH, C, C, OH и др.), которые при попадании в атмосферу и океаны могли бы вызвать отравление экосистем. Это кислотные дожди из-за взаимодействия сернистых веществ и оксидов азота с водой. Конечно, нужно подтверждение с «Вега», но вряд ли будет что-то особенное.

Ну, и в-пятых, выбросы в стратосферу разрушат озоновый слой, увеличив ультрафиолетовое излучение на поверхности Земли.

В общем, можно сделать вывод: гибель человеческой цивилизации неизбежна через прямое воздействие: удар, землетрясение, цунами, пожары, уничтожение инфраструктуры и значительной части населения ударной волной. Плюс к тому же «ударная зима», нехватка пищи, воды и энергии из-за климатических и экологических изменений.

В общем, сам понимаешь. Надо во что бы то ни стало найти решение, чтобы отвести беду.

— Но есть ещё вероятность, что она пройдёт мимо. Так, дорогой?

— Да. Шанс всегда есть. Траектория кометы нестабильна, и кто знает. Будем ждать результаты с «Веги». Это сейчас важнее всего.

Но сообщение о «Веге» пришло быстрее, чем мы думали. Через два дня срочное глобальное объявление как громом

поразило нас: при приближении к комете на расстояние, достаточное для начала её изучения, произошла нештатная ситуация. По неизвестной причине бортовая вычислительная система «Веги» внезапно вышла из строя. Космический аппарат, потеряв управление, сменил траекторию и, значительно отклонившись от своей цели, ушёл в космос.

Мы с Георгием остолбенели от такого известия. И не только мы

Пока приходили в себя от сообщения и ломали голову, что предпринять, от Егория, который с утра пораньше отправился в поселение «разведать, что и как», пришёл вызов.

Я принял его, но ничего не услышал.

— Егорий, ты где? Что случилось?

В ответ донеслось какое-то шелестение и едва уловимый сдавленный шёпот:

— Брат Олаф. Скорее. Скорее сюда. Что тут делается!

— Что делается, Егорий? Говори толком! Я еле слышу тебя.

— Не могу я громче. А то слышат

— Кто? Ты где?

— На Соборной площади. Тут брат Фивий беснуется. Конец света, кричит, и вас во всём винит. Едите скорей. Я Герасима попросил, он в верхнем сейчас. Не могу говорить. Косятся уже, — и отключился.

— Что?

— Ничего не понимаю. Егорий просит срочно приехать

на Соборную площадь. Говорит, Фивий беснуется. Концом света грозит.

— Как?!

Я пожал плечами.

— Хотя Вот он и дождался своего часа. Лучшего времени и не выберешь.

— Да уж А чего хочет?

— Понятия не имею. Егорий обмолвился, что Фивий обвиняет в конце света меня.

— Ну, ничего себе! Поедешь, дорогой?

— Надо ехать.

— Егорий попросил Герасима меня отвести. Он сейчас недалеко от нас. Наверное

Не успел я договорить, как на браслете появился вызов.

— Здравствуй, Герасим.

— Здорово. Я тут у входа жду.

— Что ж ты, обещал сразу мне сообщить ежели что, а сам — не удержался я от упрёка.

— Так, я тока узнал! Как-то они быстро сговорились

— Кто сговорился?

— Так, Фивий со своими. А я сегодня тут, в верхнем, в нижнем и не был. Мне как Емельян-то сообщил, так я сразу вам хотел. А тут Егорий просил вас в монастырь отвести. Я уж и подумал, что вы в курсе.

— Эх, Герасим, прозевали мы с тобой. Сейчас выйду, — сказал я и отключился.

Но браслет завибрировал новым вызовом.

— Здравствуйте, брат Олаф, — услышал я взволнованный и оттого ставший звонким, мальчишеским голос Бориса. — У нас проблемы! Фивий на площади собрал всех и пугает концом света!

— Да, я в курсе, брат Борис. Уже выезжаю.

— Я вас встречу у гостевого домика!

— Хорошо.

— Ну, я пошёл.

— Я с тобой, дорогой!

— Ещё чего! Прости, но мы сами разберёмся, — сказал и увидел, как у него от огорчения вытянулось лицо. — Я не к тому. Не хочу тебя впутывать. Альбинка мне этого не простит. Пожалуйста, оставайся здесь. Будешь на связи.

Георгий обиженно отвернулся.

— Сколько уже вместе, а всё чужой, — проворчал он.

— Не обижайся, пожалуйста. Кто его знает, этого Фивия, что ему в голову взбредёт. Влияние в общине у него большое. А за меня не беспокойся. Меня тронуть не посмеет, всё-таки настоятель. Ему этого не простят, и ради карьеры он на это не пойдёт.

— Ладно. Я понимаю. Только, пожалуйста, будь на связи, дорогой! Я буду беспокоиться. А если что, кому сообщить?

— Кому? — задумался я. — На Фивия только отец Ануфрий и Климентий могут повлиять. Старца беспокоить нельзя: он на лечении, приехать не сможет, только зря расстро-

ится, а это ему сейчас никак нельзя. А с Климентием у тебя контакта нет, и дать я его не могу из-за субординации, сам понимаешь. Даже если и дам, то он вряд ли будет с тобой разговаривать. Знаешь что, ты сообщи нашим в Наукоград. Глебу хотя бы. Он решит, как быть. И с Климентием поможет связаться.

— Хорошо, дорогой.

— Не переживай. Сейчас все психуют. Фивий просто пытается использовать момент, подорвать мой авторитет, только и всего. Ничего страшного. Успокою людей и вернусь. Ты пока свяжись с нашими из обсерватории Наукограда, узнай подробности о Веге. Может, прояснилось что.

Георгий кивнул.

— Ну, я пошёл.

— Давай.

Всклооченный Егорий подскочил ко мне сразу же, как только я вышел из вездехода у гостевого домика. Следом за ним подошёл и расстроенный Борис.

— Прости, брат Олаф, не доглядел я.

— Я догоню, — проворчал Герасим, мрачно покосился на нас и направил машину к ангару.

— Не расстраивайся, брат Борис. Спасибо, что сразу сообщил. Ты, пожалуй, со мной не ходи. Побудь среди людей. Если что, я тебя позову.

Он понимающе-виновато улыбнулся: нет у него пока ни-

какого влияния ни на Фивия, ни на поселенцев, только сильнее разозлить может своим вмешательством, а нам главное — успокоить людей, не дать повода раздуть конфликт.

— Пошли, Егорий. Что там?

Парень сокрушённо покачал головой:

— Невиданное дело! Сами поглядите. Вон, слышите?

Ещё издали до меня донёсся непривычный для монастыря шум голосов. Выкриков не слышно, только какое-то грозное скрытое раздражение, готовое вот-вот вырваться наружу, ощущалось в этом непрерывном приглушённом гуле.

Я прибавил шаг.

При входе на Соборную площадь Егорий обогнал меня и пошёл впереди. «Вспомнил, что он мой охранитель, — усмехнулся я про себя, — давно не представлялось такого случая». Но, видя, как люди сердито поглядывали на него, пытающегося прикрыть меня ото всех своей грудью, и насмешливо на меня, словно прячущегося за широкой спиной парня, я почувствовал себя неловко и зашипел ему в ухо, чтоб не лез вперёд.

Он обидчиво поджал губы, посторонился и на шаг пропустил меня, но старался плечом загородить от всех, и потому двигался как-то перекошенно, боком, словно краб.

Люди молчали и расступались передо мной. Я не слышал обидных выкриков. Хотя и приветственных тоже. Всё замерло в зыбкой нерешительности, словно подвешенное на тонкой нити доброжелательства, веры и сопричастности. Но

нить эта была так натянута страхом и неизвестностью, что грозила в любое мгновение порваться. И куда упадём? В какое безумие, где нет ничего человеческого? Меня передёрнуло от этих мыслей, и я постарался их отогнать.

Поднял глаза и увидел на ступенях, ведущих в храм, Фивия. За ним — тенью его верный Фиста, а вокруг — бывшие члены монастырского собора. Они стояли полукругом, охраняя и поддерживая Фивия плотной, чёрной, словно гранитной стеной. Ни звука, ни движения не исходило от них. Только тяжёлая, гнетущая угроза.

Фивий впереди. От порывов ветра ряса его развевалась, как чёрное знамя. Высокий и, мне показалось, похудевший, он стоял как воплощение сгустка тёмной энергии. Энергии сильной, разрушительной и такой опаляющей, что люди на площади чувствовали её жар, словно поглощались ею. Она касалась теплоты их сердец, и тонкая, но ещё осязаемая нить человечности всё истончалась и истончалась под её воздействием.

Гул толпы нарастал. Едва сдерживаемый страх людей, будто пар в котле при разрушаемой системе контроля, искал выхода, но ещё не прорывался возгласами, не взрывался единым возмущением. Тяжёлые слова-глыбы Фивия падали и падали в толпу, давя и перегревая последние сцепки креплений её самоконтроля.

— Останься здесь, — сказал я Егорию и пошёл к лестнице.

Фивий увидел меня.

Я остановился внизу у ступеней.

А он вдруг возвёл руки к небу и закричал таким громовым голосом, что у меня у самого невольно мурашки пробежали по спине:

— Проклятье! Проклятье Бога на род человеческий! За неискупление грехов наших! За гордыню нашу! За помыслы греховные! За то, что ставим себя вровень с Самим Господом нашим! Проклял нас Господь! Наслал на нас гнев Свой, кару небесную — комету Божью. И не будет нам спасения! Ныне, присно и во веки веков! И вот! Вот кто накликал на нас гнев Божий! — Фивий ткнул указующим перстом в меня и затрясся от ненависти. — Вот виновник! Вот главный грешник! Он порушил древние законы общины. Ввёл в грех! Навлёк на нас гнев Божий! Проклинаю!!! — завопил он и поднял руки к небу. — Проклинаю Олафа — врага Божьего и человеческого!!!

Толпа охнула и отхлынула от меня в разные стороны. Заплакал ребёнок. Его плач подхватил другой

«Господи! — ужаснулся я. — Что же это?!»

— Пусть покарает его Господь! Кайтесь! Все! Кайтесь в свой последний час! — он рухнул на колени и возвёл руки к небу. — Ибо он настал! И сотрёт с лица земли Господь непослушных и нерадивых детей человеческих. Кайтесь! Пришёл последний час!

Тень Фивия — Фиста и бывшие члены монастырского со-

бора, стоявшие полукругом около него, тоже рухнули на колени. Я обернулся: на площади те, кто был ближе к храму, поддались и последовали их примеру, но большинство стояли и хмуро смотрели, не издавая ни звука. И вот под действием непрекращающихся воплей и проклятий Фивия, то там, то тут люди опускались на колени и, вознося руки к небу, исступлённо молились.

И вдруг такая злость обожгла моё сердце, что я стиснул зубы, чтобы не зарычать, как дикий зверь. Быстро поднялся по ступеням и подошёл к Фивию.

— Встань, Фивий! — заговорил я и не узнал свой голос: таким мощным и решительным он был. — Властью, данной мне Христианской Церковью, за ложь, панику и попираание Божьих законов человеколюбия я отстраняю тебя от всех должностей и повелеваю идти в свою келью и находиться там, пока твоё дело не решит Церковный Суд.

Толпа замерла. Стало тихо, словно и не было никого.

Фивий поднялся и с такой ненавистью посмотрел на меня, что у меня похолодело сердце, словно в него вонзилась ледяная сталь клинка.

— Иди к себе, Фивий! С глаз моих! Твоё дело будет рассмотрено на Христианском Соборе. Жди решения в своей келье. Дозволяю выходить из неё только по житейской необходимости и для молитвы в храме. Ступай!

Я повернулся к монахам, стоящим за ним:

— И вы расходитесь, если не хотите тоже попасть под Цер-

ковный Суд.

Они дрогнули и поспешно стали спускаться со ступеней.

Оставшись один, бледный Фивий медленно повернулся ко мне и прошептал одними губами:

— Ты ответишь за всё!

На миг мне показалось, что его тихие слова бьют прямо мне в грудь, словно гвозди вбиваются в крышку гроба. У меня закружилась голова, а он, опираясь на посох, гордо последовал за монахами.

Толпа почтительно расступилась и сомкнулась за монахами. Все повернулись ко мне.

— Братья и сестры! Настал тяжёлый момент в нашей жизни. Я понимаю волнение и переживание каждого из вас. Мы все в одном положении. Угроза от кометы нешуточная. Однако вы все знаете, что учёные нашего мира работают над тем, чтобы ликвидировать эту угрозу. Кроме того, точного движения кометы никто рассчитать не может. И никто не может со стопроцентной уверенностью сказать, пролетит ли комета мимо или упадёт на землю. Это будет ясно позднее. Не сейчас. А сейчас, — я запнулся, потому что должен был сказать то, во что сам не верил, но из двух зол выбрал меньшее: я должен был во что бы то ни стало прекратить панику и успокоить толпу, потом разберёмся, кто прав — сегодня есть все основания полагать, что комета Лексея пройдёт по той же траектории, как и в прошлый раз, в восемнадцатом веке. Тогда она тоже прошла мимо Земли. Оснований для

паники пока нет. Все возможные ситуации прорабатываются и будут использованы. Будьте уверены! Доверьте сердца свои Богу. Никогда Господь Милосердный не оставлял детей Своих. Наоборот! Он послал Сына Своего на смерть ради нас всех! Разве может Он убить тех, кого создал с такой любовью? Молитесь, и пусть надежда и спокойствие поселятся в ваших сердцах! Кто верит в Бога, тот верит и в Его милосердие и любовь! Расходитесь и займитесь своими праведными делами во славу Его. Будем вместе поддерживать и любить друг друга, как заповедовал нам Господь!

Я видел, как безумие покидало глаза людей, и разум начинал светиться в них. Паника уступала место смущению и недоумению. Но мало кто поспешил уйти. Послышались голоса. Люди волновались.

— Так ли, брат Олаф?

— Не может такого быть, чтобы брат Фивий напраслину про комету-то говорил!

— Брат Олаф, а уж не скрываешь ли ты от нас что на самом-то деле?

— Скажи правду!

Я поднял руки, и всё стихло.

— Какую правду вы хотите от меня услышать? Сегодня ни я, никто другой не могут точно утверждать, пролетит ли комета мимо Земли или столкнётся с ней. У учёных нет таких точных данных. Расчёты постоянно меняются при приближении кометы.

— Так как же, батюшка! — воскликнула женщина, стоявшая недалеко от меня. — Как же жить-то?! Что делать?! Когда неизвестно, будем ли мы завтра живы или нет!

Я обернулся к ней, обвёл взглядом площадь. Сотни глаз, не отрываясь, смотрели на меня с немым вопросом.

— Как жить? Что делать? — громко переспросил я. — А вспомните, Евангелие от Матфея, где он привёл слова Иисуса Христа: «ни один волос не упадёт с вашей головы без воли Отца вашего Небесного». Или не верите в то, что во всём мудрый промысел Божий? Или не верите в заботу Божию? Или не верите слову Евангелия?

Толпа ахнула. Кто крестился. Кто молился, сжав руки

— Или забыли, что каждый из нас не минует того времени, когда окажется перед лицом Его? И каждому из нас указан Им свой срок? Так верьте! Будет так, как задумал Он. Сегодня время испытания веры и смирения перед Ним. Каковы мы будем в эту трудную, опасную минуту? Сохраним ли любовь, Им нам заповеданную, или превратимся в диких зверей, загнанных в угол в минуту опасности? Я верю в вас всем сердцем! Призываю: доверьтесь Господу нашему! Да отведёт Он эту беду! Коснётся разума учёных и подскажет, что нужно сделать, чтобы её отвести. А пока идите с молитвой и верой в Господа! Негоже оставлять дела наши, которые мы вершим ради Него. Будем же спокойны и благоразумны, уповая на волю Его. Верьте в Его милосердие и любовь!

И они поверили.

Постепенно площадь опустела.

Остался я и Егорий. В изнеможении я сел на ступеньку.

Егорий пристроился рядом.

— Чего это вы? — сочувственно заглядывал он мне в глаза.

— Устал, Егорий, перенервничал.

Парень понимающе вздохнул.

— Я сам перепугался, когда брат Фивий как рыкнет. Прямо мороз по коже. Аж страшнее кометы.

Я подождал, пока у меня перестанут дрожать колени, и встал.

— Какой он нам брат? Пойдём домой, Егорий.

Глава 19 Исчезновение

Осень наступила резко. Не дожидаясь сентября, уже в последние дни августа она упала на обитель холодным проливным дождём, вальяжно разлеглась меж гор густым туманом.

В обители наступили тревожные, ненастные дни.

Внешне всё выглядело спокойно. Так же, как и всегда, проходили богослужения, и с раннего утра до позднего вечера трудились поселенцы: кто в поле, кто в мастерских, кто в заводике — каждый знал и делал своё дело.

Но богослужения проводил уже не Фивий, а сами братья, хотя и по спискам проведения служб, которые установил Фивий. Спасибо Борису, подхватившему его дело.

Да и работа в обители уже не сопровождалась песней и весёлым говором, а в мастерских нет-нет да и увидишь застывшего над работой мастера, унёсшегося мыслями куда-то далеко.

Придавили обитель осень и страшная неопределённость. Придавили

С тоскливым сердцем возвращался я в обсерваторию после редких обходов обители. При встрече люди были вежливы со мной, но я чувствовал выросшую стену между нами: будто огромный пылевой хвост кометы уже долетел до Земли и осыпался, воздвигнув её между людьми, и неподъёмной тяжестью осел на плечи поселенцев.

С того дня, когда Фивий проклял меня, я не видел его, но постоянно думал о нём. Он словно заноза глубоко застрял в моей душе: ни вытащить, ни забыть.

И не только у меня он был постоянной заботой. Егорий решил следить за Фивием и за всем, что происходит в обители: совсем забросил работу у нашего монастырского агронома и ветврача Тита и целые дни пропадал в монастыре и поселениях.

Я было велел ему оставить Фивия в покое: что он может, сидя в своей келье? Но Егорий только жалостливо, как на неразумного ребёнка, глянул на меня, спорить не стал, а чуть ли не ультиматумом решительно заявил:

— Вы, как хотите, брат Олаф, а я не могу допустить, как в прошлый раз-то. Отца Ануфрия нету. Вы весь в работе. Кто ж упредит? И потом, отец Ануфрий что завещал? Чтоб я был вашим охранителем. Мне и держать ухо востро! Я теперь с него глаз не спущу.

Так и пропадал с утра до вечера. А на ночь глядя являлся ко мне с докладом о том, что и как у нас происходит.

И хотя я ворчал на него за эту шпионскую деятельность, но не мог не согласиться с её необходимостью. Мне было очень важно, чтобы наш тыл не давал сбой, пока мы воюем с кометой.

Егорий мне и доложил, что поселенцы всё больше собираются вокруг Герасима. А тот, видимо, стараясь загладить свою оплошность, теперь был везде.

— Прям как Фиста! — восхищённо округлял свои коровьи глаза Егорий. — Тока Фиста тенью шмыгает из угла в угол, всё высматривает. Тьфу, — в сердцах плюнул он. — Все от него шарахаются, как чёрт от ладана. А Герасим куда ни придёт, так к нему тянутся, как выюны к опоре. Герасим наш ого-го! Всё знает! Всё у него в руках спорится. А уж спокойный, что твой удав. Где он — там работа кипит, вроде как и нет беды никакой, а только вот дело это и есть, которое делать надо.

Я обрадованно кивнул.

— Только вы не особо радуйтесь, — покосился он на меня и шёпотом добавил: — Я вам вот что скажу: Фивий всё время в келье сидит. Выходит только во время богослужений в храм помолиться. Но стоит отдельно ото всех. В углу. И молится так истово, что вокруг него всегда пусто — люди боятся приблизиться. Даже его приспешники никогда рядом не встают.

— Ты что шепчешь-то, Егорий? — удивился я.

— А то, что не всё так просто! — убеждённо сказал он. — Вы не думайте. Тут тайна!

Я опешил от неожиданности.

— Какая ещё тайна?

— А такая! Это они нарочно. Глаза отводят! А на самом деле Фивий-то и не смирился. Как пить дать, затевает что-то!

— Да с чего ты взял-то?

— А как же! Сами посудите: дня не проходит, чтоб кто

из его монахов к нему в келью не пришёл. То Тихон, то кузнец Пётр, то Сидор, да что там, — махнул он рукой, — всех и не перечислишь. Так и шмыгают. Туда-сюда. Даже Хрон, хранитель склепов, заявлялся. Про Фисту его я и не говорю: везде свой нос сует. Знаете, брат Олаф, я думаю, он меня подозревает и даже следит!

— Будет тебе, Егорий! Фивий вынужден сидеть в келье, вот его и приходят поддержать монахи. Ничего страшного в этом нет. А Фиста всегда был его глазами и ушами. А уж тем более сейчас.

— Ага! Поддержать! — Егорий в сердцах хлопнул себя по коленям. — Да у них там целый штаб!

Я недовольно рассмеялся:

— Смотри, паранойю не заработай.

— Какую ещё паранойю? — поразился тот.

— Навязчивую идею. И будут тебе везде мерещиться разговоры.

— Скажете тоже, — обиделся парень. — Доверчивый вы больно, как не от мира сего. Неспроста слухи о конце света по общине носятся. Знамо дело, их работа.

Он придвинулся ближе и зашептал мне на ухо:

— Я тут в храме-то, как заметил, что Тихон с поселенцем шушукается, тихонько так подошёл, за колонной и встал, а сам слушаю. Тихон-то и говорит, мол, враки всё, что комета мимо пролетит. Вроде как давно известно, что она обязательно упадёт на Землю, и даже уже место знают — куда.

И что всех не убьёт, а только грешников. А кто раскается и искупит свои грехи, того Бог помилует. И что слушать надо Фивия, он всё знает и один спасти может. Представляете?!

И, отодвинувшись, заглянул мне в глаза. Я заметил, что в них притаился страх — он и сам побаивался.

— Ложь это всё. Не беспокойся, Егорий. Ничего они сделать не смогут своим враньём. Не где-нибудь живём, а в святом месте. Тут люди особые, духовные. Таких трудно взбаламутить.

— Ага, ага, — ухмыльнулся Егорий, махнул рукой и опять «ушёл на разведку», как он выразился.

А я остался с тяжёлым сердцем. «А ведь Егорий прав. Баламутит Фивий народ, баламутит. А что я могу? Не в цепи же его заковать и охрану поставить, чтоб никто не приходил в его келью! Нет у меня на то полномочий, да и не поймут люди Сообщить Климентию? Ему сейчас не до наших разборок. Ничего, скоро всё разрешится. Даже если бы Фивий и захотел, то не сможет. Не пойдут за ним. Это точно. Да и не до того сейчас. Вот решим главную проблему, разберёмся и с ним», — подумал я и заставил себя выбросить из головы эти мысли, сосредоточиться на работе.

В общине наступил тревожный покой. Вроде всё как обычно: монахи занимались своими насущными делами, поселенцы — своими, но атмосфера была тяжёлая. Страх перед неизвестностью и неуверенность в завтрашнем дне не только поселились в обители, но и росли. Люди не шли в мо-

настырь участвовать в его делах: иконописной мастерской, в хоре, столярной даже детей не пускали.

Я с тревогой поглядывал на энергостенд в лаборатории. Серая пульсирующая линия, отражающая духовную энергию общины, достигнув своего максимума в день праздника, теперь неуклонно снижалась, приближаясь к горизонтальной линии, пересекающей центр экрана и светящейся зелёным цветом (эталонному показателю духовности современного человека).

Настал день, когда эта серая линия опустилась ниже эталонного значения и там замерла, трепеща едва заметными импульсами, словно пульс умирающего человека.

И хотя ещё бывали всплески духовного подъёма во время богослужений, но всё реже и реже. Страх точил душу общины, всё больше подчинял её себе.

У нас был единственный выход — ликвидировать угрозу кометы, над чем мы с Георгием и бились почти двадцать четыре часа в сутки.

За три дня мы собрали всю имеющуюся информацию по борьбе с кометными угрозами и смоделировали результаты их применения в наших условиях.

— Что у тебя, Георгий? — спросил я, когда мы решили подвести предварительный итог исследований.

— Ничего утешительного, дорогой. Есть хорошие варианты, но для нас не годятся.

— Что имеешь в виду?

— Ну, к примеру, кинетический таран. Хотя эта технология и доказана: удар массивным космическим аппаратом на огромной скорости для передачи импульса уже применялся в двадцать первом веке для астероида. Но для кометы с ядром в десять километров потребуется несколько последовательных таранов тяжёлыми аппаратами или один очень массивный. И я совсем не уверен, что сегодня у нас их в достаточном количестве.

— И всё же надо иметь в виду и такой вариант, когда будем докладывать. А вот идея с гравитационным тягачом совсем не подходит.

— Да уж. Нет у нас столько времени, чтобы тяжёлый космический аппарат, зависнув рядом с кометой, гравитационным притяжением утянул её с опасной траектории. Это годы нужны. А у нас всего-то пара месяцев

Георгий прихлопнул ладонью по столу, встал и взволнованно прошёлся по лаборатории. Я смотрел на него. Он явно что-то обдумывал, но не решался сказать.

— Что, Георгий? Говори уже!

Он повернулся ко мне.

— Есть способ. Ты его знаешь, но вряд ли поддержишь.

Я вопросительно кивнул ему.

— Ядерное отклонение.

— С ума сошёл, — поморщился я. — Кто ж на это пойдёт? Я вообще не уверен, что сейчас у нас есть ядерное оружие. Вспомнил! После полного запрета на Земле и в космосе его

уж давно и следа не осталось.

— Но это единственный выход, дорогой! Причём тут какие-то запреты, когда на кону выживание человечества! Не об этом думать надо! Точный расчёт — вот что нас спасёт. Главное — не взорвать саму комету, а то вместо одной получим не только крупные радиоактивные обломки, но и мелкие фрагменты, и не исключено, что они накроют целое полушарие. А 100–200-метровые осколки способны пробить атмосферу и вызвать разрушения масштаба Тунгусского в десятках точек. И получим: суммарная энергия ударов не уменьшится, а площадь поражения возрастёт катастрофически!

— Ты представляешь себе, что значит мощный ядерный взрыв около Земли?

— Почему около? Выбрать место не ближе, чем за 500 000 км от Земли. Я всё просчитал. Смотри, — Георгий распечатал и протянул мне испещрённые формулами листы.

Я быстро пробежал их взглядом и остановился на выводе: Электромагнитный импульс: возникает при ядерном взрыве на высоте выше приблизительно тридцати километров и в пределах магнитосферы (десятки тысяч километров). Вызывает искусственную геомагнитную бурю. Результат: массированный выход из строя спутников на орбите (связь, глобальный интернет, навигация); на Земле — скачки напряжения в протяжённых линиях электропередач, возможны веерные отключения.

Радиоактивное загрязнение: в вакууме радиоактивные

продукты взрыва не образуют локальных осадков, но часть вещества кометы (пыль, газ, мелкие обломки) будет захвачена ударной волной и расширяющимся облаком плазмы. Если взрыв произошёл на расстоянии менее 500 000 км, это облако неизбежно войдёт в верхние слои атмосферы вместе с обломками. Мелкодисперсная радиоактивная пыль рассеется в стратосфере и будет выпадать месяцами по всей планете. Короткоживущие изотопы (йод-131, цезий-137) заразят воду и почву, создав дополнительный канцерогенный фон на годы. Это не «ядерная зима», но глобальный экологический стресс.

Приливные возмущения и атмосферный удар: если взрыв произойдёт на расстоянии до 100 000 км, поток рентгеновского и гамма-излучения может нагреть верхнюю атмосферу над полушарием, вызвав её расширение и ударную волну, которая породит аномальные ветры и возмущения ионосферы.

Я поднял на Георгия глаза.

— Понимаешь, дорогой, мы должны точно рассчитать ядерный взрыв, который необходимо произвести не ближе чем в 500 000 км от Земли и 300–500 метров от поверхности кометы — зависит от размера ядра. Эх, «Вега» бы тут пригодилась. Но ещё есть время уточнить. Рассчитаем мощность заряда и взорвём. Рентгеновское и нейтронное излучение мгновенно испарит поверхностный слой льда кометы, создавая реактивную тягу, и она мягко оттолкнёт её в сто-

рону. И всё! Сам подумай. Это самый мощный и быстрый метод воздействия на короткой дистанции. И времени вполне хватит для расчёта, создания и применения. До вероятного столкновения почти два месяца. Смотри! — он быстро ввёл данные: — По самым грубым подсчётам: комета несётся к Земле со скоростью приблизительно 40 км/с, а наш перехватчик от Земли полетит со скоростью около 10 км/с. Встреча на дистанции в 500 000 км произойдёт всего через 10 000 секунд, или 2,78 часа, от момента старта перехватчика, — он повернулся ко мне.

— Но это при прямом лобовом курсе. Это технически сложно. Мы можем спокойно заложить на подлёт несколько суток, чтобы неторопясь навестись и подорвать заряд. Главное — успеть подготовить космический зонд.

— Ну, может быть. Хотя я не уверен, что на это пойдут. Мы никогда не применяли ядерное оружие в космосе. Всё, что ты говоришь — это только теоретические выкладки. Могут быть непредвиденные последствия.

— Хорошо! Давай ждать предвиденного результата, когда комета врежется в Землю! Или ты можешь предложить что-то ещё?

— Нет

— Ну не бездействовать же!

— Ладно, — прихлопнул я ладонью по столу, ставя точку в своих сомнениях. — Готовь докладную. Будем передавать. Через несколько часов докладная ушла в Научград: одна

— Глебу в обсерваторию для отправки им в Совет Земли, другую я отправил Климентию.

Можно и передохнуть. Мы сделали всё, что смогли: приняли решение. Но на душе было беспокойно.

Георгий не удержался и, смущённо улыбаясь, сказал:

— Пойду, Альбинке позвоню. Как они там.

Счастливый. Ему есть с кем душу отвести...

Но не прошло и пяти минут, как он вернулся.

Глаза его радостно сияли:

—

Представляешь! Альбина приезжает! Через два дня! С мальчишками!

— Да ты что?! — подскочил я. — Надо срочно сообщить Герасиму. Пусть проверит, как там ваш домик.

Георгий смеялся.

— Слушай! А давай что-нибудь перекусим? Я на радостях жуть как проголодался!

— Спроси у Люсеньки. Может, чем побалует до обеда?

Георгий связался с нашей хозяйкой.

— Хозяюшка, не побалуешь ли чем? У меня сегодня праздник, дорогая! Нет, не день рождения, — засмеялся он. — Лучше! Мои приезжают через два дня. Да! Жена с детьми. Спасибо! А ты где? А-а-а, ну ладно. Не беспокойся. Мы сами.

— Люсенька у девчат в поселении. Велела нам самим хозяйничать, — подошёл он ко мне.

Я встал и хлопнул его по плечу:

— Всё, что найдём, всё наше!

Смеясь, мы пошли в столовую.

Георгий в последние дни перед приездом семьи был счастлив. Я и не помню, когда его ещё видел таким.

Несмотря на то, что он не отпускал ни бороду, ни усы и брился почти ежедневно, теперь же был так гладко выбрит, что можно было подумать, будто бреется дважды в день: утром и вечером.

— Альбинка любит гладко, — смущённо потирая подбородок, сказал он, когда я, смеясь, спросил его.

Нет, Георгий не забыл о нависшей угрозе. Но она как-то вдруг отошла на второй план; даже когда мы работали в обсерватории, я замечал, что он вдруг задумывался и улыбался чему-то своему. Я даже подумал, что приближающийся долгожданный приезд семьи полностью вытеснил из его разума нависшую угрозу.

Всё свободное от работы время он теперь проводил в домике, построенном для них. И хотя домик получился добротный и просторный, все строительные и отделочные работы в нём были закончены, даже завезена необходимая мебель и современная бытовая техника, Георгий всё не мог успокоиться.

Однажды вечером я вышел перед сном подышать воздухом и увидел свет в домике Георгия, срубленном на широкой поляне весёлой берёзовой рощи, подступающей к само-

му уступу, в центре которого сиял огромный кристалл обсерватории.

— Георгий, чего не спишь? Поздно уже, — удивился я, когда вошёл к нему и увидел, что он сам прибывает какие-то полочки, расставляет мебель, игрушки — Не проще ли вызвать специалистов, сказать, что и где ты хочешь разместить, и они в два счёта всё устроят?

Друг удивлённо оглянулся на меня:

— Каких ещё специалистов, дорогой? Что они понимают? Тут надо мальчишек знать. А кто лучше отца-то? Вот, — он распаковал только что доставленное кресло-мешок и придвинул его поближе к низко прибитой им полочке, — для Сашки. Он у меня тихоня. Будет место для его любимых книжек. А это, иди сюда, — махнул он мне, — спортивный уголок для Кирюшки. Этот — такая оторва! Не удивлюсь, если умудрится и к нам в обсерваторию пробраться.

Он засмеялся, нежно поглаживая стенку-скалодром, встроенную в большой куб, составленный из шведских стенок.

— Прямо как для обезьянки, — рассмеялся я.

— А то! — улыбнулся Георгий. — Та ещё обезьянка.

В общем, эти дни Георгий был поглощён заботами и о своей семье, и о нашей работе. И я не берусь утверждать, что его заботило больше

Конечно, мы отправили предложения по ликвидации угрозы и теперь могли только ждать решения. Но оба отлич-

но понимали, что время играет против нас. Мы просто обязаны были продолжать работу. И главным было получить как можно более точные данные для расчёта необходимого ядерного заряда и наилучшего места для подрыва.

Георгий занялся анализом данных астрографа, следившего за траекторией кометы, постоянно изменяющихся программных моделей её движения, стараясь определить наиболее точный путь её к Земле.

Я же — спектроскопией (позволяющей изучить спектр электромагнитного излучения, включая видимый свет, радио- и рентгеновское излучение, и определить химический состав, температуру, плотность и другие физические свойства кометы) и моделированием взаимодействия кометного материала с солнечным излучением и космической средой, чтобы понять, какие возможные факторы могут повлиять на комету.

И как Георгий умудрялся совмещать нашу работу с обустройством своего семейного гнёздышка, ума не приложу. Наверное, по ночам.

Но всё заканчивается. Наступил наконец и долгожданный день приезда.

С раннего утра в обсерватории царил суматоха. Люсенька, наскоро покормив всех завтраком, выгнала нас из кухни.

— Чтоб не мешали мне приготовить кое-что вкусненькое! — пообещала она. — Пальчики оближете!

И как Егорий ни выпытывал, чем она нас угостит, так ни-

чего не узнал. Только рассердил девчушку, получил половником по спине и поспешно ретировался.

— Вот приедут гости, всё и увидите, — и заперлась в своей кухне.

Георгий взволнованно ходил по лаборатории (в башню обсерватории сегодня мы поднялись только рано утром, посмотреть компьютерный анализ ситуации за ночь), постоянно поглядывал на часы и звонил Альбинке. В конце концов, похоже, она рассердилась.

— Хорошо, хорошо, дорогая! Альбиночка, ты только не расстраивайся. Не буду дёргать, — расстроенно сказал он, послушал, что она ему говорит, согласно кивая, словно жена могла его видеть. — Но я через пару часов всё же позвоню! — и, вздохнув, отсоединился.

— Георгий, успокойся. Сейчас только одиннадцать, а поезд прибывает в 14:15. На вездеходе от силы пятнадцать минут.

— Да, конечно, дорогой. Не знаю, что такое какое-то предчувствие сам не пойму чёрт-те что! — он в сердцах махнул рукой, совсем позабыв данное мне обещание не ругаться.

— Ты просто перенервничал. Столько ждал. Осталось всего ничего. Всё будет хорошо. Давай поднимаемся в башню? За работой время быстро летит.

— Пошли, — согласился он и пошёл к лестнице, но вдруг остановился и повернулся ко мне: — Прости! Не могу сегодня. Ничего в голову не лезет. Я, пожалуй, в библиотеку спу-

щусь. Хотел кое-что почитать

— Ну, иди, а я — в обсерваторию, — улыбнулся я, прекрасно понимая, что он опять будет названивать Альбине, не удержится.

За работой время летело незаметно.

Я обнаружил серьёзную проблему: приборы зафиксировали нестабильность движения кометы. Что это? Воздействие солнечного ветра и излучения? Удары метеоритов? А может, обломков из её же комы? Нам ещё не хватало распада ядра! Эх, вот когда сказывается отклонение «Веги», нам просто необходима точная информация. Может, попробовать анализатор

Меня отвлёк вызов Георгия.

— Что, Георгий?

Видно, голос мой звучал резко. Он ответил не сразу. Я услышал какой-то шум. А потом его запыхавшийся, прерывающийся голос:

— Извини. Нужна твоя помощь.

До меня донёсся слабый стон и вопль Егория:

— Держите! Держите! Падает!

— Что у вас там происходит?! — но Георгий уже отключился, и я бросился в библиотеку.

Я спустился. Там никого. Я выскочил в коридор и увидел в его конце, как раз напротив кухни, лежала Люсенька. Над ней склонились Егорий с Георгием. Я кинулся к ним и, подбежав, остолбенел. Девушка была без сознания. У неё было

жуткое, неживое, какое-то кипенно-белое лицо, а платье — всё в кровавых пятнах: они алели на груди, на животе. Даже на белой косынке.

Егорий, красный, с вытаращенными глазами, в окровавленной рубаше, стоял рядом с ней, вцепившись в предплечье её левой руки. Из-под его пальцев к кисти стекла кровь и капала на пол, где натекла уже лужица. Из кухни вела красная прерывистая дорожка, а на двери остались кровавые следы от рук. Георгий с кем-то возбуждённо разговаривал по браслету, его руки тоже были красны от крови.

Меня замутило.

— Что происходит? Люсенька! Что случилось? Егорий!

— Что Егорий? Она вон! Порезалась вся! Я её насилу сюда приволок для помощи. Хотел уж вас звать, а тут Георгий из библиотеки

— Так что ж вы! Она ж кровью истечёт. Надо рану зажать!

— А я что делаю?!

Георгий в это время закончил разговор и повернулся к нам.

— Харитон велел руку туго перевязать над раной и поднять вверх, а потом быстро к нему. Хорошо, у нас вездеход наготове.

— А чего сам?

— Время. Пока он сюда, пока в больничку Надо быстро. Кровотечение сильное.

— Он сказал чем-то перетянуть выше пореза. Бинт, жгут.

Где у нас аптечка? Мы ею и не пользовались никогда. Она вообще есть?!

Я наклонился к Люсеньке, задрал ей платье и рванул длинную рубаху. Белый лён хоть и был прочным, но поддался, и я быстро перетянул руку выше пореза прямо на рукаве. Секунду, другую — и кровь перестала стекать к кисти.

— Надо поднять повыше, — почему-то прошептал Георгий.

Я кивнул и приподнял кисть девушки.

Она даже не шевельнулась.

— Как же так получилось? — тревожно всматриваясь ей в лицо, спросил я.

— Ума не приложу, — пожал плечами Егорий. — Я к кухне-то подошёл и говорю: «Люсенька, впусти хоть глазком глянуть, что там у тебя. Такие запахи — прям голова кругом. И вообще, перекусить что-нить пора». А что? — глянул он на нас с Георгием. — Меня завсегда Люсенька чем-нить угощает перед обедом-то. Хоть киселя да нальёт. А она было заругалась на меня, а потом как вскрикнет. И так жалостливо — прям мороз по коже. Я плечом на дверь и надавил, а там Люсенька Нож на полу! На руке прям не рана, а зев открытый, и кровища! Так и хлещет! Я рану-то зажал и в коридор потащил.

— Зачем в коридор-то? Сразу надо было нам с Георгием сообщить!

— Да чё-то не сообразил. Перепугался. Думаю, к вам дой-

дём, а вы помощь и окажете. Рану-то я крепко держал! А она, голубка, как не в себе стала. Насилу ноги передвигала. А как вышли в коридор, так и упала.

— Ты б на руки.

— Как же, на руки! А рану кто держать будет? Из неё так и лилось. Мне прям самому поплохело

И тут прозвучал сигнал браслета Георгия.

— Альбина, — сказал он и прокашлялся, чтобы голос его звучал как обычно. — Да, дорогая? Конечно, встречу, — он растерянно глянул на меня. — Даже не беспокойся. Я буду раньше, чем вы подъедете. Почему не звонил? Ну ты ж сама запретила. Что с голосом? А что с ним такое? Нормальный голос. Просто волнуюсь. Столько не виделись. Всё-всё, Альбин, мне пора выезжать. Целую. Скоро увидимся.

Он отключился и уставился на меня.

— Значит, сделаем так, — опомнился я. — Люсеньку надо срочно в больницу. Тебе — встречать своих. Вездеход у нас один. Минуту!

Я вызвал Герасима и включил громкую связь.

— Здравствуй, Герасим, у меня к тебе срочное дело!

— Здравствуй, а что надоть?

— Надо Георгия срочно отвезти на станцию встречать семью.

— А что, больше некому? Я тут в общем, мне тут срочно надо. Егорий пусть.

— Герасим! Мне бы только вездеход, а там я сам доберусь.

Дорогу знаю. Да и одна она на станцию. Не заблужусь, — сказал Георгий, наклонившись к браслету.

— Ну, так у Егория-то!

— У нас тут неприятности, — сказал я. — Люсенька случайно порезалась. Надо срочно в больничку. Много крови потеряла. Мы с Егорием её повезём на вездеходе обсерватории.

— Вот ведь беда какая — Герасим помолчал, видимо, соображая, как лучше сделать, и сказал: — Тада давайте так: все подъезжайте к перекрёстку, к нижнему-то. Я вас тут ждать буду с вездеходом. Передам его Георгию. Пушай едет, встречает своих. А Егорий потом вернёт.

— Ага! — заныл Егорий. — Мне обратно пёхом, что ли?

— На телеге приедешь. В монастыре лошадку возьмёшь, — толкнул я его локтем в бок. — Заодно и прогуляешь.

Егорий исподлобья глянул на меня и кивнул.

— Хорошо, Герасим! Мы выезжаем. Жди.

Я обернулся к девушке.

— Надо же в сознание привести.

— Похлопай по щекам, дорогой. Ты настоящий, тебе можно.

— Егорий, принеси воды.

Парень бросился на кухню, а я осторожно похлопал девушку по щекам.

Прибежал Егорий с целым стаканом воды. Мы побрызгали ей в лицо, и она, вздохнув, открыла глаза.

— Слава Богу! Люсенька, встать сможешь? В больничку надо. Давай. Мы поможем.

Добрались до перекрёстка быстро. Герасим нас уже ждал. Передал Георгию вездеход и попросил нас подбросить его до полпути к больничке, по делам.

Георгий кивнул и умчался на станцию. Только и успел сказать мне в ответ на то, что мы будем ждать его в обсерватории, что неизвестно, кто кого ждать будет.

Егорий сел за управление обсерваторского вездехода, и мы понеслись к больничке.

— Как же ты, Люсенька? — жалостливо погладил бледную девушку по голове Герасим.

— Так уж получилось простите — едва слышно прошептала она, и слёзы потекли у неё по осунувшимся щекам.

— За что ж простить-то? Всякое может случиться. Ничего. Всё пройдёт. До свадьбы заживёт. Не убивайся так. Харитон хороший доктор. Быстро тебя на ноги поставит.

— Это я виноватый, — втянув голову в плечи, покаялся Егорий. — Зудел под руку. Вон оно так и вышло.

Харитон ждал нас у дверей больнички.

— Ну, что тут у вас? — спросил, оглядывая повязку. — Хорошо наложили. Пойдём, Люсенька. Сама дойдёшь или каталку?

— Сама, — прошептала она и, опираясь на нас с Егорием, тихонько пошла в больничку.

Харитон показывал дорогу:

— Давайте сюда, — открыл он дверь с табличкой «Процедурная».

В процедурной Харитон осторожно развязал руку и показал головой, разглядывая 5-сантиметровый порез:

— Обильно, но рана неглубокая. Можно сказать, повезло. Но пару швов придётся наложить. Поставим капельницу.

— Долго ей придётся тут пробыть?

— Посмотрим. Как ты себя чувствуешь, Люсенька?

— Голова кружится.

Харитон утвердительно кивнул.

— Не волнуйся. Так и должно быть при таком ранении. Восстановишься. Сделаем анализы. Понаблюдаем. И, может, завтра уже домой побежишь, — ободряюще сказал он.

Девушка смущённо ему улыбнулась.

— Вот и хорошо, — облегчённо вздохнул я. — Спасибо, Харитон. Поправляйся, Люсенька. Я завтра узнаю, и, если можно будет, Егорий за тобой приедет. Пошли, Егорий. Нам пора.

Мы вышли из больнички. И только теперь я обратил внимание, что день сегодня на удивление хорош. Солнце перевалило через зенит, но не спешило скрыться за горы, даря спокойное, почти летнее тепло всему вокруг. Я зажмурился и подставил лицо под его ласковые лучи. Глубоко вздохнул терпкий, наполненный густыми ароматами воздух ранней осени.

«Надо ехать. Как там Георгий? Наверняка уже встретил

своих».

Я на браслете вызвал его. Браслет молчал.

«Ничего не понимаю».

Такого никогда и не было, чтобы вызов остался без ответа. Помню только один такой случай за всю мою жизнь. Тогда моя Фёка, после того как я обидел её недоверием, сама оборвала со мной все контакты. И об этом мне было сообщено при попытке связаться с нею.

А теперь? Я ясно слышал, что шёл сигнал вызова, но ответа не было. Испортился браслет Георгия? Это невозможно. Почему-то страх вцепился в горло, и мне стало трудно дышать. Не случайно это! Не случайно! Фивий! Неужели Я лихорадочно набрал Альбину. Результат тот же. Да что ж такое!

— Егорий, не могу связаться с Георгием. Попробуй ты.

Парень кивнул и набрал вызов.

— О! — глаза его стали круглыми, — вызов идёт, а ответа нет. Как это?

— Не знаю, Егорий.

Я глянул на время: почти час прошёл, как ушёл поезд, который должен был привезти семью Георгия.

— Давай быстро в обсерваторию. Может, они там.

Мы влетели в обсерваторию, обыскали всё сверху донизу, были в домике Георгия — везде пусто.

— Давай на станцию! Что-то случилось. Может, авария и они без сознания, не могут ответить!

Но и на станции никого не было. Монастырский вездеход одиноко стоял возле деревянной платформы. Безмятежно пели птицы. И была такая тишина, что слышалось, как шевелились листья на деревьях и шептались высокие стебли луговых трав под порывами ветра. Вправо и влево в бесконечность убегали рельсы. Как будто и не было никогда ни Георгия, ни Альбины, ни его мальчишек. Сердце моё так сжалось, такая слабость и бессилие охватили меня, что я сел прямо на платформу.

— Как же это? Что ж это такое?! — Егорий ходил вокруг меня. — Что вы сидите-то? Искать надо. Пойдёмте. Вон домик-станция. Спросим у кого.

— Там нет никого. Станция давно автоматизирована.

— Ну, у автомата спросим. Может, видел чего?

— Пойдём. Только зря это. Нет у них такой функции. Устаревшая модель.

Мы пошли к одноэтажной коробке станции, выкрашенной коричневой, уже облупившейся краской, под покатой, отливающей серым металлом крышей, над которой торчала чёрная полуразрушенная труба. На стене коробки, со стороны платформы, виднелось закрытое окошко, над ним ярко-жёлтой краской написано «Касса». Рядом — распахнутая настежь дверь, обитая железом.

Мы вошли внутрь. Маленькое помещение, несмотря на летний день, было тёмным и каким-то промозглым. В центре него высился допотопный агрегат, похоже, заменивший

и начальника станции, и кассира.

Егорий обошёл его вокруг и ткнул в маленькое меню, расположенное под небольшим окошком. Оно осветилось, и немного ржавый голос сказал:

— Ближайший поезд остановится двенадцатого сентября. Заранее бронируйте места. Сколько мест вам надо? Надо проверить наличие.

— Мне не надо места. Скажи, ты видел, кто приехал сегодня на поезде? Куда они пошли?

— Сегодня поезд прибыл точно по расписанию в 14:15 и своевременно проследовал далее. Задержек не было.

— А кто выходил из поезда? Кто приехал?

— Сегодня поезд прибыл точно по расписанию в 14:15 и своевременно проследовал далее. Задержек не было.

— У, железка ржавая, — в сердцах пнул его Егорий.

— Пошли.

— Куда? — заглянул он мне в глаза.

— Людей надо поднимать. Искать будем.

Глава 20 Ультиматум

Мы вышли из здания вокзала и остановились.

Егорий растерянно озирался. Я тоже огляделся.

Позади здания, в километре от него, начиналось предгорье, уходившее вверх и направо постепенно возвышающимися холмами, переходящими в почти отвесные стены гор. Налево горы были более пологими. Туда вела единственная дорога в монастырь и поселения. В конце её, в метрах ста от перрона, стоял вездеход, на котором приехал Георгий.

Перед станцией, насколько хватало глаз, широко раскинулась равнина. По ней, словно отчерченная линейкой от горизонта до горизонта, пролежала линия полотна железной дороги и терялась вдалеке в высокой луговой траве.

Всё было видно как на ладони.

И никаких следов.

Егорий растерянно повернулся ко мне:

— Куда ж тут деться-то можно? Вездеход здесь. А людей нет. Куда ж пёхом-то уйдёшь?

Я пожал плечами.

— Может, их медведи утащили? Вы вон рассказывали, что как-то на покосе встретили медведя .

— Вспомнил столетнюю давность. Егорий, не пори чушь. Как могли медведи сразу четверых утащить? И потом были бы следы борьбы. Да и зачем им сюда из леса-то?

— Это да — почесал он в затылке. — Слушайте! А может, он сам уехал? Сел в поезд к жене и детям и уехал. Может, его жена уговорила? До большой станции доедут, а там обратно в Научоград. Может, там безопаснее.

— Ещё лучше. Ты, Егорий, вообще! Придумаешь, хоть стой, хоть падай. Выкинь эту ерунду из головы!

— Ну почему? Мало ли

— Не мало ли. Не мог Георгий. Я его сто лет знаю. Он бы мне так и сказал, что уезжает. Не в его характере хитрить.

— Ну не знаю Может, его силком втащили?

— Кто? Жена, что ли, с детьми? Если бы она захотела, чтобы Георгий вернулся, то так бы и сказала: «Приезжай, а то развод». Он бы сразу приехал. Без неё и мальчишек не представляет своей жизни. И зачем ей было с детьми тащиться в такую даль, чтобы потом обратно ехать? Думай, что говоришь.

— Ну, я не знаю тогда. Негде тут пропасть-то. Не горы чай и не лес. А может, не жена, а кто другой?

Я повернулся к нему и глянул в глаза:

— А вот кто другой и я даже догадываюсь, кто.

Глаза Егория стали круглыми, и он шёпотом спросил:

— Кто?

— Не догадываешься? — зло усмехнулся я. — Кто мой враг? Кто проклял меня и поклялся отомстить?

— Неужто Фивий?! — ахнул Егорий. — Да не Не пойдёт он на это. Детишки же. А он божий человек.

Егорий решительно затряс головой, не соглашаясь.

— Да и потом! — он живо вскинул на меня глаза. — Он же в келье всегда.

— Так не сам. Сподручные его.

Егорий на минуту задумался и покачал головой:

— Не А как узнал, что прям сегодня к Георгию-то приезжают? Даже если не сам, а послал кого, так всё равно никто не знал! Знали-то только вы, я да Люсенька. Сами посудите!

— Сами посудите, — машинально произнёс я. И вдруг у меня сжалось в груди, а в голове бешено завертелось: я да Люсенька, я да Люсенька Сердце бухнуло и пустилось вскачь за мыслью. Я почувствовал сильную слабость. Очень захотелось сесть. Хоть прямо так, на землю.

— Чего-то с вами? — всполошился Егорий. — То покраснели, а щас прям побелели весь, даже вон губы Вам плохо, брат Олаф? Пойдёмте к вездеходу. Сядете. Я ща вас в больничку.

Он взял меня под руку.

— Люсенька — одними губами сказал я.

— Что Люсенька?

— Люсенька знала

Егорий отпустил мою руку и повернулся ко мне.

— Что Люсенька?! — лицо его потемнело, и я в первый раз увидел его злой взгляд. — Вы что? Договаривайте.

— Люсенька сказала Фивию. Она нас предала.

Егорий открыл рот и так и замер, вытаращив на меня гла-

за.

— Кто боготворит Фивия? Кто не подключил браслет? Кто на празднике был не рядом с нами, а крутился рядом с ним? Кто знал, когда приезжает семья Георгия, и день, и час? — Я шагнул к нему, в упор глянул в глаза и тихо сказал. — Кто был в лаборатории, когда там был взрыв?

Егорий отшатнулся от меня:

— Не может быть Но Подождите! Она же всегда дома. Когда она могла сообщить?

— У неё что, браслета нет? Да и потом, не всегда Люсенька дома не всегда.

— К подружкам? — прошептал парень.

Я кивнул.

Круглые, добрые, коровьи глаза Егория наполнились слезами:

— Как же так Люсенька

— И когда Георгий только узнал, что через два дня приезжает его семья, то сразу позвонил Люсеньке. Сказал ей об этом и попросил на радостях чем-нибудь нас угостить, чтоб отметить радость.

— Не она это! — жалобно-просительно сказал парень.

— А это мы сейчас выясним, — сказал я и пошёл к вездеходам. — Давай садись на вездеход Георгия и езжай в монастырь. Герасиму его передашь. Потом возвращайся в обсерваторию и жди меня. Никому не слова! — Я повернулся к нему. — Понял? Ни слова! А то всех погубишь.

— А вы куда?

— Я в больничку. Поговорю с ней.

— Я с вами!

— Не к чему. Она может застесняться и замкнуться. Я один.

Он удручённо качнул головой.

— Я ждать вас буду! Возвращайтесь скорей!

— Как получится, — буркнул я.

В палате она лежала одна. Белое лицо почти сливалось с подушкой. Глаза закрыты. Под глазами синяки. Рядом у постели — капельница. Медленно падали капли и стекали по прозрачной трубочке к её руке.

Я смотрел на неё и ничего не чувствовал. Ни жалости, ни обычной симпатии, ни злобы, ни ненависти Ничего. Глухо было в душе. Безжизненно. Я смотрел на девушку, словно на чужого незнакомого человека. Только один вопрос сверлил мой мозг: почему???

Она почувствовала мой взгляд и открыла глаза. Слабая улыбка тронула её губы и пропала. В глазах мелькнул испуг.

— Что случилось, брат Олаф? — едва слышно спросила она.

Я молчал.

Она попыталась сесть, но я рукой остановил её и подошёл к изголовью.

— Зачем, Люсенька?

Глаза её стали огромными, в них забились паника. Она

зажала рукой рот.

— Как ты могла? Ты знаешь, что с Георгием пропала и его семья?

Она отчаянно затрясла головой.

— Там же двое маленьких детей! Ты в какого Бога веруешь?!

Лицо её стало пунцовым. Глаза лихорадочно заблестели. Она привстала и быстро-быстро заговорила:

— Нет-нет-нет! Отец Фивий не допустит! Он поклялся! Никто не узнает вы должны — голос её слабел, прерывался, — покаяться гнев Божий отведите. Христа ради! — силы оставили её, и она упала на подушку. — Отец Фивий вы не согласитесь все погибнут отвести надо — забормотала она, словно в бреду, и затихла.

Она лежала с закрытыми глазами, грудь её тяжело вздымалась. Но вот девушка глянула на меня, из последних сил приподнялась, вскрикнула:

— Покайтесь! — и потеряла сознание.

Мертвенная, сизая бледность залила её лоб, щеки.

Я нажал на кнопку вызова на стене рядом с кроватью.

Прибежала молоденькая сестричка. Заохала, захлопотала. А я с холодным сердцем стоял и смотрел.

— Что случилось? — повернулась сестричка ко мне. — Её нельзя волновать! Она ещё такая слабенькая.

Я глянул на неё и молча вышел.

До общежития монахов на вездеходе заняло несколько

минут. После того, как Фивий был лишён доступа в монастырский собор и перестал быть моим замом, он должен был перебраться из апартаментов в административном здании в келью общежития монахов. Меня это совершенно не трогало. Сам отец Ануфрий занимал келью в конце коридора общежития. А уж Фивию-то грех жаловаться.

Табличку с именем Фивия я увидел сразу, недалеко от входа. И не произнося приветственных слов, резко открыл дверь и вошёл.

Фивий сидел за столом спиной к входу.

Его келья ничем не отличалась от других. Такая же маленькая, узкая комната. Вдоль одной стены поместилась деревянная кровать, застланная серым шерстяным одеялом. У её изголовья стояла тумбочка с графином воды. На противоположной стене громоздились прибиты полки, наполненные книгами. Отличало келью от других лишь необычно большая икона, которая стояла на божнице в простенке между большим окном, выходящим в противоположную от храма сторону, и стеной с книгами. Под окном — стол и два стула. На одном из них сидел он и даже не повернулся, когда я вошёл.

Я остановился у входа.

— Олаф, тебя так и не научили, как нужно посещать кельи? — спросил он, не оборачиваясь.

Я вздрогнул, таким безнадёжно спокойным был его голос. — Где они? — голос мой предательски охрип.

Фивий медленно повернулся и насмешливо глянул на меня холодными глазами.

— Кто они?

— Не притворяйся! — Я чувствовал, как во мне закипал гнев. Чем спокойнее был Фивий, тем сильнее колотилось во мне сердце. — Люсенька мне всё рассказала.

— Ах, Люсенька, — ухмыльнулся он. — И что она тебе рассказала? Впрочем, мне не интересны девичьи бредни.

— Фивий! Считаешь себя посредником между Богом и людьми, а сам играешь жизнями женщин и детей. Что они-то тебе сделали?

Он встал, подошёл ко мне и исподлобья в упор глянул в глаза.

Сердце моё упало, такая ненависть была в них. Но я взял себя в руки:

— Где они? Куда ты их спрятал?

— Я спрятал? — он зло захохотал. — Посмотри вокруг! Где тут спрятать можно в келье-то? А из неё мне выход заказан. Вот и сижу безвылазно. Уж всяко тебе твой Егорий докладывал.

— Может, и не лично ты. Твои пособники и по твоему же поручению! Что тебе надо?

— А ты докажи! Иди, ищи! — махнул он рукой и отвернулся.

— Я сейчас сообщу Климентию, — пригрозил я. — Он пришлёт тех, кто сможет найти.

Фивий обернулся. Лицо его потемнело.

— Может, и найдут, только не их. А их трупы, — с ненавистью прошипел он. — И никто не будет знать, отчего они погибли!

— Ты убил их?!

Он помолчал, насмешливо глядя на меня, словно испытывая моё терпение, и сказал:

— Пока нет. Но рука не дрогнет.

— Да что тебе надо?!

— Что надо? — он шагнул ко мне, и я близко увидел его глаза. Безумие плескалось в них. Я отшатнулся.

— Ты что?

Он выпрямился, чуть отстраняясь, и, чеканя каждое слово, как приговор, произнёс:

— Я выдвигаю тебе, Олаф, ультиматум. Ты должен публично. На площади. Перед всей общиной! Отречься от дел твоих. Признать вашу теорию с отцом Окимием ошибочной. Закрыть обсерваторию. Уничтожить стенды эти ваши дурацкие, и чтобы браслеты у всех были как раньше! Ты должен выгнать из общины всех своих приспешников, которые помогали тебе в твоём гнусном, греховном деле: Георгия с семьёй, всех новоиспечённых преподавателей с их еретической идеей Единого университета, Егория В общем, всех пришлых, работающих по договору с монастырём, и поселенцев, на которых я укажу.

— Ты белены объелся? Соображаешь, что говоришь, или

злоба затмила твой разум?

Не обращая на мой возглас никакого внимания, он продолжал:

— Ты лишишь всех должностей и полномочий монахов, которые слепо и безответственно следовали за тобой: Бориса, директора школы Кирилла с его завучем Я подготовлю полный список, и ты его зачитаешь при всех. А в конце, — он придвинулся ко мне почти вплотную и, насмешливо ухмыляясь, продолжил: — ты отречёшься от настоятельства и назначишь меня, временно до официального назначения, заместителем настоятеля и наделишь всеми управляющими полномочиями. Всеми.

Он замолчал и исподлобья смотрел на меня.

— Фивий. Злоба и жажда настоятельства любым путём затмили твой разум, — тихо сказал я, стараясь спокойно смотреть в его глаза. — Ну, хорошо, я Но кто ж тебе поверит, что отец Окимий ошибался? На кого ты рыпаешься? Даже если я скажу, как ты хочешь, то кто в это поверит? Никто! Ни монахи, ни поселенцы. Тем более Климентий и Церковный собор, у которого есть заключение учёных Наукограда о работе отца Окимия. Или ты надеешься, что до них не дойдёт? На что ты рассчитываешь?

Фивий на шаг отступил, в его глазах мелькнула растерянность.

— Фивий, верни Георгия с семьёй. Я Я готов сам отправить их в Наукоград. И всё забуду. Ты знаешь, что я не го-

рю желанием быть настоящим. Вернётся отец Ануфрий, и я уеду. Я давно решил, что лучше него никого нет. Всё будет как прежде. Отец Ануфрий назначит тебя своим заместителем, а потом и укажет как на своего преемника.

Фивий исподлобья смотрел на меня.

— Не-е-е-т! Не будет всё как прежде. Не будет! Забыл гнев Божий? Вон он, мчится на нас, — он ткнул пальцем в потолок. — Куда ты уедешь от него? А? Куда мы все спрячемся? Кара везде достанет грешника! Только покаянием — лицо его побледнело, и крупная капля пота скатилась по виску.

«Да он сумасшедший!»

Фивий прошёлся по келье и вернулся ко мне:

— Про Окимия ты прав. Не будем его поминать. Ты признаешь ошибочным только свой эксперимент. Этого будет достаточно, чтобы постараться всё вернуть, как было до тебя, и выгнать нехристей из обители. Это моё окончательное условие. Завтра на площади. Перед всей общиной ты покаешься. Или можешь считать, что твой друг вместе с семьёй от тебя сбежал, так ты ему надоел со своими экспериментами, — усмехнулся он. Приблизил лицо и прошептал: — Ты их больше никогда не увидишь. Никогда. И никто не увидит, — он отвернулся. — В горах много пещер, о которых никто не знает.

Он отошёл к столу. Стоял и смотрел в окно.

— Согласен? — спросил, не поворачиваясь.

Его всегда гордо выпрямленная спина чуть ссутулилась и словно окаменела.

Спазм безысходности сжал моё горло. В голове мелькали мысли:

«Что делать? Он сумасшедший. Убьёт и не дрогнет. Георгий. Альбинка. Мальчишки, — у меня невольно сжались кулаки. — Прибить его самого, гниду! Спокойно. Что изменится? Не отпустят их. Побоятся, что расскажут. Из-за страха за свою шкуру убьют. Нет выхода. Что это я? Да какая теория и эксперимент стоит жизни людей? Главное — освободить. А там посмотрим».

— Хорошо, Фивий. Я согласен. Завтра. На площади я отрекусь от всего, что делал.

Он резко повернулся ко мне.

— Не просто отречёшься, а покаешься перед людьми и перед Господом!

— И покаюсь, — кивнул я. — Отпусти их. Я даю слово.

— Хе-хе, слово — это хорошо. Но отпущу я их завтра. Пусть они, как и все, слышат твоё покаяние. Пусть думают, что это ты, — он ткнул мне в грудь пальцем, — велел всё так устроить, чтобы публично раскаяться.

Я отпрянул.

«Хочет унижить, опорочить не только перед общиной, но и перед другом. Сволочь. Чёрт с ним! Главное, чтоб живы остались».

— Хорошо. Завтра, так завтра. Я согласен.

— Согласен? Очень хорошо, — Фивий медленно приближался ко мне, как дикий зверь перед прыжком к жертве. — Но это ещё не всё. Не за этим я всё это затеял, н-е-е-е-т. Ты не просто публично раскаешься! Ты принесёшь искупительную жертву перед Богом!

Я отступил.

— Ты навлёк на всех беду. Ты её и отведёшь своим искуплением. Своей жизнью!

— Ты хочешь убить меня?

— Ты сам себя убьёшь! Сколько раз я просил и предупреждал тебя?! Ты надеешься после покаяния и освобождения семьи Георгия доложить обо всём Климентию? Чтоб меня арестовали? А самому продолжать своё греховное растление общины? Не выйдет! — он покачал пальцем перед моим носом. — Я не такой дурак. Не допущу. И не надейся. Ты заплатишь за всё! За все свои грехи! Я отведу угрозу. Никто не способен отвести, кроме Бога! Я — избранный, — он вдруг затрясся, — Искупительная жертва! Покаяние великого грешника! Ты этот грешник! Ты должен быть распят на кресте! — губы его сжались и скривились в злую улыбку. — Радуйся! Тебе выпала огромная честь. Ты, подобно Иисусу Христу, который взял на Себя наши грехи, ты смертью испишь грехи и свои, и общины, в которые ввёл сам!

Я смотрел на бледного, дрожащего словно в лихорадке Фивия, в его безумные глаза, и ясно понял, что только моя смерть может удовлетворить его. Нет. Он не хочет ни смерти

Геоργия, ни кого ещё. Он хочет, чтобы умер я. И он пойдёт на всё.

Ледяной холод сковал мою грудь, мои мысли, всё во мне.
«Умереть? Вот так! Прямо завтра?! Нет!»

— Ну! Ты готов?!

Горло моё сдавил спазм, и я не мог отвечать.

«Надо что-то делать. Это невозможно! Надо потянуть время. Я не хочу умирать!!!»

— Я должен быть уверен, что они у тебя. Что не блефуешь, — сказал я и не узнал свой голос, таким глухим он был.

Фивий хмыкнул и подошёл к полке. Из-за книг достал шкатулку. Поставил её на стол и открыл, кивнув мне, чтоб я посмотрел.

Я подошёл.

В шкатулке лежали четыре браслета. Один большой, другой поменьше и два совсем крошечных

— Я должен их увидеть. Может, они мертвы, а ты снял браслеты с их трупов.

— Завтра увидишь. На площади, — сказал он, пряча шкатулку. — Зачем мне их убивать? Они — моё оружие против тебя.

Он повернулся ко мне и нетерпеливо спросил:

— Говори быстрее, согласен или нет.

«Надо выиграть время. Впереди ночь. Придумаю что-нибудь», — подумал я и сказал:

— Согласен.

— Хорошо. В подтверждение своего решения, сделай объявление по общине об общем сборе на Соборной площади. Завтра в полдень. Сейчас при мне.

Чуть поколебавшись, я развернул экран своего браслета и набрал текст:

«Внимание всем! Монахи, иноки, послушники! Поселенцы и работающие по договору! Всем следует быть завтра в полдень на Соборной площади для важного объявления! Присутствие каждого обязательно. Исключение для тяжелобольных и немощных. Настоятель Богоявленского уральского монастыря брат Олаф».

Помедлив, нажал кнопку общей рассылки.

У Фивия звякнул сигнал сообщения. Я взглянул на его торжествующее лицо и ясно почувствовал, что настает мой последний день.

Я повернулся и пошёл к двери.

— Иди, иди! — засмеялся Фивий вслед.

Я открыл дверь и опешил: три большие фигуры в чёрных рясах загородили выход. Один из них — Хрон — смотритель склепов, высокий худой монах. Двух других, почти на голову выше Хрона и вдвое толще его, чьи капюшоны были низко надвинуты на лица, я не узнал.

— Дайте пройти настоятелю! — прикрикнул я.

Они не тронулись с места. А позади я слышал дребезжащий, как разбитое стекло, смех Фивия.

— Ха-ха! Дайте уважаемому настоятелю пройти! Брат

Хрон, покажи дорогу, дабы не заплутала такая важная особа. Она нам завтра очень будет нужна. Ха-ха-ха.

Я обернулся.

— В чём дело Фивий? Мы же обо всём договорились?

— Договорились! Конечно, договорились, — довольно закивал он. — Вот на радостях я и хочу выполнить твою просьбу. Напоследок, так сказать. Ты же хотел увидеть Георгия и его семью? Воля настоятеля — закон, — он снова засмеялся, да так, что весь заколыхался.

И тут же смех его резко прекратился, он шагнул ко мне:

— Я даже нижайше прошу дозволить и мне проводить дорогого настоятеля. Почту за честь! — рот его искривился в усмешке.

Он первый вышел из кельи.

— Пойдём, брат Хрон, проводим брата Олафа к его друзьям. Выполним последнюю волю, — и, кивнув головой, чтобы все следовали за ним, пошёл вперёд.

На полшага за ним — Хрон. А за мной, справа и слева, два молчаливых монаха.

Мы вышли за монастырские ворота и пошли по основному тракту. Где-то через полчаса, свернули по хорошо утоптанной тропинке, которая сначала извивалась между задними дворами домов поселенцев, а потом побежала между длинными грядами полей, занимавших всю северо-восточную часть равнины вокруг монастыря. Но быстро с неё свернули и повернули южнее, по едва приметной заросшей до-

рожке, ведущей к полого поднимающейся горе, поросшей смешанным лесом.

Я вспомнил! Сердце тревожно бухнулось и упало: я знал, куда мы идём.

«Склепы! Вот куда никто никогда не придёт. Только Хрон — хранитель этого места. Я бы никогда не догадался, что в склепах!»

Мы подошли к горе. Известняк попеременно с глиной и камнями, испещрённый рытвинами и провалами, опоясывал её отвесным пятиметровым поясом, до половины укрытым густым кустарником, который рос под горой. А уже над этим поясом почти отвесно вверх уходила гора.

Мы пошли вдоль кустарника. Вскоре он закончился, и мы вышли к каменным ступеням, ведущим к пещере. Зев её темнел чуть выше середины известкового пояса. Но туда не пошли, а прошли чуть дальше и остановились у широкой и низкой двери, спрятанной в кустарнике. Во всю её высоту было прибито деревянное распятыё.

Хрон достал большой ключ и вставил его в замочную скважину. Заскрежетал замок, и дверь с трудом поддалась. Открылся тёмный проём в пещеру. Из него пахло холодом, землёй и сыростью.

Монах снял со стены потухший факел и зажёл его. Пошёл вперёд.

Фивий достал из кармана рясы фонарь. Его луч скользнул по стенам пещеры. Тени зашевелились и бросились враспы-

ную, прячась в закоулки, куда не доставал свет.

Я невольно остановился, осматриваясь, и почувствовал осязаемый толчок в спину. Пошёл вслед за Хроном и Фивием.

В пещере было сухо, и можно было идти в полный рост. Узкая, чуть меньше метра, вначале, дальше она расширялась.

Из глубины пахло холодом. Мы шли, в абсолютной тишине раздавался только хруст камешков под ногами — известняк вперемешку с глиной. Такими же были и стены, все испещрённые выбоинами.

Несколько шагов и за первым поворотом начинались ниши склепа. Слева и справа. Я невольно бросил взгляд в первую. Она была очень тесная и похожа на промоину. Из неё выступал конец гроба, не поместившийся полностью.

Мы шли по узкому проходу между нишами, в которых темнели гробы, закрытые крышками. Вот и последняя. Самая маленькая, гроб из которой полностью выходил в коридор.

Мы осторожно протиснулись. Дальше тупик. Вернее, проход делал такой крутой поворот, что казалось, дальше стена.

Я было притормозил, но мои надзиратели подтолкнули меня, и я завернул за угол, встал как вкопанный, несмотря на тычки.

Прямо за поворотом начинался широкий, прямой и длинный коридор. Здесь, наверное, смог бы и вездеход проехать.

Справа и слева от него были выдолблены проёмы, за толстыми решётками.

Хрон подошёл к одному из них и посветил факелом.

Я увидел клетку размером два на два метра. На каменной скамье, на противоположной стороне от решёток, под слабо чающим факелом, который едва освещал половину клетки, сидели и лежали люди.

Я пригляделся. И не удержался от вскрика! Георгий бледный, похудевший, с обострившимся большим носом над поникшими усами, вскинул голову и, прищурившись, взглядывался в меня. Узнал. Хотел было кинуться ко мне, но на его ногах лежал ребёнок и, по-видимому, спал.

Георгий осторожно приподнял его и прислонил головой к жене. Альбина, которая держала на руках другого ребёнка, повернула голову. И я снова чуть не закричал: нельзя было узнать в это постаревшей женщине с провалившимися глазами и растрёпанными волосами, нашу красавицу Альбину.

Георгий бросился к решётке. Он что-то хотел сказать, но, похоже, спазм сдавил его горло. Он закашлялся. Отдышавшись, он дёрнул решётку и закричал:

— Не поддавайся, Олаф! Мы с тобой! Держись.

От его крика проснулись мальчишки и заплакали.

Фивий осветил мощным фонарём клетку, ослепляя их. Альбина пыталась прикрыть глаза детей руками, удержать, но они вырывались. Рвались к отцу.

— Папа! — крикнул один из них, тот, кто спал на коленях

Геоργия.

— Сашенька, не надо, сыночек, — едва расслышал я дрожащий голос Альбины.

— Вот, брат Олаф! Ты пожелал увидеть, так называемых, своих друзей, — ехидно сказал Фивий. — Как видишь, живы и здоровы. Я сердечно благодарю тебя, — он отвесил мне низкий поклон, — что ты, осознавая свой грех и искупая вину, приказал доставить их сюда. Завтра, как вы и решили, отправите их назад в Наукоград.

Я был так поражён, что онемел.

— Не беспокойся! Всё сделали в точности, как ты велел. Все живы и здоровы. Пойдёмте, я покажу, как их кормят. Мы предусмотрели даже детские блюда.

Не давая опомниться, меня грубо, но незаметно в темноте потащили дальше.

Я оглянулся на Геоργия. Он стоял, как громом поражённый.

Меня проволокли до конца коридора и за новым поворотом бросили в такую же клетку. Только факела, даже чадающего, здесь не было.

Фивий подошёл к решётке и, ухмыляясь, сказал:

— Думал меня обхитрить? Неужели считаешь, что у меня не хватит ума себя обезопасить? Ничтожный грешник, — он презрительно плюнул. — Покайся! Завтра твой последний день!

Он резко повернулся к монахам:

— Снимите с него браслет. Ему он теперь не понадобится,
— и пошёл обратно.

Монахи забрали мой браслет и поспешили за ним.

Я погрузился в полную темноту. «Вот и всё». Мороз про-
дирал по коже, словно меня уже зарыли в могилу. Ощупью
нашёл каменную скамью и сел. Я не понимал, что больше
раздирало мою душу: то, что я стал предателем в глазах Ге-
оргия или то, что завтра я умру. Я пытался молиться, но сло-
ва вылетели у меня из головы.

«Завтра я умру. Пусть. Не смогу, если Георгий».

Я не выдержал, слёзы бессилия заскользили по щекам.

Глава 21 Искушение

Я закрыл глаза. Тишина. Тишина обступила со всех сторон. Она выползала из углов, надвигалась. Почувствовав добычу, стекалась в коридор из всех закоулков пещеры, отрывалась от стен, от пола, потолка. Тишина, просачиваясь сквозь толстые прутья моей темницы, сгущалась вокруг меня, закручиваясь в огромную, тяжёлую воронку. И давила, давила

Мгновение, и она всей своей мощью обрушилась на голову, стянула её жёстким обручем. Я почувствовал, что сейчас он раздавит её, и схватился за голову. Мой стон взорвал обруч, и он раздробился на множество осколков боли. Подхваченные эхом, они разлетелись по пещере.

И тишина отступила.

Боль забилась в отражённом стене. Почудилось, что рядом со мной, и в клетках напротив, и за поворотом коридора пещеры тоже кто-то застонал.

Всё затихло.

И снова поползла тишина, собираясь из осколков.

Тут вздрогнуло сердце, и я услышал его быстрые удары. Они гулко звучали в тишине, и тишина отползла, спряталась в углах.

Вместе с ударами сердца пришли мысли.

Мысли разбудили злость. Как же так?! Просто бред! Как

могут несколько человек перечеркнуть не только дело всей моей жизни, но и саму жизнь! И за что?! За то, что я отказался ради них от всего! Заживо заточил себя в монастыре. Всё ради них! А они!

Ярость душила меня. Я ударил кулаком по скамье. Не видят ничего дальше своего носа и не хотят видеть! А отец Окимий? Он всю жизнь! А они?! Не поняли. Так ничего и не поняли! Каждый видит только себя. Свои интересы. До другого дела нет. И упаси Боже что-то поменять в привычном укладе жизни. Уничтожат!

Я в бешенстве вскочил, сделал пару шагов и потерялся в крошечной темноте. Неуверенно шагнул назад. Шаг, другой, но не нашёл скамьи. Клетка раздвинулась до просторов вселенной. В крошечной тьме я стоял и не знал, куда идти. Попытался нашарить стену, но рука натыкалась на пустоту. Закружилась голова. Наугад шагнул в сторону и ударился о скамью. Вцепился в неё, сел, облегчённо переводя дух.

Ярость пропала, и сердце забилось ровнее. Я слушал его удары и чувствовал, как возвращается острое ощущение бессилия. Всё бесполезно. Я уже ничего не смогу сделать. Всё кончено. От осознания этого силы покинули меня. Я обессиленно прислонился спиной к каменной стене. Как же так? Почему всё так получилось? Я же хотел только всем добра!

А хотел ли? Разве не жила во мне ненависть и неприятие всего церковного, монастырского? Отец Окимий сразу заметил, тогда.

Отец Окими Как мне его не хватает! Я постарался представить его лицо и наш первый разговор о религии. Это потом, когда я лучше узнал его душу, он стал моим другом, моим учителем. А сначала Мне невыносимо захотелось вновь увидеть отца Окимия. Поговорить с ним. Услышать его спокойный голос. Увидеть мудрую, добрую усмешку в его глазах

Я так живо представил себе отца Окимия, что почти не поразился, когда прямо перед собой увидел слабое, едва различимое свечение силуэта человека.

Чем пристальнее я в него вглядывался, тем светлее и отчетливее он становился. Я разглядел рясу до пят, длинные волосы, окутавшие плечи светлым облаком. Такие же усы, сросшиеся с длинной до пояса бородой. Узкое лицо. Высокий открытый лоб и широкие густые брови, сросшиеся на переносице, а под ними живые, умные глаза, чуть прищуренные в ласковой насмешке.

— Отец Окимий! — я вскочил и хотел броситься к старцу, но он жестом остановил меня.

— Но как вы? Здесь?!

— Позволишь присесть рядом? — голос его, такой знакомый и почти забытый, радостно откликнулся в душе.

— Конечно! Конечно!

Я кинулся было к нему, чтобы почтительно проводить к скамье, но он снова остановил меня жестом.

Он сел, я почтительно остался стоять рядом.

Старец похлопал по сиденью, приглашая меня сесть ря-

дом. Я сел. Отец Окимий молча смотрел на меня. Я не смел прервать его молчание. Наконец он провёл рукой по бороде (как я помню это его привычное движение!) и тихо сказал:

— Ты, Олаф, как я вижу, так и не любишь церковь.

Я молчал. Что я мог сказать?

— Помнишь наш первый разговор с тобой?

Я кивнул.

— Да Я тогда сказал, что не люблю людей, которые целью своей жизни, своей карьеры, поставили власть над другими людьми. Но это же так! — воскликнул я, прижав руки к груди. — Разве это не величайший из грехов — грех гордости?! Когда один человек считает себя вправе ставить выше другого человека? Возомнить себя и внушить другим, что он лучший, что он — представитель Бога! И потому он вправе судить жизнь другого человека, решать: отпускать или не отпускать ему грехи, накладывать наказания, при этом строя свою карьеру на своей «святости», упиваясь властью и вседозволенностью над грешными людишками!

Старец отвернулся.

— Разве я не прав? Вы посмотрите, к чему их жажда власти привела!

Отец Окимий посмотрел на меня.

— Ты считаешь, это Фивий во всём виноват? Он один сумел подбить остальных, чтобы уничтожить тебя, как препятствие на пути к настоятельству?

— А кто же ещё, отец Окимий?!

— Ты, Олаф. Ты сам.

От неожиданности я вскочил.

— Как же так, отец Окимий! Вы же знаете! Я всегда! Для людей Всю жизнь отказался от всего Как же так!

Старец сидел, смотрел в пол, кивал в такт моим словам и молчал.

Я замолчал. Он поднял на меня глаза:

— А помнишь, Олаф, как ты решил бросить всё и уйти из монастыря? Только из-за того, что к тебе непочтительно отнеслись.

— Я? Когда? — я растерялся. — Откуда вы

Старец усмехнулся и не ответил.

Я смущённо потёр лоб.

— Да. Был момент. Но я не из-за непочтительности

— Ну как же? Ты тогда ясно понял, что ты обычный человек и твоё дело — наука, а не религия и не монастырь. Почему не ушёл?

Я не смел смотреть в глаза отцу Окимию:

— Ну да Я так думал. Это просто шок. И потом как я мог предать отца Ануфрия, Харитона, Герасима и вообще всех, кто приветствовал меня как настоятеля и ждал, что я продолжу ваше дело — я вскинул голову, — как я мог вас предать, нарушив клятву, которую дал!

Отец Окимий грустно качал головой.

— Да Я виноват. Нельзя было брать клятву, которая супротив души. Ни к чему хорошему это не приведёт. Прости

меня, Олаф! — старец низко склонил голову.

— Что вы! Что вы! Вы не так поняли. У нас с Георгием почти всё получилось. Мы принесли в обитель радость и постарались сделать доступным творчество. И, знаете, люди потянулись! Всё было бы хорошо. Только мы не успели. Комета. Фивий в этом прав, за грехи наши — мы не успели перейти на новый уровень сознания, объединить нашу духовность

Старец посмотрел на меня. Взгляд его был долгим и таким глубоким, словно я смотрел в бездну Вселенной. Он вздохнул и сказал:

— Ты прав в том, что не успели. Но и я прав в том, что нельзя было с тебя насильно брать клятву. Разве не близкая моя смерть заставила тебя её принять?

Я молчал. Что я мог сказать? Сейчас я даже не представляю, как бы поступил, если бы не близкая смерть старца тогда и моё желание сделать всё возможное, чтобы облегчить

Старец снова покачал головой:

— Вот видишь. Нельзя ничего сделать, даже самое нужное и доброе дело, без любви к людям. Как ни старайся. А ты любишь людей, Олаф?

— Я? — поразился я. — Но причём здесь

— Притом, что ничего хорошего нельзя сделать насильно. А ты не достучался до души человека. Да и как достучишься без любви-то? — голос его звучал так печально, что у меня сжалось сердце. — Зло может поработить человека, много у него для этого всяких уловок припасено: и алчность, и сла-

столюбие, и страх А у тебя что, Олаф? Что ты можешь дать людям? Чем уберечь от зла?

Старец наклонился ко мне, заглядывая в глаза.

— Ничего. Зла в тебе нет. Да и любви тоже. У тебя есть только твоя работа, твоя цель Но что она людям, если она так и осталась твоей?

Я откинулся спиной на каменную стену. На мгновение прикрыл глаза. Я понял, что отец Окимий, как всегда, прав. Да. Я не любил людей. А потому сердце, моя душа не могли вместить их, почувствовать неразрывную связь с ними. Я любил моё дело. Мою работу. Любил чувство свободного полёта мысли, когда сердце замирает от восторга предвкушения открытия и безумной радости, когда оно свершается. Эта любовь была такой поглощающей, что я не сумел разделить её ни с чем и ни с кем другим. Да. Я не любил людей. Но и не ненавидел, не презирал их! И нельзя сказать, что я был к ним равнодушен, как раньше. До монастыря. Общение со старцами, Окимием и Ануфрием, научило моё сердце состраданию. И именно сострадание заставило меня остаться в монастыре, когда закончилась моя ссылка. Именно сострадание было тем неугасимым импульсом, который подпитывал мою работу здесь, не давал уехать. Но похоже, этого недостаточно, и завтра я умру Но почему?!

— Ничто не победит зло и чувства, им порождаемые. Только любовь, — услышал я шёпот отца Окимия.

Я открыл глаза и повернулся к старцу:

— Но как же — слова застряли в горле: рядом никого не было.

Я осмотрелся. Кругом была непроглядная темнота.

Старец исчез, и вместе с ним исчезли и ярость, и бессилие. Остался только покой. И хотя в глубине сознания билась мысль, что завтра я умру, прежнего трепета я не чувствовал. И не заметил, как уснул

Спал я тревожно. Без конца просыпался в черноте безвременья моей клетки и снова падал в беспамятство сна. Где явь, где сон? Всё спуталось. Но всё заканчивается. И вот, снова открыв глаза, я зажмурился от яркого света.

— Вставайте. Пора.

Услышал я глухой голос, поднял голову и, прищурившись, увидел у открытой двери двух монахов. У одного в руках факел.

Пора. Сердце бухнуло и перевернулось. На мгновение меня охватила такая слабость, что я не мог пошевелиться. Усилии воли заставил себя сесть.

— Где Георгий с семьёй?

— На площади.

— А Фивий?

— Там уже все. Вас ждут.

Я кивнул:

— Пошли.

У входа в пещеру нас ждал вездеход. И через несколько минут он уже загрохотал по мосту, перекинутому через ров,

опоясывающий белую монастырскую стену. И я сначала с удивлением, а потом с каким-то никогда раньше не испытываемым чувством обречённости, увидел длинный ряд телег, выстроившихся на дороге, ведущей к вокзалу.

Вездеход остановился у входа на Соборную площадь. Я окинул её взглядом. Она так тесно была заполнена людьми, которые замерли в тревожном ожидании, что казалось, это не площадь, а огромное озеро с тёмной стоялой водой. Меня охватил озноб от холода, веющего от него, и пахло гнилостным болотным запахом. В центре площади, там, где ранее стоял наш энергостед, теперь высился деревянный крест. В полтора человеческих роста

От волнения у меня на мгновенье закружилась голова, и я чуть не упал при сходе с вездехода. Один из монахов подержал меня.

— Осторожнее, святой отец, — жалостливо сказал мне на ухо, и я вздрогнул от неожиданности его участия.

Мы вошли на площадь.

Толпа, увидев нас, охнула и расступилась, давая дорогу: я шёл впереди, монахи сзади, по бокам.

Я не смотрел по сторонам. Прислушивался к сдерживаемым возгласам и шёпоту. Старался узнать, что людям известно, что они думают.

— Идёт! Идёт!

— Ой, бабоньки! Какой бледный!

— Гляньте, шатается. Болен, видать, шибко.

— Потому и собрали. Не просто так всё.

— Что-то будет.

— Что, что. Всеобщая молитва у креста ща будет. Вот что.

— Фивий, всяко, заменит. Вон нашего-то как шибает.

— Да чего вдруг-то? Молодой такой.

Мы подошли к ступеням храма. На верхней ступени уже стояли бывшие члены монастырского собора: всклоченный Тихон — эконо́м; толстый и хитрый Сидор — куратор поселений; высокий и худой Хрон — хранитель склепов; наш регент — маленький, круглый Ион; коренастый Тит — агроном и ветврач; старец Спиридон с мелко трясущейся головой — хранитель библиотеки и заведующий мастерскими — плечистый, коренастый Пётр.

Среди них я не увидел никого, кого назначил сам.

Впереди всех — Фивий с верным Фистой, выглядывающим из-за его спины.

Я поднялся по ступеням.

Фивий шагнул ко мне. Почтительно склонил голову и сказал:

— Благослови, брат Олаф!

Я вздрогнул. Благословить?! На что? На изгнание моих друзей и соратников? На мою смерть?!

Секунду я смотрел на него в замешательстве. Словно увидел его впервые: передо мной стоял постаревший монах, худой, ссутулившийся, словно носивший где-то в глубине себя застаревшую, но острую боль, с заметной сединой в волосах

и с иступлённым взглядом воспалённых, красных глаз от лопнувших сосудов. Но больше всего меня поразили появившиеся у него длинные морщины, вертикально прорезавшие щёки.

И такая острая жалость к нему охватила меня, что я на минуту забыл о себе. Перекрестил его и громко сказал:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Благословляю тебя на сие дело, да будет оно во славу Божию и на пользу братии», — и осенил его крестным знамением.

Фивий поклонился мне в пояс и отошёл.

Я шагнул к монахам, стоящим за ним, и благословил их. Они поклонились, и я повернулся к площади.

С высоты подножья храма вся площадь была как на ладони. Сейчас я видел не общую безликую массу. Я отчётливо видел каждого из них. На кого бы я ни бросил взгляд: на женщину, мужчину, ребёнка — я вдруг отчётливо видел только его, словно стоял рядом и заглядывал прямо в глаза. Я чувствовал то, что чувствовал каждый из них. Растерянность, удивление, печаль, любопытство, страх десятки чувств нахлынули на меня. Моё сердце звучало в унисон с их сердцами, и мне показалось, что сейчас оно разорвётся. Но нет. Оно только стало таким огромным, что поняло и приняло каждого. И необъятное чувство печали и сострадания накрыло всё.

Я прикрыл глаза. Надо сосредоточиться.

«Где же Георгий?» — мелькнула мысль.

Я ещё раз окинул взглядом площадь, стараясь сосредото-

читься на одном. И увидел, что площадь была поделена на две части. Одна, меньшая её часть, расположилась почти у выхода с площади. Как раз там, где была дорога к вокзалу, на которой выстроились телеги. Там сгрудились люди в гражданской одежде, их плотным кольцом окружали монахи. Я пригляделся и увидел Егория, он на полголовы возвышался над остальными. Стоял и исподлобья поглядывал вокруг. На меня, похоже, принципиально не смотрел. Рядом с ним — Георгий. На руках он держал сына. Второй мальчик прижимался к ногам матери. Вот он стал приседать, наверное, устал стоять на ножках. Альбина хотела подхватить его на руки, но не смогла поднять. Обессилела от переживаний. У меня сжалось сердце. И тут Егорий подхватил малыша как пушинку и прижал к груди. Альбина благодарно уткнулась ему в плечо. Комок сдавил мне горло. Я попытался разглядеть лица дорогих мне людей, но слёзы застили глаза, и я отвернулся. На мгновенье зажмурился, чтобы прогнать их.

— Пора, — шепнул Фивий и протянул мне свиток.

Я взял его, а он взмахнул рукой. По площади пронёсся свистящий звук и сразу пропал — включили громкоговорители.

Я развернул бумагу, и первое, что мне бросилось в глаза, — текст моего раскаяния.

— Братья и сестры! — зачитал я. — Сегодня особый, важный день для нашей обители. Вы все знаете, какая смертельная угроза нависла не только над нами, но и над всем чело-

вечеством. Мы стоим на пороге смерти! И во многом это моя вина!

Я поднял глаза и посмотрел на людей. Почувствовал их ужас, он тоской ударил в мою грудь, и мне вдруг почудилось, что это именно я виноват. Не смог. Не успел. Подвёл всех.

Я опустился на колени и прочитал молитву:

— Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя.

Я увидел, как Фивий и монахи упали на колени, а за ними и вся площадь. И тогда я чётко увидел Георгия в окружении гражданских. Увидел так близко, будто он был рядом и его белое лицо наклонилось надо мной. А его губы прошептали:

— Зачем? Что ты делаешь? Почему? Опомнись! Остановись!

Я закрыл глаза. Я не мог его видеть.

— Владыко Господи Иисусе Христе, Боже наш, едине имущий власть оставлять грехи человекам отпусти ми вся моя согрешения, вольная и невольная, явленная и тайная, словом, делом, помышлением. Очисти мя от всякия скверны плоти и духа. Прости меня, Господи, что согрешил гордыней, и повёл по дороге гордыни обитель, мне доверенную Тобою в управление. Каюсь в свершённых изменениях вековых заповедей Твоих. И сердце моё болит от содеянного. Прости меня, Господи, грешного! Дай силы исправить всё греховно свершённое во славу Твою и на благо обители. Не отверни

лица Твоего от меня, грешного, и от обители нашей, которая и виновата лишь в том, что пошла за мной, как предписывала ей Церковная наша иерархия. Прими, Господь Иисусе Христе, моё покаяние, и моё раскаяние, и мои слабые сподвижки к искуплению грехов своих.

Я закрыл глаза и перекрестился. Горячая молитва сотен людей накрыла площадь, словно она превратилась в огромный Храм.

Я поднялся. Люди, видя это, тоже стали вставать с колен.
— Братья и сестры! Примите и вы моё раскаяние. Сейчас перед вами я хочу не только покаяться, но и искупить свой грех. Слушайте моё решение.

Первое. С сегодняшнего дня я отменяю обновлённый устав обители и возвращаю устав прежний, как истинный. Все нововведения отменяются. Все браслеты действуют, как и раньше, без подключения их к энергостенду.

Я обернулся к Фивию. Отключили ли?

Тот понял, что я хотел спросить, и кивнул.

Я кивнул в ответ.

— Второе. Все мои решения по должностным назначениям также отменяются. В должностях и в составе монастырского собора восстанавливаются все, кто были мною отстранены.

Я услышал радостные возгласы соратников Фивия. Глянул на него. Злая улыбка скривила его губы. Я отвернулся и продолжал.

— Третье. Я снимаю с себя полномочия настоятеля монастыря. И до назначения Христианской Церковью нового настоятеля, назначаю брата Фивия заместителем настоятеля. Со всеми полномочиями настоятеля. О чём подготовлено решение, которое будет всем разослано для ознакомления.

Четвёртое. Я изгоняю из обители всех, с кем заключал от лица монастыря договоры, и кто помогал мне, и поддерживал меня в моём грехопадении. Прошу брата Фивия огласить список тех, кто должен покинуть нашу обитель сейчас же.

Я отступил и подал Фивию свиток. Было выше моих сил назвать имя Георгия и всех, кто был мне дорог.

Фивий понял, хмуро кивнул, взял свиток.

— Хорошо, брат Олаф! Я зачитаю ваше решение. По мере того, как имена будут названы, вы будете препровождены на телеги и отправлены на вокзал. Поезд прибывает через три часа. Билеты всем забронированы до места жительства каждого, которое было указано в договоре. Ваши вещи, которые вы не успели собрать, будут вам высланы сегодня же транспортной экспедицией. С этой минуты вход для вас на территорию обители запрещён навсегда!

И он зачитал список.

Фивий называл имена. К людям подходили монахи и помогали погрузиться на телегу. Со стороны казалось, что их просто запикивали в телеги, которые, после того как заполнялись, трогались с места. Так они и потянулись из монастыря: одна за другой, растянувшись почти на километр.

Люди на площади повернулись, провожая изгнанников взглядами. И так тихо переговариваясь, что ни слова, ни чувства их не долетали до меня. Или это сердце моё замкнулось от горя?

Вот и последняя телега скрылась за поворотом.

Фивий обернулся ко мне и отдал свиток.

Я развернул его и прочитал: «Покаяние на кресте».

Я взглянул на толпу. Проводив изгнанников взглядами, все обернулись ко мне и замерли в ожидании.

Я хотел сказать и не смог. Спазм сжал горло. Я прокашлялся.

— Братья! — хрипло сказал я. — Мой грех так велик, навлёк не только на нашу обитель, но и на всю нашу Землю такой гнев Господа, что не искупить его только словами покаяния. Я принял добровольное решение принести искупительную жертву Господу нашему Иисусу Христу.

Толпа ахнула:

— Что ты, отец родной!

— Да как же так можно-то?!

Со всех сторон слышались беспокойные возгласы.

Я молчал.

И тогда Фивий вышел вперёд. Он протянул руку и указал на небо, на комету, которая уже была хорошо видна.

— Видите! — закричал Фивий и затряс пальцем. — Вот она! Кара Божья! И не минует никого наказание Господне за грехи тяжкие! Только искупительная жертва, завещан-

ная нам самим Иисусом Христом! Его искупительная жертва оплатила грехи людские. И брат Олаф готов пойти этим путём, дабы искупить свой великий грех! Кто вправе помещать ему? Противиться его воле, оставив грех сей неискуплённым, не предотвратив смертельную угрозу не только для обители, но и для всей нашей планеты?

Люди молчали и не шевелились, словно парализованные страхом. Я смотрел на них, пытался уловить их взгляд, и не мог. Они отводили глаза, словно стыдясь встретиться со мной взглядом. Бледные, испуганные лица. С каждым произнесённым словом Фивия всё больше сутулились их тела, словно ужас непомерным грузом обрушился на их плечи. Многие часто-часто крестились.

И вновь непереносимая печаль охватила меня, заглушив смертную тоску. Несчастные, тёмные, забытые люди. Они верили всему, что бы ни прокричал Фивий. Почему? Словно беспомощные дети перед всемогущим властелином, который вправе решать их судьбу, их жизни. Острая жалость сдавила грудь. Жалость и безнадёжность. Чем я мог им помочь?

И я решился. Мои друзья были в безопасности. Ничто не могло теперь меня остановить.

— Только попробуй! — услышал в затылок свистящий шёпот Фивия, почувствовавшего, что со мной творилось. — Я недаром зарезервировал билеты через три часа. Тогда всё будет кончено. А если нет, то никто никуда не уедет. Оста-

нется тут навечно. В склепах на всех хватит места. И для тебя!

Я покрутил головой, пытаюсь избавиться от жгучего жара дыхания Фивия. А он продолжал шипеть:

— И что ты скажешь людям после своих распоряжений? Уверен, что тебя поддержат? Они же сами распнут тебя!

Он отошёл в сторону и зычно сказал:

— Брату Олафу нужна ваша помощь! Слаб человек и в последнюю минуту может не совладать со своими чувствами, отказаться от задуманного великого искупления. Кто готов помочь ему совершить великое искупление, угодное Господу нашему Иисусу Христу? Кто сможет проводить брата Олафа на его голгофу?

Люди отпрянули от ступеней лестницы и в испуге замерли.

Но вот от них отделился один, второй, третий К ним присоединились монахи. И вот уже группа человек в двадцать стояла рядом со мной.

Не глядя мне в глаза, они взяли меня под руки.

— Не бойся, брат Олаф!

— Мы рядом будем!

— Мы поможем, ежели что. Исполним твою великую волю на благо всех нас!

— Не оставь же и ты нас в молитвах своих, когда будешь восседать подле Отца нашего!

Бережно, словно больного или ребёнка, они свели меня

вниз по ступеням, и мы направились к кресту.

Руки мои раскинуты в стороны и привязаны так, что я не могу выдохнуть. Я едва смог подтянуться на руках, чтобы выдохнуть, как услышал удар о железо, и острая боль пронзила запястья, стопы. Меня приколачивали к кресту гвоздями. Теперь любая попытка изменить положение, чтобы выдохнуть, приносила раздирающую боль, от которой я почти терял сознание. Ужас сковал моё тело. Каждый выдох приносил мучение, но не дышать я не мог!

В промежутках между мучительными выдохами я смотрел на людей, на коленях стоящих вокруг. Читал в их глазах ужас и смертную тоску, но никто, никто! не издал ни возгласа против смертельного истязания. Такое смирение перед ужасом было страшнее мук. Как они с этим будут жить? Все эти люди? Вчера подходили, чтобы я благословил их, а сегодня убивают меня. Почему ни тени сомнения не закралось в их сердца? В этом их вера? Несчастные Они не знают радости жизни Фанатики

Опора на ноги, резкая боль и мучительный выдох.

Вдох.

Опора на руки, пронзительная боль и мучительный выдох.

Вдох.

Опора на ноги, резкая боль и мучительный выдох.

Вдох.

Опора на руки, пронзительная боль и мучительный выдох.

Вдох.

Всё, я больше не могу

Я поднял голову к небу. Где же твоя любовь, Господи?!

Солнце спряталось за облако, не вынеся моих мучений. И вдруг из-за него вылетел огненный шар и замер. Сияние его ослепило. Я зажмурился, но исцеляющая, блаженная теплота, исходящая от него, окутала меня, и я открыл глаза. Шар дрогнул и полетел ко мне. Контур его менялись. Что-то поразительно знакомое проявлялось Мгновение, и я увидел милое лицо моей Фёки! Она! Всё ближе, ближе. Золотисто-рыжие волосы искрились, и их кончики защекотали мою шею.

Я обнял жену и прижался лицом к её маленькой упругой груди. Вдохнул чуть сладковатый аромат родного тела и задохнулся от наслаждения.

— Фёка

Она тихо засмеялась и отстранилась. Я потянулся к ней, а она легко полетела вверх к небу.

— Иди! Я жду тебя

Я оттолкнулся от креста и взлетел вслед за нею, и сами небеса засмеялись вместе с нами.

— Ой! Кончается! Кончается! — где-то вдалеке услышал я, но мне было уже всё равно, что там происходит

Я летел за Фёкой и никак не мог догнать её.

— Подожди! — крикнул я.

Она обернулась. Сияние пламени охватило её.

— Я жду тебя — донеслось до меня сквозь вихрь света
огненного шара.

Я рванул вперёд.

Огненная бездна раскрылась передо мной. Я замер, не решаясь её коснуться.

— Я жду тебя — едва слышно донеслось из глубины.

И я шагнул внутрь.

Свет. Чистый белый свет

Я растерянно озирался, пытаюсь увидеть мою Фёку

И тут я увидел чуть светящийся контур человека. Фёка?
Я шагнул навстречу, и в этом свете я разглядел знакомую
маленькую, худую, сгорбленную фигурку

Отец Ануфрий! Улыбаясь, он шёл ко мне с протянутыми
руками. Его лицо сияло такой добротой, что я кинулся к
нему. Он обнял меня. Прижал к себе. Покой и радость охва-
тили меня. Каждая клетка наполнилась такой жадой жиз-
ни, что я потерял сознание

Глава 22 Покушение

Сознание возвращалось медленно.

Где-то вдалеке я слышал обрывки фраз, но не понимал их смысла. Не мог отличить, мужской это был голос или женский. Словно кит, выныривая из воды, чтобы глотнуть воздуха, в этот самый миг не обращает внимания на сам воздух: его запах, движение, теплоту Секунда — и он снова погружается под воду. Так и я: едва цеплялся сознанием за происходящее вокруг и снова, и снова погружался в небытие

В редкие минуты сознания одна мысль билась в голове: «Где я? Что со мной?». Я попытался пошевелиться, но не мог. Темнота окружала, мягко обволакивала, стирая всё, что было.

— Состояние критическое. Но надежда есть, — вдруг отчётливо услышал я голос и открыл глаза.

Белый потолок надвинулся так низко, что я увидел извилистую трещинку, лёгкой паутинкой протянувшуюся прямо надо мною.

— Олаф! Олаф! Ты слышишь меня?

Я перевёл взгляд и увидел круглое лицо лысого человека, с тревогой смотрящего на меня голубыми глазами.

«Харитон, — хотел улыбнуться я, но почувствовал, что моё лицо не слушается меня, застыв маской, — что со мной?» — хотел спросить, но не смог произнести ни зву-

ка. Страх выполз, как зверь из логова, и вцепился когтями в сердце. Оно рванулось и забилось гулко и неровно.

— Ну что ты! Что ты! Успокойся, — Харитон погладил мою руку, бессильно лежащую поверх одеяла.

Я опустил взгляд и увидел, что к рукам тянутся какие-то проводки.

Я вопросительно глянул на Харитона.

— Всё хорошо. Ты обязательно выздоровеешь. Надо немного набраться терпения.

«Выздоровею? Я заболел?»

— Брат Олаф, как ты?

Я перевёл взгляд и увидел дородного мужчину. Встретившись со мной взглядом, он улыбнулся, но в светлых карих его глазах плескалась тревога. Брат Климентий! Я попытался приподняться и обессиленно рухнул.

— Лежи! Лежи! Что ты! — он обеспокоенно взмахнул руками и, приблизившись поближе, спросил:

— Ты помнишь что-нибудь?

Я закрыл глаза и попытался вспомнить, что со мной произошло, но не помнил ничего. В голове мелькали какие-то обрывки, которые никак не складывались в общую картинку, как стеклянные осколки в калейдоскопе.

Я собрался с силами и хотел ответить «нет», но услышал только своё мычание. Это усилие забрало у меня столько сил, что голова закружилась, и я впал в беспамятство.

Очнулся я оттого, что резко пахло лекарствами и хлоркой.

Открыл глаза и увидел, как молоденькая девушка в розовом медицинском халатике мыла пол. Я вспомнил её и понял, что я в нашей больничке у Харитона.

«Всё хорошо, — мелькнула мысль, — Харитон не даст пропасть». И я снова погрузился в ночь.

Окончательно пришёл в себя я только через несколько дней. Ну как пришёл Я мог видеть, слышать, понимать, что мне говорят. Но сказать что-то в ответ или пошевелиться я не мог. При малейшей попытке такая слабость накатывала на меня, что я терял сознание. И почти всё время рядом со мной был Харитон.

Видя мою слабость, он запретил мне двигаться и разговаривать, но сам всё время говорил со мной, старался оживить мою память. И постепенно я вспомнил всё Вспомнил и поразился тому, что я выжил. Мне очень надо было знать, как это произошло. И что теперь Фивий?

— Как — однажды прошептал я.

— Что? — наклонился ко мне Харитон.

— Как — выдохнул я и задохнулся, словно после быстрого подъёма на высокую гору.

— Молчи! — велел Харитон, видя, что мои попытки отнимают едва восстановленные силы. — Я буду говорить, а ты, если согласен, прикрой глаза. Хорошо?

Я прикрыл глаза.

— Вот и ладненько. Ты, должно быть, хочешь узнать, как ты спасся?

Я быстро прикрыл глаза.

Харитон кивнул.

— Это всё Люсенька. Сама-то она в это время в больничке у меня лежала. Помнишь?

Я нетерпеливо прикрыл глаза.

— Ну вот. А как ты рассылку-то прислал про общий сбор, помнишь?

Я разозлился: он что, так и будет всё время спрашивать?! И часто-часто заморгал глазами.

— Ну, хорошо, хорошо! — засмеялся он. — Едва живой, а всё такой же нетерпеливый. Ладно. Слушай дальше. Так вот, Люсенька, когда получила сообщение об общем сборе, догадалась, что с тобой беда будет. Интересно, почему? — он задумчиво почесал лоб.

«Потому что она знала, что готовит Фивий!» — хотел сказать я, но изо рта у меня вырвались только непонятные звуки, а от напряжения выступил пот на лбу.

— О! Прости! — опомнился Харитон. — Это я так, мысли вслух. А ты лежи себе спокойненько и слушай.

Я устало прикрыл глаза.

— Так вот. В общем, Люсенька связалась с дедом Анисимом и попросила его обо всём сообщить отцу Ануфрию. Дед сначала не понял, о чём сообщить-то, а Люсенька ничего не объясняла, только рыдала да твердила одно: сообщи отцу Ануфрию, да сообщи. Дед подумал, что она бредит. А уж когда ты публично решил испустить свой грех на кресте и

тебя к нему повели, опомнился и связался с отцом Ануфрием. Едва успели. Кстати! Уж не тронулся ли ты умом, затеяв такое искупление?

— От А-а — поражённый, я попытался встать, но обессиленно упал на подушку. Отец Ануфрий! Я вспомнил его свет. Я понял! Это не галлюцинация умирающего мозга!

— Ты чего это?!

В нос ударил резкий запах лекарства. Харитон приподнял мне голову и поднёс к губам мензурку:

— Выпей!

Что-то жгучее обожгло горло и желудок. Я закашлялся.

— Лежи спокойно! А то ничего не буду рассказывать. Отложим выяснения до твоего выздоровления. А сейчас отдыхай. Поспи.

Я слабо улыбнулся и закрыл глаза, отдыхая. Но тут же распахнул их и уставился на Харитона. Он переподключал какие-то трубки, идущие к открытой медицинской капсуле, в которой я лежал.

— е... де..?

— Что? — наклонился он надо мной.

— Где дед Ануфрий? — понял Харитон, и я быстро-быстро заморгал.

Харитон вздохнул и с тревогой посмотрел на меня.

Я прикрыл глаза ещё и ещё раз, прося его ответить. Наконец он тихо сказал:

— В Элизиуме он. В медцентре. Слаб очень.

Я в ужасе открыл рот. Харитон глянул на меня и быстро добавил:

— Не переживай. Он сто процентов поправится. Только надо пройти курс восстановления. Энергии много потерял. Ведь когда везделёт приземлился с дедом Ануфрием, Климентием да комиссией из Элизиума, тебя, бездыханного, уже с креста сняли. Хотели нести в склеп. Думали, что умер. Да только дед Ануфрий не дал. Обнял тебя. Да так и просидел с тобой на руках, прямо на земле, до самого вечера. И все вокруг так и стояли. Не смели шевельнуться. Только Фивий со своими куда-то делись. А когда солнце за гору спряталось, ты и застонал. Отец Ануфрий тебя врачам передал, они тебя в больничку ко мне и доставили. Далеко нельзя было везти. Недовезли бы. А тут у меня всё необходимое есть. Он тебя-то отдал, а сам свалился без сознания. Его в Элизиум и забрали.

Харитон замолчал и задумчиво потёр подбородок.

— Слушай! Ты веришь, что старец может воскресать?

Я тихо прикрыл глаза.

Он покачал головой.

— Ну, не знаю. Скорее всего, ты был в глубоком обмороке. Но то, что старец как-то отдал тебе свою энергию, которая и поддержала тебя, не дала упасть за край — это факт. Ну, отец Ануфрий... А с виду-то и не скажешь.

Наконец наступил день, когда Харитон объявил мне, что

опасность миновала и что теперь я быстро пойду на поправку. Правда, я был ещё очень слаб. Мог только слегка шевелиться, да и сил хватало только на отдельные слова, и то ненадолго. Но Харитон заверил меня, что это ерунда, и через пару недель я смогу вставать и нормально говорить. О чём он сообщил всем по общей рассылке, о чём его очень просили в обители.

— Вот ведь народ! То помогает отправиться на тот свет, а то искренне переживают о здоровье. Ну, разве их поймёшь? — возмущался он, отправляя рассылку по обители, сидя на стуле рядом со мной.

Оторвавшись от браслета, он внимательно глянул на меня.

— Что? — спросил я его взглядом.

— Тут такое дело — он потёр подбородок. — Со мной связался брат Климентий. Спрашивал, как ты.

Я кивнул.

— Но не в этом дело. Так-то он постоянно со мной в контакте. Тут другое. Комиссия, расследующая твоё дело, настоятельно просит встречу с тобой. Чтоб подробно обо всём опросить. Как узнали, что ты однозначно пошёл на поправку, так прям насели на меня. Как ты? Сможешь поговорить с ними?

Я неуверенно пожал плечами.

— Вот и я так ответил. В общем, договорились через неделю. Так что давай поправляйся быстрее и жди гостей.

Через неделю, после того как сестричка распечатала результаты ежедневных анализов моей медкапсулы и провела все процедуры, в дверь палаты заглянул взволнованный Харитон.

— Можно к тебе?

Я удивился. Чего это он вдруг? А Харитон распахнул дверь и сказал:

— К тебе гости, Олаф.

Я обмер: на пороге стоял Климентий с Фивием, а за ними выглядывали ещё люди. Видимо, члены комиссии из Элизима.

— Добрый день, брат Олаф! Можно к тебе? — улыбаясь, спросил Климентий — предстоятель Христианской Церкви.

Я хотел ответить, но слова застряли в горле, и я кивнул.

Они вошли.

— Здравствуй, брат Олаф. Как себя чувствуешь? — спросил Фивий, останавливаясь рядом с Климентием.

Я поражённо молчал. «Как он может? Смотреть мне в глаза! Он что, вообще ничего не боится? Я же всё расскажу! На что надеется?» — метались в голове мысли.

Остальные члены комиссии вошли и встали рядом с Климентием. Их было двое. Один пожилой, с инеем на висках и серебристыми нитями в бороде. Лицо его было не просто строгим, а словно выточенным из камня. Второй — моложе, с мягким, внимательным взглядом. Все в чёрных рясах, с наперсными крестами на груди, на цепях, отливающих се-

ребром.

— Храни Господь! — сказали оба и встали рядом с Климентом.

— Спасибо. Лучше, — с трудом произнёс я.

Климентий погладил мою руку, и я ощутил его дружеское тепло. В груди стало чуть легче, я вздохнул.

— Мы понимаем, брат Олаф, что тебе ещё тяжело общаться. Но дело, сам понимаешь, безотлагательное. Мы не можем. Прощу тебя, по возможности, вспомнить, как всё происходило. И главное, почему? Почему такое случилось?

Я перевёл взгляд с Климения на Фивия. Тот встрепенулся и быстро заговорил:

— Брат Климентий, уважаемые члены комиссии, должно быть, Олафу сейчас ещё трудно объясняться. Но, может быть, мы освободим его от столь тягостной обязанности? Ведь всё, абсолютно всё происходило на глазах всей общины. Я предлагаю собрать всех и послушать. Вам доложат всё в мельчайших подробностях. И потом, все распоряжения брата Олафа у меня сохранились. Я могу хоть сейчас их вам предъявить.

«Мерзавец! Мерзавец! Какой мерзавец! Он всё предусмотрел. Всё продумал. Конечно, внешне всё выглядело так, как он это хочет представить. Но я ему не дам! Не позволю!»

Я сгреб простыню руками и, напрягая все силы, приподнялся. Почувствовал, как холодный пот заструился по виску.

— Что ты? Что ты, брат Олаф! Ты что так побледнел? Тебе

нехорошо?

— Я хо чу ска — голос мой прерывался, и я не смог закончить фразу, обессиленно упал. Только успел заметить, как торжество мелькнуло в глазах Фивия, сменяя тревогу.

— Хорошо, хорошо. Ты сейчас отдыхай. А мы пока поговорим с людьми. Завтра. Завтра придём, и ты нам всё расскажешь. Только тебе надо отдохнуть и набраться сил, чтобы мы могли поговорить, — Климентий заботливо смотрел на меня. — А может быть, ты хочешь, чтобы мы пришли в другой день, когда ты наберёшься сил?

Я отрицательно качнул головой:

— Зав...ра. Я смогу

— Вот и хорошо. Отдыхай, и ни о чём не волнуйся.

Климентий кивком приказал всем следовать за ним и пошёл к выходу. Они вышли. Фивий шёл последним. В дверях он искоса бросил на меня злобный взгляд.

Вскоре вернулся Харитон.

— Как ты? Устал?

Я отрицательно качнул головой.

— А что такой бледный?

Он наклонился и озабоченно потрогал мой лоб.

— Фивий хочет меня добить.

Харитон резко выпрямился.

— Бредишь?

Я молча смотрел на него.

Он нахмурился.

— Не забивай себе голову всякой ерундой. Тебе сейчас главное — побыстрее поправиться.

Он пошёл к выходу из палаты, но остановился и обернулся:

— Я попрошу сестричку, чтобы она сделала тебе успокоительный укол. Ты просто сегодня перенервничал.

— Фивий хочет меня убить, — одними губами сказал я. Харитон нахмурился и вышел.

Тихо. Я лежал и смотрел в темноту. За окном ночь. Как провал в бездонную пропасть. Ни звёзд, ни месяца. Только какое-то слабое свечение неба

Но это совсем не та темнота и тишина, как там, в склепах. Сейчас глаз различает предметы, тени.

Не спалось. Навалилась неясная, тяжёлая тревога. Не даёт вздохнуть. Заставляет следить за тенями, бесшумно скользившими по углам, прислушиваться к неясным звукам, доносившимся из коридора и соседних палат. Вот кто-то едва слышно позвал сестричку — видимо, в беспамятстве забыл о кнопке вызова. Сквозь матовое стекло двери я видел, как в коридоре загорелся свет. Послышались быстрые, лёгкие шаги, и в приоткрытую дверь пахнуло лекарством, а вместе с ним — тревогой и болью. Я прислушался к едва слышным голосам, но ничего не разобрал. Наконец всё стихло. Свет погас. И только едва уловимые шорохи, скрипы, стоны да мерное гудение и пощёлкивание приборов нарушали сонную

тишину

Я задремал и вдруг, резко вздрогнув от ощущения падения в пропасть, проснулся.

Всё та же ночь. Тишина и тени. Одна бесшумно прокрадась в дверь и замерла на пороге. Я пригляделся. Тёмный силуэт. Чёткое очертание. Кто это? Стало страшно.

Тень дрогнула и двинулась ко мне. Я хотел нажать на кнопку вызова, позвать на помощь, но страх парализовал меня.

Тень, нет, мужчина в тёмной, длинной до пят одежде, с капюшоном, закрывавшим лицо, медленно приближался. Остановился рядом — руку протянуть. Медленно наклонился к моему лицу. И резко выпрямился. Откинул капюшон, и я увидел бледное лицо Фивия.

— Не спишь? — прохрипел он.

Я молчал.

— Ты думал, всё закончилось? Не-е-е-т, — он наклонился к самому моему лицу и жарко зашептал, — у нас с тобой осталось незаконченное дело. Я пришёл помочь тебе его закончить. Ха-ха, — он беззвучно засмеялся, рот его скривился, а глаза иступлённо блестели.

Он выпрямился и вынул из кармана шприц. Снял с иглы заглушку. Я видел, как дрожали его руки. Но губы были так плотно сжаты, что я прочитал в них себе приговор. Он на мгновенье заколебался. Его щека дёрнулась. Он наклонился ко мне, заговорил свистящим шёпотом.

— Я ненавижу тебя, Олаф! Ненавижу! Ты разрушил всё! Мою жизнь! Общину! Ты должен умереть! Слышишь! Ты — великий грешник перед Богом и перед людьми! Хуже сатаны! И я уничтожу тебя.

Он шагнул ко мне и наклонился над катетером с присоединённой к нему капельницей.

— Ты не бойся. Одна секунда. Раз — и ты в аду! Где тебе самое место!

Он выдернул капельницу — и в тот же миг загорелся свет. Фивий отпрянул. В комнате были Харитон, Климентий и монахи. Словно сквозь вату я услышал, что Климентий приказал арестовать Фивия. Его увели.

Харитон склонился надо мной:

— Как ты? — спросил он тревожно.

Я хотел ответить, что всё нормально, но провалился в беспамятство.

Выздоровление моё проходило быстро.

Возможно, оттого, что психологически я принял его, после того как понял, что реабилитирован в глазах близких мне людей и общины. Об этом я узнал от предстоятеля Климентия.

Он пришёл ко мне, и я ему всё рассказал.

— Что с Фивием? — спросил я.

Климентий кивнул и сказал:

— Он во всём сознался. И знаешь, — он задумчиво огла-

дил бороду, — он ни в чём не раскаивается. Я никогда бы не подумал, что такой разумный молодой человек может быть таким фанатиком! Это уже не вера, — Климентий покачал головой. — Это какое-то безумие.

— А может?

Он махнул рукой:

— Нет. Мы возили его в Элизиум. Консилиум психиатров признал его вменяемым.

— Где он теперь? Что с ним будет? И с теми, кто ему помогал?

Климентий тяжело вздохнул и, помолчав, ответил:

— Я не знаю, Олаф. Я доложил в Департамент Юстиции, Правопорядка и Религиозного Согласия. Было созвано экстренное заседание суда. Фивия отлучили от монастыря. Решили временно (до окончательного решения по этому делу) содержать его на территории нижнего поселения в закрытой зоне, предназначенной для ссыльных. Он под постоянным присмотром конвоиров, присланных Департаментом. И сейчас полностью отрезан от внешнего мира. Только один человек допущен к нему в качестве помощника и контактёра с обителем: принести еду, отнести бельё в прачечную, прибраться ну, что там необходимо помочь по хозяйству или вызвать помощь, если вдруг что случится. У Фивия же отобрали браслет при аресте. Помощница ему теперь вместо браслета, можно сказать.

— Люсенька?!

Он кивнул:

— Удивительная девушка. Она поселилась недалеко от него, в таком же пустом доме для ссыльных. Всегда на связи с конвоирами. Такая преданность! Похоже, она его любит. Посвятила себя Фивию...

Эх, Люсенька! Как она могла предать?! Но с другой стороны, если бы не она, не жить мне на этом свете. Как Фивий? Узнал ли, что она меня спасла? А если узнал, простил ли? Или ненависть настолько застлала его глаза, что он не видит безграничную, жертвенную любовь девушки. Бедная Люсенька

— А где его пособники: хранитель склепов, монахи, которые похитили семью Георгия и схватили меня?

— Их оставили в монастыре. В своих кельях под надзором. Церковь наложила епитимью в покаяние. А там суд решит.

— Ясно, — сказал я и откинулся на подушку. — Брат Климентий, мне бы тоже мой браслет. А то я тут у Харитона как под арестом, — улыбнулся я.

— Ну, это к доктору, — похлопал меня по руке предстоятель, — порядок такой. Извини, брат, я его изменить не могу. А тебе вредно волноваться.

Он поднялся:

— Ну, мне пора. Утомил тебя. Поправляйся быстрее. Ещё много дел не сделано. Да! Самое-то главное: я сделал рассылку с информацией обо всём, что произошло, по обители

и Георгию твоему отправил. Так что считай, что ты реабилитирован.

Он перекрестил меня, благословил и вышел. Я облегчённо закрыл глаза.

Вскоре ко мне заглянул Харитон.

— Как ты? Устал? — подошёл к капсуле, просмотрел показания приборов. Покачал головой. — Знаешь, конечно, сегодня медицина шагнула далеко. Взять хотя бы эту медкапсулу. Её доставили из Элизиума очень быстро. В тот же день. Но даже при современном уровне лечения я не могу поверить, что ты так быстро восстанавливаешься. Регенерация почти в три раза быстрее обычного. Я постоянно на связи с медицинским центром Элизиума, и даже там недоумевают.

— Спасибо отцу Ануфрию. А то бы Ты знаешь, у меня такое ощущение, что у нас с ним какая-то незримая связь. Я постоянно чувствую его тепло, стоит только прикрыть глаза. Понимаешь? Не знаю, как объяснить

Харитон быстро повернулся ко мне:

— А ведь это он! Отец Ануфрий что-то такое сделал. Дал тебе такой энергетический импульс, который по максимуму раскрыл все твои резервные силы! Я уже думал об этом. Иначе никак не объяснить.

Я кивнул.

— Как его здоровье?

— Не волнуйся. С ним всё хорошо. Идёт на поправку. Кстати, передавал тебе пожелания поскорее выздороветь.

— Ты разговаривал с ним! — подскочил я. — Харитон, будь человеком! Отдай браслет. Мне очень надо поговорить!

Мой доктор нахмурился и сердито сказал:

— Рано ещё! Сколько можно объяснять. Лучше поправляйся побыстрее. Никуда твой браслет от тебя не денется. Наговоришься ещё.

И повернулся, чтобы уйти.

— Но ты хоть просил Люсеньку прийти? Сказал, что мне надо с ней поговорить? — приподнялся я.

Харитон недовольно глянул на меня и проворчал:

— Засмущалась. Не хочет. Вот ведь её угораздило.

И ушёл.

После разговора с Климентием я почувствовал, что непомерный груз, который все эти дни огромной ледяной глыбой сдавливал мне грудь, пропал, словно лёд под жарким солнцем. Я не только вздохнул свободно, но и вспомнил всё до мельчайших подробностей. И даже то, что на время самозащита подсознания вытеснила на задворки моей памяти — нависшую угрозу от приближающейся кометы.

Вспомнил и ужаснулся: сколько времени упущено! Одна надежда на Георгия. Я был уверен, что он не оставит наше дело и доведёт его до конца.

Надо срочно как-то связаться с Георгием.